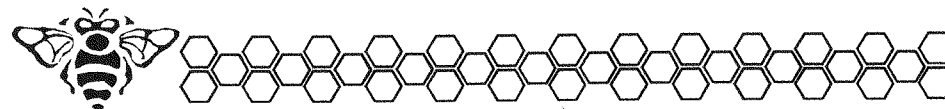

Е. Кареленко

21/01/367

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ

СОСТАВЛЕНИЕ, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ *И. И. ФУЖЕРОН*

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2000

ББК 81.031
К 21

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 99-04-16090

Карцевский С. И.

К 21 Из лингвистического наследия / Сост., вступ. ст. и коммент.
И. И. Фужерон. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 344 с.,
ил., вклейка после с. 192. – (Studia philologica).

ISBN 5-7859-0167-6

В книге собраны работы одного из первых активных членов Пражского лингвистического кружка С. И. Карцевского. Целью издания является освещение научного творчества этого лингвиста, которому в наши дни несправедливо уделяется слишком мало внимания. Многие работы, публикуемые в сборнике, являются недоступными российским ученым.

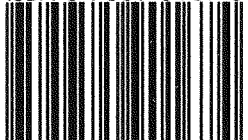
Книга содержит: 1) работы по теории языка; 2) работы по русскому языку двадцатого столетия; 3) рецензии.

ББК 81.031

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0167-6

9 785785 901674 >

© И. И. Фужерон. Составление, вступительная
статья и комментарии, 2000

Bayerische

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (И. И. Фужерон)	7
От составителя	21

I. Работы по теории языка

О формально-грамматическом направлении	25
По поводу одного вопроса морфологии	46
К вопросу о залогах в современном русском литературном языке	53
О структуре русского существительного	59
Бессоюзие и подчинение в русском языке	71
Сравнение	86
Предисловие к книге «Русский язык. Часть I. Грамматика»	94
Повторительный курс русского языка	97
Предисловие	99
Глава I. Наша речь	105
Глава II. Строение фразы	118
Глава III. Строение слова	132
Глава IV. Существительные	149
Глава V. Глаголы	158
Глава VI. Прилагательные	174
Глава VII. Наречия	178
Глава VIII. Служебные слова	181
Глава IX. Звуковое строение речи	186
Глава X. Письмо и орфография	198

II. Работы по лексике русского языка первой четверти XX века

Русский язык и революция	207
Халтура	210
Язык, война и революция	215
Вступление	217
I. Старые и новые слова	219
II. 1905 год	229
III. 1914—1922 годы	237

IV. Сокращения	246
V. Словопроизводство	253
VI. «Язык революции и революция языка»	261
Послесловие	265

III. Рецензии

«Винокур. Культура языка»	269
Родной язык и школа	272
«А. М. Пешковский. Сборник статей»	278
Еще к вопросу об учебниках А. М. Пешковского	281
«А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка»	306
«Charles Bally. Le langage et la vie»	319

IV. Приложение

Материалы заседаний Московской диалектологической комиссии	
Тезисы доклада С. И. Карцевского	
на заседании 7 февраля 1918 г.	325
Протокол 106-го заседания в среду 7 февраля 1918 г.	
в канцелярии Исторического музея	331
Протокол 112-го заседания 17 мая 1918 г.	
в канцелярии Исторического Музея.	334
Список работ С. И. Карцевского	339

Предисловие

СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ КАРЦЕВСКИЙ

В 1956 году в Женеве вышел 14-ый выпуск лингвистического журнала «Cahiers Ferdinand de Saussure», посвященный памяти **Сергея Иосифовича Карцевского**, скончавшегося 7 ноября 1955 г.

Его лингвистическое наследие численно невелико — около шести-десяти статей и рецензий и только две законченные монографии: «Система русского глагола» (Прага, 1927) на французском языке и «Повторительный курс русского языка» (Москва, 1928) по-русски.

В наши дни это имя несправедливо предано забвению, а ведь Карцевский был одним из создателей и первых активных членов Пражского лингвистического кружка. В 1928 г. вместе с Р. Якобсоном и Н. Трубецким С. Карцевский подписывает «манифест», воспроизведённый в Актах I Международного конгресса лингвистов, излагающий важнейшие вопросы теории лингвистики. Этот манифест (подписанный тремя русскими эмигрантами!) явился основой всей лингвистической деятельности в первой половине XX века¹.

С. И. Карцевский родился 28 августа 1884 года в Тобольске. Получив в 1903 г. диплом учителя, он работает два года учителем начальной школы в Нахрачи (Тобольская губерния), а затем директором городской библиотеки в Нижнем Новгороде. Карцевский становится членом социал-революционной партии, и в 1906 г. в Москве его арестовывают за революционную деятельность. После года заключения Карцевскому удаётся бежать из тюрьмы, и он уезжает в Женеву², куда эмигрировало немало русских. В Женеве Карцевский поступает в университет и становится учеником Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ.

¹ Об этом подробнее см. *J. Fontaine. Le Cercle linguistique de Prague. Repère. Mame, Paris, 1974.*

² Мы приводим биографические данные Карцевского по биографической справке Стеллинг-Мишо, опубликованной в 14-м выпуске «Cahiers Ferdinand de Saussure». Genève, 1956.

В 1910—1911 гг. Карцевский пробует себя на литературном поприще, публикуя два рассказа в петербургских журналах³.

В марте 1917 г. Карцевский возвращается в Россию. С этого момента, можно считать, начинается его активная лингвистическая деятельность. В феврале и в мае 1918 г. на заседаниях Московского лингвистического кружка при Московской диалектологической комиссии Академии наук С. И. Карцевский делает доклад, который, как сказано в протоколе заседания, «представлял из себя резюме некоторых глав работы докладчика, написанной на французском языке и озаглавленной „Système du verbe russe“»⁴. В обсуждении принимают участие крупнейшие русские языковеды: Ушаков, Дурново, Пешковский, А. Буслаев и др. Д. Ушаков высоко оценил этот «опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского языка». Он отметил, что в области морфологии исследование С. И. Карцевского если не первый, то один из первых опытов *статического* изучения (изучения одного этапа в жизни русского языка). Карцевский, отвечая в процессе обсуждения на замечания, определял трудность статического (синхронного) изучения тем, что «оно предполагает в изучающем знание и истории, чтобы не отклониться в историческое изучение вопроса»⁵. Доклад и обсуждение его — один из этапов работы Карцевского над докторской диссертацией, которую он будет защищать в Женеве, так как в 1920 г. Карцевский навсегда покидает Россию.

Представляется возможным разделить деятельность Карцевского-лингвиста за рубежом на два этапа.

Первый заканчивается в конце 20-х годов выходом его книги «Повторительный курс русского языка» (1928 г.). В этот период, продолжая научные исследования, в частности работу над диссертацией под руководством Антуана Мейе, Карцевский ведёт большую педагогическую и редакторскую деятельность. С 1920 г. он преподаёт русский язык в университете Страсбурга.

³ М. Горький предлагает Карцевскому участвовать в журнале «Сборник товарищества „Знание“», где в 1910 г. Карцевский публикует рассказ «Ямкарка»; в 1911 г. в № 11 журнала «Новое слово» (приложение газеты «Биржевые ведомости») напечатан рассказ Карцевского «Колька», за который он получает премию журнала.

⁴ См. Приложение, с. 325.

⁵ Цитируется по протоколу заседания Московской диалектологической комиссии (Архив Института русского языка, фонд № 20), Приложение, с. 332.

В 1921—1922 гг. Карцевский публикует в русской парижской прессе две статьи об изменении лексики русского языка под влиянием социально-политических событий начала века. Первая из них — «Русский язык и революция»⁶. Это отзыв на работу французского слависта Андре Мазона «Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918)» [«Лексика войны и эпохи революции в России»], отзыв, который сочетается с личными наблюдениями автора статьи над русской лексикой. Идеи этой статьи получили своё развитие в работе «Язык, война и революция», вышедшей в Берлине в 1922 г. и затем, в переработанном варианте, отдельной брошюрой в 1923 г. Подробно разбирая процессы, происходящие в русской лексике в первой четверти XX века, Карцевский приходит к выводу, что если революция повлияла на язык, то всё-таки не приходится говорить о революции в нем, потому что «все процессы, наблюдаемые в русском языке, являются нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом»⁷.

Во второй статье, озаглавленной «Халтура»⁸, Карцевский с болью и сарказмом говорит о том, как язык отреагировал на «переосмысление», «переоценку», которым подверглись во всей России понятия *трудо*, *работы*, как язык заклеил «развенчанный, опозоренный, ошельмованный труд» словом *халтура*.

В 1923 г. Карцевский переезжает в Прагу, где, педагог по призванию, он создаёт и редактирует журнал «Русская школа за рубежом». Журнал просуществовал шесть лет и пользовался успехом в русских школах за границей. Наряду с обсуждением школьных программ и учебников, Карцевский публикует здесь ряд своих статей на русском языке, как методологического, так и лингвистического плана: «Родной язык и школа», «Новая орфография» (1923 г.); «О формально-грамматическом направлении» (1925 г.). В последней статье Карцевский предупреждает об опасности догматического подхода к формально-грамматическому направлению в преподавании русского языка. Нельзя расправляться с живым языком, загоняя его в узкие рамки формы. Карцевский ставит в упрек сторонникам формально-грамматического направления использование терминов без уточнения их значения, не оговаривая, в каких отношениях обозначаемые явления находятся друг с другом. Противопоставляя формалистам свой взгляд на вещи,

⁶ «Общее дело». № 208 от 8/II 1921, Париж.

⁷ С. И. Карцевский. Язык, война и революция. С. 264.

⁸ «Последние новости». № 553, от 3/II 1922, Париж.

Карцевский определяет *слово* «как потенциальный член фразы, как бы часть, выпавшую из фразового механизма»⁹. В этой статье Карцевский впервые излагает мысли, которые нашли свое развитие в других работах, в частности в изданной на русском языке в том же году в Праге «Грамматике». В предисловии Карцевский ещё раз подчеркивает, что он не сторонник формально-грамматического направления, что он идёт по пути Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэшеэ и А. А. Шахматова¹⁰. Он повторяет, что трудность, по словам автора, состоит в том, чтобы осветить лингвистические проблемы с точки зрения статической (синхронии), стараясь не отклоняться в историю языка для объяснения фактов современного его состояния. В русском языкознании в этом направлении предшественников у автора не было, а труды представителей Женевской лингвистической школы, которая закладывала основы этого метода, ещё не были известны в России.

«Грамматика» легла в основу «Повторительного курса русского языка», вышедшего в Москве в 1928 г. В предисловии к этой работе Пешковский отмечает «глубокую продуманность содержания, доведенную до изящества строгость и цельность проводимой системы». По словам Карцевского, это элементарное введение в науку о языке. Цель автора показать, что язык есть «социальное установление»¹¹, и продемонстрировать его «логико-психологический механизм»¹². Проблемы общего языкознания автор сочетает с изложением системы русского языка. Карцевский критикует сторонников формально-грамматического направления за то, что они начинают изложение грамматики с представления фонетической системы языка. Он строит свой курс совсем иначе. После изложения общелингвистических вопросов Карцевский переходит к построению фразы и относит вопросы фонетики в самый конец курса, считая, что «звуковая различительная единица — фонема — является дифференциальным знаком последней степени. (...) Он вводит из языка в физиологию звуков и акустику»¹³. Карцевский как бы отмежевывается от Н. С. Трубецкого и Р. И. Якобсона, оставляя им фонологию и фонетику и концентрируя своё внимание на морфоло-

⁹ С. И. Карцевский. О формально-грамматическом направлении. См. с. 30.

¹⁰ В 1927 году в журнале «Slavia» Карцевский печатает положительную рецензию на «Синтаксис современного русского языка» А. А. Шахматова.

¹¹ С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. С. 101.

¹² Там же. С. 103.

¹³ Там же.

гии. В статье «По поводу одного вопроса морфологии» Карцевский пишет: «Князь Н. С. Трубецкой и Р. И. Якобсон показали крайнюю сложность понятия *фонемы* как переплетения отношений, регулирующих „жизнь“ звуковой стороны языка. Но насколько же сложнее понятие *морфемы*, если рассматривать его в динамике»¹⁴. Краеугольным камнем лингвистики Карцевский считает *фразу*. С понятием фразы и её функционированием неразрывно связана *интонация*. Карцевский считает бесспорной заслугой Пешковского его наблюдения над интонацией фразы и её частей. Он постоянно уделяет большое внимание интонации. И даже если с точки зрения сегодняшних достижений в области исследований ударения, интонации и акцентуации фразы замечания Карцевского не всегда соответствуют истине (например, его замечания о том, что русское словесное ударение выражается интенсивностью или что фразовое ударение произносится с наибольшей силой¹⁵), его безусловной заслугой является сама постановка этих вопросов и попытка их разрешения.

Разделяя речь на практическую и теоретическую, Карцевский отмечает их формальные отличия: первая, как правило, имеет форму диалога и использует неполные фразы, вторая пользуется средствами «языка интеллектуального» и состоит из полных фраз, ясных, правильно построенных, бесстрастно излагающих ход мысли.

Важное место в лингвистической теории Карцевского занимает понятие синтагмы и синтагматических отношений. В учении о синтагме Карцевский исходит из её понимания Женевской школой (Ф. де Соссюр, Ш. Балли). Это всякое парное сочетание, члены которого относятся друг к другу как определяемое (Т) и определяющее (Т'). Это понимание позволяет Карцевскому рассматривать производные и сложные слова как *внутренние синтагмы* (дом-ик: Т-Т'), считая *внешними синтагмами* сочетания, где отношения между определяемым и определяющим выражены целыми словами, а не их частями (маленький [Т'] дом [Т]). Синтагмы становятся предикативными, когда отношения между словами определяются присутствием говорящего лица. Особенность предикативной синтагмы в том, что она выражает законченную мысль и готова «в любой момент играть роль фразы»¹⁶. Идя дальше своих учителей, Карцевский определяет подлежащее как «Т абсолют-

¹⁴ С. И. Карцевский. По поводу одного вопроса морфологии. С. 52.

¹⁵ С. И. Карцевский. Повторительный курс русского языка. С. 106.

¹⁶ С. И. Карцевский. О формально-грамматическом направлении. С. 32.

ное»; это слово, которое не может служить определяющим (Г') ни одному из слов предложения.

В главе «Строение слова» появляется термин «скрытая синтагма», связанный со сдвигом формальных и семантических значений слов и их переносным употреблением. Формальный сдвиг может быть проиллюстрирован субстантивацией прилагательного (например, поговорка «сытый голодного не разумеет»); примером семантической транспозиции могут служить смысловые различия слова *стакан* в предложениях «Дай мне стакан чая» и «Я разбила стакан». От этого явления Карцевский переходит к *лексикализации*, когда слово и даже целое выражение теряет свою синтагматическую структуру, а затем и морфологическую. Такой процесс затрагивает как внутреннюю синтагму (*опахало, отнять*, где выделение морфем становится затруднительным), так и внешнюю синтагму (*шут гороховый, гусь лапчатый*, где прилагательное нельзя ни отнять, ни заменить другим: оба слова представляют единый смысл).

К несинтагматическим Карцевский относит отношения между частями фразы, определяя их как равноценные (сочинение), неравноценные (подчинение) и разнородные (органически с фразой не связанные — вводные).

Различия в формальных значениях слов на более низком по отношению к фразе уровне лежат в основе деления на части речи, среди которых выделяются главные (существительное и глагол) и второстепенные (прилагательное, наречие).

В этой работе обращает на себя внимание и тот факт, что наряду с литературными примерами Карцевский приводит богатейший материал, взятый из живой разговорной речи. Сегодня ряд его примеров позволяет нам судить об изменениях, которые произошли в русском языке с тех пор. «Повторительный курс русского языка» заканчивает первый период деятельности учёного.

С конца 20-х годов намечается ряд тем, которые до последних дней жизни будут в центре исследований Карцевского. Следует заметить, что его творческая мысль развивается по спирали: каждая последующая работа является развитием и углублением мыслей, идей, высказанных в предыдущей. Второй период знаменуется работами исключительно на французском языке.

В мае 1927 г. в Праге отдельной книгой выходит «Система русского глагола. Опыт синхронной лингвистики», работа, которую Карцевский защищает как докторскую диссертацию при Женевском университете. «Эта работа,— пишет Карцевский во введении,— шестилетней

давности. (...) Шесть лет назад автор был ведом неясной интуицией, двигался на ощупь (...) в своих исследованиях. Теперь прежние предположения перешли в уверенность, и то, что было лишь неуловимой интуицией, начинает уточняться, и уже возможно хотя бы в общих чертах сформулировать это в терминах логического функционирования»¹⁷. Во вступительной главе автор даёт общее представление своего взгляда на язык как на семиологическую систему. Карцевский считает необходимым предварить изучение глагола вступлением, излагающим некоторые общие положения о речи. Он стремится выявить из общей, на первый взгляд неясной массы конкретных фактов свой взгляд на теорию речи (*théorie du langage*) «как она представляется ему в ракурсе его родного языка»¹⁸. Это вступление Карцевский считает необходимым, т. к. «в системе всё взаимосвязано, и невозможно хорошо понять глагол, не имея в то же время достаточно ясного представления о том ансамбле, который его окружает и в котором он сам является лишь одним из функциональных элементов»¹⁹.

Работа о русском глаголе написана в традициях женевской лингвистической школы. И как всегда у Карцевского, изучение вопросов его родного языка является вместе с тем изучением проблем общего языкознания.

Карцевский первый рассматривает глагол как систему в синхронии. Он, вслед за Н. Дурново, критикует классификацию глагола Leskin-Boyer, где смешиваются элементы синхронии и диахронии. Твёрдо отстаиваясь на позициях статического анализа, Карцевский выдвигает новый принцип классификации глагола, основанный на критерии *продуктивности*. На основе форм инфинитива и 3-го лица мн. ч. Карцевский выделяет 5 продуктивных классов, расположенных по восходящей степени сложности и продуктивности²⁰.

Изучение внутренней и внешней синтагматики глагола занимает в исследовании важное место. Разбирая классификацию глагола, Карцевский приходит к выводу, что между продуктивными и непродуктивными классами не существует непреодолимой пропасти, т. к. энергия продуктивности неодинакова у всех формант и язык в целом представляет собой систему центров семиологического излучения.

¹⁷ S. Karcevski. «Le système du verbe russe. Avant-propos» [Система русского глагола. Прага, 1927. Предисловие] (Париж, 1999. С. 21—46).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее см. Приложение: Заседание 7 февраля 1918. С. 326.

Предвосхищая многих ученых (в частности, Ch. Corbet—1957, Ch.-J. Veugens—1980), Карцевский вносит несомненно новое в изучение синтаксической роли глагольного префикса.

Карцевский первый в 1927 году (а если учесть, что он считает работу шестилетней давности, то уже в 1921 году!) связывает префиксацию с переходностью: «Теоретически, любой непроизводный глагол (*verbe fondamental*) становится переходным с прибавлением приставки»²¹. Так, непереходный глагол *верить* путём префиксации даёт переходные *уверить*, *проверить*, *заверить*, *доверить*, *сверить*.

Карцевский развивает идею «синтагматической формулы» приставочного глагола; так, глагол *проиграть* он толкует как 'потерять, лишиться (определяемое Т) путём игры' (определяющее Т'). Таким образом значение непроизводного глагола (*играть*) выступает не в качестве самого действия, а в качестве способа, образа действия.

Безусловно новаторским явилось введение понятия «производной цепи»: «Видовое значение глагола зависит от места, которое он занимает в отглагольной производной цепи. (...) Эта цепь представляется следующим образом: *играть* /нсв/ > *вы-играть* /св/ > *выигр-ывать* /нсв/ > *на-выигрывать* /св/»²². Эта цепь вытекает непосредственно из понятия системы, т. к. именно место, занимаемое в цепи, сообщает производному глаголу его видовое значение. В отношениях непосредственной производности могут быть только звенья, находящиеся в непосредственном соседстве. Так, глагол несовершенного вида *при-касаться* нельзя считать непосредственно образованным путём префиксации от *касаться*, поскольку тогда он должен был бы быть совершенного вида. В словообразовательной цепи эти два глагола не являются соседствующими звеньями: *касаться* > *коснуться* > *прикоснуться* > *прикасаться*; они находятся на разных концах цепи.

«Le système du verbe russe» представляется как новаторский труд. Можно только сожалеть, что он до сих пор ни разу не был ни переиздан, ни переведен. Чтобы хоть как-то восполнить этот пробел, мы публикуем на этих страницах две работы, до сих пор не издававшиеся в России.

В архиве С. Карцевского, который семья учёного передала в 1957 году в Институт русского языка Академии наук СССР (фонд № 16), находится небольшая работа, по всей вероятности незаконченная, единст-

²¹ S. Karcevski. Le système du verbe russe. P. 87.

²² Там же. С. 93.

венная в архиве написанная по-русски (весь остальной архив на французском языке). Эта работа о залоге русского глагола. Она не датирована, но по одной из сносок²³ можно предположить, что работа относится к 1926—27 гг. Однако если учесть, что статья написана по-русски и что сам Карцевский в 1927 г. пишет о том, что его книга «Система русского глагола» шестилетней давности, следует, может быть, отнести статью «К вопросу о залогах в современном русском литературном языке»²⁴ к самому началу 20-х годов. Считая, что взгляды Карцевского в этой области представляют безусловный интерес, мы предлагаем на этих страницах её первую публикацию.

К вопросу о глаголе Карцевский вернётся и в начале тридцатых годов в статье «По поводу одного вопроса морфологии» («A propos d'un problème de morphologie»), где он разрабатывает и углубляет понятие продуктивности и непродуктивности. Мы предлагаем читателю перевод этой статьи, который, насколько нам известно, является её первой публикацией в России.

В 1929 году в первом номере «Travaux du cercle linguistique de Prague» (TCLP) [«Труды Пражского лингвистического кружка»] выходит статья Карцевского «Du dualisme asymétrique du signe linguistique» («Об асимметрической двойственности лингвистического знака»). Идея о двойственности лингвистического знака проходит через все работы второго периода. В этой статье ставится под вопрос статус, сущность языкового знака. Язык — это семиологический механизм, который колеблется между общим и частным, между абстрактным и конкретным. Ни один лингвистический знак не может быть определён только противопоставлением. Он требует установления одновременно сходства и различия. Основная идея Карцевского в том, что любой лингвистический знак имеет потенциальную возможность быть синонимичным и омонимичным. Он образуется на пересечении двух соотносительных координат, которыми являются синонимия и омонимия. Передвижение знака по синонимической или по омонимической прямой может быть если не предсказано, то по крайней мере зафиксировано. Однако в силу семантических сдвигов невозможно с точностью предвидеть, куда направится знак. Определяющее (звуковая форма) и определяемое (функция) постоянно скользят по «наклонной реальности». Каждый выходит за отведённые ему границы: определяющее ищет других

²³ См. с. 57, сн. 8.

²⁴ ИРЯ. РАН, ф. № 16, папка 01, подшивка 14, л. 113—115. См. с. 53.

функций, а определяемое ищет других способов выражения. Они асимметричны: спаренные, они находятся в состоянии неустойчивого равновесия²⁵.

Опираясь на принцип асимметричной двойственности, Карцевский показал, насколько сложны отношения между определяющим и определяемым, в единстве которых скрыт вместе с тем глубокий внутренний конфликт. Он считает неустойчивость языкового знака движущей силой в эволюции лингвистической системы. Именно конфликт между знаком арбитральным и мотивированным приведёт Карцевского к анализу междометий²⁶, которые, по его мнению, неизбежно связаны с этим вопросом.

Эти годы отмечены глубоким интересом Карцевского к проблеме фразы и предложения. В 1931 году в №4 *TCLP* выходит его статья «Sur la phonologie de la phrase» [«О фонологии фразы»] — важный этап в изучении фразы как коммуникативной единицы, её функционирования, членения и интонационной реализации.

А. М. Пешковский был одним из первых русских лингвистов, кто ввел проблемы интонации в изучение синтаксиса предложения. Карцевский идёт дальше. Он разграничивает фразу и предложение. Последнее — это лишь грамматическая структура. Фраза может не иметь её. По мнению Карцевского, «фраза не имеет ничего общего с грамматикой. (...) Это актуализованная единица сообщения. (...) Она имеет свою особую звуковую структуру — это её интонация. Именно интонация делает фразу»²⁷. Мысли об отличии фразы от предложения Карцевский развивает и в статье 1937 г. «Phrase et proposition» («Фраза и предложение») ²⁸ и в статье «Sur la parataxe et la syntaxe en russe» («О паратаксисе и синтаксисе русского языка») ²⁹. Фраза есть функция диалога. Даже внутренняя речь, по мнению автора, диалогизирована. Основываясь на принципе асимметричной двойственности, Карцев-

²⁵ S. Karcevski. Du dualisme asymétrique du signe linguistique // *TCLP*. 1929. T. I. P. 93 (Париж, 1999. С. 7).

²⁶ S. Karcevski. Introduction à l'étude de l'interjection // *CFS*. T. I. Genève, 1941. P. 57—75 (Париж, 1999 С. 175—188).

²⁷ S. Karcevski. Sur la phonologie de la phrase // *TCLP*. 1931. T. 4. P. 189—190 (Париж, 1999. С. 87—124).

²⁸ S. Karcevski. Phrase et proposition. *Mélanges J. van Ginneken*. Paris, 1937. P. 58—66 (Париж, 1999. С. 127—134).

²⁹ S. Karcevski. Sur la parataxe et la syntaxe en russe // *CFS*. T. VII. Genève, 1948. P. 33—38 (Париж, 1999. С. 239—243).

ский показывает, что фраза асимметрична предложению, хотя и скрещивается с ним, образуя лингвистический знак, который может быть и фразой и предложением. В одном случае перед нами синонимичный ряд — разные синтаксические структуры могут иметь одно фразовое значение: *Молчи! Молчать! Молчание!*

В другом случае одна и та же по грамматическому оформлению единица, наделённая разными типами интонации, может быть выражением разных фраз: *Он здесь. Он здесь? Он здесь!*

В статье «Sur la phonologie de la phrase» Карцевский даёт последовательное описание релевантных элементов интонации русской фразы и её функций. С просодической точки зрения фраза — это напряжение, распределённое на одной линии. Оно может быть лишь *однонаправленным*, так как прогрессивный характер интонации не позволяет возвращения назад.

Задолго до разработки в советском языкознании вопроса об актуальном членении Карцевский фактически даёт анализ этого явления, говоря о выделении *членов фразы* (*membres de la phrase*), которые не имеют ничего общего с выделением подлежащего и сказуемого и каждый из которых характеризуется определённой интонационной кривой. Мелодическая кривая фразы делится на отрезки двух направлений: *антикаденция* — интонация восходящая, напряжённая (*tendue*), вызывающая и поддерживающая внимание собеседника (интонация темы в сегодняшней терминологии), и *каденция* — интонация нисходящая, расслабляющая, успокаивающая (*relâchée*), (интонация ремы). Прогрессивный характер интонации обуславливает тот факт, что изменения в первой части интонационной кривой предвещают явления в последующей части. Оппозиция, в которой находятся члены фразы, позволяет расположить соответствующие смысловые единицы по степени их важности.

Разбирая вопрос о связи между членами фразы, Карцевский разрабатывает сложную систему дифференциальных отношений, когда определённым отношениям соответствует определённый тип интонации. Так отношениям «контрастирующее равенство» (*égalité contrastante*), когда вторая часть фразы является «зеркальным» отражением первой, соответствует интонация *симметрии*, например: *Пройдёт дождь || пойдём гулять*. Отношениям сходства (*série ouverte d'identité*) соответствует интонация *тождественности*, она проявляется при перечислении: *Мелькают мимо будки | бабы | мальчишки | лавки | фонари | ...* Отношения градации (*série ouverte d'inégalité*) связаны с одноимённой

интонацией градации. Она наблюдается в тех случаях, когда мелодическая кривая фразы подразделяется на серию однонаправленных отрезков, аналогичных по рисунку, каждый из которых служит для нагнетания напряжения на пути к каденции. Например: *Я не понимаю | как вы | с вашей добротой | можете так поступать || и ещё хвалиться этим.* Четвёртый тип интонации соответствует отношениям контрастирующей нетождественности (*contraste par inégalité*). Это интонация асимметрии. Карцевский называет её так же *нейтральной* и считает её роль во фразе очень важной: оформляя вторую из двух смежных смысловых единиц, эта интонация позволяет выделить первую, какова бы ни была её интонация, напр.: *Стоило только захотеть | казалось мне тогда | чтобы всё пошло по-другому*³⁰.

На основе действия принципа асимметрической двойственности Карцевский наделяет интонацию статусом лингвистического знака, показывая, что один и тот же интонационный тип (например, интонация напряжения) может накладываться на различные синтаксические структуры и иметь не однозначное употребление, точно так же как одна и та же форма (например, императив) может служить базой для различных типов интонации, например: а) *Ударь!*; б) *Только вошли цветы, а мороз и ударь.*

В этой же столь многогранной и ёмкой статье Карцевский ставит вопрос о четырёх планах языка: фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексикологическом, который Карцевский считает самым высшим. К этому плану относится фраза. Эти четыре плана находятся в тесной связи один с другим. Они «вмещают» друг друга. Лексикологический накладывается на все предыдущие. Языковое явление, по мнению Карцевского, может быть понято до конца, только если его рассматривать последовательно сквозь призму всех четырёх планов. Примером такого анализа может быть *слово*. В фонологическом плане это лишь последовательность тембров, в морфологическом — это последовательность морфем, одни из которых имеют конкретное, семантическое значение, другие — грамматическое, формальное. Через синтагматику (первый раздел синтаксического плана) происходит интеграция формальных значений и отнесение слова к одной из частей речи, синтагматические отношения «проникают» в слово, чтобы организовать его. В лексикологическом плане слово вовлекается во

³⁰ S. Karcevski. Sur la phonologie de la phrase. P. 210—219 (Париж, 1999. С. 106—116).

фразу и перестаёт быть самостоятельной единицей, вливаясь в блоки, из которых составляются члены фразы³¹.

Ещё один вопрос затрагивает Карцевский в этой статье: проблема сложной фразы, её структуры и отношения между её частями. Карцевский, как и А. М. Пешковский, считает, что в основе различия между сочинением и подчинением лежит обратимый (в случае сочинения) и необратимый (в случае подчинения) характер связей.

В конце 30-х — начале 40-х годов Карцевский пишет ряд работ о сложной фразе. Он считает, что коррелятом подчинения является не сочинение, а бессоюзие, которое, по его мнению, возникло в языке прежде всего. Подчинение можно рассматривать как эксплицитное выражение отношений, заложенных в бессоюзной фразе. Следовательно, бессоюзие и подчинение составляют синонимичный ряд, а бессоюзие и сочинение строят омонимичный ряд³². Эти идеи получают своё развитие в работе, датированной 1942 годом, «*Asyndète et subordination*» («Бессоюзие и подчинение в русском языке»)³³.

Продолжая свою мысль о том, что фраза — это функция диалога, Карцевский устанавливает зависимость между типом связи частей в сложной фразе и формой диалога. Диалог, построенный на вопросно-ответной системе, лежит в основе подчинения; диалог, состоящий из реплик, которыми обмениваются собеседники, является базой, на которой возникает сочинение.

Изучение структуры сложной фразы привело Карцевского к вопросу о выражении связей между частями, к союзам. Сочинительные союзы восходят к восклицаниям и междометиям³⁴. Они, по мнению Карцевского, делятся на *внутренние* и *внешние*. Употреблённые как внеш-

³¹ Там же. С. 223—224 (Париж, 1999. С. 121—122).

³² S. Karcevski. Deux propositions dans une seule phrase // CFS. 1956. Т. 14. P. 36—52 (Париж, 1999. С. 195—209).

³³ Рукопись статьи «*Asyndète et subordination en russe*» хранится в архиве С. И. Карцевского в Институте русского языка РАН. (ф. № 16, папка 15, подшивка 05, л. 32—43). Статья была впервые опубликована в переводе на русский язык в журнале «Вопросы языкознания» № 2 за 1961 г. Перевод выполнен Е. А. Иванчиковой, публикация подготовлена Н. С. Поспеловым. Первая публикация оригинального текста на французском языке предпринята Парижским лингвистическим обществом в Париже в сборнике: Serge Karcevsky: *Inédits et introuvables*, Collection linguistique. Paris: Peeters, 2000 (p. 217—237).

³⁴ См. «Introduction à l'étude de l'interjection» [«Введение в изучение междометий»] // CFS. Т. I. Genève, 1941. P. 57—75 (Париж, 1999. С. 175 и далее); «De l'excla-

ние, союзы являются чем-то вроде ключа к фразе, определяющего её тональность. При подчинении связь между частями обеспечивается местоименно-наречной системой: в главном предложении наличие указательного местоимения или наречия (серия *t*: *тот, та, тогда* и т. д.), в придаточном — присутствие относительного местоимения или наречия (серия *k*: *кто, который, когда* и т. д.). Карцевский выделяет три типа подчинения в соответствии с одной из трёх возможных формул: *t/k* — порядок следования частей нейтральный; *-/k* — отсутствие *t*, аппозитивный характер присоединения второй части; *k/t* — связь между частями наиболее тесная, употребление в эмоциональном контексте³⁵.

Трудно на нескольких страницах представить немноготомное, но такое многогранное лингвистическое наследие С. И. Карцевского. В статье «De la structure du substantif russe» («О структуре русского существительного») 1932 года он пишет, что работает над «Структурной грамматикой русского языка». Может быть, «Повторительный курс русского языка» явился в какой-то мере «абстрактом» этого труда?.. Р. И. Якобсон в своей статье-некрологе³⁶ замечает, что опубликованные статьи С. И. Карцевского являются «прекрасными заготовками» для этой работы.

В архиве Института русского языка находится немало почти законченных статей, которые могли бы быть частью этой «Грамматики».

Хочется надеяться, что работы, вошедшие в настоящую книгу, вызовут интерес к забытым страницам и повлекут за собой издания трудов, ни разу не опубликованных на родине автора.

И. И. Фужерон

Доктор филологических наук, профессор
Университета им. Шарля Де Голля, Лилль-3,
научная группа 7018 при C.N.R.S.—Франция

mation à la conjonction» («От восклицания к союзу») // Архив ИРЯ РАН, ф. № 16, папка 01, подшивка 11, л. 71—88 (Париж, 1999. С. 137—174).

³⁵ S. Karcevski. Deux propositions dans une seule phrase; Sur la parataxe et la syntaxe en russe.

³⁶ CFS. 1956. Т. XIV. Р. 3 и далее (Париж, 1999. С. XIX—XXII).

От составителя

В предлагаемой читателю книге мы имеем дело с материалами двух типов: работы, уже однажды опубликованные, и еще не изданные рукописи (статья «К вопросу о залогах в современном русском языке» и протоколы заседаний Московской диалектологической комиссии, в Приложении).

Вошедшие в настоящую книгу работы Сергея Иосифовича Карцевского были опубликованы при жизни автора и больше не переиздавались. Только книга «Язык, война и революция» (Париж, 1922) была переиздана в 1923 году в Берлине, исправленная и дополненная. Это второе издание мы и воспроизводим.

Русский архив С. И. Карцевского, вероятно, не сохранился, во всяком случае наши поиски его не увенчались успехом. Поэтому, располагая прижизненными изданиями, правку которых, как можно предположить, делал сам автор, мы воспроизводим их с максимальной точностью (иногда вплоть до имеющихся в текстах сокращений). Этому же принципу мы придерживались и при публикации рукописей протоколов заседаний Московской диалектологической комиссии.

Статьи «Русский язык и революция» и «Халтура» и книга «Язык, война и революция» вышли в первом издании в старой орфографии. Так же записаны и протоколы заседаний Московской диалектологической комиссии. Мы сочли возможным, учитывая обратимый характер орфографического знака и с целью придания единства внешнему виду текстов, заменить старую орфографию новой. Однако мы посчитали необходимым максимально сохранить авторские знаки препинания, даже если они не всегда соответствуют сегодняшним нормам. Нами руководили два принципа: во-первых, за отсутствием архивных материалов, наиболее точное воспроизведение прижизненного издания приближает нас к «лаборатории» учёного; во-вторых, эти знаки могут передать некоторые просодические особенности, которые уточняют мысль автора и не всегда могут передаваться нормативными синтаксическими средствами. Так, мы сохранили знаки «.—» и «:—», отсутствующие сегодня в русском языке и употребляемые Карцевским в текстах, написанных как на русском языке, так и на французском, при переходе к новому периоду, часто вместо выделения подразделов. Замена этих знаков привела бы к изменению синтаксической организации текста.

Рукопись небольшой статьи «К вопросу о залогах в современном русском языке», обнаруженная нами во «французском» архиве Карцевского, хранящемся в Институте русского языка РАН, написана почти целиком в новой орфографии. Только в самом конце статьи появляются знаки орфографии старой. В дорефор-

менной системе представлены и фигурирующие на обратной стороне последнего листа заметки со ссылками на лингвистические труды. Можно предположить, что всё, что было обдумано и приготовлено для печати, выполнено в новой орфографии. В заметках «для себя» и в тексте, над которым автор еще размышлял, появляются знаки старой орфографии как более привычной для Карцевского. Воспроизводя рукопись, мы сочли себя не вправе вносить какие бы то ни было изменения. То, что может показаться на первый взгляд отсутствием единства, является лишь нашей верностью авторской рукописи.

«Повторительный курс русского языка» печатается точно в том виде, в каком он вышел в 1928 г., включая предисловие А. М. Пешковского.

Несколько слов об истории одной статьи.

В 1927 г. в журнале «Русская школа за рубежом» (№ 24), издаваемом в Праге, С. И. Карцевским была опубликована рецензия на книгу А. М. Пешковского «Наш язык». Через год, в 1928 г., в первом номере вновь созданного журнала «Родной язык и литература в трудовой школе» в издательстве «Работник просвещения» вышла статья Карцевского, озаглавленная «Еще раз об учебниках Пешковского». Эта статья является более полным, более развернутым вариантом первой. Судя по примечанию редакции журнала «Родной язык и литература...» статья Карцевского перешла к ним из портфеля журнала «Родной язык в школе», где она пролежала около года. Вероятно, передав рецензию в советский журнал и не будучи уверенным в том, что ее напечатают, Карцевский опубликовал в Праге сокращённый вариант. Полный вариант хотя и с запозданием, но все-таки увидел свет; его мы и воспроизводим в предлагаемой публикации. Добавим, что редактором отдела языка в журнале «Родной язык и литература в трудовой школе» был в это время А. М. Пешковский.

В заключение я хочу выразить глубокую благодарность Институту русского языка, и в частности его директору А. М. Молдовану, за предоставленную возможность ознакомиться с архивом С. И. Карцевского и за разрешение опубликовать некоторые из его материалов, М. Н. Григорян за её советы и внимание, Т. М. Николаевой, В. С. Ефимовой и Жану Брейару за их помощь и поддержку и Жилю за то, что он всегда рядом.

И. И. Фужерон

I

РАБОТЫ ПО ТЕОРИИ ЯЗЫКА

О ФОРМАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

I

Наиболее видные современные русские грамматисты—А. М. Пешковский, Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон—являются сторонниками формально-грамматического направления и прямо или косвенно учениками Филиппа Федоровича Фортунатова. Они и их последователи вырабатывают новые программы по родному языку¹, составляют новые учебники (напр., Пешковский «Наш язык», вып. 1 и 2; Дурново «Повторительный курс грамматики русск. языка», вып. 1; В. Гиппиус «Синтаксис» и т. д.) или старые переделывают на новый лад (напр. Ушаков переработал «Этимологию» и «Синтаксис» Петрова, а Гусев и Сидоров подновили свой «Синтаксис»); ими же разрабатываются как теоретические вопросы грамматики, так и методические проблемы преподавания родного языка. В печати и на съездах усиленно обсуждаются вопросы преподавания в школе в духе формально-грамматическом. Словом, ко дню десятилетней годовщины (20.X.1924) со смерти Ф. Ф. Фортунатова его школа празднует победу на всех фронтах.

Но есть и теневые стороны у этого торжества.

Научное течение стало модным. Более того,—оно взято под высокое покровительство Главного Управления военно-учебных заведений, которое особым циркуляром предложило назначать «главруками» по родному языку исключительно сторонников формально-грамматической точки зрения. Трудно переучиваться в зрелые годы, да еще на полном ходу школьной работы, да к тому же в условиях российской действительности². Под административным давлением грам-

---

¹ Программы *МОНО*, см. «Русск. школа за рубежом» № 2—3. Прага, 1923. Программы *Комиссариата Просвещения*, см. «Родной язык в школе 1-ой ступени». М., 1921. Госуд. изд-во.— Мы попытались дать синтез обеих программ в № 6 «Бюллетень Педагог. Бюро», стр. 25—33. Прага, 1924.

² Ср. В. А. Розенберг. *Трагедия сельского учителя* в № 10—11 «Русской школы за рубежом».

матический формализм рискует превратиться в своего рода защитный цвет для несчастных «шкрабов».

Официально исповедуемая истина создает апологетов и нуждается в охранителях. «Формально-грамматическая точка зрения — пишет г. А. Павлович³ — должна быть проведена строго и выдержанно; должно объявить самую непримиримую войну всем недоговоренностям, окончательно поставить точки над „и“ (что же это за орфография получится?! — С. К.) и все явления живой речи привести в систему (со всем по Ленину! — С. К.) четкую и ясную, построенную на принятом формальном базисе». — Подобное усердие не по разуму понятно у неофитов, озарившихся светом истины, но проявления его наводят на грустные размышления. Формально-грамматическое направление, сыгравшее такую огромную роль в русской науке и педагогике, не находится ли уже оно накануне своего превращения в официальную истину, отступление от которой будет преследоваться и караться?

Но есть и еще одна опасность, наигоршая всех, хотя, пожалуй, неизбежная для всякой истины, ставшей всеобщим достоянием. Это упрощенное, вульгарное понимание учения. Так уже обстоит и с формально-грамматическим направлением, как об этом свидетельствуют некоторые страницы сборников «Родной язык в школе», авторы которых расправляются с живым языком по рецепту г. А. Павловича. А в учениях формалистов есть пункты, и самые основные, которые легко поддаются вульгарному упрощению, что ведет за собою механический подход к явлениям языка.

Вот почему нам кажется, что настоящий момент, совпадающий с годовщиной смерти великого ученого, как нельзя лучше подходит для критического рассмотрения основных положений формальной школы. *Amicus Plato, sed magis amica veritas!* и наши друзья-противники из лагеря формалистов поймут, какие побуждения руководят нами. — В настоящей статье мы намерены изложить учение о «форме», — основной камень, на котором базируется формальная школа, а также некоторые вытекающие из этого учения выводы. Нам трудно ограничиться одними критическими замечаниями, т. к. наши исходные точки слишком противоположны. Поэтому мы воспользуемся этим случаем, чтобы изложить, хотя и без всяких претензий на полноту, наше понимание явлений языка и вытекающие отсюда важнейшие выводы.

На выработку наших лингвистических взглядов оказали сильное влияние лекции и труды наших учителей F. de Saussure'a, Ch. Bally, а

³ «Родной язык в школе», кн. 1-ая, стр. 11.

также и A. Meillet, — методологические идеи которых еще мало известны в России даже в ученых кругах. Неожиданным и радостным событием было для нас ознакомление, несколько месяцев тому назад, с последними работами А. А. Шахматова по русскому синтаксису в изложении С. И. Бернштейна⁴. Знаменитый ученый в последние годы отдался от фортуноватовской школы, и выводы, к которым он пришел, во всем существенном совпадают с нашими выводами⁵. В этом совпадении мы видим авторитетное подтверждение правильности нашей точки зрения.

Мы сознаем, что критика научного направления, которое после упорной борьбы наконец стало овладевать умами учителей, грозит еще более усилить ту сумятицу, что царит во многих головах, но... — и другого оправдания у нас нет: — истина прежде всего. А главнейшие выводы формалистов находятся, на наш взгляд, в противоречии с научной истиной. Кроме того, наш метод свободен от всякой догматики, это метод интроспекции, т. е. самонаблюдения, наблюдения над процессами собственной речи, а потому доступен проверке со стороны каждого, для кого русский язык является родным языком. На этот раз нам придется мало говорить о чисто педагогических вопросах, но не нужно забывать двух вещей: во-первых, методика преподавания каждого предмета стоит в теснейшей связи с методологией соответствующей науки⁶, а во-вторых, каждый педагог, что бы он ни преподавал, должен, даже обязан быть знаком с механизмом речи, с основами науки о языке, ибо слово, речь, язык — это орудие его общения с учениками.

II

Отправной пункт теории формалистов это учение Фортунатова о форме. В интерпретации Пешковского, признаваемой всеми сторонниками московской школы, учение это гласит следующее: «Форма

⁴ Известия Отд. р. яз. и слов. Академии наук, т. XXV. Пг., 1922.

⁵ На съезде русских ученых за границей, в Праге, в сентябре 1924 г., мы сделали доклад об отношениях между учениями «формалистов» и последними синтаксическими взглядами Шахматова.

⁶ См. об этом ряд глубоких замечаний С. И. Гессена в его книге *Основы педагогики*, стр. 259, 268 и 293.

есть способность слова распадаться по звукам и по значению на основу и формальную часть»⁷, напр. *рук-а*. Предварительно пояснено, что основа (*рук-*) имеет основное или вещественное (мы будем говорить: «реальное») значение, а формальная часть (*-а*)—грамматическое (или, по-нашему, «формальное») значение. О том же, что такое в языке вещественные значения, что такое грамматические, в каком взаимоотношении они находятся,— об этих основных вопросах, без разрешения которых нельзя идти дальше,— нет ничего ни у Пешковского, ни у других формалистов. Ведь нельзя же считать серьезным следующее рассуждение, построенное на игре синонимов: основная часть, напр. *стекл-*, «еще не слово, а какой-то обрубок, что-то бесформенное, вторая же часть *-о*, прильнув к первой, сразу делает ее настоящим словом, придает ей вид слова, форму слова... Вот почему все такие частички и называются формальными частями слов... и самая способность слова распадаться на две такие части называется формой слова»⁸.

Отказавшись от объяснения двух рядов значений в языке, формалисты незаметно для самих себя пришли к грубоматериалистическому пониманию формы в слове. Если Пешковский менее других повинен в таком упрощенном понимании, то некоторые из формалистов, напр. Петерсон, ничего другого в языке, кроме звуковой формы, как будто и не усматривают⁹. Здесь-то и кроется основной порок учений формалистов. Все остальное—только надстройка над непрочной базой.

В дальнейшем формалисты рассуждают так:—

Слова делятся на форменные (т. е. обладающие формой) и бесформенные (напр., *здесь, вчера, домой, где, или, под, на, в* и т. д.). Критерий для определения наличности формы в слове следующий. Устанавливается два ряда слов: один вертикальный—та же основа с иными формальными частями; второй горизонтальный—та же формальная часть с другими основами. Напр.

⁷ А. М. Пешковский—*Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1914. У нас под рукой имеется только 1-е издание этой замечательной книги. В своем литографированном курсе (1901—1902 гг., стр. 203—204) Фортунатов дает подобное же определение формы. То же находим и у Поржезинского: *Einleitung in die Sprachwissenschaft*. Berlin, стр. 123.

⁸ *Ibid.*, стр. 3.—Разрядка подлинника.

⁹ М. Н. Петерсон—*Очерк синтаксиса русского языка*. Госуд. изд-во, 1923.— Будет правильнее сказать, что Петерсон придает значение только флексийным формам падежа, рода, числа и лица.

стекл-о, окн-о, весл-о, долот-о и т. д.

стекл-а

стекл-у

стекл-янный

и т. д.

Отсюда следует, что слово *домой*, не имеющее горизонтального ряда, является «бесформенным». С нашей точки зрения, наличность уже одного вертикального ряда (*дом, дом-а, дом-у...*, *дом-ашний, дом-овой, дом-овничать* и т. д.) позволяет выделить в слове *домой* элемент *-ой*, связывая его с тем особым значением (наречным), которым слово это отличается от других слов той же семьи; отсутствие же горизонтального ряда (т. е. иных наречных производных слов на *-ой*) свидетельствует о непродуктивности этого суффикса, о его редкости или, м. б., единичности.

Далее, формы подразделяются на синтаксические, т. е. зависящие от других слов в фразе (напр., падеж у существительных, падеж, род и число у прилагательных), и несинтаксические или словообразовательные. Фортунатов выражается несколько иначе: «Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения». «Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования»¹⁰. К сожалению, ни у кого ничего не говорится о том, какое место в системе языка занимает словообразование и каково его отношение к области грамматики¹¹.

Возвращаемся к Пешковскому.—Слова, обладающие синтаксическими формами (сверх того у них могут иметься и несинтаксические), подразделяются на спрягаемые (глаголы) и склоняемые (существительные, прилагательные и причастия); слова с несинтаксическими формами делятся на наречия, деепричастия и инфинитивы. Таким образом, получается семь знаменательных частей речи.—Другие формалисты более последовательны и делят слова с формами словоизменения на слова с формами падежа, падежа и рода, только рода (краткие прилагательные и прошедшее время глаголов), лица и т. д.¹²

¹⁰ *Ibid.*, стр. 236.

¹¹ См., напр., о роли словообразования в системе русского глагола наши статьи *Classification des verbes russes* и *Mécanisme des aspects* в «Slavia», т. 1. Praha, 1922.

¹² См. М. Н. Петерсон, ц. с., стр. 15—16.

В результате такого дробления не остается, конечно, места таким синтетическим категориям, как части речи; а вместе с этим и вообще вся живая ткань языка оказывается разрезанной на мертвые, ни к чему не годные куски.

К построению этой, схематически изложенной нами, надстройки и сводятся, в сущности говоря, достижения формалистов в области грамматики современного русского языка.— Это наше суждение не относится, конечно, к ценнейшим выводам Пешковского в области наблюдений над интонацией фразы и ее частей, над отношениями обособления и примыкания между членами фразы и т. д. Этими выводами Пешковский менее всего обязан формальному методу.— Что же касается фонетики, подробнеем образом разработанной,— как этого и следовало ожидать от учеников Фортунатова,— она излагается у них вне всякой связи с грамматикой и по традиционному перед изложением грамматики¹³.

III

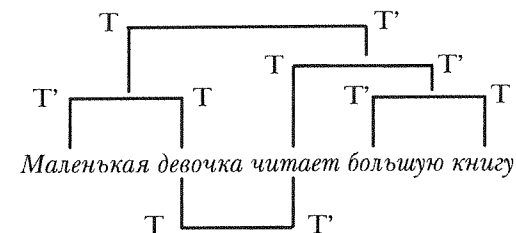
На наш взгляд, подход к языку должен быть совершенно иным.

Слово есть потенциальный член фразы, как бы часть, выпавшая из фразового механизма. Подобно тому, как строение колесиков, рычагов, пружин и т. п. указывает на их функции в механизме целого, так и внутреннее строение слова уже говорит о его роли в фразе.

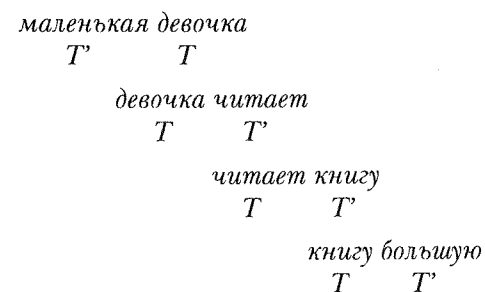
Прежде всего различаются слова знаменательные (или «полные») и незнаменательные («неполные»). Первые выражают самостоятельные понятия, напр. *ученик, знать, земля, вертеться*. Незнаменательные слова могут еще быть названы служебными, т. к. их назначение не есть выражение самостоятельных понятий, но установление связи между понятиями; таково, напр., слово *что* в фразе *Ученик знает, что земля вертится*.— Само собою разумеется,— раз речь идет о функциях, а не о вещах в себе,— что между обоими разрядами слов нет никакой непроходимой пропасти. Одни из знаменательных слов более самостоятельны (*ученик, земля*), другие — менее, т. к. предполагают наличность первых, к которым сами служат определяющими (*хороший, вертеться*). Некоторые слова могут являться в фразе то в роли знаменательных, то служебных; ср., напр., слово *который* в фразах *Я знаю дом, в котором вы живете* и *В котором доме вы живете?*

¹³ Типичен в этом отношении учебник Н. Н. Дурново.

Понятия, выражаемые в фразе, соединяются между собою, главным образом, синтагматически, т. е. в такие пары, члены которых относятся друг к другу как определяющее (Т') и определяемое (Т). Так, напр., фраза *Маленькая девочка читает большую книгу* построена следующим образом

Или в расчлененном виде

Фраза строится иерархически. Одна из ее частей (в нашем случае слово *девочка*) является абсолютным определяемым, другие же служат поочередно то определяющими, то определяемыми. Язык располагает особыми средствами, чтобы отмечать синтагматические функции членов фразы, особенно же функции определяющего¹⁴.

Если мы возьмем какую-нибудь семью слов, напр. *белый, белить, бело, белизна*, то заметим, что во всех этих словах есть общее реальное значение — идея известного цвета. Но в каждом слове идея эта дается в ином аспекте, в сопровождении иных формальных или категориальных значений. Так, в слове *белизна* мы находим форм. значения *числа, рода и падежа*; в слове *белить* форм. значение *вида и переходности (прямого управления)* и т. д. На основе различения

¹⁴ Подробнее об этом см. в нашей книге *Русский язык. Пособие для старших классов*. Прага, 1925.

формальных значений в языке выделяются четыре знаменательных части речи: существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Одни из форм. значений имеют чисто синтагматический характер, т. е. отмечают роль определяющего, таковы, напр., падеж у существительных, таковы род, число и падеж у прилагательных (отражающие соответствующие форм. значения существительных), такой же характер имеют число и, до известной степени, лицо у глаголов,— словом, все так наз. формы управления и согласования. Другие форм. значения имеют не синтагматический характер, а являются, так сказать, основными, напр. вид у глаголов, число у существительных и т. д.— В дальнейшем мы увидим, что и между реальными и формальными значениями нет резкой грани и наблюдается переход одних в другие.

Простейшие синтагматические отношения сводятся к согласованию (т. е. отражению форм. значений определяемого), управлению и примыканию (то есть чисто смысловому отношению Т' к Т).— Среди различных родов синтагм наибольшее значение имеет предикативная синтагма, отражающая некоторое волевое вмешательство лица говорящего в акт соединения определяющего с определяемым. Это вмешательство отражается в речи выражением категорий лица¹⁵ и наклонения. Такую синтагму, как бы независимую в своей структуре от условий ситуации, но готовую в любой момент играть роль фразы, мы называем предложением. Из двух главных видов предложений (*Парус белеет* и *Парус бел*) наиболее важное значение имеет так наз. «глагольное предложение», т. к. психологически мы привыкли представлять себе абсолютное определяемое (подлежащее) в виде агента, а его предикативное определяющее в виде действия, производимого этим агентом. Поэтому такое особое место занимают среди частей речи существительное (форма выражения идеи субстанции) и глагол (форма выражения идеи процесса).

IV

Теперь, когда мы бегло наметили главнейшие функции механизма фразы, нам станет яснее и внутреннее строение слова.

Возьмем, напр., глагол. Все глагольные слова обозначают названия процессов, но в отглагольном существительном (*горение*, *выигрывание*)

¹⁵ В безличном предложении мы имеем «отрицательное лицо».

доминируют число, род и падеж, т. е. характерные формы значения существительных, и отсутствует значение вида (*спаситель* и *спасатель* — не формальное, грамматическое различие, а словарное, семантическое), тем самым отглагольное существительное отрывается от глагола. Для функции предикативного определяющего предназначены те глагольные слова, что выражают категории лица и наклонения, т. е. личные формы глагола. Неличные формы — все тот же глагол, но в иных, непредикативных функциях. Так, напр., причастие — это глагол в роли определения, для которой уже предназначено служить прилагательное; деепричастие — глагол в функции обстоятельства, т. е. как бы в роли конкурента наречию; инфинитив — это глагол в роли абсолютного определяемого (*Учиться всегда пригодится* или *Учиться полезно*) или своего рода дополнения (*Он был мастер песни петь*), где он является конкурентом существительного; инфинитив может также быть определяющим к личному глаголу (*Я пойду гулять*), знаменательность которого при этом бледнеет.— Что позволяет нашему сознанию объединять все эти разряды глагольных слов (личные формы, инфинитив, деепричастия и причастия) под одним понятием «глагола» — это, конечно, общность категорий вида и управления (особливо при наличности переходности) и отчасти залога; все прочие формальные значения представляются как бы разветвлениями внутри общих категорий.

Части речи переходят одна в другую.

Существительное выступает в роли обстоятельства (*Поезд летит стрелой. Он ходит гоголем*) или определения (*Иванушка полетел на ковре-самолете*). Прилагательное берет на себя функции подлежащего или дополнения (*Сытый голодного не разумеет*) или даже обстоятельства (*Он опять запил горькую*) и т. д. Существительные, прилагательные и наречия выступают в роли предикативного определяющего, но тогда связка «быть» или какой-нибудь малознаменательный глагол берет на себя выражение категорий лица и наклонения (*Пушкин был поэт. Наш дом стар. Наш дом казался стар. Он здесь врачом. На дворе было холодно* и т. д.). Знаменательные слова переходят в предлоги, союзы и даже частицы (напр., *Мы шли мимо церкви. Я своего добьюсь не смотря на то, что это потребует больших усилий. Я его где угодно разыщу* и т. д.). При этих передвижениях наблюдаются, конечно, всевозможные промежуточные стадии.

Изменение функции слова влечет за собою изменение и его формальных значений. Крайний случай подобных изменений — это изменение формант, т. е. словообразовательных частей, ср. *белый*, *бе-*

лечь, бело, белизна. Следующий этап представляют те формы глагола, о которых только что была речь: личные, инфинитив, деепричастия и причастия. На противоположном конце находятся случаи «сдвига формальных значений», т. е. изменение их характера, не сопровождаемое изменениями в строении внешней стороны слова; так, напр., в фразе *Сытый голодного не разумеет* падеж слова «голодного» управляется (как у существительных) глаголом «не разумеет», а не является согласованным с каким-нибудь определяемым существительным, в то же время падеж слова «сытый» является абсолютно независимым¹⁶.

Теперь мы естественным путем приближаемся к вопросу о выражении реальных и формальных значений.

Язык есть ведь не что иное, как система комбинаций (по большей части, синтагматического характера) реальных и формальных значений. Каждое реализованное в языке сочетание реального значения с формальным можно называть *формой*.

Различению значений в слове отвечают различия в его звуковом строении.

Знаменательное слово является членом целого ряда ассоциаций. Среди смысловых ассоциаций, фиксирующих реальное значение слова, важно отметить синонимы, антонимы (противоположности) и переносные значения (от метафоры до омонима).

Как бы промежуточное место между смысловыми и чисто грамматическими ассоциациями занимают семьи слов, напр. *бел-ый, бел-енький, бел-оватый, бел-ить, бел-еть, бел-изна, бел-о* и т. д. То, что объединяет эти слова,— это общность реального значения (известный цвет). То, что делает из каждого из членов этой семьи особое слово, это грамматические категории частей речи (а мы уже знаем, что «часть речи» есть агломерат более частных формальных значений).

Но, напр., «белое» не есть особое слово, т. к. не образует собою части речи, а только видоизменение прилагательного *белый*. В противном случае «белее» должно было бы иметь форм. значения рода, числа и падежа типа прилагательных или форм. значения другой какой-нибудь части речи. (Конечно, исключается возможность считать «белее» собою, пятою частью речи.) Это просто прилагательное (или наречие) в особой функции.— Рассмотрение нашей семьи слов обнаруживает дву-членность в строении каждого слова. Одна часть—назовем ее ко-

¹⁶ Собственно говоря, именит. падеж не есть «падеж» в обычном смысле слова, а точнее отсутствие падежа, отрицательный падеж.

рень—является носителем реального значения; другая—*форманта*—служит для словообразования. Различаются три рода формант: суффиксы, префиксы и инфиксы (напр., *бел-ить, вы-белить, бел-о-ш вей-ка*); при этом суффиксальная форманта может выражаться и отрицательным образом (напр., *топль* от *топить*, *срез*—*срѣзать*). Значения, связанные с формантами, могут быть очень сложными, что отражается и на их строении. Форманта может привносить с собою новые оттенки более или менее реального характера, ср., напр., *бел-ый, бел-енький, бел-оватый*.

Дальнейший анализ строения форманты возможен только путем установления чисто грамматических ассоциаций. Ряды *бел-ый, бел-ого, бел-ому...*, *бел-ая, бел-ой* и т. д. в сопоставлении с *бел-оват-ый, бел-оват-ого...*, *бел-еньк-ий, бел-еньк-ого...* и т. д. позволяют выделить элементы *-ый, -ий, -ого...*, *-ая, -ой* и т. д. как носителей чисто формальных значений и элементы *-оват-* и *-еньк-* как носителей оттенков более или менее реального значения.

Различение форм внутри какой-нибудь части речи покоится прежде всего на различиях в звуковом строении суффиксальных формант или их конечных элементов, но сами по себе звуки или звукосочетания не обладают никакой смысловой значимостью. Их роль дифференцирующая, т. е. помогающая различать формы, отличать их одну от другой. Такие звуковые различия называются *морфемами*.— Наша языковая мысль цепляется, так сказать, за всевозможные звуковые различия в речи, чтобы связать с ними различие значений. Поэтому морфемами могут служить как суффиксы (это обычный вид морфем), так и префиксы (ср. противополжение видов и времен в *толкую* и *вытолкую*); иногда морфемой служит ударение (ср. *узнаю* и *узнаю, отрезать* и *отрезать, водбы* и *вбды* и т. д.), изредка, как подсобное средство, выступает порядок слов (ср. *Весло задело платье* и *Платье задело весло*); в единичных случаях различие форм. значений может опираться даже на противополжение корней; ср., напр., видовые пары *взять, брать* или *сказать, говорить*.

Напомним, по поводу этого последнего случая, что между реальными (или семантическими) и формальными (грамматическими) значениями не только нет непроницаемой перегородки, но первые зачастую переходят во вторые, отличающиеся от них только более общим, категориальным значением. Нередко от нашей точки зрения зависит, считать данное значение реальным или же отнести его к разряду формальных. Так, напр., обстоит дело с «категориями субъективной оцен-

ки»,— по выражению Шахматова,— т. е. со значениями уменьшительности, увеличительности, ласкательности и т. д.— Более обычно— рассматривать реальные значения как основные, а формальные— как их модальности, акциденции, но иногда, напр. в союзах, возможна и обратная точка зрения.

V

При рассмотрении незначительных частей речи бросается в глаза следующее обстоятельство. Как ни мала самостоятельность прилагательных и особенно наречий, которые предназначены служить определяющими, она бесконечно больше, чем в таких словах, как *в, на, из, к, или, если, чтобы* и т. п. Эти слова приобретают значение только в соединении со знаменательными словами или словосочетаниями, напр. *Если я буду здоров, я зайду к вам*. Поэтому их и называют незначительными, неполными или даже «пустыми», хотя, конечно, степень «пустоты» в подобных словах далеко не одинакова.

Среди знаменательных частей речи также есть слова, близкие по своему характеру к неполным словам. Так, напр., местоименные (или определительные) слова, более или менее сохраняя формальное подобие существительных, прилагательных, наречий или глаголов, лишены конкретного, индивидуального реального значения: таковы, напр., *кто, какой, где, куда, когда, как, быть* (в роли связки),— эти, так сказать, формальные эквиваленты знаменательных частей речи. За ними идут более конкретные *весь, всякий, везде, всегда, всяк или всячески, тот, такой, там, туда, так* и т. д., наконец, еще более конкретные *я, ты, он, она* и т. д., незаметно приближаясь к полнозначным словам.— Особый разряд представляют счетные слова (или числительные), реальное значение которых ограничено плоскостью числовых отношений, но и счетные, напр. *пять, пятый, пятью*, тоже переходят незаметно в полнозначные *пятеро, пяток, пятерка, пятерик, пятак, впятеро, впятером, упятерить*.

Естественный переход от знаменательных частей речи к незначительным образуют наречия.

Наречие это прежде всего производное слово, взятое из другой части речи и употребленное наречно, т. е. как особый вид примыкающего определяющего; напр., *хороший* дает *хорошо*, *геройский*— *геройски*, *умоляющий* > *умоляюще* (о деепричастии см. выше), *круг* > *кругом* или *вокруг*,

запускать > *взапуски*, *босой*— *босиком*, *правда*— *взаправду* и т. д. и т. д. От своего основного слова наречие отличается отрицательно: отсутствием свойственных тому формальных значений, ср. *хорошо* и *хороший*, *умоляюще* и *умоляющий*, ср. также *Мы насладились хорошим летом* и *Мы отдохнули летом* (но *Мы отдохнули этим летом* опять выводит слово *летом* из разряда безусловных наречий). Наречие не призвано отражать формальные значения определяемого, оно примыкает, т. е. относится к определяемому непосредственно своей смысловой стороной, своим реальным значением. При «отрицательном» характере формального значения и при доминировании реального значения, можно сказать, что образование каждого наречия совершается особым образом, смотря по тому, от какой формы и какого слова оно производится и к какому слову оно относится. На первый план выступает задание преодоления, сведения на нет форм. значений основного слова, иначе говоря— отмежевание от него и от части речи, к которой оно принадлежит. Вот почему наречные форманты так бесконечно разнообразны по своему характеру, что не поддаются никакому учету. Есть, однако, несколько типичных формант для некоторых категорий наречий, именно для тех, которые образуются от прилагательных и от причастий, напр.: *хорошо-о, герой-ск-и, умол-яющ-е*. В этих случаях единообразие форманты позволяет связать с ней довольно определенное форм. значение, именно— качественного способа, проявления признака или, попросту, «образа действия». В других случаях приходится, считаясь с особым характером наречий, устанавливать их классификацию по семантическим признакам, т. е. по смыслу. Здесь помогают местоименные (и некоторые примыкающие к ним непродеривированные) наречия: *как, когда, где, куда, откуда, сколько, почему* и т. д., которые указывают на основные рубрики: образа действия, времени, места и т. д.

Наречие предназначено служить определяющим, однако иногда и само оно бывает определяемым. Особенно интересны для нас те случаи, когда обстоятельственное наречие определяется существительным, напр.: *В темноте мы прошли мимо нашей двери* или *Он придет накануне (после) праздников*. При этом нередко бывает так, что реальное значение существительного берет настолько верх, что значение наречия-определяемого принимает более или менее формальный характер и оба как бы сливаются в единое определяющее к соответствующему слову. Так получается предложение. Кроме наречных предлогов есть целый ряд предлогов основных, непродеривированных, самостоятельно не употребляющихся: *в, на, из* и т. д.— Выполнение пред-

ложной функции требует для себя слов немотивированных, без формант, слов, превращенных в полуслова, близкие к префиксам.

Каждый союз есть частный случай сочинения или подчинения. Сочинительные союзы стоят вне какой бы то ни было синтагматической связи, они просто связывают равноценные части фразы, т. е. несколько определяющих, относящихся к одному и тому же определяемому, или, наоборот, — несколько определяемых, имеющих общее определяющее. Подчинительные союзы, подобно предложениям, являются определяемыми словами, причем их определяющим зачастую бывает целое предложение. Многие случаи подчинения выражаются местоименными словами *который, когда, где, как* и т. д. или так наз. союзными предложениями; обороты с причастием и с деепричастием могут также иметь подчиненный характер¹⁷. Союзная функция превращает вопросительные местоимения в «относительные» и тем почти сводит на нет их реальное значение; точно так же словосочетания вроде «несмотря на то, что» теряют свое синтагматическое строение и реальное значение и превращаются в особого рода единства, называемые «речениями», с очень обобщенным, почти формальным значением. — Классификация подчинительных союзов подобна во многом классификации обстоятельственных наречий: союзы причинные, временные и т. д., но с той разницей, что там это разряды реальных значений, здесь же это разряды формальных значений.

Наконец, частицы являются более или менее подвижными элементами внутри фразы, которые вносят некоторые новые оттенки в характер фразы или отдельных слов; придают им вопросительный характер, отрицательный, усилительный, неопределенный и т. д. или же вносят оттенки более или менее аффективного характера¹⁸.

VI

Мы пользуемся речью не только для выражения понятий и суждений. Кроме этой «интеллектуальной» функции, она выполняет еще и другую, не менее важную, хотя и прямо противоположную: — она служит нам для выявления наших чувств в целях заражения ими наших

¹⁷ Кроме того, как сочинение, так и подчинение могут выражаться особой интонацией, напр. *Буду здоров, пойду в театр.*

¹⁸ Недостаток места не позволяет нам дать ни подробный анализ служебных слов, ни анализ их образования из знаменательных слов.

собеседников. Оба плана — интеллектуальный и эмоциональный — в практической жизни постоянно скрещиваются. Речь отражает возникающие при этом конфликты: ее логическая основа постоянно разрушается под натиском «психологии» и вновь восстанавливается сознанием говорящих. Эта двойственность речи двоит и язык, как в области словаря, так и в области грамматики.

Здесь лежит одна из важнейших проблем языкознания, но формалисты-грамматисты ее не замечают.

В области словаря мы констатируем существование двух родов слов. Одни имеют «интеллектуальный» характер и являются простыми этикетками понятий; в пределе это слова-термины, какими пользуется наука. Другие — сильно окрашены эмоционально. Ср., напр., *ударить* и *хлопнуть*, *бацнуть*, *двинуть* и т. д. вплоть до междометных *хлоп!* *бац!* Эмоциональный язык имеет свои особые слова — междометия, являющиеся как бы пятой частью речи. Хотя эти слова и относятся к особому плану речи, тем не менее возможен переход грамматических разрядов слов в междометия и обратно: ср. *хлопать* и *хлоп!*, существительное *раз* переходит в междометие *раз!*, и обратно *ах!* *ох!* переходит в *ахи да охи*; «бушки» переходит на глагольную функцию в фразе «*Пойдем бушки*», — *говорил козел бафану* и т. д.; заметим мимоходом, что обращение тоже близко к междометию. Не нужно думать, что обычные междометия являются произвольными, спонтанными выражениями чувства: *увы!* — книжная условная формула; когда больно, русский или француз вскрикивают *ай!*, а немец — *áу!*

Большинство слов предназначено не к тому, чтобы определять и называть, но к тому, чтобы описывать, взывать к нашему воображению, быть экспрессивными¹⁹. Поэтому слова (не термины) имеют по нескольку значений: напр., *кобыла* — самка лошади, орудие пытки, гимнастический аппарат, бранное слово и т. д. Потенциально слово имеет $n + 1$ значений, от метафор до омонимов. И обратно: любое значение может быть выражено несколькими способами, ср., напр., синонимы: *храбрость*, *отвага*, *смелость*, *бесстрашие* и т. д. В языке нет, по-видимому, таких случаев, где знак и значение покрывали бы друг друга. В то же время, смотря по ситуации, то одно, то другое значение слова доминирует, а прочие остаются в тени, сознаются фигуральными, или же

¹⁹ Об этом см. Ch. Bally. *Le langage et la vie*. Genève, 1913. Его же. *Traité de stylistique française*. 2-ое изд. Heidelberg, 1921. С. Карцевский. *Язык, война и революция*. Берлин, 1923.

вовсе выпадают из сознания. Подобным же образом из нескольких способов выражения данного значения, существующих в языке, одно представляется более или менее адекватным, а прочие только приближительными.

Таким же образом дело обстоит и с грамматикой. Возьмем, напр., форму повелительного наклонения²⁰. С одной стороны, приказание, просьба, вообще волевое воздействие могут быть выражены чуть ли не любой формой при наличии соответствующей интонации (напр., *Молчать! В угол! Книгу! Извозчик! Вон! Долой! Сюда!* и т. д.); с другой же стороны, форма единств. числа повелит. наклонения может употребляться для выражения совсем других значений (напр., *Муж уехал, а жена и умри. Я работай, а он будет на печи лежать?! Приди они ко мне, я сейчас же бы им все устроил. Кто к нему ни обратись, он никому не отказывает.* И т. д. вплоть до словарных оборотов вроде «того и гляди»). Следовательно, повелит. форма, с одной стороны, входит в синонимический ряд различных способов выражения приказания, а с другой — она попадает одним краем в омонимический ряд. Но где-то посредине форма и значение представляются адекватными. — Таким трехчленным должно, по-видимому, быть строение каждой языковой формы.

Нечто подобное наблюдается и в области звукового выражения форм. Одни и те же формы выражаются по-разному. Ср. *гов-ор-ить*, *гов-ор-ишь*, *гов-ор-ят*; *чит-ать*, *чит-аешь*, *чит-ают*; *нес-ти*, *нес-ёшь*, *нес-ут* и т. д. Но и здесь, как и везде в языке, есть своя иерархия ценностей или значимостей. (NB. Вообще говоря, рассматривать все явления языка в одной плоскости, как это делают формалисты, есть грех против методологии языкознания.) Одни из суффиксов нам представляются более характерными (м. б., более выразительными), типичными, наделенными силою аналогии; они являются продуктивными, т. е. по типу глаголов с подобными формантами образуются новые глаголы. Так новые глаголы все образуются по типу пяти родов глаголов: *чит-ать*, *бел-еть*, *рис-овать*, *гов-ор-ить*, *толк-нуть*. Но ни один глагол не создается по образцу, *нес-ти*, *пе-чь* и т. д.²¹

Мы все время рассматриваем язык в его динамике, т. е. в его функционировании, но остаемся в плоскости *синхронии* или, как чаще гово-

²⁰ Именно об этой форме упоминается в статье Бернштейна (стр. 213), но, на наш взгляд, Шахматов не дал удовлетворительного объяснения проблемы, которую он обнаружил.

²¹ Подробнее в нашей статье *Classification naturelle des verbes russes*.

рят, *статики*. Заметим по этому поводу, что совсем еще недавно статический подход к языку считали ненаучным, не замечали даже проблемы синхронической лингвистики, но теперь (и по-видимому, более под давлением школьных требований, чем под влиянием идей F. de Saussure'a) формалисты-грамматисты усиленно работают над грамматикой современного русского языка. Однако методология синхронической лингвистики у них совсем не разработана (кое-что есть у Пешковского), в своих работах они базируются на одном-двух положениях Фортунатова, во всем остальном действуют как Бог на душу положит. Но действовать кустарным образом так же плохо, как и *jurare in verba magistri*. И мы видим, особенно на примере Петерсона, что формалист, прежде чем подойти к изучению живой речи, должен умертвить ее; он умеет оперировать только над мертвым языком, который удобно кромать на произвольные куски. — Шахматов давно уже заинтересовался явлениями живого языка. Но первая его работа — курс 1911—12 уч. г. (*Очерк соврем. русск. языка*), на наш взгляд, мало удачен, так как не покоится на разработанных методологических основаниях, и в нем история и статика постоянно переплетаются (в чем отчасти повинен и Пешковский). В последние же годы Шахматов, судя по статье Бернштейна, внимательно разрабатывал методологию синхронии и дал интереснейшую концепцию синтаксиса современного русского языка. Единственный серьезный недостаток, который мы усматриваем в его работах, это то, что он, как и формалисты, не обратил достаточного внимания на «динамику» языка и «статику» смешал с неподвижностью.

Дело в том, что *синхрония* не означает *неподвижность*. Можно изучать эволюцию паровой машины от Уайта до наших дней во всех частях ее механизма. Но можно также изучать и функционирование паровой машины, определять, оценивать ее составные части по их роли в механизме целого. Для этого не только нет надобности выходить за пределы настоящего, но, напротив, только в этих пределах подобное изучение возможно. Формалисты же, подходя к языковому механизму, останавливают его, начинают разбирать на части и описывать эти части — это они и считают статикой. Но ведь назначение машины — действовать, а назначение языка функционировать как орудие обмена мыслями и чувствами между членами одного языкового коллектива.

Среди многих языковых проблем, мимо которых формалисты проходят, не подозревая их существования, отметим еще одну первостепенной важности. Впервые отчетливо сформулировал ее Victor Hen-

гу²²: с одной стороны, язык живет во времени и изменяется, а с другой стороны, для сознания каждого индивидуума он постоянен, неподвижен; более того — только при условии такого представления о языке люди могут пользоваться речью. Разрешение этой антиномии подготовлено всем ходом предыдущего изложения: знак и значение не адекватны, не покрывают друг друга, грамматические формы «трехчленны»; мы понимаем и высказываемся «приблизительно»; лица говорящие этого не замечают, ибо для целей практической речи абсолютная точность не требуется (совсем иное в науке или в философии); степень «приблизительности» варьирует в каждом отдельном случае, в чем и кроется возможность, под влиянием некоторых условий социально-психологического характера, накопления во времени в языке значительных отклонений, а следовательно и изменений.

VII

Теперь несколько беглых слов о важнейших методических выводах, которые вытекают из обоснованного нами взгляда на язык и по необходимости находятся в противоречии с методическими принципами педагогов из лагеря «формалистов». Мы будем иметь в виду книги именно А. М. Пешковского, как наиболее оригинального методиста и грамматиста в одно и то же время²³.

Напомним предварительно одну мысль К. Д. Ушинского, которую мы всецело разделяем.

«Язык не есть что-либо отрешённое от мысли, а напротив — органическое ее создание, в ней коренящееся и непрерывно из нее вырастающее; так что тот, кто хочет развивать способность языка в ученике, должен развивать в нем прежде всего мыслящую способность. Развивать язык отдельно от мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно перед мыслью положительно вредно... Дитя, если оно еще не испорчено ложным воспитанием, не склонно к фразам — его

²² V. Henry. *Antinomies linguistiques*. Paris, 1896.

²³ А. М. Пешковский. *Наш язык*. Учебная книга, по грамматике для школ I-ой ступени (сборник для наблюдений над языком в связи с занятиями правописанием и развитием речи). Вып. I: *Интонация, ритм, звуки*. Изд. 2-ое, испр. Стр. 167. Вып. II: *Элементы морфологии и синтаксиса*. Стр. 343 + VIII. Госуд. изд-во, 1923. — Его же. *Методическое приложение к книге «Наш язык»* (вып. I и 2). Стр. 120. Гос. изд-во. М., 1923. Его же. *Наш язык*. Ч. I. Книга для учителя. Стр. 120. Госуд. изд-во. М., 1923.

прежде всего увлекает самая мысль, содержание, явление, факт, а не форма выражения мысли».

То, что Ушинский говорит о развитии речи, вполне приложимо и к изучению языка. Нельзя ни на минуту забывать, что язык есть средство самовысказывания и взаимопонимания, особенно нельзя забывать об этом в школе. Каждый факт языка должен рассматриваться в связи с тем значением, которое ему присуще в нашей речи, каждое видоизменение «формы» в языке должно связываться с вносимым им изменением значения. Мы должны, говорит Шарль Балли, прибегнуть к системе, «первым принципом которой было бы показать, что все в языке наделено значением и что, обратно, каждая идея, которую требуется выразить, находит в языке целый „набор“ выражений»²⁴. — И самый естественный путь в обучении — это от словаря к грамматике, а напоследок к фонологии или фонетике. Но, к нашему горькому сожалению, у нас пока еще нет подобных учебников, а создать их — дело долгое, потому что сложное, т. к. речь идет о коренном изменении обучения родному языку и о создании нового отдела программы по этому предмету.

Параллельно занятиям над словарем должны вестись наблюдения над интонацией. Для этой цели прекрасно подойдет первая часть книги «*Наш язык*» (вып. I), хотя, на наш взгляд, в ней есть много лишнего и недоступного пониманию 8—10-летних детей, а подчас и спорного с научной точки зрения. Вторая половина книги посвящена изучению звуков русской речи. Она вызывает у нас целый ряд возражений, но заслуживает подробного рассмотрения; здесь мы принуждены ограничиться беглыми замечаниями.

Чрезвычайно заманчива мысль отвлечься в изучении грамматики от письма, от зрительного образа слова, и всё свое внимание сосредоточить на звуковой его стороне, которая и есть подлинная языковая реальность, однако не следует забывать, что в наше время культурному человеку приходится, пожалуй, больше читать и писать, чем слышать и говорить, и что зрительный и графико-моторный образ слова не являются *quantité négligeable*, которую можно сбросить со счетов. А если так, то и ученику придется держать в сознании расчленённую звуковую форму, расчленённую графическую форму, осознавать их несоответствие и преодолевать при письме. Слишком большой груз для детей! А разработка и усвоение его требуют очень долгого времени,

²⁴ Ch. Bally. *Преподавание родного языка и формирование мысли*. «Русская школа за рубежом». № 4.

судя по количеству параграфов и страниц, которые отводятся в обоих выпусках «Нашего языка» на упражнения над звуковой стороной слов.

Звуки речи образуют единую систему, русское письмо тоже есть некоторая система, широко пользующаяся способом *слогового* обозначения (напр., смягчение согласных, написание *j* и т. д.) и вообще непрямого обозначения звуков. Ознакомить детей с обеими системами в их взаимоотношении невозможно. Поневоле приходится изучать *отдельные звуки*, что дает искаженное представление о звуковой стороне языка, а кроме того при подобном изучении необходимо упираться в тупик особенностей индивидуального произношения. Желая избежать условности орфографической, вместо ожидаемой «твердой» почвы, звуковой данности, попадаешь в невылазные трясины индивидуального произношения и из языка уходишь в физиологию звуков речи.

Мы видели, что звуки (исключая слова звукописующие) обладают дифференциальной значимостью, уже предполагающей наличие значимости грамматической или семантической. Поэтому и изучение фонетической стороны слова должно идти после словаря и после грамматики. Важно, чтобы заканчивающий 1-ую ступень ученик правильно произносил, правильно писал и в некоторых особо важных случаях сознавал, что написание и произношение разнятся.

Изучение словаря ведет, как отмечает это Ш. Балли, естественным путём к грамматике. Ибо — писали мы выше — слово есть частица, выпавшая из фразы и всегда готовая быть туда вставленной, и своим строением, т. е. заключенными в нем формальными значениями, слово указывает на роль, которую оно призвано играть в фразовом механизме. Первым этапом к грамматике, этапом, который задержит учащихся надолго, должно быть разграничение формальных и реальных значений в слове в связи с их синтагматической ролью. Преддверием к этому послужит различение слов знаменательных и служебных (для этого могут прекрасно подойти упражнения в 1-ом выпуске книги «Наш язык») и анализ синтагматических сочетаний внутри фразы. Здесь тоже необходимы новые, особые учебники. Затем пойдет естественным путем изучение формант и морфем, образование слов, наблюдение и выражение отношений согласования, подчинения, примыкания, сочинения и подчинения и т. д. и т. д.

Пешковский идет строго индуктивным путем: дети сами открывают формы лица, числа, падежей, причем открытия «отпускаются» минимальными дозами. В результате, на наш взгляд, получается нечто томительное и бесконечно долгое. Индуктивно-лабораторный метод в

школе в гуманитарных предметах необходим только как показательный момент: открывать заново все «Америки» человеческой культуры невозможно да и незачем. Напротив, чрезвычайно важно привести детей к сознанию, что *играть, играю, играешь...*, *играл...*, *играй...*, *играл, игравший* и т. д. могут не считаться столь же самостоятельными словами, как *игра, играть, игрушки* или *игорный*, но рассматриваться как изменения одного и того же слова, зависящие от его роли в фразе. Для этого придется пользоваться в равной мере как индукцией, так и дедукцией.

Теперь станет понятно, почему мы не очень боимся школьных «вопросов», против которых так восстает Пешковский²⁵. Но, конечно, пользоваться этим приемом нужно умеючи, с большим педагогическим тактом. Отношения управления, т. е. падежи, отлагаются в нашем сознании именно в виде формул «кто-что», «кого-чего» и т. д., и подобные вопросы, сопровождаемые и «подстановкой», очень помогут усвоению грамматических отношений между членами фразы. Есть случаи управления, где вопросы неприменимы: там ими, конечно, и не будут пользоваться. Мы говорили о том, что функциональное значение формы трехчленно, но методически мы должны изучать форму прежде всего в ее главной функции, там, где форма и значение нам представляются адекватными. Метод же Пешковского ведет к тому, что детям предлагается держать в сознании целую таблицу склонений, т. е., напр., для того, чтобы определить форму винит. падежа, помнить горизонтальный ряд *лис-у; мешок-, осл-а, гнезд-о; лошадь*, приведенный в связь с «я вижу ...» Получается все та же атомизация, о которой мы говорили, и дети сосредотачивают внимание не над грамматическими отношениями, а над звуками, хотя бы и в роли морфем.

Старшие классы школы должны дать учащимся ряд научных сведений о языке. До сих пор наше общество отличалось в этом отношении полным неведением. Сюда войдут и сведения о русской звуковой системе и об отношениях между произношением и написанием. На младшей же ступени подобного рода сведения не должны выходить за пределы минимума, устанавливаемого конкретными потребностями школьной работы, напр., орфографии. Во всем же остальном нужно иметь в виду *духовную, смысловую сторону родной речи*, систему значимостей, а не мертвый анализ, в результате которого живая ткань языка произвольно режется на ни к чему не годные куски.

Прага. Февраль 1925

²⁵ См. его статьи в сборниках «Родной язык в школе», книги 1-ая и 3-ья.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ВОПРОСА МОРФОЛОГИИ *

На этих нескольких страницах мы хотим лишь уточнить понятие «продуктивный» или «живой», которое лежит в основе нашей классификации русского глагола.

Как известно, мы выделяем пять «продуктивных» или «живых» классов глаголов и распределяем по нескольким группам глаголы «непродуктивных» или «мертвых» типов. Однако в нашей книге «Система русского глагола» (Прага, 1927) можно прочесть следующее: «Различные форманты, которые служат для глагольного словообразования, можно легко сгруппировать в пять классов; так составляются продуктивные классы глагола. Само собой разумеется, что в этих пяти классах существуют мертвые элементы, т. е. непродуктивные, напр., односложные глаголы; так создаются переходные зоны между продуктивными классами и группами непродуктивных глаголов» (стр. 46—47).

Может показаться, что тут есть противоречие: *живой* не может содержать ничего *мёртвого*, тем более что именно их строгое разграничение является основой нашей классификации. Понятно, что Н. Н. Дурново отметил это «противоречие» в статье, которую он недавно посвятил нашей работе («Славия», X)**. И все-таки это противоречие лишь кажущееся, если рассматривать языковые явления в *динамике*.

Само собой ясно, что язык не перечень этикеток и группировки фактов, которые мы в нем наблюдаем, не соответствуют раскладке этих этикеток по отдельным клеткам. Функционирование семиологических явлений — а в языке любое пересечение связей создает знак — заставляет скорее думать об излучении, исходящем из различных центров энергии. Живой морфологический «класс» является полем действия очага излучения «производящей», т. е. ассимилирующей силы.

* Статья впервые опубликована на французском языке под заглавием: «Autour d'un problème de morphologie» в журнале *Annales Academiæ scientiarum Fennicæ*, ser. B, t. XXVII. Хельсинки: Sumalainen Tiedeakatemia, 1932. С. 84—91 (Париж, 1999. С. 77—84). В [ ] — добавления переводчика.

** Журнал *Slavia*, v. X, t. I. Прага, 1932. С. 140—165 (рецензия на книгу «Система русского глагола»).

Чем ближе к центру этого очага, тем больше действие этой силы. Но она слабеет по мере продвижения к периферии этого класса и на определенном расстоянии от центра становится равной нулю.

Глаголы типа *выигрывать* находятся на высшей ступени продуктивности и расположены, так сказать, в самом центре очага излучения, зона действия которого носит название *Класс I*. Напротив, глагол *знать* «нетипичен», и этот нулевой тип разгуливает совсем на периферии зоны, как одинокий и единственный сателлит. Однако он принадлежит к полю действия того же очага излучения, что и тип *выигрывать*, отмечая крайнюю границу, после которой начинается пустота.

То, что мы называем «непродуктивными типами (или группами)», является местонахождением «погасших» очагов, вокруг которых находятся скопления продуктов их прежней деятельности. Как бы схожи между собой ни были, например глаголы *бороть*, *колоть*, *молоть*, *полоть*, *пороть*, их типическое значение в настоящее время равно нулю. С грамматической точки зрения, это «глагольная пыль», по выражению Ф. де Соссюра. Как бы многочисленны ни были крупинки каждого скопления, их все можно пересчитать. — Очень важно проникнуться мыслью, что то, что «мертво», может быть опознано ч и с л е н н о, и обратно: то, что можно пересчитать, уже непродуктивно. Напротив, всё, что живо, — неисчислимо.

В каждом данном языке структура каждого слова отражает природу отношений между грамматикой и семантикой. Можно представить три вида этих отношений. 1° — Во всех словах относящихся к одной части речи, грамматические морфемы, например личные окончания глагола, одинаковы. Тогда должны существовать особые морфемы, «форманты», например суффиксы, для обозначения семантических классов. 2° — Каждый семантический класс располагает своими грамматическими морфемами и не нуждается в других показателях класса, формант полностью совпадает с морфемой. 3° — Возможны различные варианты компромисса между этими крайними случаями. В русской морфологии представлен один из таких вариантов, с ярко выраженной тенденцией к решению проблемы путем первого вида отношений.

Действительно, окончания русских глаголов в основном везде одни и те же: *-и*, *-ѣ*, *-т*, *-м*, *-те*, и следовательно, они вовсе не определяют семантический класс, к которому относится данный глагол. Поэтому они включаются в состав более крупных морфологических элементов. Эти последние являются результатом сложной игры оппозиций между всеми характерными значениями глагола как части речи, включая вид,

значение полуграмматическое, полусемантическое; кроме того эти элементы включают в себя прямые и косвенные показатели класса. Можно отграничить морфему только после того, как установлен «образующий» элемент данного глагола, носитель семантического значения класса. Таковы, например, комплексы характеристик *-ывать/-ывают, -ничать/-ничают, -еть/-еют, -овать/-уют*.

Комплекс *-ывать/-ывают* создается только в силу двойной оппозиции «семе»: а) он встречается, всегда с одним и тем же значением, в соединении с различными семами, напр. *вы́игрывать, протáлкивать, разгúливать, уклáдывать* и др.; б) он является членом нескольких ансамблей, называемых «гнезда слов», где одна сема входит в комбинации с различными формантами, например: *игрáть — проигрáть — проигрывать* или *игрá, игру́шка, игрóк, вы́игрыш, вы́игрывать* и т. д.

Только отгаливаясь от формантов можно добиться выделения морфемы. Так, например, элемент *-ать/-ают* действительно морфема, лишенная какого бы то ни было семантического значения, так как она является составной частью различных формантов. Мы находим ее в *вы́игрывать, согрeвáть, затоплáть, сдуváть, разбóйничать, шикáть, áхать, дорожáть, обедáть, гулáть* и, наконец, *знáть*.— То, что в нашем сознании обеспечивает единство «Глагольного класса I», это, несомненно, морфема *-ать/-ают*, носитель наиболее абстрактных глагольных значений, что не мешает внутренней структуре этого класса оставаться очень сложной.

Если в глаголах типа *вы́игр-ыв-ать, согр-ев-áть, сду-в-áть, разбóй-нич-ать, шик-к-ать* легко выделить морфему из всей образующей, то есть случаи, где, напротив, эта операция весьма затруднительна, чтобы не сказать невозможна. Так создается впечатление, что в глаголах типа *затопл-áть* и *орош-áть* формант и морфема совпадают: формант характеризуется лишь чередованием тематической согласной и ударенным *-á-*. Только обязательное присутствие глухой задненебной перед *-ать* форманта и безударность *-а-* позволяют отличить формант от морфемы в глаголах типа *áх-ать*. В глаголах типа *дорож-áть, крепч-áть* (ср. *до-рог-бóй, крепк-ий*) отличительные черты те же, что в глаголах *затопл-áть, орош-áть*, т. е. малозаметные. Но так как образования типа *дорож-áть, крепч-áть* очень редки, мы не задержимся долее на элементе *-áть*. Наконец, в случае *обед-ать, работ-ать, дел-ать*, словообразовательные отношения со словами *обед-, работ-а, дел-о* не совсем ясны; следовательно, элемент *-ать* может здесь рассматриваться как простая морфема так же, как в *гул-áть*. Что касается односложного *знáть*, то

его сема лишена даже того минимального объема, который требуется от сем глаголов этого класса и которым является слог. Создается впечатление, что морфема наступает на корень. Мы достигли крайней периферии Класса I.

Продуктивность, «жизнеспособность» присуща только семантическим элементам, формантам. Морфема может развиваться только постольку, поскольку она ведóма формантом. Лишенная своего проводника, она попадает в состояние анабиоза и может даже умереть. Создавая слово, мы всего лишь прибавляем новый член в уже существующий семантический класс. И кажется маловероятным, чтобы при обычных условиях такое «деклассированное» слово, как *гулáть*, а тем более *знáть*, произвольно возникло в нашем сознании как модель для имитации.

Новая, очень важная проблема встает перед нами на этой стадии нашего размышления. Из предыдущего рассуждения вытекает, что группа глаголов, которая основана только на общности морфемы, не может иметь продуктивной силы. Может показаться, что глагольные классы II (*-еть/-еют*) и IV (*-ить/-ат*) идут вразрез с этим выводом. Но это не так. В элементе *-еть/-еют* морфема совпадает с формантом, не поглощая его. Значение «непереходности», присущее формату, очень прочное; синтагматическая формула этих глаголов удивительно четкая: *белéть* = «быть или становиться белым». А значение переходности— значение полуграмматическое, полусемантическое. Случай элемента *-ить/-ат* более сложный. В глаголах *белíть* (синтагматическая формула: «делать белым») наблюдается совпадение морфемы с формантом. В основе форманта значение переходности. Однако новые глаголы легко образуются прямо от существительных, не имея соответствующих непереходных глаголов в Классе II: *затемлíть, угрóbить* и др. Но надо отметить, что почти все неологизмы имеют в своем составе префикс. Чтобы поддержать значение переходности там, где оно не располагает достаточными морфологическими характеристиками, язык прибегает к префиксу.

С грамматической точки зрения, Класс I—это владение морфемы *-ать/-ают*, но это только внешний факт. Этот класс не только живой, но и самый мощный из всех глагольных классов по той причине, что форманты, которые включают эту морфему, не только многочисленны, но и выполняют очень важные функции в системе русского глагола. Достаточно отметить образование вторичных имперфективов, которое берут на себя различные суффиксы Класса I. Благодаря мощному асси-

милирующему влиянию некоторых формантов этого класса сама морфема приобретает некоторую отраженную ассимилирующую силу и притягивает к этому центру «жизни», чтобы омолодить их, глаголы, лежащие вокруг потухших очагов. Глаголы с так называемыми «двойными формами»^{*} представляют многочисленные примеры этого: *кличкают*, *полоскают* рядом с *кличут*, *полбшут* и др. Эта заимствованная сила оказывается иногда достаточно мощной, чтобы вырвать у существительных их суффиксы и превратить их в глагольные форманты, так *школь-ник* > *школь-нич-ать*, и следующий этап *балбес-нич-ать* < *балбес* и т. д.

Форманты Класса I обладают неодинаковой производящей энергией. Естественно, например, что образование отыменных непереходных глаголов типа *разбóйничать* не играет большой роли, если сравнить его с образованием вторичных имперфективов, так как понятие вида есть основная ось в системе русского глагола. В силу принципа многозвучия [синонимии.—И. Ф.], являющегося проявлением двойственной асимметрии лингвистического знака¹, очаг излучения, откуда происходят вторичные имперфективы, включает в себя несколько формантов: *вы́гр-ывать*, *согр-евать*, *сду-вять*, *затопл-ять*. Но степень проявления этих формантов весьма различна. К типу *сду-вять* относятся лишь некоторые глаголы непродуктивных групп. Его поле деятельности оказывается, таким образом, ограничено количеством этих глаголов. Если быть немного педантом, нужно было бы сказать, что формант *-вять* теперь не «продуктивен». Что касается форманта *-евать*, его зона излучения охватывает лишь глаголы Класса II; значит, она тоже ограничена, хотя совершенно иначе, чем зона действия форманта *-вять*. Формант *-ать* (*затопл-ять*), кажется, все больше и больше вытесняется формантом *-ывать* (напр., *затáпливать*, с тем же значением). Нужно также отметить присутствие, на крайней периферии вторичной имперфективации, изолированного глагола *пáд-ать* (рядом с *пасть*), где морфема заменяет формант.—Что же есть реально «живого» в этом очаге вторичной имперфективации? Это *идея* вторичной имперфективации, это необходимость прибегнуть к новому развитию

^{*} Мы переводим так термин Карцевского «*verbes abondant de forme*», см. его книгу «*Système du verbe russe*», с. 67—68.

¹ См. нашу статью «*Sur le dualisme asymétrique du signe linguistique*» [«О двойственной асимметрии лингвистического знака»], *TCLP* [«Труды Пражского лингвистического кружка»], I, Прага, 1929.

процесса, уже однажды освоенного*, это значит «идеальный» формант, а не его случайные воплощения. Мы лишь попутно заметим, что звуковая материя, в которой воплощается какой-либо «идеальный» формант, подчиняется своим собственным законам. Фоническая реализация одного и того же морфологического элемента, будь то формант или морфема, может значительно изменяться от одного случая к другому, не нарушая, однако, идеальной целостности этого элемента. Так, например, *разбóйничать* несомненно относится к глаголам Класса I, хотя его морфема реализуется *-it'/-ijút*, *razbojn'ič'it'/ -n'ič'ijút*; точно так же в *áхать* морфема реализуется *-et'/-ejút*, и т. д. Сохраняется только функция и законы, регулирующие варианты звуковой реализации семиологического значения, соответствующего этой функции.

Нам остается сказать несколько слов о структуре морфемы.

Можно ли разъединить элементы комплекса *-ать/-ают*, чтобы сказать, что такому-то элементу поручена такая-то функция? Можно выделить характеристики значений, но только в рамках оппозиций, реально существующих в языке, а не путем произвольного сопоставления. Это единственная возможность избежать «вивисекции». Так, например, окончания претерита *-l*, *-la*, *-li* образуют маленькую систему оппозиций, которую можно было бы сформулировать следующим образом: противопоставлены: 1° *род* ~ *не-род*, на которые накладывается *единственное число* ~ *множественное число*; 2° «род» создается оппозицией *мужской* ~ *не-мужской*, этот последний у некоторых глаголов непродуктивных типов подразделяется на оппозицию *женский* ~ *средний* (например, *роslá* ~ *роsló*, *взяlá* ~ *взяlo*). Эта маленькая система, в свою очередь, противопоставляется системе так называемого настоящего-будущего, но противопоставляется блоком: система «род-число» ~ система «число-лицо» и т. д. Продолжая эти сопоставления, произвольно возникающие в нашем сознании—ибо речь идет о системах отношений, которые вмещают одна другую,—мы приходим к констатации, что морфологическая оппозиция между Классом I и Классом II выражается оппозицией между элементами *-a/-e-*, и т. д. Морфема—это лишь показатель пересечения связей на звуковой линии, и ничего больше.

Иначе и быть не может. Целью проектирования на звуковую линию связей, составляющих языковое выражение мысли, может быть только создание эквивалентов между оппозициями умственными и оп-

* Мы переводим так *procès déjà perfectivé*, т. е. «сделанный совершенным».

позициями «материальными», которые удастся создать на этой линии. Речь идет о двух несовместимых порядках вещей. Дифференциация звуковой линии есть операция «арбитражная», и ее принцип меняется от одного типа языка к другому. В некоторых языках несколько типов связей может быть спроектировано в одну и ту же точку фонической линии, участки этой линии могут находить один на другой и даже «накладываться» один на другой, тем самым нарушая до некоторой степени принцип линейного характера определяющего, сформулированный Ф. де Соссюром.

Таким образом, морфология есть система приемов, употребленных одним данным языком для того, чтобы выявить на фонической линии спроектированные на нее связи. Тогда как фонология есть система приемов, при помощи которых построена фоническая линия. И, наконец, фонетика — это звуковое «инертное» вещество, которое использует фонология. В некотором смысле различие между фонологией и фонетикой напоминает оппозицию между понятиями «продуктивный» и «непродуктивный».

Кн. Н. С. Трубецкой и Р. И. Якобсон показали крайнюю сложность понятия *фонемы* как пересечения отношений, регулирующих «жизнь» звуковой стороны языка. Но насколько же сложнее понятие *морфемы*, если рассматривать его в динамике!

На примере одного ограниченного факта мы хотели показать, что язык выступает как система семиологических центров излучения. Сфера действия каждого очага ограничена либо степенью важности выполняемой функции, либо количеством исходного материала. По мере того как мы удаляемся от центра одного поля излучения, мы отмечаем сокращение «жизненной» энергии; в какой-то момент мы оказываемся в пространстве, куда действие этого очага уже не доходит, но это еще не значит, что это пространство не активизируется энергией, исходящей из другого жизненного источника.

Вот почему в одном и том же глагольном классе, который соответствует чему-то вроде непрочного равновесия между семантикой и грамматикой, [равновесия, реализованного] в одном из пунктов лингвистической системы, [вот почему в таком классе] могут находиться «мертвые» элементы, что не наносит ущерба жизнени класса в целом.

Перевод И. И. Фужерон

К ВОПРОСУ О ЗАЛОГАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ *

Современный русский глагол различает два залога:

- 1° *действительный* (activum), напр. *снег валит; мальчишки бросают камни*;
2° *средний* (medium), напр. *снег валится; мальчишки бросаются камнями*.

Ещё Некрасов и Даль установили, что каждый русский глагол, наряду с обычной «прямой» формой, может также иметь форму «возвратную» на *-ся*. Нужно только напомнить, что небольшая группа глаголов (около 25) имеют только форму на *-ся*, таковы: *сморкаться, каяться, стараться, глумиться* и т. д.¹ Указание Шахматова², что есть глаголы, употребляющиеся только в прямой форме, напр. *возненавидеть, долженствовать, итти***, *телеграфировать* и т. д., несущественно, потому что речь идёт о нескольких изолированных глаголах, большей частью принадлежащих книжно-церковному языку, префиксальных и т. д.—Нет ни одного глагола, который не мог бы быть употреблён в конструкции типа *мне (не) спится*, также можно сказать *мне и не любит-ся и не ненавидится*. Другое указание Фортунатова^{***}, что в ряде глаголов форма на *-ся* не имеет залогового значения, заслуживает внимательного рассмотрения. Мы ставим это указание в связь со сделанным

* Печатается рукопись из фонда №16 ИРЯ РАН, папка 01, подшивка 14, л. 113—115. В [ ] — добавления составителя.

¹ Сюда не включаются те из глаголов, которые в префиксации допускают и обычную форму, напр. *смеяться*, но *просмеять, высмеять* и т. д.; *трудиться*, но *натрудить руки* и т. д. Объяснение этому явлению мы видим в том, что префиксация, конкретизируя вещественное значение слова, делает глагол результативным (т. е. перфективным) и переходным (с прямым дополнением), ср. *лежать* и *пролежать, належать* и т. д.

² *Очерк [современного русского литературного языка]*. Сиб., 1913].

** Здесь и дальше мы строго соблюдаем орфографию автора.

*** [без указания данных].

из него следующим выводом А. М. Пешковского³: залоговая форма на *-ся* вообще имеет значение *словообразовательное*; т. е., другими словами, «залог» не есть грамматическая форма, но семантическая категория. Как мнение Фортунатова, так и обобщённое заключение Пешковского, нам представляются совершенно неправильными.

Суффикс, или лучше, морфема *-ся* не придаёт никакого нового оттенка* семантической стороне слова: вещественное значение глаголов *мыть* и *мыться*, *смотреть* и *смотреться*, *стучать* и *стучаться*, *плевать* и *плеваться* и т. д. может почитаться совершенно идентичным, ибо разница значений, создаваемая противоположением «прямой» и «возвратной» форм, возводится к различию *обобщенных грамматических* залоговых значений *activ'a* и *medium'a*.

В своей «прямой», т. е. *действительной* форме, глагол обозначает процесс, который стремится выйти за «пределы» субъекта, *«process auquel le sujet n'est pas particulièrement intéressé* [Процесс, в котором не особенно заинтересован субъект]»⁴; напротив, в своей «возвратной», т. е. *средней* форме, глагол обозначает процесс сосредоточенный на субъекте, процесс не выходящий за пределы субъекта. Понятие субъекта, в том и другом случае трактуется нами широко, не только как подлежащего, но и как лица, заинтересованного в процессе (напр. *мне хочется*; субъект как «точка приложения» процесса]).

Ср. напр. *Грешницу забросали камнями*; *в грешницу бросают камнями*; *мальчишки бросают камнями* и т. д. повсюду процесс «прямой», действительный, который стремится переступить пределы субъекта (если таковой имеется), и активная форма выражает, что *потенциально* процесс *переходный* (если тому не встретится препятствий в вещественном значении глагола или в нарочитой воле лица говорящего), её формула вычерчивается двояко: *я пишу письмо — я пишу*.

С другой стороны, *Грешницы забрасывались** камнями*; *в грешницу бросались камнями*; *мальчишки бросаются* (так же как *ругаются*, *плюются*, *дразнятся* и т. д.); повсюду процесс сосредоточен в себе самом или в сфере субъекта, где таковой имеется, или в сфере «заинтересованного лица»: *мне (не) спится*, *ему сегодня (не) работается* и т. д. О «переходности» не мо-

жет быть и речи, грамматическое дополнение является *орудием* (*каменьями*), или *обстоятельством* (*она смотрится в зеркало*), или *заинтересованным лицом* (*мне хочется*) и т. д. Средняя форма выражает, что процесс по существу *непереходный*, её формула двойная: *мальчишки бросаются (каменьями) — мальчишкам сегодня не бросается* (ср. *не играет* и т. д. []).

К этим залоговым, т. е. грамматическим различиям сводятся и те, что Фортунатову казались не залоговыми, напр. *я стучу в дверь* = я произвожу известное действие, направленное за пределы меня, как субъекта, можно сказать *ко мне постучали*, *мы постучим его*, т. е. вызовем стучком и т. д., а с другой стороны *я стучусь в дверь*, т. е. я произвожу известное действие, чтобы мне открыли, чтобы на меня обратили внимание, т. е. процесс, в котором особенно заинтересован субъект. Ср. также *он плюёт...* требуется добавить (ибо процесс переходит за пределы субъекта) — *на пол, плюёт на всё* и т. д.; и *он плюётся*, как бы постоянное свойство субъекта, т. е. процесс, сосредоточенный в «сфере субъекта». Или *она смотрит в зеркало*, ожидается указание цели процесса: *она смотрит в зеркало, не появилось ли новых морщин* и т. д., и с другой стороны: *она смотрится в зеркало*, тут всё сказано, цель процесса в нём самом.

Страшную путаницу в вопрос о залогах вносит с одной стороны различие *семантических* разрядов глаголов «возвратных», «взаимных», «средних» и т. д., а с другой стороны привлечение проблемы «переходности» и «непереходности». В действительности же дело и тут обстоит очень просто.

Понятия *переходности* и *непереходности* приложимы только к активному залого, как выражения двух пределов, максимального и минимального, активности, т. е. действительности процесса. Грамматически существуют только *переходные* глаголы, т. е. с *реализованным* дополнением в винительном падеже без предлога, и *непереходные*, т. е. все прочие, в том числе и с *возможным*, но *нереализованным* прямым дополнением (напр. *я пишу*). Для семантики имеет значение различие *переходности прямой* и *не прямой*, и также *непереходности*; причём *переходность* будет опираться на понятие «действия», а *непереходность* — на понятия «становления» и «состояния», т. к. процессы имеют три вида — *действие* (*ходить*), *становление* (*стареть*) и *состояние* (*я болен*). Но тут уж мы совершенно выходим за пределы языка. — Что же касается среднего залога, тут понятия *переходности* и *непереходности* не приложимы, т. к. речь идёт о процессе, сосредоточенном на самом себе в приложении (*en fonction de*) к возможному субъекту.

³ Русский синтаксис.

* Здесь на полях: «сесть ~ садиться».

⁴ A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921. P. 195.

** Над глаголом *забрасывались* по диагонали написано чернилами *результативность*.

Напротив, следует установить *употребления* среднего залога, как грамматической формы. Таковых два: 1° *безличный medium* в отношении возможного заинтересованного лица, выраженного через *dativus interesti*: (*мне не спится, (мне) хочется, (мне) кажется, что...* и т. д.; это употребление самое широкое[,] применимое к каждому глаголу; 2° просто *medium*, как отграниченный, замкнутый (*confiné*) процесс, который иначе, отходя от субъекта, увлёл бы нас к объекту: *дымок вьётся, иначе дымок вьёт...* что или кого? Здесь, чтобы сосредоточить процесс в нём самом, нужно, чтобы субъект выступил на первый план, что иногда, в зависимости от вещественного значения глагола (в активной форме) может иметь характер «возвратного» процесса в самом широком смысле слова (он только что побрил клиента, а теперь сам бреется, т. е. *сам себя* бреет; он схватился за волосы, т. е. *сам себя* схватил и т. д.); или «взаимного» (мальчишки ругаются между собой, т. е. друг друга ругают и т. д.). Но повторяем, ни «возвратности» ни «взаимности» русский глагол не знает*.

Нам остаётся ещё сказать несколько слов о *passiv'e*.

Это не залог. Русский язык, как и многие другие языки, отличает особо процесс, происходящий вне вмешательства *агента* (*agens*), а как бы сам по себе⁵ Но особой и единой грамматической формы для выражения пассивной концепции процесса русский язык не имеет**.

Опорой для пассива служит именная фраза с причастием страдательным прошедшим: *дом был построен*, которая возможна только потому, что существует *построили дом*. Эта форма всегда перфективна, (т. е. результативна), фразы, как *я был посылаем*⁶ из живого языка исчезли. *Имперфективный* pendant к этому типу пассива даётся средним залогом: *дом строится*, но это только семантический эквивалент, само по себе *дом строится* ничуть не пассивно. В самом деле, основные атрибуты пассива, как это явствует из *дом был выстроен* сводятся к сле-

* Перед следующим абзацем менее аккуратным почерком вписано «Пѣшковскій».

⁵ A. Meillet, Овсянко-Куликовский.

** На полях вдоль следующего абзаца набросок схемы:

устране[нн]ый <i>agentis</i> <	неопред. лицо <	perf.-nominal imperf[ec]тив <i>тоуеп</i>
	безличн. <	орудие неодушевлённое без орудия <i>меня тошнит</i>

⁶ См. Богородицкий.

дующему: *выстроенный*, в противоположность причастию *выстроивший*, означает, что характеристика прилагывается к имени извне (т. е. вмешательством волевого акта лица говорящего), следственно субъект не сам производит свою характеристику, он пассивен; в согласии с этим субъект *дом* семантически совпадает с объектом процесса, направленного неопределённым лицом (*дом выстроен = выстроили (жена [?], он) дом*); третий атрибут это перфективность, ибо только результат чего ниб[удь] может быть приложен в именной фразе, а не иная какая ниб[удь] глагольная характеристика. Теперь в *дом строится* мы имеем *семантически* процесс с неопределённым лицом (*дом строится = строят дом*, не может же дом сам себя строить!), где грамматический субъект есть фикция, для семантики он *объект*, а не субъект действия. Вот эти две стороны: субъект = объект и отсутствие определённого лица, т. е. шаг в направлении к устранению агента и позволяет языковому сознанию объединить *дом был построен* и *дом строится*, как два вида (совершенный и несовершенный) одного и того же процесса⁷.

Но наряду с пассивом *именным* (*дом был построен*) и пассивом* *средним* (*дом строится*) существует и пассив *активный* (только для *одушевлённых* субъектов) всегда *безличный*: *солдата ранило пулей, человека убило (громом) и т. д.*⁸, где процесс представляется нередко в сопровождении *орудия* (всегда, конечно, неодушевлённого). Эта форма пассива опять-таки совершенно семантического свойства[:] солдат [—] объект действия, агента нет, дано *безлич[ное]* орудие процесса.

Итак в русском языке три пассива: *именной* (*перфективный*), *средний* (*имперфективный*) и *активный безличный* *одушевлённый* (с творит[ельным] неодуш[евлённым] орудия). Из чего следует, что *passif* не принадлежит к залогам, ибо каждый из них может иметь свой *passif* (и не *passif*[.] Поэтому для устранения путаницы в терминологии нужно было бы говорить о причастиях страдательных и не страдательных)**.

Рукопись подготовлена к печати И. И. Фужерон

⁷ Отметим, что перфектив *дом построился* и т. д. в живой речи не существует.

* В этом месте на полях (напротив) добавлено: «меня тошнит».

⁸ Для деталей отсылаем к нашей работе «Система русского глагола», гл. III, имеющей в скором времени выйти в свет.

** То, что в ( ), в рукописи зачеркнуто автором.

На обратной стороне листа 115 читаем наброски С. И. Карцевского:

сесть сидеть садиться стать (становить стлать) становиться,
лечь лежать ложиться

Ф. Ф. Фортунатов — «О залогах русского глагола», изд. II отд. Акад. Наук, т. IV (1899), кн. 4. «В тѣх рѣдких случаях, гдѣ глагол не переходный (не соединяющийся с дополнением в винит. пад.) получает образование возвратного (непереходного) залога, это образование усиливает существующее уже в глаголь значение непереходности признака, и потому в этих случаях форма возвратного (непереходного) залога не имѣет значений залога.» — 1156.

Сюда краснѣть-ся etc. «быть, являться красным» (но не от *краснѣть* «становиться красным»; хватать-ся. Сюда однако не принадлежит *стучаться* «давать знать о себе стуком», смотреть-ся etc. (здѣсь по Форт[унатову] -ся тоже не залоговое).]

[На полях вдоль следующего абзаца: «водой размыло берега»].

По поводу смеркаться etc. указать, что вид «понятный, ясный» [над этими словами: «relativement motivé»] въ *срубить*, ибо есть *рубить*, не мотивирован в пасть, [вписано надстрочно: «стать»], взять, кончить, etc.

В. А. Богородицкий Общий курс... 1913 стр. 233 («Меня посылают» тоже passif?)

Пѣшковский — М. 1914 залог словообраз[овательная] функц[ия] — 164.

De Saussure *Cours de linguistique générale* [Курс общей лингвистики] 1916.— р. 187 «qui dit grammatical, dit synchronique et significatif» [«грамматический — значит синхронный и значимый (сигнификативный)»].]

Овс[янико-]Куликовский *Синт[аксис] р[усского] яз[ыка]* изд. 2-ое Спб[.] 1912 «Страдательный залог есть форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как недѣйствующее или, лучше, мнимо дѣйствующее и только отвѣчающее на вопрос: кто? что?» Стр. 128[.]

Шахматов *Очерк совр[еменного] русск[ого] литер[атурного] языка*. Спб[.] 1913 считает страд. дѣйств[ительный] и **средний (на -ся)**, бояться, смеяться, побираться, толпиться, осунуться, разстаться, разѣсться, належаться, напиться, дозваться etc. их Ш[ахматов] считает **не** средним залогом, ибо в них -ся не отдѣлимо (?) — стр. 239 в них нѣтъ формы залога [следующее слово неразборчиво][.]

Итак есть глаголы с залоговыми формами и без оных, послѣдние имѣют то [!] только ту же форму, что дѣйств[ительный залог], но не могут соединяться с -ся: итти, долженствовать, телеграфировать, возненавидѣть, вознегодовать; а другие ту же, что глаголы среднего залога, но не могут быть отдѣлимы от -ся: бояться, взгрозодиться. Эти послѣдние можно назвать «отложительными» (р. 240).

О СТРУКТУРЕ РУССКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *

Здесь нас интересует собственно морфология существительного, те структурные элементы, которые отличают его от других частей речи. Именно поэтому остаются в стороне такие слова, как *лѣший*, *мастерская*, *насекомое*, где отсутствует дифференциация морфологии существительного и прилагательного¹. Мы постараемся выявить живые морфологические элементы существительных, а это сводится к изучению словообразования имен существительных в том виде, в каком оно действует сегодня. Но мы сможем представить здесь лишь фрагменты еще незаконченного анализа, который станет главой о существительном в «Структурной грамматике русского языка», над которой мы работаем в данный момент. Без сомнения, целый ряд выводов, сформулированных здесь, потребует в дальнейшем пересмотра.

Одной из основных особенностей существительных является их подразделение на три класса или *рода*. Другой особенностью, не менее важной, является **склонение**.

Среди падежных форм **номинатив** занимает особое место: это нулевой падеж², что делает его «показательной» формой склонения, парадигмы. За редким исключением достаточно знать форму номинатива ед. и мн. числа данного существительного, чтобы определить его склонение и ударение. Итак, мы начнем с номинатива, точнее с номинатива ед. ч.: форма мн. ч. уже менее характерна, так как более унифицирована в морфологическом смысле (окончание *-i/-i'* или *-a/-i'*) и выступает носителем различных конкретных характеристик³. Что же касается формы ед. ч., то она может быть снабжена флексией или

* Статья впервые опубликована на французском языке под заглавием «De la structure du substantif russe» в сборнике *Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis*. Прага, 1932, с. 65—73. В [ ] — добавления переводчика.

¹ См. Н. Н. Дурново, «La catégorie du genre en russe moderne» [«Категория рода в современном русском языке»], *Revue des études slaves*, t. IV, Paris, 1924.

² См. нашу *Système du verbe russe* [«Систему русского глагола», Прага, 1927], стр. 18, сноска 2.

³ См. там же, стр. 34—35.

выступать с нулевой флексией; таким образом, в зависимости от формы номинатива ед. ч. естественно различать «флективное» склонение и склонение «с нулевой флексией».

В настоящее время в русском языке имеется

а) два флективных склонения: 1° существительные женского и мужского рода (*похвала́, громíла*), 2° существительные среднего рода (*торжествó*);

б) два склонения с нулевой флексией: 1° существительные мужского рода (*топо́р / фоно́рь*), 2° существительные женского рода (*топь*).

В первом случае, может быть, правильнее говорить об оппозиции: склонение не-среднего рода — склонение среднего рода. Некоторые слова «с флексией» и обозначающие живых существ относятся, в зависимости от смысла, к мужскому или к женскому роду; таковы, например, *пьяница, ханжа́, скря́га*, таким, возможно, станет слово *судья́*, и т. д. В некоторых оценочных категориях склонение среднего рода (*солнышко, молочи́шко*) явно противопоставлено склонению не-среднего рода (*брати́шка, домы́шка, речу́шка, деду́шка, одежо́нка, мужичо́нка, коро́вёнка, Ва́рька, Та́нька*).

Какова относительная значимость каждого из типов склонения, рассматриваемого в связи с распределением существительных по трем родам?

Если не считать оценочных, все существительные мужского рода с флексией являются одушевленными, а точнее обозначают лиц (включая и некоторые собственные имена, напр. *Миха́йло, Серко́*). Никаких продуктивных суффиксов. Единственный суффикс, который здесь можно выделить, суффикс $\langle -l\ddot{a} \rangle^4$ (*ловчи́ла, вышиба́ла*), уже непродуктивный. Напротив, вполне продуктивными являются ласкательные и пренебрежительные суффиксы $\langle -\dot{s}k-\ddot{a} \rangle$ и $\langle -nk-\ddot{a} \rangle$ (см. ниже) и иногда встречающийся увеличительный суффикс $\langle -in-\ddot{a} \rangle$ (*хупчи́на, домы́но*), — все они образуют существительные мужского рода, которые склоняются по типу *похвала́, громíла*, — тогда как малоупотребительные существительные с увеличительным значением типа *зверы́ще, топоры́ще* склоняются как существительные среднего рода (естественно, постольку, поскольку они встречаются в косвенных падежах). Основа мужского склонения с флексией — твердая.

⁴ $\langle \rangle$ = Фонологическая транскрипция. [Как можно убедиться, транскрипция, предлагаемая Карцевским, скорее фонетическая, нежели фонологическая. — И. Ф.]

Существительные мужского рода с нулевой флексией представляют собой очень живой тип, развивающийся благодаря употреблению многочисленных суффиксов (см. ниже). Здесь также преобладает твердая основа. В типе с мягкой основой отмечаются лишь следующие продуктивные суффиксы: а) суффикс $\langle -t'íl' \rangle$, несколько книжного характера (*учи́тель, поджигáтель*); б) $\langle -i\check{s} \rangle$ для отчеств и собственных имен, обозначающих происхождение (*костромíч, Петро́вич*); в) $\langle -a\check{s} \rangle$, малопродуктивный в литературном языке (*слухáч, избáч*).

Существительные женского рода с нулевой флексией образуются всего лишь двумя способами: а) прибавлением суффикса $\langle -\ddot{a}st' \rangle$, продуктивного для образования абстрактных имен, как правило лишенных множественного числа (*ста́рость, уста́лость*); б) сокращением до основы (*высь, глубь, течь, прору́бь, пустошь, блажь*); конечная согласная основы здесь мягкая, кроме *ж* и *ш*.

Существительные женского рода с флексией располагают большим количеством суффиксов и представляют очень живой тип. Доминирует основа на твердый согласный, т. к. мягкий тип продуктивен только с суффиксом $\langle -l'n'\ddot{a} \rangle$ (*бели́льня, спáльня*).

Существительные среднего рода располагают только типом склонения с флексией; это склонение мало чем отличается от мужского склонения с флексией. Продуктивными являются следующие суффиксы: а) $\langle -n'ij'\ddot{a} \rangle$ (*гуля́ние* или *гуля́нье*), б) $\langle -stv\ddot{a} \rangle$ (*хупе́чество*), в) $\langle -j'\ddot{a} \rangle$ (*Заво́лжье, подземéлье*) и $\langle -jo \rangle$ пренебрежительный и собирательный (*мужичё́, бабьё*). Большинство этих существительных не имеет множественного числа. Добавим к этому оценочные суффиксы $\langle -k\ddot{a} \rangle$ и реже $\langle -c\ddot{a} \rangle$ (*ведёрко, блóдечко, ма́слице*). Множественное число среднего склонения на $\langle -k\ddot{a} \rangle$ ничем не отличается от не-среднего типа с флексией. Все это приводит к выводу, что среднее склонение в настоящее время — склонение непрочное.

Таким образом существует лишь два склонения, реально живых, ибо уходящих корнями в деривацию: 1° не-среднее склонение с флексией, с твердой основой, и 2° мужское склонение с нулевой флексией, также с твердой основой.

Современное распределение флексий совпадает лишь частично с различием родов. У существительных, имеющих только форму множественного числа, значение рода фактически отсутствует⁵.

⁵ Ср. А. А. Шахматов, «Очерк современного русского литературного языка», стр. 88.

Перейдем к краткому рассмотрению именной деривации. Мы оставляем в стороне сложные слова (типа: *Днепростро́й, пятиле́тка, человекоде́нь, Пляши-нога́*) и мы лишь слегка затронем роль именной префиксации (*прóру́бь, Приура́лье, разгу́лье, прогу́лка, прогу́л, при́город*).

В первую очередь следует различать обычные слова, безоценочные (*река́, лес*), и слова, выражающие ту или иную оценку (*ре́чка, речу́шка, речо́нка, реченька, лесо́к, лесочек*). Последние образуются от первых.

В настоящий момент можно выделить следующие семантические категории, пополняющиеся деривацией (в скобках указан грамматический род слов каждой категории).

А. Безоценочные слова

I. Одушевлённые

1° Обозначение лиц (м. ж.)—2° Обозначение детенышей (м.)—3° Отчества (м. ж.)

II. Неодушевлённые

а) абстрактные:—1° Действие (ж. ср.)—2° Состояние (ср.)—3° Качество (ж.)

б) конкретные:—1° Место (ж. ср.)—2° Орудие (ж.)—3° Предмет (м. ж.)

Б. Слова, выражающие оценку

I. Имена собственные

1° Слова положительной оценки (ласкательные) (м. ж.)—2° Слова отрицательной оценки (пренебрежительные) (м. ж.)

II. Имена нарицательные

а) оценка количественная:—1° Уменьшительные (м. ж. ср.)—2° Увеличительные (м. ж. ср.)

б) оценка качественная:—1° Слова положительной оценки (ласкательные) (м. ж. ср.)—2° Слова отрицательной оценки (пренебрежительные) (м. ж. ср.)

Различение между одушевленными и неодушевленными опирается на различие двойной формы винительного падежа мн. ч. (в единственном числе она имеется только в мужском роде).

Значение рода оказывается мотивированным в следующих случаях: 1° в какой-то мере в оценочных существительных, т. к. они повторяют род тех слов, от которых образованы; так, *старичи́шка, старика́шка, старичо́нка, старичо́к*,— все они мужского рода, потому что это род слова *ста́рик*; 2° в именах собственных и в обозначении лиц различие в роде определяется различием полов; естественно также, что собственные географические названия (в разделе «Место») типа *Закавказье, Прика́мье, Поморье*—среднего рода, т. е. ни мужского, ни женского.—Характерной чертой существительных живого типа, обозначающих лиц, является наличие варианта женского рода рядом с каждым существительным мужского.

Существительные, обозначающие лиц.—Отглагольные существительные образуются при помощи следующих суффиксов: <т'ил'> (*собира́тель*); <л'šč'ик> (*курильщи́к*); двух непродуктивных суффиксов <л'ис> (*корми́лец*) и <ин> (*лету́н*). Теоретически от каждого глагола можно образовать имя «агента» при помощи суффикса <т'ил'> (напр., *расска́зыватель*), но именно поэтому эти слова имеют общее, почти формальное, значение и существуют скорее потенциально. Реально жизненными являются лишь слова, которые конкретизируются специализируясь, напр. *Спаси́тель, чита́тель, писа́тель*, и т. д.—При помощи следующих суффиксов новые существительные образуются чаще от имен: <šč'ик> и (после <dl't>) <č'ик> (*прогу́льщик, тра́кторщик, газе́тчик*); <ǎšč'ik / -ofšč'ik> (*бунтовщи́к, устано́вщик, старье́вщик*); <п'ик> (*ча́стник, культу́рник, обра́тник*); малопродуктивный <еп'ис> (*выдви́женец, обновле́нец*) и суффикс <ас> (*изба́ч, сноха́ч, рвач*), скорее просторечный.—Особо следует отметить суффиксы, обозначающие лиц по их принадлежности к географическому месту или к группе людей: <ап'ин> (*южа́нин, люте́ранин, англича́нин*; ударение на элементе <ин> крайне редко); <ис> (*шлис-сельбу́ржец, толсто́вец, голла́ндец, парти́ец, бакы́нец*); <'ак> (*сибиря́к, туля́к*); <и́ч> (*москвй́ч, вятчи́ч*)*; отметим также образование отчеств: *Петро́вич, Ильи́ч, Ива́ныч* или *Ива́нч*.—Из заимствованных суффиксов распространены: <ист> (*отзови́ст, чехи́ст*), <ор, -ер> (*милиционёр, паникёр, дири́жёр, украи́низатор*); более редко встречается суффикс <ант> (*хурса́нт, сабота́нт*).—Для образования существительных женского рода употребляются суффиксы <п'и́ца, -и́ца, -ка́>, в отчествах <п'а́>, в существитель-

* Нельзя не отметить некоторого несоответствия между «ударным» и примером с ударением на корне *вятчи́ч*. Вероятно, в французском тексте опечатка и не хватает суффикса <и́ч>.

ных на <-r>, в настоящее время в основном иностранного происхождения, употребляется суффикс <-šǎ>; так, встречаем: *учительница, курильщица, газетчица, выдвигенка, южанка, толстовка, сиделка, сибирячка, Петровна, Ильинишна, чекистка, милиционерша, украинизаторша*; иногда встречаются образования типа *врачѣха, врачѣха*; от существительных мужского рода с суффиксом <-in> женский род образуется при помощи суффикса <-in-jǎ> (*летунья*).

Для обозначения детенышей животных мы располагаем суффиксом <-onǎk>, а во множественном числе <-atǎ> (*гусёнок / гусята*); в единственном числе с ним иногда соперничает суффикс <-onǐš> (*тигрёныш*, рядом с *тигрёнок*).

Переходя к неодушевленным, заметим, что разделение на абстрактные и конкретные имеет под собой лишь то основание, что «абстрактные», пока они остаются таковыми, не имеют множественного числа.

Действие.—Суффикс <-n'ǐjǎ>, стягиваясь до <-n'jǎ> (*гуляние и гулянье*), представляет аналогию с суффиксом <-t'ǐl'>. От каждого глагола можно образовать отглагольное существительное с суффиксом <-n'ǐjǎ>. Но пока это лишь простая транспозиция процесса в рамки существительного, оно не имеет реального существования (напр., *выигрывание, выработывание, разрисовывание*). Чтобы войти в словарь, оно должно конкретизироваться (напр., *гуляние, прогулка, прогул, разрисовка, выработка, выигрыш* и т. д.). Именно суффикс <-kǎ> используется для образования конкретных существительных. Они обозначают скорее не процесс, а действие, рассматриваемое глобально, исходя из его результата или конкретного продукта (*рубка, ковка, кладка, поливка, отставка, обивка*). Поэтому они, как правило, имеют и префикс⁶.—Суффикс <-acǐjǎ>

⁶ Довольно большую категорию составляют существительные мужского рода с нулевой флексией, соответствующие глагольной основе и чаще всего снабженные префиксом (*лёт, полёт, налёт...*; *разрыв, срыв, прорыв...*; *уклон, расстрел* и т. д.). Для этой категории образование способом сокращения до основы, без флексии и суффикса кажется более непродуктивным (напротив, ср. аналогичные существительные женского рода, но обычно без префикса: *топь, высь, даль, прорубь, пристань* и т. д.). Однако префиксация всегда предоставляет некоторые, хотя и ограниченные, возможности создавать новые слова, используя запас приставок, существующих в языке, напр. **урыв, *врыв, *зарыв, *дорыв* и т. д.—Обычно абстрактные отглагольные существительные образованы от глаголов несовершенного вида (*выработывание, зарабатывание*), тогда как конкретные образуются преимущественно от глаголов совершенного вида (*выработка, заработок*).

служит для образования более абстрактных существительных (*советизация*).

Состояние.—Идея процесса отсутствует; отглагольные существительные (*колдовство, мотовство*) вообще исключение. Образования от основ существительных при помощи суффикса <-stvǎ> обозначают социальное положение, профессиональное, состояние идей, душевное состояние и т. д. (*взяточничество, учительство, монашество, дворянство, толстовство, поражёнчество, братство, превосходство, молодёчество, удалство, вдовство*); существительные с ударной флексией не представляют собой живой категории). К этой же категории относятся существительные с заимствованным суффиксом <-izm> (*ленинизм*).

Качество.—Суффикс <-ǎst'> очень абстрактный и особенно свойственен словам литературного языка (*никчёмность, бездарность, забитость, ударность*), он образует существительные отыменные, и главным образом от прилагательных.—Другим, более конкретным способом для выражения качества является образование новых слов путем сокращения основы до корня; конечная согласная основы мягкая (кроме *ш* и *ж*), окончание отсутствует (*глубь, ширь, глушь, удаль, блажь, даль, падаль, рвань*). Трудно сказать, образуются ли эти существительные от глагола или от прилагательного; очень возможно, что основа корня выделяется только при сопоставлении однокоренных слов (напр., *глубокий, углубить, глубина, глубь*).

Место.—Для образования слов, обозначающих место, где происходит то или иное действие, имеется два суффикса, образующих существительные женского рода: 1° <-l'n'ǎ> (*белильня, читальня, спальня*); образование существительных от наименования лиц: *пекарня, псарня*—способ непродуктивный, как непродуктивны и сами слова с суффиксом <-ar'>. 2° <-lkǎ> (*раздевалка, учредилка, танцулька*), эти слова звучат уничижительно или вульгарно.—Суффикс существительных среднего рода <-jǎ>, чаще всего в комбинации с префиксом, служит для образования названия участка, области от именной основы (*взморье, Семиречье, предгорье, предплечье, подземелье*); эти существительные обычно не имеют множественного числа.—Для выражения названия местности, любого из трех родов, может также использоваться прилагательное (*Свердловск, Старогладовская, Архангельское*).

Орудие.—Для выражения этой идеи русский язык располагает в настоящее время только суффиксом <-lkǎ>, который позволяет образовывать отглагольные существительные женского рода (*зажигалка, качалка, вёшалка, сёялка*). Эти существительные отличаются

только по смыслу от слов с тем же суффиксом, обозначающих место, но в противоположность этим последним они не несут никакой уничижительной оценки.

Предмет.— Названия предметов мужского и женского рода могут быть образованы рядом суффиксов. Средний род в этом плане непродуктивен.— Между суффиксами мужского и женского рода существует некоторый параллелизм форм, который раньше, вероятно, был более систематичен и куда входил и средний род. Вот эти суффиксы: <-n'ik> (чайник, рукомойник, ёльник) и <-n'icā> (чайница, гостиница, масляница); <-ok> (с префиксом *o-* безударный): гудок, кусок, белок, окурок, забавок) и <-kā> (непрерывка, потребловка, селянка). Этот последний суффикс часто выступает в форме <-fkā, -lfkā> или <-nkā, -čkā>, в зависимости от того, формирует ли он отглагольные или отыменные существительные; простой суффикс <-kā>, кажется, непродуктивен. Если суффиксы <-ok> и <-kā>, особенно <-čkā>, не смешиваются с соответствующим уменьшительным суффиксом (см. ниже), то это потому, что недостает исходного существительного, которое должно было бы представлять «положительную степень».— Суффикс мужского рода <-n'āk> (дубняк, особняк, сытняк) служит для образования слов от основы прилагательных и является не очень продуктивным.— Суффикс женского рода <-āfšcītā, -ofšcītā> (плекановщина, обломовщина; уголвщина, поножовщина) малопродуктивен. При их помощи образуются полуабстрактные существительные с оценочным значением, положительным или отрицательным. Наконец, следует сказать о двух суффиксах женского рода, одинаковых по форме и малоупотребительных: 1° <-itā>, суффикс, обозначающий единичность и скорее просторечный (солотина, ягодина, штанина, газетина), и 2° <-itā> (название мяса: баранина, свёржжина). Такие продуктивные суффиксы, как <-n'ik> и <-n'icā> употребляются, как мы видели, для обозначения и лиц и вещей (можно сказать сахарница о девушке, которая любит сахар, но вместе с тем это предмет чайной посуды для сахара), то же можно сказать о суффиксе <-ok> (ездок).

Изучение оценочных существительных вызывает огромное число вопросов, которые мы не можем поднять здесь. Но не следует упускать из вида, что это отыменные существительные, что они образуются от обычных конкретных слов и воспринимаются как оценочные, только если опираются на эти последние. «Количественная» оценка (термин не очень точен) основывается на механизме, состоящем из трех членов: лес («положительный» член)—лесок («уменьшительный» член),—лесочек («уменьшительно-ласкательный» член). Если

нет первого члена отношения, оценки могут быть нарушены и может иметь место сдвиг. Так, в серии *ковш — ковшик — ковшичек* или *нож — ножик — ножичек* второй член стал обычным словом и обозначает особый вид черпака или ножа (перочинный ножик), в этом случае первый член, если мы вводим его в схему, воспринимается скорее как нечто увеличительное. В результате «ласкательное» значение третьего члена слабеет, и он превращается просто в «уменьшительный» член. Ср. также (*плат*)—*платок — платочек*; (*меш*)—*мешок — мешочек*; (*булав*)—*булавка — булавочка*; *звезда*—()—*звездочка*; *блюдо*—*блюдец — блюдечко*. Что касается настоящих увеличительных типа *купчина, домно, зайчище, бабища*, и др., то они редки и мы на них останавливаться не будем.

Уменьшительными суффиксами («второй член») мужского рода являются следующие: <-ok /-āk> (голосок, лесок, домок, ремешок, черновичок, старичок, монашек, краешек); <-ik>, менее продуктивный (дбмик, фонарик), и <-čik> (купчик, палчик, балаганчик, шелкунчик), продуктивность этого последнего относительна, так как он употребляется для образования уменьшительных только от существительных с суффиксом <-ec>, <-ap> и <-up> (палец, балаган, шелкун). Уменьшительно-ласкательная степень обслуживается только суффиксом <-čik> (голосочек, лесочек, работничек, ножичек), с беглой гласной, что отличает его от суффикса <-čik> не ласкательного. К словам вроде *мальчик, старичок*, т. е. оканчивающимся на <-čik> или <-čok>, не может прибавляться уменьшительно-ласкательный суффикс <-čik> (образования *пальчишек, *старичочек возможны только в устной речи).— Соответствующими суффиксами женского рода являются <-kā> (ямка, книжка, ручка, купаленка) и <-āčkā> (ямочка, книжечка). И опять слова на <-čkā> (ручка) не позволяют прибавления уменьшительно-ласкательного суффикса <-āčkā> (*ручечка могла бы быть только фактом речи); кроме того, слова на <-čkā> (купаленка) легко смешиваются с ласкательными «качественными» (головонька, рученька), которые могут образовывать уменьшительные и с суффиксом <-čkā>. Отметим также, что существительные женского рода с нулевой флексией почти всегда остаются за пределами трехчленной схемы: отношения между *сеть — сетка — сеточка* и *нить — нитка — ниточка* приблизительно те же, что в случае *нож — ножик — ножичек*; в других случаях они относятся к непродуктивным типам, например: *часть — частица — частичка, пыль — пыльца*, где слова *частица* и *пыльца* обладают особым значением.— Суффиксы среднего рода малопродуктивны, они смешиваются между собой и с суффиксами

«качественной» оценки (*ведёрко* — *ведёрко* — *ведёрчко*; *молоко* — *молочко*; *место* — *местёчко*, [*сердце* —] *сердечко*; *яйцо* — *яйчко*; *лицо* — *личико*; [*плечо* —] *плёчишко*; *ухо* — *ушко*). Суффикс среднего рода (<’iĭā>), кажется, продуктивный, он присоединяется к словам на (<’jā>) (*имёнщице*, *платьщице*, *развлечёнщице*). Все прочие уменьшительные суффиксы с (<-s>) являются непродуктивными (*нарóдец*, *брáтец*; *водíца*, *сестрíца*, *дверца*; *ружьёц*, *письмец*, *винц*, *коры́тце*, *ры́льце* и др.).

Вполне вероятно, что существительные «качественной» оценки входят для себя наиболее прочную точку опоры в собственных именах людей. Это в отношении человека к человеку, а не человека к предмету могут возникнуть и потребовать своего выражения самые разные чувства, такие как нежность, презрение, любовь, уважение, а также их самые неожиданные комбинации. Вот несколько примеров таких аффективных существительных: *Вáня*, *Вáнечка*, *Ваню́ша*, *Вáнюшка*, *Ваню́шка*, *Вáнька*, *Ивáшка*; *Аня*, *Анечка*, *Аню́та*, *Аннушка*, *Аню́тка*, *Анька* и т. д. К этому следует добавить существительные, обозначающие родственные связи: *дедушка*, *бабушка*, *бабинька*, *ма́тушка*, *ма́мочка*, *ма́менька*, *ма́монька* (просторечие), *братíшка*, *сестрѐнка*, *сестрíчка* и др.

Здесь мы имеем дело не с трехчленной схемой. Шкала оценки состоит всего из двух полюсов: один отмечен знаком (+), другой — знаком (–). Но если первый соответствует чувству симпатии, любви, нежности, уважения, а второй чувству антипатии, неуважения, презрения, и т. д., то сложность конкретной ситуации часто создает комбинации самых неожиданных и неоднородных аффективных значений. Любовь, например, не обязательно предполагает уважение, и поэтому невозможно раз и навсегда определить все формы, соответствующие одному полюсу и не встречающиеся в другом. Интонация может полностью изменить исходное значение форм. Формы всегда оканчиваются на (<’ā (<’ā, -kā, -šā, -n’kā, -čkā, -škā)>). «Ласкательными», естественно, выступают формы на (<’čkā>), а также на (<’šā>) и на (<’n’kā>), тогда как формы на (<’škā>) имеют ласкательное значение только при ударении на корне, в противном случае эти формы служат для выражения неуважения, фамильярности; вместе с тем формы на (<’kā>) явно «пренебрежительные».

«Оценочные» формы нарицательных существительных строятся по примеру собственных имен людей. Здесь обычно суффиксы противоположных значений различаются больше по ударению, чем по их фонемному составу. Кроме того существуют переходные случаи: так, «ласкательный» ударный суффикс (<’uškā>) и «пренебрежительный» безударный (<’iškā>) посредством переноса ударения ослабляют свое перво-

начальное значение и сближаются в некоторой непочтительной, но отнюдь не враждебной вольности выражения (*речу́шка*, *работи́шка*).— Изменению значения суффикса может также способствовать семантическое значение существительного, например тот факт, что оно обозначает «одушевленное существо», а не предмет и что речь идет о человеке определенного социального положения (так, *офицѐришка* звучит более «пренебрежительно», чем *водовóзшишка*; *вору́шка* более презрительно, чем *вор*, но в форме *братíшка* сокращение «размера» способствует лишь большей степени аффективности), и т. д. Таким образом, понятно, что а ф ф е к т и в н ы е образования постоянно приводят нас в область речи. Постараемся, однако, определить их общие характеристики. Но следует всегда помнить, что количество слов, имеющих аффективные формы, невелико и к тому же ограничивается вещами привычными и существами близкими.

Можно выделить две серии аффективных суффиксов, одна содержит элемент (<’nk->), другая — элемент (<’šk->); первая из них, похоже, не очень продуктивна.— Суффикс женского рода (<’an’kā>) выражает явно положительную оценку, но он скорее просторечный, чем литературный (*берѐзонька*, *бабонька* (<’bāba>), *рученька*, *реченька*), пренебрежительным суффиксом женского рода является суффикс (<’on’kā>) (*избѐнка*, *бабѐнка*, *речѐнка*, *одежѐнка*); к этому надо прибавить несколько отдельных существительных мужского рода, таких как *мужичѐнка*, *зайчѐнка*. Но такие слова, как *ручѐнка*, *головѐнка*, *рубашѐнка* и некоторые другие, выступают как ласкательные. Все говорит о том, что продуктивность этого суффикса сводится к нулю.— Положительную оценку несет в себе и суффикс женского рода (<’iškā>) (*зazнѐбушка*, *головушка*), с его помощью тоже образуются некоторые одушевленные существительные мужского рода (*солѐвушка*, *детíнушка*) и одно существительное неодушевленное, но олицетворяющее — *хлѐбушко* (*ржаной хлѐбушко калачу дедушка*). Пренебрежительные суффиксы следующие: (<’oškā>) для образования существительных женского рода (*головѐшка*, *рубѐшка*) и для одного существительного среднего рода — *говѐшко*; (<’iškā>) для существительных мужского и среднего рода (*вору́шка*, *домíшко*, *ружьѝшко*, *молочíшко*), а также для некоторых редких существительных женского рода (*картíшки*, *деньжѝшки*); отметим еще изолированные слова, такие как *старикáшка* и, может быть, *букáшка*; но слова *зайчѝшка*, *сердчѝшко* имеют явно ласкательное значение. Такие образования, как *солнѝшко*, *крѝльшѝшко*, *воробушек*, *ка́мешек*, являются, на наш взгляд, непродуктивными.— Суффикс (<’uškā>) с пере-

мещенным ударением образует неодушевленные существительные женского рода (*деревúшка, речúшка, комнатúшка*), одушевленные существительные женского рода с этим ударным суффиксом выступают как положительные, явно ласкательные (*девчúшка, простúшка, болтúшка*); безударный суффикс <-íškā> для всех трех родов образует существительные, несколько пренебрежительные (*работишка, забóришко, имёнъишко, нарóдишко*).

Нельзя не отметить суффиксы для образования собирательных существительных пренебрежительного характера: <-jo> для среднего рода (*жулуцьё, бабьё*) и малопродуктивный <-n'a> для женского рода (*матросня́, солдатня́*).

Все оценочные существительные — существительные с флексией; имеется два типа склонений: не-среднее, включающее существительные женского и мужского рода, и среднее.

Анализ словообразования показывает, что тематическими согласными флексии в настоящее время являются <-n-, -j-, -c- и -l-> и, наиболее распространенная, <-k->. Преобладание -k- приводит к тому, что различие между твердым и мягким типом сокращается, так как в некоторых случаях оно исчезает совсем.

Этот же анализ позволяет нам сделать некоторые выводы в отношении ударения. Ударение в новых образованиях постоянное и падает либо на корень, либо на первый элемент суффикса; конечное ударение бывает только в словах на <-ok>, а также в некоторых словах на <-ec> (*боёц, молодёц*); эти последние не составляют продуктивной категории. В некоторых отдельных словах с суффиксом <-án'in> с ударением на <-in> ударение остается на этом элементе во всех падежах единственного числа и переходит на элемент <-an-> во всех падежах множественного (*христиани́н, христиа́не*). Оппозиционное ударение (типа *па́рус / паруса́*), сохраняя за собой определенное место, не характерно для новых образований.

Мы не можем останавливаться здесь на чередовании корневой согласной при словообразовании. Оно встречается почти исключительно перед оценочными суффиксами, а также перед суффиксами <-onák, -an'it, -já> (*волк > волчёнoк, Во́лга > волжа́нин, река́ > заре́чьe*); это чередование *к~ч, г~ж, х~ш* и иногда *ц~ч*: *па́лец > па́льчик*.

Женева. Май 1932 г.

Перевод И. И. Фужерон

БЕССОЮЗИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Тот как будто бы простой факт, что два предложения (иначе говоря, два акта предикации) могут образовать одну фразу, передающую мысль сложную, но единую, ставит весьма важные проблемы. Они здесь будут рассмотрены только частично, в виде вступления к последующему исследованию, более углубленному и полному.

Когда две возможные фразы объединяются в одну, то последующую следует рассматривать как присоединяемую к предшествующей фразе. Говорящий субъект, далеко не считая их равноправными, рассматривает последнюю как зависимую от первой. Из двух законченных предложений второе всегда «неударяемое», точнее, оно характеризуется ослабленной интонацией, поскольку фонологическая вершина фразы находится в первом предложении¹. Что касается тех средств, при помощи которых осуществляется эта операция, то они /естественно/** черпаются из речи /в соссорианском смысле этого термина/. В зависимости от потребности, применяются либо средства, используемые в диалоге, либо средства, свойственные монологу (именно здесь, как нам кажется, следует искать отправную точку противопоставления: сочинение ~ подчинение).

То, что принято называть сочинением, — это передача следующего противопоставления внутри фразы, принадлежащего диалогу: отношение противительное ~ отношение не-противительное. Говорящий субъект последовательно, но в пределах одной коммуникации-фразы заменяет в своем сознании то одного, то другого со-

* Рукопись статьи на французском языке хранится в архиве ИРЯ РАН, ф. 16, папка 12, подшивка 04, л. 16—13. Впервые опубликована в кн. Serge Karcevsky: *Inédits et introuvables*, Collection linguistique. Paris: Peeters, 2000. P. 217—237. Первая публикация на русском языке, подготовленная Н. А. Поспеловым в переводе Е. А. Иванчиковой, представлена в журнале «Вопросы языкознания», 1961 г., № 2, с. 125—131.

¹ Об единственном отступлении от этого правила см. ниже.

** Скобки, намеченные автором карандашом, обозначены косыми линиями; в квадратные скобки помещены карандашные вставки и приписки автора.

беседника. Сочинение является эксплицитным, поскольку оно прибегает к специальным знакам — союзам, из которых самые основные, а именно *но*, *а*, *да* и *и*, — не что иное, как включенные внутрь фразы восклицания².

Существует, однако, одна разновидность фраз, которая обходится без эксплицитации. Возьмем следующую фразу из Л. Толстого: «Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на поденную работу». Очевидно, здесь речь должна идти не о прерванном перечислении, [а об эллипсисе]. Здесь мы имеем дело с приемом экспрессии. Спаренные члены соединены посредством союза, находящегося на ступени нуля. Этот союз по своей природе двувалентен, т. е. он может быть интерпретирован или как противительный [*но*, *а*], или как не-противительный [*и*]; его можно назвать нейтральным союзом.

По установившейся традиции сочинению [обычно] противопоставляется подчинение. Однако подчинению — как психологически, так и исторически — предшествует бессоюзи е, явление всегда живое. Именно бессоюзие первоначально должно было противопоставляться сочинению /как не-эксплицитность [знак позитивный] противопоставляется эксплицитности [знак нуля]/. Здесь речь идет, в сущности, о слиянии двух возможных фраз в единое целое, причем при исследовании средств лексикологических или грамматических не исключается и план фонологический.

Существуют три разновидности бессоюзных структур.

1. Не будучи предварительно известным, второе предложение просто присоединяется к первому, уже оформленному в виде фразы. Например: «Приехали в степь, заря занимается» (Л. Т.); «Стоит изба, — плетнем огорожена»; «Погода была прекрасная, — ни облачка»³ и т. д. Это структуры с ослабленной связью. Можно было бы сказать, что, начиная фразу, говорящий субъект не предвидит того, что первый акт предикации будет в ней сопровождаться вторым. Он обнаруживает это только потом, после того, как каденция уже закрыла коммуникацию. Ему остается только заключить присоединенное предложение новой каденцией, на этот раз более решительной. Вот почему фонологическим признаком этой разновидности бессоюзия является

² См. «Cahiers F. de Saussure», I (1941), стр. 14 и 72—75, а также «Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague», VI (1939—1940), стр. 6—9.

³ В этих предложениях тире зачеркнуто карандашом. Здесь и ниже в примерах сохраняется пунктуация автора. — Н. П[оспелов].

неожиданная каденция внутри фразы. Присоединение — это прием, свойственный монологу /и если собеседник В дополняет таким образом фразу своего партнера, это значит, что он его заменяет/. Ничто не препятствует тому, чтобы присоединенных предложений было несколько. В этом случае, чтобы не получилось перечисления, каждая новая каденция должна быть более сильной, чем предыдущая. Простейшая фонологическая схема, тем не менее, остается такой, как мы ее описали: речь идет о структуре открытой.

2. Второй акт предикации является предусмотренным, о нем известно в первом акте. Структурная схема целого осознается говорящим субъектом прежде, чем он начал говорить. «Будет хорошая погода, — пойдем гулять»; «Конь бежит, — земля дрожит»; «Волков бояться, — в лес не ходить»; «Мы были в трауре, — бала дать нельзя было». Вторая предикация выводится из первой как из своей посылки. Обе предикации взаимосвязаны. Здесь мы имеем дело с закрытой структурой. Отсутствие каденции внутри фразы указывает на то, что конец первого предложения не создает окончания коммуникации. Отсутствие каденции обычно подчеркивается резкой антикаденцией, предупреждающей о продолжении. Интонация второго предложения — это, естественно, интонация понижения. Такая структура представляет собою фонологическую структуру высказывания, охватывающего только два акта предикации. Напряженная интонация типа «вопрос» первой части фразы делает эту часть психологическим субъектом. Интонация ослабления напряжения — типа «ответ» — делает вторую часть психологическим предикатом фразы. Хотя высказывание — явление монологическое по преимуществу, однако оно обязано своей автономностью тому факту, что в его фонологической структуре оказываются приведенными в равновесие «фрагментарные» интонации вопроса и ответа; таким образом, диалектически преодолевается противопоставление, разделяющее участников диалога. Именно этим типом структур предпочтительно пользуются сентенции: структуры интонационно ослабленные, открытые, очевидно, лишены дидактической экспрессивности. Что касается третьего типа, о котором будет сказано дальше, то область его применения очень ограничена.

Продолжая сопоставление двух типов бессоюзия и оставляя в стороне фонологический план, можно констатировать, что они соответствуют двум противопоставленным типам последовательности. В открытой структуре основная предикация формирует первую часть фразы как законченное целое, к которому вторая предикация присо-

диняется в виде добавления. Это последовательность прогрессивная (AZ), направляющая мысль по пути анализа. Структура закрытая—это структура в высшей степени синтетическая. Здесь основная предикация, сосредоточенная на второй части фразы, прикрепляет эту часть к первой части как ее заключение. Это последовательность регрессивная (ZA).

3. Третий тип бессоюзия—нейтральный с точки зрения последовательности. Одинаково можно сказать как «Я завтра должен уехать,—сказал мне брат» (AZ), так и: «Брат мне сказал: Я должен завтра уехать» (ZA). В этом типе равным образом допускается и особая структура, где одно из предложений включено в другое: «Я,—сказал мне брат: должен завтра уехать». Здесь речь идет уже не о «линейном» расположении двух актов предикации—одного после другого, но о двух «концентрических кругах». И если интонация указывает на то, что вставное предложение является чужеродным телом по отношению к остальной части фразы, то это также оказывается средством включения его в структуру целого. Здесь речь идет о передаче двойной апперцепции: поскольку психологический акт раскалывается на объект и на субъект, лицо говорящее утверждает, что оно нечто утверждает. Наиболее распространенным представителем этого типа структур является прямая речь. Из двух предложений менее значительным оказывается, естественно, предложение, указывающее на способ, при помощи которого лицо говорящее выступает в качестве субъекта: ср. *verbum dicendi, sentiendi* и т. д. Именно это предложение свободно меняет свое место по отношению к другому, выражающему объект, и легко обращается в простую частицу: *dit-il, мол, -де* и т. д.

Здесь уместно ненадолго возвратиться к вопросу о перечислении и. Серия перечислений должна обязательно включать в себя более двух членов. /Сочинение же, как и бессоюзие, имеет дело только со структурами, состоящими из двух членов./ Следует, кроме того, подчеркнуть, что между двумя членами, соседствующими в серии перечисления, нет никакого отношения. Все, что их сближает,—и интонация хорошо это показывает—это идентичность их позиции по отношению к общему, но внешнему для серии члену. Из этого следует, что перечисление не принадлежит ни к области сочинения, ни к области бессоюзия, но противостоит им обоим сразу как структура с нулем непосредственного отношения между ее членами. [Это не все!]

Подчинение—это не что иное, как эксплицитация тех отношений, которые эволюционирующая мысль предпочитает раскрывать внутри структур бессоюзных. Русский язык использует для этой цели местоимения серий *t* (деиктической) и *k* (игноративной).

Одно из двух объединенных предложений имеет в качестве знака *t*, индексом другого служит *k*. Формула структур аналитических, с прогрессивной последовательностью, обозначается как *t/k*, например: «Он поступил *так*, как ему советовали». Формула структур синтетических, с регрессивной последовательностью—*k/t*, например: «*Кто* не работает, *тот* не ест». [«Что город, то норов».]

Поскольку нет необходимости в том, чтобы каждое из связанных предложений имело позитивный [эксплицитный] знак⁴ своей функции, *t* обычно опускается, если только оно специально не подчеркивается. Например: «Я прочел (*ты*) книгу, *которую* (или *что*) вы мне прислали»; «*Когда* он заходит ко мне, (*тогда*) мы подолгу с ним беседуем». Есть случаи, когда трудно, если не невозможно, эксплицитировать *t*, не совершая при этом насилия над языком; например: «Он хóчет ( ), *чтобы* я зашел к нему»; «Мы увидели ( ), *что* по улице бегут люди»; «Он засну́л ( ), *как* убитый». Совершенно исключительны случаи, когда опускается *k*,—это имеет место только в структурах синтетических и представляет собою факт речи; например: «(*Когда*) он придет, *тогда* мы с ним поговорим».

Существуют структуры, характерные для книжной речи,—типа *-k*, т. е. с *t* на ступени нуля: «Я жив и здоров, *чего* и вам желаю», а также соотносительные с ними структуры типа *-t*: «Мы в трауре, *так* бала дать нельзя».

В структурах с нейтральной последовательностью второстепенное предложение вводится посредством *k*. Так, например: «Он, *как* (или *что* и) полагалось [на что и надеялись], опоздал»; «Он опоздал [так], *как* (или *что*) и полагалось [чего и ожидали]»; «*Как* и полагалось, он опоздал». В наших примерах фразы «Он опоздал, *как* и полагалось» и «Я жив и здоров, *чего* и вам желаю» могут показаться идентичными со стороны их структуры. Это, однако, только совпадение: первый номер представляет собой один из трех структурных вариантов одной и той же коммуникации, тогда как последняя фраза не допускает никакой модификации подобного рода.

Поскольку фонологическая вершина подчинительной фразы помещается всегда в первом предложении, местоимение *t* в структурах ти-

⁴ Слова «позитивный знак» в рукописи перечеркнуты карандашом.—Н. П.

па *t/k* может находиться под ударением. Напротив, *k* в подчинительной структуре всегда является неударяемым, какова бы ни была структура фразы⁵.

Механизм подчинения представляет собой своеобразный пример игры местоимений *t* и *k*, которые обнаруживают взаимную зависимость друг от друга. [Исключение *этот* и т. п.]

Отправная точка этой зависимости проявляется в том элементарном случае, когда в процессе речи на вопросы: *Куда?*, *Где?*, *Как?*, *Какой?* и т. д. произвольно отвечают: *Туда*, *Там*, *Так*, *Такой*, сопровождая эти слова жестом. Явившееся в результате объединение *kt* [*kt*, *какой*—*такой*, *как*—*так*]—формула диалога типа вопрос—ответ—оказывается в то же время формулой синтетической структуры *k/t*. Структуры аналитического типа впоследствии воспринимают эту формулу с изменением последовательности: *t/k*.

Указательный жест /часто/ может быть направлен двояким образом: он или указывает на то, что находится перед нашими глазами, или отсылает к тому, что остается позади нас. Таким же образом действует указательное местоимение в плане понятий. Ср. противоположную направленность двух *так* в следующем отрывке из Л. Толстого: «Это вы про Святую Троицу слышали, да не *так* вы молитесь... [воспроизведение] Бог... *так* научил всех молиться [представление]. Слушайте и повторяйте за мной». В повествовании последующая фраза часто отсылает к тому, что предшествует, посредством слов *потом*, *тогда*, *тот*, *тут*, *потому* и т. д. [анафорические]. Указательное местоимение верно своей природе и при подчинении. В последовательности *t/k* оно возвещает о втором акте предикации, в последовательности типа *k/t* оно отсылает к первому акту предикации. [Его значение раздваивается.]

Обслуживая подчинение, *k* является, как уже сказано, всегда неударяемым. Именно неударяемость отличает его от *k* в вопросительной фразе, фонологическую вершину которой образует это *k*.

Внедрение *k* внутрь фразы и, как следствие этого, утрата им ударения составляют промежуточный этап, которым является косвенный вопрос (в следующих далее примерах слово, являющееся фонологической вершиной фразы, имеет знак ударения):

а) «Куда он ушел?» Вопросительная фраза.

б) «Куда́ он ушел?—спросил меня брат»; «Куда́,—спросил меня брат: он ушел?»; «Брат спросил меня: Куда́ он ушел?» Прямые вопро-

⁵ Здесь предполагалась сноска.—Н. П.

сы. Структуры бессоюзные. Следует заметить по поводу последнего примера, что здесь фонологическая вершина фразы во втором предложении является исключением [поскольку это цитация].

с) В косвенном вопросе *k* может принимать эмфатическое ударение; в противном случае *k* остается неударяемым. Ср.: «Куда́ он уехал, я не знаю» ~ «Я не знаю, куда́ он уехал», но: «Куда́ он уехал, я не знаю» ~ «Я не зна́ю, куда он уехал». Это гибридные структуры, промежуточные между бессоюзием и подчинением; в силу этого местоимение *k*, находясь во втором предложении, может нести на себе ударение [ср. с *b*].

д) Подчинение: «Ее уже нёт там, куда она ушла» ~ «Куда она ушла́, там ее уже нет»; «Мы то́же (И мЫ) пойдем туда, куда они ушли» ~ «Куда онИ ушли, туда и мы пойдем» и т. д.

Основное функциональное значение игноративного *k*—это значение вопросительное⁶: непосредственная реакция на неизвестное передается лингвистически посредством вопроса. Если игноративное местоимение употреблено как не-вопросительное, это означает, что место этой первой реакции занимает другая, и эта последняя должна быть мотивирована. Эта мотивировка выражается так называемыми неопределенными частицами, сопровождающими местоимение *k*,—если только это не гипостазис⁷, часто встречающийся в просторечии, но избегаемый в современном литературном языке. Неопределенные частицы отражают позицию говорящего лица, стоящего перед выбором, которого он не может или не хочет сделать, например: *какой-то*, *кое-какой*, *какой-нибудь*, *никакой*. В следующей фразе из Л. Толстого мы имеем случай гипостазиса: «... ничего и говорить не могут, как рыбы *какие* (вместо *какие-то* или *какие-нибудь*) морские».

Функционируя в подчинительной конструкции, местоимение *k* является разновидностью неопределенных местоимений. Вводимое им предложение ведет себя аналогично «неопределенным» частицам. Ср.: «Делай *что* угодно» и «Делай (*то*), *что* тебе угодно»; или: «Я готов переговорить с ним *когда-нибудь*»; «... *когда* бы то ни было»; «...(*тогда*), *когда* у меня будет время⁸ [он захочет]».

Встреча неопределенного и указательного местоимений образует скрещение двух семиологических «координат», в результате чего воз-

⁶ Ср. *Henri Frei*. [По-видимому, имеется в виду: *H. Frei*, *La grammaire des fautes*, Paris—Genève—Leipzig, 1929, стр. 186 и сл.—Н. П.]

⁷ Здесь предполагалась сноска.—Н. П.

⁸ Слова «у меня будет время» в рукописи зачеркнуты.—Н. П.

никает новый знак особого рода. В случаях: «Когда я вернулся домой, (тогда) солнце уже зашло» ~ «Солнце уже зашло (тогда), когда я вернулся домой» — абсолютный час моего возвращения или захода солнца остается неизвестным, но зато указана корреляция двух фактов во времени. Этого достаточно. Мы оказываемся в области относительного. [Область местоимения, поскольку оно не называет.]

Степень сцепления соотносительных терминов *t* и *k* сильно варьируется. Во фразе: «Такого работника, каким был Иван, не скоро найдешь» — эта связь сведена до минимума, поскольку *такой*, вследствие своего оценочного значения, с трудом ощущается как местоимение. (Не иначе обстоит дело и в случае «Он так работал, что заболел». Потребность в экспрессии видоизменяет структуру фразы; предложение *t* прерывается в пользу предложения *k*, изображающего центральное событие, затем снова восстанавливается.)⁹ Сравнивая фразы: «Он так работал, что заболел» и «Он много работал, так что заболел», мы констатируем, что во второй фразе *t* и *k*, вместо того, чтобы быть распределенными между двумя предложениями, образуют одно целое — сложное, но одно, и при этом с новым значением: распределение типа *так... что* является изъяснительным, в то время как *так что* является сложным следственно-изъяснительным союзом. Промежуточный случай представлен фразой: «Я совсем его не вижу, потому что он болен», — равным образом можно сказать: «Я потому его совсем не вижу, что он болен». Появление местоименных союзов нарушает равновесие подчинительной фразы, как это мы только что видели. Здесь необходимо будет проводить различие между союзным подчинением и подчинением не-союзным. Это нарушение особенно чувствуется, когда речь идет о сложных союзах, поскольку в этом случае только подчиненное предложение имеет знак своей функции и самый вопрос о последовательности теряет свое значение.

Из двух формул подчинения формула *t/k* представляет «норму», тогда как другая используется лишь в специальных целях. Союзные структуры типа *k/t* используются только при передаче отношения: условие ~ следствие. Например: «Если¹⁰ он здесь, то я навещу его»; «Мы в трауре, так бала дать нельзя». Не-союзные структуры оказываются лишь стилистическими вариантами структур *t/k*. Ср., например: «Где

были утружденные работой, где были больные, сироты и вдовы, туда ходили братья и там работали...» (Л. Толстой), и: «Братья ходили туда и там работали, где были утружденные работой, где были больные» и т. д.

С точки зрения синтагматической предложение *k* определяет предложение *t*. Будучи функцией этого последнего, оно является предложением «подчиненным». Аналитические структуры *t/k*, которые продолжают собой последовательность AZ, соответствующую открытому бессоюзью, вполне ясны. Такова, например, следующая фраза из Л. Толстого: «Думал о том, как радовались они тому, что научились молитве, и благодарили бога за то, что привел его помочь божьим старцам»¹¹.

Иначе обстоит дело со структурами *k/t* — наследниками закрытого бессоюзия, имеющими формулу последовательности типа ZA. Здесь предложение *t*, со значением следствия, само является функцией первого предложения, формулирующего условие. Эта последовательность, однако, соответствует естественному ходу событий, так как результат может только следовать за причиной. В структурах *k/t* отношение между двумя предложениями является билатеральным, поскольку посылка и дедукция являются соотносительными [но *tkl*]. При изменении последовательности отношение становится унilaterальным; ср. «Если он здесь, то я навещу его» и «Я навещу его, если он здесь». Главное предложение утратило свое следственное значение и стало по-настоящему автономным. С другой стороны, сложный союз *так что* дает возможность предложению, о котором идет речь, сохранить свое значение следствия, но он делает это предложение придаточным: «Мы в трауре, так что бала дать нельзя». [Оно может быть обращено в независимое предложение.]

Полная серия местоимений, включая сюда склоняемые местоимения и местоименные наречия, имеет в своем составе также местоименные союзы. Наиболее бедной оказывается серия «определятельных» местоимений, которая включает только местоимения *сам* и *самый*, оба склоняемые. Наиболее богатой является серия игноративных местоимений типа *k*. Союзы, составляющие эту серию (если оставить пока в стороне сложные союзы), следующие: *что (бы)*, *как (бы)*, *коли (бы)*, *кабы*, *пока*, *покамест*, *покуда*, *когда (бы)*, *чем (бы)*. Союзы *покамест* и *покуда* — синонимы союза *пока* — совсем не употребляются в литературном языке; это же относится и к союзам *коли (бы)* и *кабы*, заменяемым союзом *если*. Остальные явились результатом транспозиции наречий или

⁹ Текст, заключенный в угловые скобки, в рукописи зачеркнут.— Н. П.

¹⁰ Союз *если (бы)* — литературный синоним союзов *коли (бы)* и *кабы*, которые воспринимаются как просторечные.

¹¹ Ср. Мейе. [Указание на работу Мейе отсутствует.— Н. П.]

склоняемых местоимений. Только *что* (*бы*) и (в меньшей степени) *как* (*бы*), а также *пока* достигли ступени своего преобразования в союзы¹². Серия местоимений типа *t* включает в себя, в сущности, только один союз, а именно следственный союз *то* с синонимами *так* и *тогда*, перешедшими из наречий [а также сравнительный союз *тем*]. Если мы присоединим сюда сложные союзы *что* и *как*, а именно следственно-изъяснительный союз *так что* и полувременной-полупротивительный союз *тогда как* (оба эти союза могут употребляться только во втором предложении), а также причинные союзы *потому что*, *оттого что* и *так как*, — серия местоименных союзов будет закончена или почти закончена, так как союзные предложения пользуются упомянутыми выше местоименными знаками. Следует указать на особенность союза *так как*: когда этот союз употребляется в первом предложении, второе предложение вводится союзом *то*: «*Так как* [причина, условие] он запоздал, *то* мы ушли без него».

Для выражения условия, помимо союзов *коли* (*бы*) и *кабы*, употребляются еще союзы: *если бы*¹³, *ежели*¹⁴ (устарелый) и *раз*. Для выражения уступки служит преимущественно союз *хотя* (*бы*)¹⁵, а в заключительной части — *все же* и *все-таки*, относящиеся к серии местоимений со значением совокупности. Уступка занимает промежуточное положение между подчинением и сочинением.

Союзные предложения почти всегда относятся к типу *t/k*. Наиболее употребительные из них: *с тех пор как*; *до тех пор как* (или *пока*); *в то время как*; *между тем как*; *только* (*что*), *едва*, *лишь... как*; *прежде чем*; — *затем* [для того] (или *с тем*) *чтобы*; *вместо того чтобы*; — *несмотря на то что* [как только... так] и т. д.

1. Структуры открытые (*t/k*)

[Никакая классификация нас не удовлетворяет, вот почему.]

Союзы *что* и *как* здесь господствуют. Местоимение *t* оказывается ослабленным; оно даже может замещаться союзами не-местоименного характера.

¹² В предложении: «Скоро мы переедем [уезжаем], а *пока* (или *пока что*) живем среди чемоданов» — *пока* является наречием. В предложении: «Слышно, *как* (или *что*) играет музыка» — *как* сохраняет полунаречное значение.

¹³ Из *есть-ли*.

¹⁴ Из [Намечены сноски, в которых автор предполагал, по-видимому, дать указания о происхождении союзов *ежели* и *хотя*. — Н. П.]

¹⁵ См. предыдущую сноску.

А. Союзные¹⁶

1. Изъяснительные не-специфицированные

Союз *что*, став нейтральным, стремится свести роль *k* к функции простого шарнира между двумя объединенными актами предикации. Только в редких случаях *t* эксплицитируется.

Например: «Мы знаем /только (*то*)/, *что* он женится»; «Ливень *такой*, *что* надо переждать»; «Она *так* раздражена, *что* нельзя к ней и подступиться»; «Накупили *столько* вещей, *что* некуда деть»; «Я поступил так совсем *не потому*, *что* (или *чтобы*) мне этого хотелось»; «Я хлопоту /о *том*/, *чтобы* мне выдали визу» или же «... о *том*, *чтобы* получить паспорт»; «Пишут (о *том*), *что* больному лучше»; «Боюсь (*того*), *что* она опоздает» или же «... (*того*), *чтобы* она не опоздала»; «Теперь я прекрасно вижу (*то*), *что* это плывет лодка»; «(*Та*) мысль, *что* он болен, очень тревожит меня»; «(*То*), *что* он болен, я этого и не подозревал». Две последние фразы представляют собой структурный вариант, который можно было бы назвать «сегментированной последовательностью *t/k*».

Союз *как* редко бывает нейтральным. Примеры: «Отсюда не слышно (*того*), *как* играет музыка»; «Боюсь (*того*), *как бы* он не опоздал»; «Мы увидели (*то*), *как* (или *что*) по улице промчались пожарные».

Когда в придаточном предложении высказывается мысль, которую говорящее лицо не разделяет, это отношение выражается модальной частицей *будто бы*, которая легко заменяет союз: «Слухи (о *том*), (*что*) *будто бы* он уехал, не подтверждаются»; «Она сказала (*то*), (*что*) *будто бы* я ее племянница».

2. Изъяснительные специфицированные

а) Причинные. Сложные союзы *потому что*, *оттого что*, *затем что* (устарелый) и *так как*. «Он уезжает, *потому что* потерял работу». Союз *так как* заменил собой, с начала прошлого века, союз *как*, окончательно теперь забытый в причинном значении: «Он уезжает, *так как* потерял работу». (NB. *Так как* — вместо старого *как* — он потерял работу, *то* он уезжает.)

б) Целевые. Союзы *чтобы* и *дабы*, причем последний является устарелым. Одна из наименее устойчивых структур. При определенных глаголах цель выражается просто инфинитивом: «Он вышел купить газету»; «Он стремится стать инженером». Часто инфинитив вводится посредством *чтобы*: «Он вышел (*затем*), *чтобы* купить газету».

¹⁶ Карандашная помета на полях показывает, что автор хотел поместить рубрику «Союзные» непосредственно после слов «Структуры открытые (*t/k*)». — Н. П.

Тогда как предложение: «Он стремится к тому, чтобы стать инженером» — не целевое, а просто изъяснительное. Редки случаи, когда целевой союз *чтобы* вводит глагол гипотетического значения: «Я напишу ему для того [затем], чтобы он не приезжал». Ср. предложение: «Я напишу ему не приезжать сюда», которое может быть, в свою очередь, переделано в предложение: «Я напишу ему (то или о том), чтобы он не приезжал сюда». В конечном счете, именно характер предложения *t* создает целевое значение. Целевыми являются: для того чтобы, затем чтобы, с тем чтобы.

[с] Следственные — «Мы в трауре, так (так что) бала дать нельзя»]¹⁷.

3. Сравнительные

1) Не-специфицированные

а) Союз *как*: «Я рад ему (так же), как родному брату». Речь идет об отношении равенства между двумя терминами. — Модальные частицы *точно, словно, ровно, будто (бы)* вносят оттенок критического отношения: «Я рад ему словно (как) родному брату»; «Он ведет себя как будто здоровый» или «... как будто бы (как если бы) он был здоров».

б) Союз *чем*: «Я рад ему больше, чем родному брату»; «Я предпочел (скорее, лучше) вернуться, чем мокнуть под дождем». Здесь отношение неравенства. Элемент *t* замещен формой сравнительной степени. (NB. «Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».)

2) Специфицированные (временные)

Различные речения, преимущественно с союзом *как*. «Они хорошо жили (до тех пор), пока у отца была работа», или же: «... пока у отца не прекратилась работа»; «С тех пор как он вернулся, он сидит без работы»; «Он уехал прежде (или раньше), чем я повидался с ним». С противительным оттенком: «Все вернулись, тогда как (между тем как или в то время как) мы продолжали путь»; «Только он появился, как все его окружили». Слову *только* могут предшествовать частицы [наречия] *едва, лишь, чуть*, оно может даже уступить им свое место: «Едва он вошел, как все его окружили». Выделившись из системы, *только* представляет здесь элемент *t*, настолько, однако, неустойчивый, что он может быть замещен.

¹⁷ Карандашная вставка автора свидетельствует о том, что он предполагал следственные конструкции с постпозицией придаточной части рассматривать в составе специфицированных изъяснительных структур с последовательностью *t/k*. Ср. ниже, где конструкции с *так (так что)* во второй части интерпретируются как полуизъяснительные. — Н. П.

В. Не-союзные

1. Релятивные (ограничительные). «Я помогу ему во всем (том), что понадобится»; «Он прочел (ту) книгу, которую (или что) вы ему прислали», или же «... о которой вы ему писали»; «Мы живем там же, где и прежде». (Фразы с *который* и *что* не могут быть преобразованы в *k/t*.)

2. Аппозитивные (не-ограничительные). «Все отправились на поиски гостиницы, каковой в городе не оказалось», или же: «... каковую и отыскали после долгих поисков»; «Он писал мне, при чем сообщил и о вашем приезде». Некоторые местоимения, такие как *каковой, при чем, почему и*, не употребляются за пределами книжных структур (NB. Ср. анафорические *таковой, при том, потому и*)¹⁸.

II. Структуры закрытые (k/t)

А. Союзные

Два соотносительных союза *k* и *t*, причем каждое из предложений вводится своим союзом. [«Что до меня, то я готов». «Ехать, так ехать».]

1. Следственные. Союзы *то, так, тогда, так что*.

а) Условные. Союз *если (бы)*. Первое предложение формулирует условие, мотивирующее следствие: «Если они в трауре, то бала дать нельзя»; «Если бы они были в трауре, (то) нельзя было бы дать бала». Следствие подчеркивается особо: «Раз они в трауре, то (или так, тогда) дать бала они не могут», — когда посылка освобождается от всякого оттенка предположительности. Наконец, мотивация приобретает причинное значение: «Так как мы в трауре, то бала дать нельзя». Это *так как* с трудом поддается замене союзом *потому что*, поскольку этот последний преимущественно употребляется в последовательности *t/k*. При исчезновении корреляции возникает унilaterальное отношение: «Мы в трауре, так (или тогда) бала дать нельзя», — и со значением полуизъяснительным: «Мы в трауре, так что бала дать нельзя». Здесь употребление *то* становится невозможным, поскольку этот союз требует антецедента. Следственные союзы исчезают также и тогда, когда структура оказывается перевернутой: «Бала дать нельзя, потому что (так как или если, раз) мы в трауре», поскольку следствие не может предшествовать своему условию или своей причине.

¹⁸ Многие невротики отказываются признать себя за *таковыми*. [Как таковой.]

Всякий раз, как посылка изменяется, дедукция подвергается прямому контрудару: «Мы не в трауре, *так что* бал дать можно» [«Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы (только бы) не плакало»]. Напротив, обороты уступительные дают обратную корреляцию. Например: «Хотя мы и в трауре, а (или но) бал дать (все-таки, все же) можно» ~ «Бал дать можно, хотя мы и в трауре», или же: «... несмотря на то, что мы в трауре». Это структуры гибридные, промежуточные между подчинением и сочинением. Мы не можем здесь их исследовать, поскольку сочинение находится за пределами нашего рассмотрения.

Существование союзов *если (бы)* и *раз* находится в противоречии с местоименным характером русского подчинения¹⁹. Не следует, однако, упускать из виду особое положение условных структур: это единственные структуры, существующие автономно, тогда как все другие структуры типа *k/t* относятся к области стилистики и представляют собою только функцию «нормального» типа *t/k*.

б) Не-условные. Мы встретим здесь и знакомые уже союзы, а именно: *чем, как, что*. «Чем бы работать, *так* он лодырничает»; «Чем бездельничать, ( ) пойдем пособи мне»; «Чем хуже, *тем* лучше»; «Что дальше, *то* хуже»; «Что город, *то* норов»; «Как/только он приехал, *так* сейчас же получил работу» и т. д.

В. Не-союзные

«Каков поп, *таков* и приход»; «Сколько голов, *столько* и умов»; «Как аукнется, *так* и откликнется»; «Что с воза упало, *то* пропало»; «Кто в море не бывал, *тот* Богу не маливался»; «Кто не со мною, *тот* против меня» и т. д. По-видимому, присутствие *и* подчеркивает отношение аналогии между двумя частями фразы, мотивируемое значением итога, заключенным во втором предложении; ср.: «Что с возу упало, *то и* пропало»²⁰. В противном случае отношение становится детерминативно-заключительным и приведенные выше фразы допускают интерпретацию: «Тот, *кто* не со мною, *тот* против меня» — сочетание детерминации (*t/k*) с дедукцией (*k/t*).

¹⁹ Вышли из употребления союзы *буде, ежели*, а также *нежели* (последний — сравнительный).

²⁰ Это *и* является сочинительным союзом не-противительным и не-специфицированным. Он указывает на отсутствие перерыва, противопоставления, следовательно, обозначает непрерывность, аналогию. Идея непрерывности — это лишь предельный случай идеи следствия, отсюда: «Ученик заболел *и* не ходит в школу»; «Поп *таков, и* приход *таков*».

III. Структуры нейтральные

Бессоюзные структуры с нейтральной последовательностью (см. выше) только в одном случае имеют свое продолжение в подчинении, а именно, когда говорящий субъект вводит во фразу свою оценку того, о чем он сообщает. Например: «[Так] Как (или что) и предполагалось, он опять опоздал»; «Он [так] как (или что) и предполагалось, опять опоздал»; «Он опять опоздал [так], как (или что) и предполагалось»; можно также сказать: «как это и предполагалось». Вряд ли возможны случаи, когда союзу *как* предшествует *t*. Если язык пользуется союзом из серии *k*, то это потому, что серия *t* носит характер «маркированной», в то время как другая серия не специфицирована. Этот союз может сопровождаться словами *словно, будто* и т. д., которые, в свою очередь, могут его замещать: «Он — (как) будто нарочно — опять опоздал».

Женева, 2—16 IX 42

СРАВНЕНИЕ¹

В повседневном общении, осуществляемом посредством разговорного языка, в основе сравнения почти всегда лежит субъективная оценка, и как раз потому, что к этому примешивается эмоциональность, существуют совершенно различные способы выражения сравнения. Требуется серьезное усилие для того, чтобы выделить систему, лежащую в основе многочисленных средств, которые язык представляет в распоряжение говорящих субъектов для выражения сравнения.

I

Прежде всего следует различать две «степени сравнения»: сравнительную и превосходную степень. Что касается положительной степени, то она употребляется только в одном случае (см. ниже).

1. Сравнимая единичный случай («предмет» или процесс) с совокупностью случаев того же рода, мы имеем дело с превосходной степенью: индивидуальное воспринимается как превосходящее всех себе подобных. В то же время, что само по себе немаловажно, последние не дискредитируются. Напротив, чем больше их значимость, тем больше заслуга того, кто их превосходит. Превосходная степень несет в себе ностальгию по «абсолютному».

2. С другой стороны, мы имеем дело со сравнительной степенью всякий раз, когда надо сравнить единичный случай с одним

¹ В рукописном отделе Института русского языка АН СССР хранится архив С. О. Карцевского (фонд № 16). Предлагаемая вниманию читателей журнала «Вопросы языкознания» статья С. О. Карцевского «Comparaison» датируется автором 28 VIII 1945 г. и представляет собой окончательную редакцию материала под тем же названием, хранящегося в папке № 13 этого архива.

В статье С. О. Карцевский излагает свою общелингвистическую интерпретацию категории сравнения в русском языке.

Статья печатается без каких-либо сокращений и изменений (за исключением шрифтовых выделений, сделанных редакцией).

Текст дается в переводе с французского, выполненном В. Г. Кузнецовым [Примечание ред. журнала «Вопросы языкознания». — И. Ф.].

или несколькими единичными случаями. Но здесь одно часто возвеличивается в ущерб другому.

Взаимозависимость двух сравниваемых членов выражается в языке совершенно различными способами. Подчас член сравнения эксплицитно не выражен, а существует только в мысли в столь неопределенной форме, что дает повод говорить об «абсолютной превосходной степени». Например: *Это — мой наилучший ученик; Вот наиболее интересная книга, какую я когда-либо читал; Волга — самая большая европейская река [или в Европе]; Самое трудное — это переводить с французского на русский и др.* С равным основанием можно было бы говорить об «абсолютной сравнительной степени». Вот несколько примеров: *Учитель выбрал задачу потруднее; Ты бы лег лучше спать; Будет вежливее, если ты сам зайдешь к нему* и др. Термин «абсолютный» не удачен, и лучше им не злоупотреблять. Впрочем, во всех приводившихся примерах мы имели дело с эллиптическими фразами, и если член сравнения в них эксплицитно не выражен, то это либо для целей выразительности, либо потому, что он легко определяется контекстом.

II

Наиболее тесной связь между двумя членами сравнения выступает в сравнительной степени. Она может даже принимать форму соотносительности двух предложений (см. ниже). Мы рассмотрим все сравнительные структуры русского языка. (В первом столбце помещены степени сравнения прилагательных, а во втором — наречий.)

1. Аналитические структуры.

В аналитических структурах используются вспомогательные слова *более* и *менее*; член сравнения вводится сравнительным союзом *чем* и *нежели* (устаревшее).

Иван более способен, чем Петр.

Сегодня менее холодно, чем (было) вчера.

Иван мне показался более способным, чем Петр.

Иван скоро станет писать более правильно, чем Петр.

Я не читал еще книги более интересной, чем эта.

Эта книга менее интересна, чем я (того) ожидал.

Жизнь дорожает более быстро, чем мы (того) ожидали.

Аналитическая сравнительная степень может употребляться в очень большом количестве фраз. Она единственная дает возможность отличать сравнительную степень прилагательного от сравнительной степени наречия и позволяет тем самым избегать некоторые двусмысленности. Более того, оппозиция *более : менее* дает возможность легко строить антонимические фразы.

2. Полуаналитические структуры.

В полуаналитических структурах используется сравнительная форма на (-ее/-е), а также сравнительные союзы *чем* и *нежели*.

<i>Иван способнее, чем Петр.</i>	<i>Завтра не будет холоднее, чем сегодня.</i>
<i>Ольга казалась моложе, чем Елена.</i>	<i>Иван работает не хуже, чем Петр.</i>
<i>Он способнее, чем я полагал.</i>	<i>Сегодня больному лучше, чем было вчера.</i>
<i>Все лучше, чем это.</i>	<i>Я пишу сочинения лучше, чем диктовки.</i>
<i>Я решил бы задачу и труднее, чем эта.</i>	<i>Иван пишет лучше, чем читает.</i>
<i>Нынешняя зима будет длиннее, чем прошлогодняя.</i>	<i>Лучше погуляй, чем сидеть дома.</i>
	<i>Я скорее удивился, чем (нежели) испугался.</i>

В только что рассмотренных двух типах структур в члене сравнения предикат сравниваемого члена не повторяется, и поэтому первый тип становится эллиптическим. Слова *лучше* и *скорее*, последнее в меньшей мере, чем первое, постепенно становятся вспомогательными словами наподобие *более* и *менее*, но с «преференциальной» и, следовательно, «качественной» значимостью. В разговорном языке сравнительная неаналитическая степень часто комбинируется со смягчительным префиксом *по-* (ср., *поиграть*); напр.: *Я решил бы задачу и потруднее*. Благодаря этому способу расстояние между членами сравнения несколько сокращается.

3. Синтетические структуры.

Член сравнения сокращается до простого косвенного дополнения (в родительном падеже сравнения).

<i>Иван способнее Петра.</i>	<i>Сегодня не теплее вчерашнего.</i>
<i>Иван выглядел не старше Петра.</i>	<i>Иван пишет хуже Петра.</i>
<i>Оба они, один умнее другого.</i>	<i>Я пишу диктовки лучше сочинений.</i>
<i>Мы решали задачи (и) сложнее этих.</i>	<i>Он старается пуще [больше] прежнего.</i>
<i>Охота пуще неволи.</i>	
<i>Это лето будет жарче прошлогоднего.</i>	
<i>Твоя диктовка лучше твоего сочинения.</i>	

Этот вид сравнительной структуры распространен в разговорном языке. Но его употребление ограничивается именными сравнениями и исключает сравнение двух глаголов.

Три первые типа сравнительных структур могут рассматриваться как «нормальные». Именно они используются для выражения сколько-нибудь объективной оценки, в то время как аналитический тип остается достоянием литературного, книжного языка.

4. Соотносительные структуры.

В соотносительных структурах сравниваются два предиката. Используются союзы: *чем ~ тем*.

<i>Чем более красива книга, тем более она дорога.</i>	<i>Чем хуже, тем лучше.</i>
<i>Чем красивее книга, тем она дороже.</i>	<i>Чем дальше в лес, тем больше дров.</i>
<i>Он тем нахальнее, чем вы с ним вежливей.</i>	<i>Чем больше учишься, тем меньше знаешь.</i>
	<i>Он учится тем лучше, чем меньше им занимаются.</i>

В соотносительных структурах, как правило, придаточное предложение выступает в функции главного, отношение, которое обычно интерпретируют как отношение причины и следствия. Едва ли можно утверждать, что соотносительные структуры принадлежат разговорному языку. Зато они великолепно подходят для образования предложений. Следует отметить, что поскольку член сравнения отсутствует, мы имеем дело с «абсолютными» сравнениями. К тому же, поскольку речь идет о сравнении двух актов предикации, а не двух частей речи, прилагательное может сравниваться с наречием, напр., *Чем красивее книга, тем она стоит дороже*.

5. Уступительные сочинительные конструкции. Из двух членов сравнения второй вводится уступительным союзом *зато* или его синонимом *а*.

<i>Иван способнее, зато Петр прилежнее.</i>	<i>[Пусть] сегодня холоднее, зато вчера было ветренее.</i>
<i>Если [хотя] Петр и более прилежен, зато Иван более способен.</i>	<i>Хотя [если] Иван и лучше говорит, зато Петр лучше пишет.</i>

Структура этого типа может быть в определенной мере противопоставлена предыдущему типу. Функциональному отношению, обычно интерпретируемому как отношение следования, в уступительной

конструкции противопоставляется отношению равновесия, обусловленное отношением уступки.

6. Противительные сочинительные структуры. В этих структурах впервые сравнительная степень противопоставляется положительной. В них используются противительные союзы *а* (или *но*); вспомогательные слова *еще* и *того*.

Мне дали интересную книгу, а моему брату еще более интересную.

Петр ленив, а Иван еще ленивее.

Больному плохо, а завтра может стать [и того] хуже.

Петр пишет хорошо, а говорит еще [и того] лучше.

Структуры двух последних типов часто используются для выражения субъективной оценки. Следующий тип структуры относится к той же категории.

7. Структуры с прогрессирующим сравнением.

Эти структуры характеризуются наличием вспомогательного слова *все*, а также несовершенным видом глагола.

Он все более (и более) стареет.

Она все менее (и менее) прилежна.

Ольга выглядит все красивее (и красивее).

Погода с каждым днем становится все хуже (и хуже).

Жизнь все дорожает (и дорожает).

Становилось все теплее (и теплее).

Он работает все лучше (и лучше).

Мы работаем все более (и более) прилежно.

С каждым днем все радостнее жить.

Начало становиться жить все труднее (и труднее).

Структуры этого типа характеризуются одночленностью и отсутствием члена, с которым сравнивают. Впрочем мы имеем здесь дело со становлением, и каждый момент или каждый последующий шаг представляет собой поступательное движение по отношению к настоящему, которое является как раз тем, с чем сравнивают, и никакая экспликация последнего не возможна. Вспомогательное слово — местоимение-тотализатор *все* подчеркивает длительность процесса, уже выраженного несовершенным видом глагола. Такое удвоение, свойственное разговорному языку, указывает на возрастание качества во времени.

8. *Varia*.

Различные эллиптические структуры, свойственные скорее аффективной речи.

(Чем) тише едешь, (тем) дальше будешь.—Ты бы лучше погулял (чем...).— Погуляй (лучше), чем сидеть дома.— Будет лучше, если (если), ты сам зайдешь к нему (чем...).— Говорит он хорошо, а пишет хуже (чем...).— Все лучше, лишь бы не это!— Все лучше, чем так,— Скорей в воду, чем за него замуж.— Заходи к нам поскорей, да почаще.— Тут делать больше нечего.— Это не более и не менее, как подлость.— Он более или менее прав и др.

III

В превосходной степени взаимосвязь двух членов сравнения в той или иной мере ослаблена. И как раз именно здесь то, что сравнивают, легко становится «абсолютной превосходной степенью».

Признаками последнего являются вспомогательные слова *самый* и *наиболее/наименее*. То, с чем сравнивают, заключает, со своей стороны, местоимение-тотализатор *весь* или какое-либо другое синонимическое выражение. Напр., *Учитель выбрал самую [наиболее] трудную задачу из (всего) учебника; Иванов наименее способный из или среди (всех) моих учеников; Это самая интересная книга, какую когда-либо я читал.*

Самый легко принимает субъективную значимость: *Я попал в самую [=страшно, ужасно] неприятную историю*. Как раз благодаря местоимению *весь*, являющемуся своеобразным противовесом, *самый* функционирует в качестве признака превосходной степени (ср. также *Они живут у самого синего моря*). *Наиболее* и *наименее* являются вполне объективными признаками. Частица *наи-* придает им значимость, благодаря которой они превосходят соответствующие средства сравнения *более* и *менее*.

Наречие располагает в превосходной степени только вспомогательными словами *наиболее* и *наименее*; напр., *Он наиболее охотно занимается по грамматике и наименее прилежно по математике*.

Присутствие местоимения *весь* придает сравнительным оборотам значение превосходной степени. Напр., *Ольга способнее всех учениц своего класса; Я больше всего люблю музыку; Нет ничего приятнее [всего приятнее; самое приятное], как беседовать с умным человеком и др.*

Непродуктивные способы

Существует небольшая группа прилагательных на *-ший*, образующих антиномические пары и обозначающих сами по себе высшую сте-

пень качества. Это — *высший ~ низший, старший ~ младший, лучший ~ худший* и *большой ~ меньший*, к которым можно добавить *меньшой*, антоним которого *набольший* принадлежит разговорному языку. Эти средства образования превосходной степени функционируют тремя способами: 1) *Он старший в семье*, т. е. старший из всех членов семьи; 2) усиливаются вспомогательным словом: *он самый младший в семье*; 3) усиливаются частицей *наи-*, напр., *Это наилучший из (всех) моих учеников*.

Суффиксы *-ейший/-айший* и *-ейше/-айше* являются продуктивными лишь в литературном и письменном языке. Они служат только для усиления качества: *Это — оригинальнейший ум* означает «чрезвычайно оригинальный». Существует между прочим целый ряд устойчивых выражений со значением абсолютной превосходной степени; напр., *малейшая* или даже *самомалейшая провинность*; *Всемилоостивейший государь*; *Ваш покорнейший слуга*; *нижайшее почтение*; *строжайше воспрещается*; *покорнейше прошу* и др.

* * *

Наиболее характерной чертой сравнительной степени в русском языке является форма на *-ее/-е*, общая для прилагательных и наречий. На вопрос, горячо обсуждаемый грамматиками: к какой части речи ее следует отнести — может быть, по нашему мнению, только один ответ. Это — гибридная форма, относящаяся как к прилагательному, так и к наречию. Она функционирует в качестве субститута сочетаний *более + прилагательное* и *более + наречие*. Она управляет родительным падежом. Впрочем родительный падеж в русском языке и сам чаще всего выступает в качестве субститута. В случае сравнительной степени он замещает предложение с союзом *чем*, представляющее член сравнения и, как правило, уже сведенное к эллипсису.

Характерной чертой превосходной степени в русском языке является употребление уточняющего местоименного прилагательного *самый* в качестве вспомогательного слова. Само по себе *самый* указывает на последнюю степень точности, исключая всякую аппроксимацию и тем самым всякую синонимию. *Самый красный* означает «действительно, полностью красный», в то время как просто *красный* может покрывать все оттенки и синонимы красного цвета. Тем не менее, чтобы помешать скольжению вспомогательного слова *самый* по наклонной плоскости аффективности, что привело к тому, что оно обозначало бы

страшно, ужасно и т. п., язык в качестве противовеса дополняет второй член сравнения местоимением-тотализатором *весь* или каким-либо его синонимом.

Вспомогательные слова превосходной степени *наиболее* и *наименее* являются вполне объективными: они выступают как выражающие «количество». Они могут обходиться без противовеса. Впрочем, как раз поэтому разговорный язык в последнем нисколько не нуждается. В обиходном языке «сравнить» — значит выразить свое отношение, «оценить», «измерить», руководствуясь нашими чувствами и нашими страстями.

В области сравнения конфликт между интеллектом и чувством дает о себе знать чрезвычайно поучительным образом. Это — еще один довод в пользу учения Шарля Балли.

Женева, 28 VIII 1945

ПРЕДИСЛОВИЕ

к книге «Русский язык. Часть I. Грамматика»*

Автор не разделяет научных взглядов господствующей в России «формально-грамматической» школы (её крайности нашли своё выражение в учебнике А. М. Пешковского «Наш язык» и в книге М. Н. Петерсона «Очерк синтаксиса современного русского языка») и в общем идёт по тому же пути, что F. de Saussure, Ch. Bally, A. Meillet и А. А. Шахматов в последние годы (судя по его работам в области синтаксиса; см. статью С. И. Бернштейна в *Известиях II-го Отд. Ак. наук*, т. XXV). Отсюда стремление автора проложить дорогу в школу для того научного движения, к которому он примыкает сам и методами и выводами которого он пользовался уже в своём преподавании в средней и в высшей школе как русской, так и иностранной.

Автору приходилось разрешать двойную проблему; одну научную, другую — педагогическую.

Точка зрения, излагаемая в этой книжке, *статическая* (едва ли в школе может быть место для истории языка). Приходилось, оперируя методами синхронической (т. е. статической) лингвистики, изучать и определять систему современного русского языка. К сожалению, у автора нет предшественников в этой области, кроме его собственных работ над русским глаголом и над некоторыми вопросами семантики¹. А лингвисты знают всю деликатность работы в плоскости статики². Не-

* Предисловие С. Карцевского к его книге «Русский язык. Часть I. Грамматика». Прага: Изд-во «Пламя», 1925, in 8°, 125 с. Идеи книги развернуты в «Повторительном курсе русского языка», поэтому мы отказались от публикации всей работы. — И. Ф.

¹ Можно указать еще работы А. М. Пешковского над интонацией (кое-чем мы воспользовались и из его Синтаксиса) и статьи (в *Revue des études slaves*) Н. Н. Дурново о склонении, но их автор стоит на формально-грамматической точке зрения.

² «Les faits d'évolution sont plus concrets, ils parlent d'avantage à l'imagination; les rapports qu'on y observe se nouent entre termes successifs qu'on saisit sans peine; il est aisé, souvent amusant de suivre une série de transformations. Mais la linguistique qui se

которые отделы книжки (именно некоторые параграфы глав V, VI и VII³) могли бы, по-видимому, подвергнуться дальнейшему углублению без особенного ущерба для ясности изложения и без риска преступить грань, отделяющую «предмет» от «науки».

Вторая проблема требовала, чтобы автор излагал не науку о языке, а именно *предмет* школьного преподавания. А предмета этого в школе 2-ой ступени пока ещё нет, хотя, конечно, он будет, т. к. школа должна давать некоторые сведения о языке вообще и о родном языке прежде всего. Об этом говорится много в литературе и в педагогических кругах. Сведения эти не должны расходиться с наукой. Кроме того, они не могут ограничиваться одною лишь областью грамматики, но должны касаться и других сторон языка. В учебнике они должны быть изложены с предельной прозрачностью. В то же время учебник — не книга для чтения, хотя бы и научно-популярная. А это обязывает к *догматичности* изложения. В настоящей книжке сформулированы выводы, приведённые в систему, и зарисован в существенном механизм родного языка. Дело преподавателя осмыслить и тем оживить для детей учебник. Преподаватель ведёт исследовательскую работу, наблюдая вместе с учениками механизм живой речи. Учебник помогает фиксированию отдельных моментов этих наблюдений и запоминанию выводов. И вот здесь автор не может скрыть своих опасений: преподавателей-словесников с лингвистической подготовкой почти нет, а казалось бы, что *каждый педагог* должен иметь представление о механизме родной речи, т. к. это ведь тот инструмент, при помощи которого он общается с учащимися. Надо надеяться, что со временем эта очевидная истина найдет всеобщее признание. Пока что — автор готовит к печати методическое руководство, включающее в себя по необходимости изложение некоторых научных сведений о языке и приспособленное к настоящему учебнику⁴.

Автор начал с учебника для старших классов. Наметив конечный пункт, к которому нужно привести учащихся, проще будет, спускаясь

meut dans des valeurs et des rapports coexistants présente de bien plus grandes difficultés» — F. de Saussure (*Cours de linguistique générale*. Lausanne — Paris, 1916. Стр. 146).

³ Речь идет о главах: V — «Прилагательное», VI — «Наречие» и VII — «Служебные слова».

⁴ Критику основных положений формально-грамматической школы, как в науке, так и в педагогике, читатель найдёт в нашей статье «О формально-грамматическом направлении»; см. «Русская школа за рубежом» № 12. Прага, 1925.

шаг за шагом назад, установить этапы, которые к нему ведут. Тогда можно будет дать соответствующие учебники для 1-ой ступени. Однако едва ли там нужно что-нибудь, кроме хорошей русской речи самого преподавателя и хорошей хрестоматии с образцами различных речевых стилей.

За указания и критику автор будет чрезвычайно признателен (адрес издательства «Пламя»).

Прага. 1924. VII—31

С. И. КАРЦЕВСКИЙ

ПОВТОРИТЕЛЬНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА

*Научно-педагогической секцией
Государственного ученого совета
допущено для школ II ступени*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время в учебной литературе по русскому языку чрезвычайно распространился тип «рабочей книги по языку» с беседами, наводящими вопросами, заданиями и т. д. и с скупо вкрапленными в этот общий фон «выводами», нередко, впрочем, и отсутствующими совсем. Тип догматического учебника почти совершенно вытеснен этим новым типом. А между тем на известной стадии обучения (завершительной) догматический тип по-прежнему остается незаменимым, так как только он один способен дать ученику в короткий срок цельное, стройное и четко оформленное представление о предмете. И в таком предмете, как язык, где сведения, по существу дела, строго систематичны, потребность в таком учебнике никогда не исчезнет.

Очень удачный опыт такого учебника представляет предлагаемая вниманию читателя книжка. Глубокая продуманность содержания, доведенная до изящества строгость и цельность проводимой системы, предельно ясное и талантливо сжатое изложение — вот основные ее особенности, невольно привлекающие к ней внимание. Конечно, далеко не всё изложенное в этой книге является общепризнанным в нашей науке, и в этом смысле можно было бы возражать против применения ее в средней школе. Но научная грамматика не располагает еще в настоящее время в области общих вопросов таким общепризнанным кодексом истин, каким владеют другие науки, и тот, кто настаивал бы на невозможности частных мнений даже и в завершительном курсе средней школы, пришел бы к необходимости реставрации в ней традиционной грамматики. Нам думается, что школа здесь может и должна пока удовлетворяться той «научообразностью», о которой говорил в свое время Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Такой «научообразностью» рекомендуемая книжка обладает в самой полной мере. При всей догматичности изложения дух научного исследования глубоко пронизывает всю книгу.

Последнее делает книгу не только учебником, а и весьма интересной книгой для всякого, интересующегося вопросами языка.

Как учебник, книга может пригодиться в 8-й и 9-й группах там, где они имеют педагогический уклон, в педтехникумах, в пединститутах, в университетах.

По сравнению с немногими однородными книгами в современной учебной литературе у данной книги есть еще преимущество в том, что она охватывает не только грамматическую систему языка, но и отчасти лексическую и семантическую стороны.

Книжке можно пожелать самого широкого распространения.

26 февраля 1927 г.

А. Пешковский

ОТ АВТОРА

Едва ли кто-нибудь сомневается в необходимости старшего, «повторительного» курса родного языка в конце второй ступени, точнее — на восьмом или девятом году обучения. Но нам необходимо обосновать наш собственный взгляд на задачи и содержание подобного курса и тем самым оправдать характер настоящей книги.

Нам представляется, что старший курс языка не может быть просто количественным расширением младшего курса. Построенный на совсем иных основаниях, он должен быть теоретическим, элементарно-научным, тогда как перед преподавателем младшего курса, даже перестроенного в согласии с научной грамматикой, будут стоять задания практические: обучение орфографии и владению письменной и устной речью.

Независимо от того, будет или нет оканчивающий вторую ступень продолжать свое образование, он должен вынести из своей школы некоторые сведения о науке о языке как особой дисциплине. В этом отношении наши даже очень культурные люди отличаются полным невежеством. Задача настоящей книжки — познакомить учащихся, а также будущих учителей школы I ступени, с механизмом языка вообще. Это как бы элементарное введение в науку о языке, построенное исключительно на явлениях родного языка, или, если угодно, это описание нашей речи, сделанное с лингвистической точки зрения.

Первое, самое главное убеждение, которое, по мысли автора, учащийся должен вынести из этой книжки, это — то, что язык есть социальное установление. Здесь открывается широчайшее поле для наблюдений над тем, как говорят различные социальные группы, каков их словарь, произношение, грамматика, над тем, как одна социальная группа заимствует у другой выражения, произношение, даже грамматику, и как это происходит, каким, например, образом технические слова из кругов специалистов проникают в общую массу населения, как горожане завозят языковые новшества в деревню и т. д. Речь самих учащихся даст материал для наблюдений над говором лиц разных местностей, а также над индивидуальными и семейными особенностями речи; конечно, и жаргон школьный будет также

привлечён как объект для изучения. Мы ни минуты не сомневаемся, что изучение этих сторон родной речи и собирание соответствующих материалов чрезвычайно заинтересуют самих учащихся.

Непосредственно из этих наблюдений вытекает тот вывод, что есть особая норма в пользовании речью, есть общий язык, которым «все говорят». Здесь открывается новое поле для наблюдений как над тем, кто эти «все», так и над взаимодействием разговорного литературного и письменного литературного языков, влиянием на нашу речь книги, газеты и обратно.

Наконец ещё одна сторона тех же наблюдений—это речевые установки, т. е. пользование языковыми средствами для различных заданий: язык газеты (в её разных отделах), учёной книги, лекции, диспута, митинговой речи, рекламы, канцелярский язык, язык церковный и т. д. и т. д. Здесь требуется предварительно усвоить себе натуральное различие в языке двух стихий—интеллектуальной и эмоциональной, и затем разницу между двойным отношением к вещам и людям—объективным и субъективным (его крайний случай—аффективность). Мы не коснулись в нашей книге эстетической установки на выражение. Вопрос этот сложен, не разработан, говорить о нём в учебнике трудно, да он и не имеет прямого отношения к языкознанию. Но ничто не мешает преподавателю показать на примерах, как писатель и поэт гармонизируют и стилизуют объективные данные языка, чтобы характеризовать своих героев, природу или чтобы вызвать у читателя эстетическое чувство. Всё с тем же социальным характером языка связывается и вопрос о письме и об орфографии.

Главный же вывод, который доминирует над всем нашим изложением, это то, что все знаки языка условны, ибо составляют достояние всех говорящих, что каждый из нас не властен изменять их по своей прихоти, но что перед каждым говорящим в процессе речи стоит задание—выразить своё личное при помощи языковых знаков, созданных всеми и для всех. Здесь бросается в глаза то обстоятельство, что грамматическая сторона слова представляет собою общие значения, обязательные и одинаковые для всех. Тот факт, что слово *дом* есть именительный падеж, единственное число, что оно мужского рода, что это название неодушевленного предмета,—является обязательным для всех. Что же касается того содержания, которое я вложу в семантическое (вещественное) значение этого слова, то оно до известной степени, в связи с обстановкой речи, зависит от лица говорящего. Иначе говоря, грамматика есть система общеобязательных в

данном языковом коллективе значений—это как бы «материализованные» коллективные идеи. И, поскольку речь идет о языковых категориях, надо полагать, что Durkheim был прав, приписывая им социальное происхождение.

Наш учебник пытается зарисовать в наиболее простой форме логико-психологический механизм языка. Наш отправной основной пункт—это множественность частичных значений, заключённых в слове (см., что сказано выше о слове *дом*), которые мы в целях упрощения сводим к двум главным разрядам: значения семантические (вещественные) и значения формальные, или грамматические. По характеру своих формальных значений слова распадаются на ряды, называемые «частями речи». Весь язык представляет собою систему функциональных отношений между этими частичными значениями, но изложить её в учебнике невозможно, настолько она сложна и отвлечённа,—это уже дело высшей школы и специальных научных трудов¹. Поэтому механизм речи описан нами нарочито упрощенно, и всё же, излагая научную дисциплину, мы не смогли обойтись и без научных терминов. Пусть не посетуют на нас за это педагоги. Грамматика, как уже указывал на это А. М. Пешковский, наука отвлеченная и сложная; сравнивать её в этом отношении можно только с математикой и логикой. И нам кажется, что изучение языка, с одной стороны, как конкретно-социального явления, а с другой—как знаковой системы функциональных отношений будет очень способствовать развитию и укреплению формального мышления.

Одной из особенностей книги является то обстоятельство, что глава о звуках находится на самом конце: к изучению звуков переходят после изучения грамматики. Такой распорядок вытекает из наших научных представлений о языке. Звуковая различительная единица—фонема—является дифференциальным знаком последней степени: фраза, словосочетание (синтагма), морфологические элементы слова, фонема. Анализ же фонемы уводит нас из языка в физиологию звуков и в акустику. В изучении именно родного языка необходимо идти натуральным путем, т. е. от смысловых единиц к звуковым, а не обратно, и, стало быть, от лексики к семантике, потом к грамматике, наконец к физиологии.

¹ Мы подготовляем к печати книгу для учителей, где сделали попытку изложить функционирование языковой системы более или менее исчерпывающим образом.

Мы совсем не излагали морфологию русского языка, т. е. ту систему знаков (суффиксов, префиксов, флексий, передвижение ударения, чередование фонем, порядок слов), при помощи которой различаются функции значений внутри слов и их функциональные отношения. Это повлекло бы увеличение объема учебника еще страниц на 40—50. Кроме того, едва ли необходимо для ученика прорабатывать этот отдел подробно. Достаточно, если он понимает важнейшие принципы функционирования морфем (а об этом у нас говорится довольно подробно) и в каком-нибудь несложном случае может дать себе отчет в том, каким другим формам данная форма противопоставляется и чем это выражается. Но, конечно, самому преподавателю необходимо иметь всегда под рукой полное описание морфологической системы русского языка.

Об иных особенностях нашего учебника мы не будем распространяться. Читатель сам заметит их и увидит, конечно, что все они обусловлены нашими научными взглядами на сущность языка, взглядами, которые формировались под влиянием F. de Saussure'a, Ch. Bally, Alb. Séchehaue и A. Meillet.

Необходимо, однако, обратить внимание ещё на следующую сторону изучения языка. Наш учебник говорит только о синхронии, т. е. о данном состоянии языковой системы, а не об эволюции языка. Но хотя история родного языка и должна, на наш взгляд, изучаться только в высшей школе, тем не менее, представление о движении языка должно быть внушено учащимся ещё на II ступени. В настоящем учебнике преподаватель найдёт достаточно материала для того, чтобы показать ученикам, как и почему языковые знаки меняют смысл, возникают новые слова, умирают старые, как индивидуальная речь и по словарю, и по произношению, и даже по грамматике уклоняется от общей нормы. Здесь — в расхождении индивидуального говорения с коллективным — лежит отправная точка возможности языковых изменений. С накоплением во времени этих отклонений в процессе подражания индивидуумов друг другу происходят сдвиги в языке, и он эволюционирует. На этих различиях необходимо остановиться и продумать их возможно отчетливее и на возможно большем материале.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить свою глубокую благодарность А. М. Пешковскому, взгляды которого ему очень близки, взявшему на себя рекомендовать настоящий учебник вниманию русских педагогов, и проф. Н. Н. Дурново, ценными советами которого он широко пользовался во время работы.

Автор

Глава I

НАША РЕЧЬ

§ 1. Человеческая речь

Никто не скажет, что граммофон «говорит»: он только воспроизводит, механически повторяет то, что человек записал на его пластинке; ни понять того, что он воспроизводит, ни прибавить к записанному, ни убавить в нем граммофон, конечно, не может. Обученный попугай повторяет слова, которые ему внушили, но это тоже не есть речь: попугай не понимает того, что говорит, и почти не отличается в этом отношении от граммофона. Но у животных, в том числе, конечно, и у попугаев, есть свой язык. Достаточно послушать, как, напр., наседка сзывает цыплят на корм или предупреждает их об опасности, чтобы убедиться в том, что животные «разговаривают». Но их язык выражает не мысли, а только чувства: страх, голод, ласку, удовольствие, боль и т. п.; напр., звуки, издаваемые собакой, очень разнообразны, и хозяин собаки довольно хорошо понимает её язык.

Речь человека отличается от языка животных тем, что она есть прежде всего язык мыслей. Когда называют её «членораздельной», этим самым хотят обозначить, что она членится на отдельные мысли, сложные и более простые. В самом простом слове, напр. *дом*, наше сознание различает целый ряд отдельных значений: представление о каком-то жилище, о том, что это предмет, что он один, что слово это мужского рода, что оно употреблено в именительном падеже и т. д. И без всей этой сложности значений, т. е. элементов мысли, нет человеческой речи. Само собой разумеется, что животные не обладают подобной речью.

§ 2. Речь и язык

Речь есть наша способность выражать свои мысли и чувства, а язык есть способ выражения их, способ использования дара речи. Нельзя сказать, что глухонемой лишен дара речи, но он лишен возможности

выражать свои мысли и общаться с другими, пока не обучится языку. Мы научаемся языку с детства, незаметно для самих себя, слушая и повторяя слышанное от взрослых, уже владеющих языком; глухонемой же не может так учиться языку потому именно, что он глухой.

Мы различаем язык жестов и мимики, напр., у краснокожих и у других дикарей (также в театре, в пантомиме); в подобном же смысле говорят о «языке цветов»; для артистов существует язык красок, линий, музыкальных звуков, который и мы понимаем, но которым не владеем сами. Язык в обычном для всех смысле — это язык слов, т. е. звукосочетаний особого рода (не тех, что употребляются в музыке), состоящих из звуков, производимых нашим говорильным аппаратом; слова сопровождаются интонацией, а иногда и жестами и мимикой.

Речь есть внутренняя сторона того явления, о котором мы говорим, язык же — его внешняя сторона, и она меняется: у разных народов языки разные, а кроме того, как мы увидим в дальнейшем (§ 7), у одного и того же народа есть различные языки.

§ 3. Высказывание

Язык служит нам средством общения с другими людьми. Мы обращаемся к ним с вопросами, просьбами, советами, приказаниями, шутками, высказываем наши мысли, чувства, желания. Наша речь состоит из **высказываний**, и каждому сколько-нибудь законченному высказыванию соответствует особая фраза. Мы говорим фразами. Одна фраза от другой отделяется паузой, т. е. после каждой фразы наши говорильные органы приходят в состояние покоя, и мы делаем голосом полную, хотя бы и очень короткую остановку. (На письме этой паузе соответствует точка, а более краткие остановки внутри фразы — полупаузы — обозначаются другими знаками пунктуации, или препинания.) Напр.:

- *Что тебе, Петрович, аль что случилось?*
- *Ничего не случилось, Авдотья Арефьевна. Муж тебя спрашивает.*
- *Разве он вернулся?*
- *Вернулся.*
- *Да где ж он?*
- *А на деревне, в избе сидит.*

То слово в фразе, которое является наиболее важным, несёт на себе «фразовое ударение», т. е. произносится с наибольшей силой. Ср.,

напр.: *В этом озере водится много **рыбы**. В этом озере водится много **рыбы**. В этом озере водится много **рыбы**.*

§ 4. Обстановка

Читая или даже слыша вышеприведенный разговор и понимая каждую фразу его, мы все-таки не всё понимаем. Необходимо знать обстановку (с и т у а ц и ю) разговора, чтобы точно понимать, о чем идет речь и что высказывают говорящие лица. Только из обстановки мы узнаем, что второй собеседник — мужик Петрович, у которого приютился Аким, муж Авдотьи Арефьевны, после того как по прихоти помещицы Наум завладел его постоянным двором, и что Авдотья боится Акима, так как сама виновата в том, что случилось (см. Тургенев — «Постоялый двор»). То, что в действительной жизни объясняет обстановку, в книге дается контекстом, т. е. окружающими фразами и всем произведением в целом.

Роль обстановки чрезвычайно важна в речи; благодаря ей многое может не называться, опускаться; фразы становятся неполными. Так, напр., сидя за чайным столом, хозяйка просто спрашивает: *Вам с лимоном или без? А вам крепкого или слабого?* Полные фразы: *Вам как дать чаю: с лимоном или без лимона? А вам какого налить чаю: крепкого или слабого?* — нам показались бы смешными и педантичными. Они не нужны, раз обстановка восполняет опущенное.

§ 5. Интонация

Представим себе, что мы слышим разговор за стеной, но слов разобрать не можем. Поймём ли мы хоть что-нибудь из происходящего там? Прислушиваясь к голосам, мы можем распознать число говорящих, можем понять, каков характер разговора: мирный, взволнованный, спор, ссора; один упрекает, другой оправдывается или огрызается; один насаждает, другой постепенно сдаётся и т. д. Более того — мы можем различить начало и конец фраз и понять, когда фраза оборвалась незаконченной, различим вопрос от ответа, побуждение или приказ от простого изложения. Позволит нам понять всё это **интонация**; но необходимо слышать слова, чтобы понять, о чём идет разговор.

Когда мы говорим, тон нашего голоса то подымается, то опускается. Напр.:

1. *Савельич потребовал огня* (пауза).

2. *Савельич потребовал огня, чтобы готовить чай*.

3. *Савельич потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне вкусен*.

Ни во второй, ни в третьей фразе нельзя остановиться после слова *огня*, а в третьей — и после слова *чай*. Самая интонация предупреждает, что фраза не закончена. Таким образом, законченности высказывания соответствует законченность интонации. Если же фраза почему-либо прервана, не закончена, слушающий тотчас же замечает это. (На письме в таком случае ставится многоточие.)

Виды интонаций чрезвычайно разнообразны. Ср., напр.: 1. *Папа дома?* 2. *Папа дома.* 3. *Папа дома!* 4. *Папа, домой!* Но главные сводятся к четырем типам: утверждение (2-й пример), вопрос (1-й пример), восклицание (3-й пример), побуждение (4-й пример). Вопрос может сопровождаться восклицанием, что дает вопросительно-восклицательную интонацию (напр.: *Как?! Папа дома?!*).

Итак, по характеру интонаций различаются фразы: а) утвердительные, или повествовательные, б) восклицательные, в) вопросительные (с восклицанием или без восклицания), г) побудительные, или повелительные. Но это только главные типы, и, напр., восклицательная фраза, в зависимости от того, выражает она радость или злобу или горе и т. д., примет иные оттенки интонации; то же и с другими фразами.

§ 6. Язык

Наша речь распадается на высказывания. Каждое высказывание выражается особой фразой. Фраза распадается на слова, соединенные между собою по законам грамматики и объединяемые общей интонацией. Для того, чтобы говорить, нужно иметь в запасе готовые и всем понятные слова, заранее установленные грамматические законы и интонации. Такой запас и называется **языком**.

Стало быть, язык состоит из:

1. слов: *мальчик, большой, маленький, книга, читать* и т. д.;
2. грамматики (т. е. законов соединения слов) — напр., *Маленький мальчик читает большую книгу*;
3. интонаций — напр.:

Мальчик читает большую книгу или *Мальчик читает большую книгу* ?

Запас слов в языке образует, как принято говорить, «словарь» языка, законы соединения слов — его «грамматику», наконец, звуки языка составляют его «фонетику». Наука, изучающая язык, называется языковедением, языкознанием или лингвистикой.

§ 7. Частные языки

Не только различные народы говорят каждый на своем языке, но и внутри одного и того же народа существуют значительные языковые различия, главным образом в словаре, между классами населения. Так, напр., духовенство, мелкие торговцы, крестьяне, интеллигенция и т. д. говорят не совсем одинаково. Иначе и не может быть: язык есть средство общения между людьми, он является социальным установлением и отражает деление общества на различные группировки. Где у людей общие условия труда, жизни, общие интересы и вкусы — там и язык общий, ибо мысли и чувства этих людей схожи, близки.

Очень важны с этой точки зрения профессиональные группировки. У каждой профессии есть свои особые слова для обозначения как инструментов, так и вообще различных сторон профессиональной деятельности. Подобные слова называются терминами. В жаргоне школьников, моряков, охотников, барышников, особенно же в языке беспризорных, арестантов и воров есть масса своих особых выражений, которые не должны быть понятны для «непосвященных».

Внимательно присматриваясь к тому, как говорят наши знакомые, мы заметим, что почти в каждой семье есть свои особые, домашние словечки, которых нет у других семей, и что даже отдельные лица различаются между собой по манере говорить. Но все эти индивидуальные различия не имеют, конечно, такого большого значения, как различия профессиональные и классовые.

Наконец, совсем особенный язык церковный, на котором совершается служба в церкви.

Кроме того язык дробится географически: в каждой местности есть свои особенности в словаре и произношении; когда эти особенности местных говоров становятся значительными и, напр., касаются и грамматики, то получается, что язык дробится на диалекты.

§ 8. Общий язык

В отличие от частных языков принято называть общим язык, на котором говорят культурные люди. Общий язык поддерживается школой, книгой, газетой, на нём говорят в государственных учреждениях. На службе, в книгах и газетах приходится всем говорить одним языком, и там исчезают, сглаживаются местные языковые различия; а поскольку разговор или книга не имеют специального характера, то отбрасываются и термины и разные специальные выражения. Каждый стремится говорить «как все». В общем можно сказать, что чем культурнее человек, тем меньше в его речи местных особенностей.

Общий язык всё-таки не остается неподвижным. Жизнь и быт изменяются, изобретаются новые вещи, происходят социально-политические изменения, и для обозначения новых мыслей возникают новые слова, и по тем же причинам отпадают старые. Так, напр., в произведениях наших классиков мы встречаем слова *городничий*, *оброк*, *однодворец*, *повытчик*, *воевода* и т. д. Эти слова уже в языке не живут, потому что уже нет больше в жизни тех вещей, которые они обозначают. В связи с изобретениями последних двадцати-тридцати лет появились слова *кинематограф*, *аэроплан*, *авион*, *аэродром*, *летчик*, *радио*, *трактор* и т. д., почти все заимствованные с иностранного. Со времени Октябрьской революции появилось множество новых слов для обозначения новых учреждений и новых сторон быта: таковы, напр., хотя бы «сокращения»: *Совнарком*, *ВСНХ*, *Авиахим*, *учком*, *комсомол* и т. д. и т. п.

§ 9. Аффективность

Когда мы говорим о вещах, которые нас глубоко затрагивают, мы не только называем их и высказываем наши мысли о них, но и выражаем к ним наше внутреннее отношение. Наш разговор принимает

аффективный характер, т. е. выражает наше отношение, приятное (симпатия, ласка, нежность, уважение, почтение, простая вежливость) или неприятное (антипатия, враждебность, холодность, отвращение, неуважение, непочтительность). Ср., с одной стороны, обычное слово *умереть*, а с другой — аффективные выражения: *скончаться*, *почить*, *отдать богу душу*, *приказать долго жить*, *покинуть земную юдоль*, и, наконец, такие грубые выражения, как *подохнуть*, *сдохнуть*, *околеть*. Ср. также обычные слова *дом*, *лошадь*, *белый*, *город*, *мужик*, *лапа* с аффективными словами: *домик*, *домишко*; *лошадка*, *лошаденка*; *беленький*; *городок*, *городишко*; *мужичок*, *мужичонка*, *мужичишка*, *мужичище*; *лапка*, *лапушка*, *лапонька*, *лапища* и т. д.

Аффективных слов, выражений, интонаций очень много в языке, и мы постоянно создаем новые или же старым придаем аффективный оттенок. Для выражения искреннего чувства нам прежние слова кажутся слишком тусклыми, затёртыми, опошленными именно потому, что они употребляются всеми, а нам хочется выразить своё чувство личное, не похожее на чувства других и которое произвело бы впечатление на нашего собеседника. Даже выражения простой вежливости очень разнообразятся в зависимости от того, с кем мы говорим и в каком настроении находимся; ср., напр., *пожалуйста*, *милости просим*, *сделайте одолжение*, *будьте любезны*, *будьте добры*, *соблаговолите*, *не откажите* и т. д. и т. д.

§ 10. Субъективность

Самые вещи становятся в наших глазах как бы иными в зависимости от нашего к ним отношения. Для заблудившихся в пустыне путешественников, изнемогающих от жажды, вода совсем не то же, что для нас: с глотком воды связано спасение от смерти, жизнь. К каждому предмету, с которым мы жизненно связаны, у нас устанавливается особое пристрастное, субъективное отношение: мы видим в нем такие качества, которых не увидит посторонний человек. Для нас, напр., *лошадь* есть просто лошадь; ее пол, возраст, даже масть для нас почти безразличны. Не то — для крестьянина или лошаdnика, торговца лошадьми. Там различают до сорока мастей, там каждый возраст лошади имеет свое название: *жеребенок*, к концу года *стригунок*, на втором году *лошак*, затем *третьяк*, потом *четверточина* и т. д. Эти названия в ходу у сибирских, многолошадных крестьян. Для них лошадь на втором году и лошадь на четвертом году как бы два разных существа, потому что от них разная польза.

Объективное отношение к вещам мы наблюдаем только в науке, или когда речь идет о чём-то, что нас близко не затрагивает. Поэтому научный язык пользуется терминами, т. е. точными словами, которые прямо обозначают понятия, не примешивая к ним нашего субъективного отношения. В обычной же речи наряду со словами-этикетками, т. е. просто отвлеченно обозначающими вещи, есть много слов описательных. Таковы, напр., *подсолнечник* (находящийся под солнцем), *ежится* (сжиматься, как еж сжимается в комок), *лисить* (хитрить, как лиса), *мать-и-мачеха* (растение, у которого верхняя сторона листьев гладкая и холодная, а нижняя — пушистая и тёплая; научный термин — *Tussilago farfoga*), *распушить* (разбранить так, чтобы только «пух летел») и т. д. Всё это будут слова о б р а з н ы е.

Слова-этикетки (сюда же принадлежат и термины) служат только для обозначения понятий, слова же образные отвечают нашей потребности не только понимать, но также и воображать, т. е. как бы видеть, слышать, ощущать те предметы и действия, о которых идет речь.

К образным словам нужно отнести и такие, которые самими звуками живописуют, напр., *стрекануть*, *проффершипилиться*, *чебурахнуться*, *шморгнуть*, *хлобыснуться*, *тараторить*, *балаболка*, *кувыркком* и т. д. Все образные слова действуют сперва на наше воображение и лишь через него обращаются к рассудку. Все они субъективного характера. Так, напр., то обстоятельство, что цветок подсолнечника повёртывается в течение дня по солнцу, не имеет объективного значения, так как все цветы делают то же самое, но в подсолнечнике это нам бросается в глаза благодаря его величине. Ботаник же, избегая субъективных впечатлений, дает подсолнечнику название-термин (*Helianthus annuus*).

§ 11. Язык эмоциональный и интеллектуальный

Высказывая свои мысли, мы стремимся к наибольшей ясности выражения и к тому, чтобы нас полностью поняли. Мы выбираем выражения наиболее точные, объективные, связываем слова по строгим законам грамматики и объединяем их в фразу при помощи простой, главным образом, повествовательной или повествовательно-вопросительной интонации. Это язык мыслей, иначе — **интеллектуальный язык**.

Язык чувств (эмоций) иной. Для выражения несложных ощущений мы пользуемся особыми восклицательными словечками — ме-ж-

дометиями: *ой! ай! ай-яй-яй! ага!* и т. д. Главным средством эмоционального языка являются интонации. Смотри по тому, как мы произнесём *Пожар!* — мы выразим самые разнообразные переживания: испуг, ужас, отчаяние, печаль, сочувствие, любопытство, возмущение, злорадство, покорность судьбе и т. д. и т. д. Сильные движения чувств нарушают спокойный ход нашей речи, разнообразят интонацию, разрывают фразу на части, нарушают и затемняют грамматическую связь между словами, наконец, самые слова заменяются междометиями: говорящий спешит дать исход своему волнению, не думает о собеседнике и не заботится о ясности фразы.

§ 12. Речь практическая

В повседневной, обыденной практической жизни, когда мы, напр., покупаем и торгуемся на базаре, отдаём распоряжения, сообщаем услышанную новость, делимся впечатлениями от прочитанной газеты или книги, говорим о делах, даём совет, забавляемся и т. д., мы никогда не остаёмся бесстрастными, холодными, но всегда более или менее волнуемся, убеждаем, оспариваем, хвалим, порицаем, браним, угрожаем и т. д.

Поэтому наша практическая речь (т. е. та, которая обслуживает нужды практической жизни) наряду со средствами языка интеллектуального широко пользуется также и средствами эмоционального языка, т. е. разнообразными интонациями, восклицательными словечками (ср. бесстрастное: *он ударил его по спине*; более эмоциональное: *он хлопнул его по спине* и взволнованное: *он хлоп его по спине!*), а также различными аффективными словами и выражениями (ср. *Ну и лапши же у него! Хочешь баиньки, спатиньки? Старая престарая старушка*; ср. также вежливые: *кушайте, пожалуйста*, и обычные *ешьте, входите*).

В практической жизни мы пользуемся языком главным образом для разговора, поэтому практическая речь обычно имеет форму диалога. В практической жизни мы обыкновенно не строим полных фраз, многое подразумеваем и опускаем, ибо обстановка и контекст восполняют смысл неполных фраз.

§ 13. Речь теоретическая

Речь, которая не служит задачам практической жизни, но которая бесстрастно излагает ход мыслей, называется теоретической.

Такая речь пользуется средствами языка интеллектуального и состоит из полных фраз, ясных, правильно построенных, из слов неаффективных и по возможности точных, а не образных описательных. В чистом виде её нигде не существует, но к ней приближается научное изложение, напр. лекция ученого, математическая задача в учебнике или изложение протокола заседания, протокола полицейского, юридических актов, корабельного журнала и т. п.

Несмотря на то, что теоретическая речь никогда не осуществляется полностью, так как никто не бывает вполне бесстрастным (профессор стремится убедить слушателей, заставить их поверить ему; в судебном протоколе сквозит негодование против совершённого преступления), тем не менее именно теоретическая речь с её средствами интеллектуального языка лежит в основе речи практической. Мы понимаем *Он хлоп его по спине!* только как более взволнованное высказывание того же, что в теоретической речи было бы сказано как *Он ударил его по спине*. Фраза *NN скончался* есть только более почтительное выражение мысли: *NN умер*. Фраза *Убирайся!* есть только более грубая форма высказывания мысли *Уходи* и т. д.

Дети, женщины, а также люди малоразвитые живут больше чувствами, поэтому их речь более эмоциональна и далека от речи теоретической. Взрослые люди, более развитые, а также и ученые больше живут рассудком, поэтому их речь менее эмоциональна, ближе к теоретической.

§ 14. Речевые установки

Средствами языка мы пользуемся по-разному; так, прежде всего нужно различать речь устную и письменную. Вторая будет отличаться от первой главным образом отсутствием той ситуации, обстановки, которая неотделима от речи устной, от разговора. Поэтому, когда мы пишем, нам поневоле приходится излагать всё подробнее, чем мы сделали бы это при разговоре; приходится внимательно думать о том, кому и для кого мы пишем, и выражаться так, чтобы тому было всё ясно. Понятно, что как устная, так и письменная речь может иметь характер более теоретический или более практический, выражать известное аффективное отношение говорящего или пишущего как к тому, к кому он обращается, так и к вещам, о которых идёт речь, и т. д.

Затем необходимо различать речевые установки, т. е. характер задания, ради которого мы прибегаем к средствам языка. Мы

строим нашу речь по-иному, иначе выбираем выражения и связываем их, смотря по тому, хотим ли мы, чтобы наш слушатель (или читатель) спокойно продумал и принял нашу мысль (лекция, научное рассуждение), или хотим увлечь его за нашими чувствами и даже вызвать на какое-нибудь действие (речь на митинге, воззвание, проповедь). Напр., реклама стремится навязать публике убеждение в истине того, что она утверждает; газетная телеграмма кратко, лаконически, но ярко освещает нас о фактах, а газетная статья кратко, точно и ярко объясняет нам значение этих фактов с точки зрения этой газеты или партии.

Так создаются различные речевые стили: реклама, прокламация, митинговая речь, газетные заголовки, телеграммы — гонятся за тем, чтобы яркими экспрессивными выражениями врезать нам в память известные утверждения. Афиша кинематографа нагромождает один на другой кричащие и полные преувеличений слова: *потрясающая трагедия, необыкновенные приключения, величайшее произведение мирового гения* и т. д. Но, конечно, подобный стиль будет не к месту там, где книга или живая речь обращаются к мысли и к рассудку.

По характеру речи мы можем судить о лице говорящем, о его образовании, о его среде, о его вкусах, нередко и о местности, из которой он происходит. Выражение, принадлежащее к определенному стилю (напр., к газетному), свойственное определенной среде (напр., торговой) или тесно связанное с воспоминанием об определенном моменте жизни, сейчас же пробуждает в нас ощущение того мира, из которого оно зашло к нам.

Художники слова, поэты и писатели широко пользуются этой способностью слов редких в общем языке для того, чтобы вызывать в нас впечатления разных чувств, людей, классов и т. д. Это особая эстетическая установка на выражение. Для того, чтобы охарактеризовать своих героев, авторы пользуются особенностями их говора, употребляют местные выражения (провинциализмы), прибегают к жаргону; чтобы вызвать у нас картину обстановки действия, прибегают к различным речевым стилям, к словам образным, аффективным и т. д., наконец вводят новые слова (неологизмы) или воскрешают забытые (архаизмы).

§ 15. Синонимы

Итак, мы видим, что в языке имеется много речевых слоев — специальные, аффективные, установочные и т. д., в которых одно и то же содержание высказывания выражается по-разному. Такие очень близ-

кие по значению слова и выражения называются **синонимами**. Напр., *тихий, спокойный, мирный; храбрость, отвага, доблесть, бесстрашие, смелость; умереть, скончаться, отойти, отдать богу душу, почитать, приказать долго жить, испустить дух, подохнуть, околеть; бездельничать, лодырничать, бить баклуши; однако, все-таки, тем не менее, несмотря на то* и т. д.

Одно и то же содержание высказывания (в целом или его частей) может быть выражено различными способами—в зависимости от настроения говорящего, от цели разговора и от обстановки, в которой оно происходит. Так, напр., *Мне тяжело* (бесстрастное интеллектуальное высказывание), *Мне тяжело* (более эмоциональное), *Тяжко мне* (очень эмоциональное), наконец, просто *Эх* (чисто эмоциональное), все они говорят об одном и том же—о подавленном состоянии духа, но говорят по-разному.

§ 16. Переносное значение

В зависимости от обстановки речи одно и то же выражение может получать различные значения. Ср., напр., *Бык пасется в стаде* и *Мост стоит на быках*. В последней фразе устой моста по своей силе и упорности уподоблены быкам. Слово «бык» употреблено в фигуральном, или в переносном значении. Ср. еще *Пошёл!*—обращённое к кучеру, и *Я пошел домой*, в первом случае форма прошедшего времени употреблена в роли повелительного наклонения. Перенесение значения (или транспозиция) совершается постоянно в нашей речи; более или менее неподвижны только термины в науке, все же прочие слова всегда могут быть транспонированы, т. е. употреблены для названия иных вещей, чем те, которые они обычно обозначают.

§ 17. Роль лица говорящего

Последовательность фраз, их интонация, выбор выражений в зависимости от характера речи, построение полных или неполных фраз и наделение слов прямым или переносным значением—все это делается лицом говорящим. Но, кроме того, оно влияет на фразу ещё в трех направлениях.

1. Лицо говорящее выражает своё отношение к содержанию высказывания: а) рассматривает высказываемое как факт, напр., *Несмотря*

на болезнь, Ваня не остался на второй год; б) как предположение: *Несмотря на болезнь, он не остался бы на второй год*; в) лицо говорящее полагает, что своим высказыванием оно может заставить собеседника поступить по его воле: *Несмотря на болезнь, не оставайся на второй год!* Эти различные виды отношения к содержанию называются наклонениями. Таким образом различаются три основных наклонения: изъявительное (выражение факта), сослагательное (выражение предположения) и повелительное (выражение воли).

2. Лицо говорящее устанавливает отношение содержания высказывания к времени: а) *Ваня хорошо учится*—в момент речи; б) *Ваня хорошо учился*—до момента речи; в) *Ваня будет хорошо учиться*—после момента речи. Таким образом устанавливаются времена: настоящее, прошедшее и будущее.

3. Лицо говорящее устанавливает отношение к себе предметов, о которых говорится, и в зависимости от этого названия их меняются. Ср. *Ваня пришел.—А, это ты?—Да, это я*. Здесь одно и то же лицо названо по-разному, потому что его отношение к лицу говорящему везде иное. В последнем случае оба совпадают; во втором—это собеседник, к которому обращена речь; в первом это ни лицо говорящее, ни собеседник. Так различаются первое лицо, второе лицо и третье лицо.

§ 18. Эквиваленты фразы

Иногда собеседник выражает свое отношение к сообщаемому не фразами, а особыми словечками: *Да* (выражает согласие); *Нет* (несогласие); *А?* (просит повторить); *Ну* (просит продолжать); *Гм...* (недоумение, раздумье); *Ну-у* (недоверчивость); *Да? Нет? Разве?* (удивление перед неожиданным) и т. д.

Это заместители (эквиваленты) фразы. Их не нужно смешивать с неполными фразами. В зависимости от характера разговора эти эквиваленты могут выражать самые разнообразные отношения собеседника к словам говорящего и принимать разнообразнейшие интонации. По большей части они сопровождаются жестами и мимикой.

Глава II

СТРОЕНИЕ ФРАЗЫ

§ 19. Семья слов

Слова подразделяются на **основные**, напр. *дом, пыль, белый, учить, фан* и т. д., и **производные**, т. е. такие, которые образуются от основных слов. Напр. от *дом* > (производится) *домашний, домовый, домовничать*. Производное слово опирается на своё основное слово и через него понимается. Напр. от *белый* > *белить* (т. е. делать белым), *белеть* (быть, казаться белым), *белизна* (качество по прилагательному *белый*), *белок* (*белая* часть яйца), *бело* (*белым* образом). От *дом* > *домашний* (относящийся к *дому*), *домовой* (дух, божество, состоящее при *доме*), *домовничать* (оставаться *дома*), *домик* (маленький приятный *дом*), *домишко* (скверный маленький *дом*), *домина* и *домище* (огромный *дом*).

Такая группа производных слов, образуемых от одного основного, называется **семьей** слов. Пример семьи: *учить* > *учитель, учительница, ученик, ученица, училище, учебник, учение, учёба*, а также *выучить, обучить, отучить, научить, разучить, подучить* и т. д.

§ 20. Синтагма

Производное слово распадается на две части, напр. *учитель* = «кто учит», *водовоз* = «возящий воду», *медвежонок* = «детёныш медведя», *домик* = «маленький дом». Обе идеи, заключенные в производном слове, относятся друг к другу как определяемое и определяющее. Если мы условимся обозначать первое знаком Т, второе — знаком Т', то, напр., *учитель* (ТТ) = кто (Т) учит (Т'); *водовоз* (ТТ) = возящий (Т) воду (Т'); *домик* (ТТ) = маленький (Т') дом (Т), и т. д. Такие комбинации определяемого и определяющего называются синтагмами. Стало быть, производное слово есть синтагма.

В основных словах тоже есть две идеи. Напр., в слове *дом*, если его сравнивать со словами *хижина, изба, дворец* и т. д., определяемое — это

то, что оно предмет, а определяющее — это особый вид жилища, не хижина, не дворец и т. д., но синтагматический характер их отношений не поддаётся анализу. Ещё примеры: *проиграть* (ТТ) = потерять (Т) в игре (Т'); *мешочничать* (ТТ) = состоять (Т) мешочником (Т'); *пригород* (ТТ) = что при (Т) городе (Т'); *всё это я знаю-перезнаю* — здесь *перезнаю* (ТТ) = превосходно (Т') знаю (Т), даже «слишком хорошо знаю», и т. д.

В обычных производных словах приставка (префикс) или суффикс являются в роли Т, а в аффективных словах их роль Т'. Это потому, что аффективный характер могут принимать и производные слова, так, что аффективное определяющее присоединяется к слову, у которого уже есть одно определяющее, на прежнюю синтагму наслаивается новая. Напр., *водовозишка* (ТТ) = скверный (Т') водовоз (Т), а *водовоз* уже в свою очередь ТТ; ср. также *перезнаю* (ТТ) в вышеприведенной фразе и *проиграть* (ТТ).

§ 21. Внешняя синтагма

Те же отношения определяемого и определяющего могут быть выражены целыми словами, а не частями слова. Напр., *маленький* (Т') *дом* (Т) вместо «домик», *возящий* (Т) *воду* (Т) вместо «водовоз», *детёныш* (Т) *медведя* (Т) вместо «медвежонок». Синтагматическое сочетание слов является внешней синтагмой по отношению к внутренней синтагме, заключённой в слове.

Определяющее внутренней синтагмы указывает постоянный признак определяемого, а определяющее во внешней синтагме является признаком более или менее случайным, таким, который можно заменить иным. Напр., всякий «водовоз» есть «возящий воду», но всякий возящий воду не есть непременно «водовоз», потому что он, может быть, случайно, на этот только раз везёт воду, водовоз же это делает постоянно, это его главный признак, возить воду — его профессия. «Домик» — это хорошенький, приятный маленький дом, но всякий «маленький дом» вовсе не будет непременно приятным, он может быть и грязным и неудобным. «Пригород» находится перед городом, но не все, что находится «перед городом», будет «пригородом», напр. перед городом протекает река, стоит село и т. д. «Белорыбца» определена как «белая рыба», но не всякая белая рыба (напр., нельма) есть

белорыбца. «Проиграть» значит «потерять в игре», но если во время игры я потерял, напр., свой карандаш, то никто не скажет, что я его «проиграл», и т. д.

§ 22. Слова знаменательные и незнаменательные

Высказывание состоит из отдельных понятий, связанных в единую мысль. Подобным же образом строится и фраза: одни из слов в фразе обозначают самостоятельные понятия—это знаменательные слова; другие же только выражают отношения между понятиями и служат для того, чтобы устанавливали различного рода связи между знаменательными словами,—это незнаменательные или служебные слова.

Фраза *Маленький мальчик читает большую книгу* составлена из знаменательных слов: *маленький, мальчик, читать, большой, книга*. Каждое из них, взятое отдельно, обозначает какое-нибудь самостоятельное понятие; незнаменательных слов в этой фразе нет. Напротив, в фразе *Катя читает, а Ваня играет*, кроме знаменательных слов *Катя, Ваня, читать и играть*, есть еще незнаменательное слово *а*, которое выражает противоположение между мыслью «Катя читает» и мыслью «Ваня играет». Оно связывает обе эти части фразы, но само по себе никакого самостоятельного понятия не выражает.

Есть, наконец, слова, которые употребляются двояко: то для обозначения самостоятельных понятий, то для выражения отношений. В первом случае они являются знаменательными; таковы, напр., слова *который, где* и *быть* в фразах: *Которую из этих книг вы берете? Где он живет? Я был на Кавказе*. Выступая же в роли служебных слов, они теряют свою знаменательность. Таковы те же слова в фразах: *Мы нашли книгу, которую искали. Идите туда, где виднеется скамейка. Пугачёв был росту среднего*.

§ 23. Синтагматика фразы

Знаменательные слова в фразе не просто поставлены подряд, но связаны между собою синтагматически, т. е. как определяемые и определяющие. Напр.:

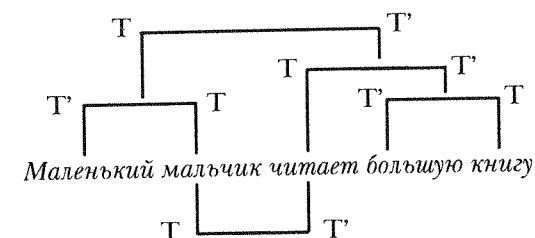
Т Т
маленький мальчик

Т Т'
мальчик читает

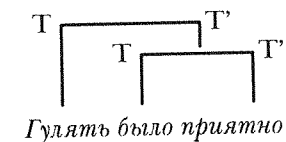
Т Т'
читает книгу

Т Т'
книгу большую

Иначе говоря фраза распадается на ряд синтагм. Эти синтагмы опять-таки связаны между собою синтагматически, и вся фраза представляет собою сложную синтагму:

Знаменательные слова в фразе служат одновременно определяемыми к одним словами и определяющими — к другим. Одно из слов остается **абсолютным** (или **независимым**) **определяемым** и уже ни к какому другому слову определяющим не служит. Таково в нашем примере слово «мальчик», а в нижеследующей фразе — слово «гулять»

§ 24. Вещественное и формальное значения в слове

Всматриваясь в слово *вода*, мы различим в нем два ряда значений.

1. Привычное обозначение известной жидкости, которая в химии определяется как H_2O , это вещественное или семантическое значение слова.

2. Значение числа (единственное, ср. *вода* и *воды*), рода (женского, так как мы говорим о воде «она», а не «он» и не «оно»), падежа (именительного, ср. *водой*, *воде*, *воду* и т. д.) и неодушевленности,— это все формальные или грамматические значения¹.

В каждом знаменательном слове имеются эти два ряда значений. Напр., слово *играю*, кроме вещественного значения, включает в себе формальное значение лица (первое), числа (единственное), времени (настоящее), наклонения (изъявительное), вида (несовершенный) и переходности².

Формальное значение слова указывает на то, в каких отношениях это слово находится к другим словам в фразе. Таким образом, их роль сходна с ролью служебных слов. С изменением роли слова в фразе изменяются частично и его формальные значения. Напр., в фразе *Маленький мальчик читает большую книгу* мы понимаем, что речь идет о маленьком мальчике и о большой книге, а не наоборот, потому что слова «маленький» и «мальчик» связаны между собою тем, что в них одинаковые формальные значения (единственное число, мужской род, именительный падеж); с другой стороны, «большую» связано с «книгу» (единственное число, женский род, винительный падеж). В то же время «читает» относится к «мальчик», так как в обоих указывается на третье лицо единственного числа.

§ 25. Формальные значения определяющего

Во внешней синтагме определяющее слово зависит от своего определяемого, и в его формальных значениях происходят изменения, по которым мы и распознаём, что это слово служит Т' к такому-то слову. Отношение определяющего слова к определяемому бывает трех родов: а) согласование, б) управление и с) примыкание.

1. **Согласование.** Формальные значения Т' отражают, повторяют некоторые формальные значения Т, напр. в синтагме *маленький мальчик* «маленький» согласовано с «мальчик» в числе, роде и падеже, иначе говоря, оно отражает формальные значения рода, числа и падежа, заключённые в слове «мальчик». В фразе *Людоед бежит в сапогах*

¹ Неодушевленность (или одушевленность)—полуформальное, полусемантическое значение.

² То же и переходность (и непереходность).

скороходах слово «скороходах» согласовано в числе и падеже со словом «сапогах». В фразе *Мы ехали на пароходе «Волге»* слово «Волге» согласовано в падеже со словом «пароходе». В фразе *Мы сели на скамью, которая стояла у стены* слово «которая» согласовано с «скамью» в роде и числе. Наконец, в фразе *Мы ехали на пароходе «Волга»* слово «Волга» хотя и относится к слову «пароходе», но только примыкает к нему, не согласуясь с ним. Согласование переходит в чистый параллелизм в таких случаях, как *Я пойду погуляю немного*, где «пойду» и «погуляю» стоят в одном времени и оба согласованы в лице и числе с «я»; здесь даже нельзя сказать с уверенностью, что «погуляю» служит Т' к «пойду» (см. § 28).

2. **Управление.** Падеж слова Т' зависит от того Т, к которому это слово относится, но не согласуется ни с чем. Напр.: *Отец написал письмо*; *Письмо написано отцом*; *Отец не написал письма*.

3. **Примыкание.** Слово Т' не согласуется и не управляется, но своим вещественным значением тяготеет к слову Т. Напр.: *Мы хорошо погуляли*, где «хорошо» примыкает к «погуляли»; *Я пойду гулять*, здесь «гулять» примыкает к «пойду»; *Мы ехали на пароходе «Волга»*, слово «Волга» примыкает к слову «пароходе».

Формальные значения, которые зависят от других слов в фразе, называются синтаксическими.

§ 26. Предикативная синтагма

Среди внешних синтагм есть такие, в которых определяющее отнесено к определяемому благодаря вмешательству лица говорящего (см. § 17). Ср. *читающий мальчик* и *мальчик читает*; во втором случае лицо говорящее констатирует как факт (изъявит. наклонение) признак мальчика и определяет его временный характер (наст. время). Подобное определяющее называется предикативным или предикатом.

Предикативным синтагмам принадлежит главная роль в языке, потому что подобные синтагмы выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой; ср., напр., *читающий мальчик*, *чтение мальчика* и т. под., которые если и могут служить фразой, то только в определённых условиях, напр. при указывании.

Предикативное определяющее это, стало быть, такое, которое выражает отношение к лицу говорящему, т. е. наклонение и вре-

м.я. Определяемое, к которому относится предикативное определяющее, является абсолютным определяемым и уже ни от какого другого слова не зависит³. Если это название предмета, то (как мы уже знаем из § 17) оно тоже выражает свое отношение к лицу говорящему, и тогда предикативное определяющее согласуется с ним в лице.

Таким образом, кроме обычных согласования, управления и примыкания, есть еще: 1) согласование предикативное, т.е. в лице, напр.: *Мальчик читает, Я читаю*; 2) управление предикативное, напр.: *Он был врачом* или *Он здесь учителем, Пугачёв был росту среднего; Она оказалась больною*; 3) примыкание предикативное, напр.: *Мы шли разговаривая, Мужичок был подвыпивши*.

Таким образом, кроме синтаксических формальных значений, есть еще формальные значения **предикативные**: наклонение и время, а у существительного в роли абсолютного определяемого — лицо.

§ 27. Выражение синтагматических отношений

Итак, синтагматические отношения внутри фразы сводятся к следующим типам:

I. Абсолютное определяемое, **II.** Предикативное определяющее: а) согласованное, б) управляемое, в) примыкающее и **III.** Непредикативные определяющие: 1) согласуемое, 2) управляемое, 3) примыкающее.

Для выражения этих отношений служат грамматические формы слов, т.е. изменения их формальных значений. При этом слово в роли абсолютного определяемого отбрасывает все свои синтаксические и предикативные формальные значения. Так, напр., глагол в этой роли (*Гулять полезно*) сохраняет только вид и переходность или непереходность, но теряет и наклонение, и время, и лицо, и число. Существительное в той же роли (*Мальчик читает*) теряет свои падежи, т.к. «именительный падеж», строго говоря, есть не падеж, а отсут-

³ В придаточном предложении абсолютного определяемого, собственно говоря, нет, есть подлежащее, но такое, которое зависит от какого-нибудь слова главного предложения. Эту двойственную природу подлежащего придаточного предложения и отражает характер слова «которая» в фразе *Мы сели на скамью, которая стояла у стены*: независимое в падеже, как подлежащее, оно зависит в роде и числе от «скамьи».

ствие падежа; род, число, одушевлённость (или неодушевлённость) существительного сохраняются, и приобретает оно отношение к лицу, которое и сказывается на предикативном определяющем.

Кроме грамматических форм, помогают установить эти отношения также и служебные слова: личные местоимения, напр. *Я гуляю, Ты гуляешь* (возможно и просто *Гуляю, Гуляешь*), и «связка» *быть*. Если мы сравним *Крепость будет взята, Крепость была взята* и *Крепость взята*, то мы заметим, что эти фразы разнятся между собою только значением времени. В первой предикативные значения наклонения и времени, а также и согласования в лице и числе выражены связкою *будет*, во второй — связкою *была*, а в третьей — сама связка выражена отрицательным путем — фактом её отсутствия (в настоящем времени связка называется только в некоторых фразах книжного языка, напр., *Стереометрия есть отдел геометрии*). Подобный отрицательный способ выражения формальных отношений в русском языке наблюдается довольно часто.

Порядок слов тоже может служить подсобным средством для установления отношений между словами. Ср. *Мать любит дочь* и *Дочь любит мать*. Но порядок слов в русском языке играет роль только тогда, когда разные грамматические формы совпадают в звуковом отношении (*Мать* это винительный падеж и именительный, также и слово *дочь*) или когда, ставя определяющее на место определяемого, мы тем самым привлекаем к нему главное внимание, напр., *Приехали гости* вместо *Гости приехали*. В таких случаях прибегают и к особо выразительной интонации, ср., напр., *Он вернулся домой утомлённый* и *Утомлённый, вернулся он домой*.

§ 28. Предикат

Предикат есть личное определяющее, т.е. такое, в котором указывается отношение к лицу.

Различаются два рода предиката: а) **глагольный** и б) **атрибутивный**.

1. Глагольный предикат выражается знаменательным глаголом в личной форме. — Напр., *Дети гуляют. Парус белеет. Приближается зима. Учиться всегда пригодится*.

2. Атрибутивный предикат выражается любой знаменательной частью речи в соединении со связкою «*быть*», которая и обозначает отношение к лицу. — Напр., *Дом был старьей. Пашня будет вспа-*

хана. Парус бел. Лошадь животное. Он здесь врачом. Гулять было приятно.—Есть и другие глаголы, которые употребляют по большей части в атрибутивном предикате, напр., *Он стал стар. Дверь оказалась запертой* и т. д. Подобные глаголы называются атрибутивными.

В состав глагольного предиката может входить ещё инфинитив, напр. *Мы пошли гулять. Я решил провести лето в деревне.* При атрибутивном предикате также возможно иногда инфинитивное определяющее, напр. *Он был мастер сказки рассказывать.*

Иногда употребляется двойной глагольный предикат, напр. *Он пошёл принёс книгу. Ты сходишь узнаешь его адрес. Я сейчас сяду буду писать.* В двойном предикате первый глагол теряет отчасти свою знаменательность и становится как бы вспомогательным.

В эмоциональном языке в качестве эквивалента предиката может выступать инфинитив.—Напр., *Пошли мы к нему, а он бежать*, т. е. «а он пустился бежать».

§ 29. Подлежащее

Абсолютное определяемое при предикате называется подлежащим (или субъектом).—Подлежащее выражается:

1. Существительным в именительном падеже.—Напр., *Дети гуляют. Парус бел.*

2. Инфинитивом.—Напр., *Гулять было приятно. Учиться всегда пригодится.*

3. Словом это (югда подлежащее недостаточно определённое).—Напр., *Это мой брат.*

При глагольном предикате подлежащее-существительное понимается как автор процесса, т. е. как действующее лицо. Говоря *Парус белеет*, мы как бы считаем, что парус сам производит свой признак, т. е. белизну.—Таким образом, глагольный предикат определяет предмет его деятельностью.

При атрибутивном предикате подлежащее-существительное понимается как носитель приписываемого ему признака, и предикат определяет предмет, либо просто приписывая ему признак: *Парус бел*, либо относя его к разряду уже известных предметов: *Лошадь — животное. Это — кит.*

§ 30. Устранение подлежащего

1. Расширенное подлежащее. То, что высказывается предикатом, относится ко всем и к каждому, поэтому подлежащее не может быть названо (так бывает часто в пословицах), напр.: *Тише едешь, дальше будешь. С кем поведёшься, от того и наберёшься.*

2. Неопределённое подлежащее. Подлежащее опускается, потому что его не желают называть или потому что его трудно назвать, как слишком неопределённое. Напр., *Говорят, что ты плохо ведёшь себя в классе. Нам сообщают из Японии о страшном землетрясении. Просят не курить.*

3. Страдательное подлежащее. Действующее лицо нужно отодвинуть на задний план; тогда на место подлежащего выдвигают то слово, которое по смыслу должно было бы служить прямым дополнением (объектом) процесса. Получается страдательный оборот, при котором — в противоположность действительному подлежащее не действует, а подвергается действию. Ср. *Пашня вспахивается или вспахана (крестьянами) и (крестьяне) вспахивают или вспахали пашню.*

4. Безличный оборот. Видимая причина процесса не признается за автора процесса, за деятеля; поэтому подлежащее совершенно устраняется, процесс становится безличным (или бессубъектным), совершается сам собою.—Напр., *По реке несёт лёд* (ср. *Река несёт лёд*), *Солдата ранило пулей* (ср. *Пуля ранила солдата*), *Мне не спится* (ср. *Я не сплю*), или с инфинитивом, как эквивалентом предиката *Быть бычку на веревочке* вместо *Будет бычок на веревочке*. К безличным же оборотам относятся такие атрибутивные предикаты с наречием или инфинитивом, как *Было холодно; Жарко; Мне грустно; Мне жаль тебя; Не к кому мне было обратиться*; и «безличные глаголы» *морозит, смеркается* и т. д.

В безличных оборотах предикат указывает на отрицательное лицо, т. е. на отсутствие какого бы то ни было лица.

§ 31. Предложение

Синтагма, в которой имеется предикат или его инфинитивный эквивалент, называется предложением.

По характеру предиката предложения бывают глагольные (*Дети гуляют. Парус белеет. Учиться пригодится. А он бежать*) и атрибутивные (*Парус бел. Я был болен. Учиться трудно. Это мы*).

По отношению к подлежащему предложения разделяются на **лич-ные** (*Дети гуляют. Люблю грозу в начале мая. Тише едешь, дальше будешь. Просят не шуметь. Пашня вспахана*), **безличные** (*Пахнет сеном над лугами. Потянуло сыростью. Мне взгрустнулось. Холодно. Жаль мне тебя. Подморозило. Вечерет. Быть беде*) и **инфинитивные** (*Курить воспрещается. Учиться всегда пригодится. Гулять приятно*).

Примечание. В безличном предложении предикат занимает место абсолютного определяемого, в связи с чем в его формальных значениях происходит «сдвиг», т. е. ряд изменений. (См. § 43.) — Не смешивать инфинитивные предложения (*Пригодится учиться*) с такими безличными, в которых при предикате есть инфинитивное определяющее (*Хочется спать*).

Предложение играет очень важную роль в нашей речи, особенно в интеллектуальной. В большинстве случаев даже фразы эмоционального языка представляют собою предложения, видоизмененные под влиянием чувства. Ср. *Быть бычку на веревочке* и *Будет бычок на веревочке*.

В одной фразе может быть несколько предложений, напр., *Он сказал (1), что завтра уезжает (2), если получит отпуск (3)*.

§ 32. Несинтагматические отношения в фразе

Отношения Т' к Т не исчерпывают всех отношений, которые мы можем установить между нашими мыслями внутри высказывания. Так, напр., в фразе *Он сказал, что его брат придет ко мне*, часть *его брат придет ко мне* связана с *он сказал*, но не служит к ней определяющим. Ср. также *Он напишет, чтобы уведомить вас о своем отъезде*, где опять-таки первая часть *он напишет* не есть Т второй части. В некоторых случаях бывает и так, что определяющее сверх своего обычного отношения к своему определяемому приобретает ещё и какое-то новое, которое отличает его от простого определяющего, ср., напр., роль слова *Утомленный* в *Он вернулся домой утомленный* и в *Утомленный, вернулся он домой*.

Несинтагматические отношения сводятся к трем главным типам.— Части сознаются **равноценными**, потому что они являются определяемыми при одном общем определяющем, или являются определяющими к одному и тому же определяемому, или, наконец, потому, что просто противопоставляются одна другой. Части сознаются **неравноценными**: одна является главной, другая подчинённой. Тре-

тий случай это **разнородность**: в фразе вкраплена, внесена часть, органически с нею не связанная.— Эти три типа несинтагматических отношений называются сочинением, подчинением и внесением. Выражаются они прежде всего интонацией, затем служебными словами—союзами и относительными местоимениями, при этом порядок частей тоже играет важную роль.

§ 33. Сочинение

В фразе *Коля и Шура гуляют у нас* два Т (*Коля и Шура*) при одном общем Т' (*гуляют*), поэтому слова *Коля* и *Шура* представляются равноценными; они связаны союзом *и*. Этих равноценных членов может быть несколько: *Коля, Шура, Маша, Ваня и Петя пошли играть*; тогда главную роль будет играть интонация «перечисления». Сочинены также интонацией и союзом *а* обе части фразы *Коля играет, а Шура учится*; здесь части противопоставляются друг другу как равноценные. В примере *Построили дом, каменный, в пять этажей, с лифтом и электрическим освещением* при одном Т (*дом*) имеется четыре Т': *каменный* (согласованное Т') и *в пять этажей, с лифтом, с электрическим освещением* (примыкающие); всё это, стало быть, равноценные члены, как это и показывает интонация перечисления. Но, напр., в фразе *Дамские золотые часы* сочинения нет: слово *дамские* будет определяющим к синтагме *золотые часы* в целом, а не только к слову *часы*; ту же фразу можно перевернуть так: *золотые дамские часы*, здесь слово *золотые* будет служить Т' к синтагме *дамские часы*.

§ 34. Подчинение

В фразе *Я не зашел к вам вчера, потому что был занят* первая половина выражает основную мысль высказывания, вторая же поясняет первую, является подчинённой. Подчинение выражено интонацией и союзом *потому что*, но союз может быть и опущен: *Я не зашел к вам вчера: был болен*.— Пример на подчинение относительное: *Мы направились к скамье, которую увидели впереди*. Здесь, кроме интонации, средством подчинения является относительное местоимение *которую*, и оно самым своим строением показывает, что принадлежит сразу к двум неравноценным частям фразы. Оно согласовано в роде и числе

со словом «скамье», к которому служит Г', но оно относится как Т управляемое к слову «увидели», и поэтому падеж его зависит от этого слова. В фразе *Он придет, чтобы условиться с вами* — подчиненность второй части по отношению к первой очень слаба, интонации подчинительной нет, союз же *чтобы* можно легко опустить (*Он придет условиться с вами*), и тогда получится простое примыкание *придет условиться*. Но если бы фраза была *Он напишет, чтобы условиться*, опустить союз было бы невозможно; вещественное значение слова не допускает примыкания.

Отношения условности и уступительности представляют собою разновидность подчинения, т. е. неравноценности частей, и выражаются прежде всего интонацией. Напр., *Буду свободен, непременно побываю у вас* (*Если буду свободен, то непременно побываю у вас*), *Будь я даже занят, я найду время навестить вас* (*Хотя бы я был даже занят, я все-таки найду время навестить вас*).

Подчинительную интонацию придают нередко таким частям фразы, которые, собственно говоря, не являются подчиненными. Но это позволяет выделить части, как определяющие особо важные, на которые нужно обратить внимание. Получается обособление, выражаемое как интонацией, паузой и особым ударением, так и порядком частей. Ср. случаи обособления: *Усталый, я вернулся домой. Проведя лето в деревне, мы хорошо отдохнули. Выступавшая вчера в концерте певица имела большой успех, а с другой, необособленные Г': Я вернулся домой усталый. Певица, выступавшая вчера в концерте, имела большой успех* (но и при таком порядке частей возможно обособление: *Певица $\frown$ выступавшая вчера в концерте $\frown$ имела большой успех*; при этом интонация перед второй паузой повышается) и *Мы хорошо отдохнули, проведя лето в деревне*.

§ 35. Внесение

Вносимыми или вводными являются в нашей речи слова и выражения, представляющие мнение лица говорящего, его оговорку, напр., *конечно, может быть, правда, несомненно, само собой, само собою разумеется* и т. д., а при передаче чужой речи — частицы *мол, дескать, говорит (зрит)* и т. п. Тургеневская фраза («Затишье», IV): *Приехавши домой, Ветшев не раздевался, и часа два спустя, заря только что начинала заниматься в небе, его уже не было дома* дает нам пример литературно-эсте-

тического использования вносной интонации. Часть *заря только что начинала заниматься в небе* является вносной, т. е. как бы посторонним элементом, вставленным в органическое целое фразы; это и выражается ее однотонной пониженной интонацией и паузами по краям, выделяющими ее из всей фразы.

В народном языке, чрезвычайно богатом всевозможными интонациями, но избегающем подчинения и заменяющем его сочинением, параллелизмом, вносная интонация нередко используется там, где мы ожидали бы подчинения, напр., *Стоит изба, плетнем огорожена*. Здесь синтагма *плетнем огорожена* представляет нечто среднее между предложением и литературным оборотом *огороженная плетнем*; в своем отношении к *стоит изба* она получает известную независимость, благодаря своей вносной интонации и паузе. (Это так наз. случай параксиса.)

Глава III

СТРОЕНИЕ СЛОВА

§ 36. Разряды слов

Слова различаются между собой по значениям, которые в них заключены, т. е. по формальным значениям, по добавочным семантическим или по основным семантическим.

По своим формальным значениям слова распадаются на четыре разряда, называемые *частями речи*. Из них главные — существительные и глаголы, второстепенные — прилагательные и наречия.

По добавочным вещественным значениям слова распадаются на *семантические классы*. Напр., «название деятеля»: *учитель, покупатель, грабитель, житель*; «название места действия»: *училище, стрельбище, становище, кладбище* или *умывалка, читалка, раздевалка*; «название орудия»: *веялка, сеялка, косилка* или *зубило, опахало, жало*; «название качества по прилагательному»: *белизна, желтизна, правизна, левизна* или *ловкость, страстность, опасность*; «название лица по признаку»: *жилец, продавец, вдовец*, или *начальник, мешочник, ябедник*, или *слухач, фвач, копач* и т. д. Семантических классов очень много. Одни из них продуктивны, т. е. создаются новые слова того же класса (очень продуктивен тип «умывалка», малопродуктивны типы «слухач» и «зубило»), другие непродуктивны (напр. типы «утюг», «правда», «печь» и т. д.). Непродуктивный тип теряет свою синтагматическую структуру (или, как говорят в науке, лексикализуется) и превращается в основное, неразложимое слово.

По своим основным семантическим значениям слова образуют *семьи*. Пример семьи: *учить* > *учитель, ученик, училище, учебник, учеба* и т. д.

Наконец, каждое слово по своему общему смыслу, независимо от частных значений, принадлежит к какому-нибудь синонимическому ряду, напр., *учитель, педагог, наставник, воспитатель, преподаватель* или *храбрый, бесстрашный, отважный, доблестный, отчаянный, бесшабашный, сорви-голова* и т. д.

§ 37. Существительные

Существительные это слова с основными, т. е. несинтаксическими, формальными значениями *числа* и *рода*. Напр., *мальчик, девочка, дитя; Петр, Анна, Гнедко; дом, река, окно; объем, белизна, восхождение; щипцы, сани, чернила; я, ты, он, она, оно, они; ахи, охи; пальто, резюме, какао, кенгуру, колибри* и т. д.

Существительные могут употребляться как абсолютное определяемое (слово «мальчик» в фразе: *Мальчик читает книгу*) и как управляемое определяющее (слово «книгу» в той же фразе). В последнем случае существительное приобретает синтаксические формальные значения *падежей*. — Существительные счетные не имеют форм. значений рода и числа (они сами, своим семантическим значением указывают число), но имеют значения падежей, напр. *я встретился с двумя товарищами*.

Мы уже говорили, что, с научной точки зрения, так наз. «именительный падеж» (т. е. существительное в роли абсолютного определяемого) есть не падеж, а как раз отсутствие падежа, или «отрицательный», «нулевой» падеж.

По своим основным семантическим значениям существительные сводятся к двум группам: название того, что мы представляем себе одушевленным, или название того, что мы представляем себе неодушевленным, а так представлять себе мы можем только то, что мыслим как предмет, хотя бы это было и отвлеченное понятие. Стоит только при помощи определенных суффиксов придать любому вещественному значению формальные значения числа, рода и падежей, как мы начинаем подобное понятие мыслить как предмет, т. е. как существительное. Так, напр., из *белый* образуем *белизна*, из *рано* > *рань*, из *гулять* > *гуляние* или *гульба*, из *ах! ох!* > *ахи, охи* и т. д. С другой стороны, слова вроде *колибри* или *кенгуру* мыслятся нами как существительные, потому что обозначают предмет, и хотя слова эти (как иностранные) и не имеют суффиксов и флексий, следовательно не склоняются, не изменяются по числам, не выражают рода, тем не менее, в фразе мы наделяем их формальными значениями существительных. Напр., *Охотники убили большого кенгуру; дайте мне черного кофе*. Поскольку иностранные слова получают широкое распространение, в народных массах их стремятся превратить в склоняемые, напр. *кофий, кофия* или *кофей, кофея* и т. д.

§ 38. Глаголы

К глаголам относятся слова с основным формальным значением *вида*; напр., *решить* (сов. вид), *решать* (несов. в.) или *толкать* (несов. в.) *толкнуть* (сов. в.); *атаковать* (может обозначать и тот и другой вид).

Главная роль глагола это предикативное определяющее (слово «работают» в фразе *Крестьяне работают в поле*). В этой роли глагол получает формальные значения *наклонения* и *времени*, не синтаксические, но зависящие от лица говорящего, а также синтаксическое значение *лица*.

Глаголы характеризуют свое определяемое (субъект) как деятеля и по своим семантическим значениям сводятся к двум группам: название такого признака, который мы представляем себе *переходным*, т. е. влияющим на другой предмет (объект), или же название признака, который *непереходен*, т. е. не влияет на другой предмет. Напр., *Охотник убил медведя*, *Коля читает стенгазету*, *Сестра купает братишку*, а с другой стороны: *Охотник идет по лесу*, *Коля читает*, *Сестра купается*. Кроме того, подобный признак представляется нам или в своем окончательном результате (*Он решил задачу*), или независимо от результата (*Он решал задачу*). Так представлять себе можно только процесс, и глаголы обозначают различные процессы: действие (*Он гуляет*), состояние (*Он болеет*) или становление (*Он сидит*).

§ 39. Прилагательные

Сюда принадлежат слова с синтаксическими формальными значениями числа, рода и падежа. Назначение прилагательных это служить согласуемым определяющим к существительным. Напр., *Соседская девочка читает интересную книгу*.

По своим основным семантическим значениям прилагательные распадаются на две группы: то, что мы представляем себе *качественным* признаком предмета (*интересная книга*), или то, что мы представляем себе как *относительный* признак, т. е. определение предмета по отношению к чему-то, вне его находящемуся, напр., *соседская девочка*, т. е. девочка соседей; *вечерняя газета*, т. е. газета, выходящая вечером. Относительные прилагательные являются производными словами, напр. *соседский* = относящийся (Т) к соседу (Т'). Качественный признак это такой, которого может быть у предмета и

больше и меньше, напр. *хороший чай*, *лучший чай*, *худший чай*; поэтому качественные прилагательные имеют степени сравнения.

§ 40. Наречия

Наречия служат примыкающим определяющим к глаголам (*Эта книга стоит дорого*), реже к прилагательным и наречиям же и тогда имеют обыкновенно усилительный характер (*необыкновенно красивый*, *темно-синий*. *Эта книга стоит довольно дорого*). Среди знаменательных слов наречия распознаются отрицательным путём, т. е. именно по отсутствию у них формальных значений, свойственных другим частям речи (числа, рода, падежа, лица и т. д.).

Непроизводных наречий очень мало. В производных наречиях добавочные семантические значения сводятся к представлению об *обстоятельном* признаке, т. е. характеризующем проявление другого признака. Основное же значение указывает, о каком обстоятельстве идёт речь, и сводится к рубрикам: *образ действия* (манера), *время*, *место*, *мера*, *причина*, *цель*. Наречия образа действия, производные от прилагательных, сохраняют *качественный* (*хорошо*) или *относительный* (*по-нашему*) характер.

§ 41. Неоднозначные слова

В некоторых словах вещественное значение настолько общо, отвлечённо, что грань между его семантической и формальной стороной проходит не там, где у обычных слов. Таковы местоимения и счётные существительные (числительные).

Напр., в личных местоимениях *я*, *ты*, *мы*, *вы*, *они* есть только значения лица, числа и падежа, к которым в местоимениях *он*, *она*, *оно* присоединяется ещё значение рода. В этих словах роль семантического значения выполняет значение лица. В местоимённом глаголе *быть* семантическим служит значение *непереходности*, а *вида* вовсе нет. Неоднозначными же являются и местоимения *весь*, *тот*, *этот*, *сам*, *чей*, *кто*, *что*, *куда*, *там*, *всегда* и т. д.

В каждой части речи есть местоименные слова. Ввиду своих внутренних особенностей слова эти и склоняются и спрягаются (связка *быть*) не так, как однозначные слова. Но между однозначными и

неполнозначными словами нет перерыва: такие слова, как *всякий* и *каждый* (рядом с *весь*), *самый* (рядом с *сам*), *такой*, *этакий* (рядом с *тот*, *этот*) и т. д., очень общие по семантическому значению, но в то же время нормальные по своей внутренней структуре и по склонению, образуют переход от полнозначных слов к местоимениям.

В существительных счётных вещественным является значение числа, а формальным — значение падежа (рода у них нет), напр., *три*, *пять*, *софок*, *сто* и т. д. Поэтому слова *тысяча*, *миллион*, *биллион* и т. д., имеющие и формальное и семантические значения числа (*тысячи*, *миллиарды*), а также и род (*одна тысяча*), являются обычными полнозначными существительными. Слово *один*, *одна*, *одно*, *одни* (ср. *весь*, *вся*, *всё*, *все*) занимает среднее положение между числительными и местоимениями; в фразе *Одна голова не бедна, а и бедна, так одна слово* «одна» служит числительным, а, напр., в фразе *Мне нужно поговорить с вами об одном деле* слово «одном» является местоимением, потому что здесь важно не то, что это одно дело, а не два и не три дела, а то, что это *некоторое* дело, неопределённое (ср. в иностранных языках неопределённый член: *une affaire*, *eine Sache*).

Счётные существительные незаметно переходят в полнозначные слова, напр.: *пять* (числительное), *пятеро* (собирающее для одушевлённых), *пяток* (собирающее для неодушевлённых), *пятерня* (собирающее для тех и других, так можно сказать про пятерых детей в семье и про пять пальцев на руке); наконец, *пятерик*, *пяточок*, *пятёрка* — обычные производные слова; *оба*, *обе* того же типа, как *пятерня*. Как и местоимения, и по тем же причинам, склонение числительных представляет много особенностей.

§ 42. Роль частей речи в фразе

Каждое понятие может быть и определяемым и определяющим, простым или предикативным, согласованным или управляемым или примыкающим. Напр., *Белое ей всегда шло*; *Её платье белое*; *Она была в белом платье*; *К белому такая лента не пойдёт*; *Железо раскалили добела*. Но в языке понятия заключены в слова, а каждое слово принадлежит к какой-нибудь части речи, стало быть, имеет определённые формальные значения и тем самым предназначено к определённой роли в фразе. Так, напр., глагол не может быть управляемым определяющим, так как у него нет падежей.

Закреплённые за каждой частью речи роли имеют особые названия. Свойственная существительному роль управляемого определяющего называется *дополнением*; напр., *парус лодки, достойный похвалы, вблизи реки*. Особо важным является *прямое дополнение*, т. е. в винительн. падеже без предлога, которое бывает только при переходных глаголах, напр., *дети читают стенгазету*. — Но за существительным закреплена также роль определяющего, согласуемого в падеже (а иногда и в числе), называемая *приложением*, напр. *Мы ехали на пароходе «Волга»*. В последнем случае бывает и так, что определяющее имя собственное остаётся неизменяемым (т. е. стоит в имен. падеже), напр., *Мы ехали на пароходе «Волга»*, *Прочтите роман «Война и Мир»*; хотя здесь согласования никакого и нет, но такое определяющее всё-таки называется *приложением*.

Обычная роль прилагательного — *согласуемое определяющее* — называется *определением*; напр., *Соседская девочка вяжет шерстяной чулок*.

Наречию свойственна роль *примыкающего определяющего*, называемая *обстоятельством*, напр. *Хорошо ли ты сделал свою работу? Вчера мы были на экскурсии*.

Мы знаем (см. § 28), что любая часть речи может быть *предикатом* и что если у нее нет формальных значений наклонения, времени и синтаксического лица, то связка «быть» или какой-нибудь малозначительный глагол принимает на себя выражение отношения к лицу говорящему. Но лучше всего к этой роли приспособлен глагол.

Подлежащим может быть любое понятие (*Громкое «ура» прокатилось по равнине*), но лучше всего приспособлено к этой роли *существительное* в *именительном падеже*, как *независимой форме*.

§ 43. Переход на другую роль

Глагол имеет особые формы для разных ролей. Прежде всего он может быть *согласуемым предикатом*, напр., *Я учусь музыке и стенографии* — *личные формы*; затем он может быть *непредикативным согласуемым определяющим* (т. е. *определением*), напр., *Гулявшие в лесу дети попали под дождь* — *причастие*; может быть *примыкающим определяющим* (т. е. *обстоятельством*), напр., *Гуляя, дети попали под дождь*, — *деепричастие*; в роли *подлежащего глагол* принимает форму *инфинитива*, напр. *Гулять полезно*, но та же форма

инфинитива служит и для некоторых случаев примыкания обстоятельственного, напр.: *Он пошел гулять; Катя мастериц, вышивать*.

Но другие части речи не имеют особых форм для разных ролей. В таком случае можно образовывать производные слова, принадлежащие как раз к той части речи, которой свойственна та роль, которая нам нужна. Так, если, напр., нам нужно понятие белого цвета употребить как абсолютное определяемое, то мы можем от соответствующего этому понятию слова *белый* образовать существительное *белизна*. Но такой способ не всегда возможен.

Образуя новое слово, мы создаем добавочное семантическое значение, свойственное такому-то классу, и это значение может оказаться для нашей цели ненужным или даже вредным. Так, напр., от *белый* мы можем образовать слово с отвлечённым значением — *белизна*, но от *зеленый, красный, черный* образовать столь же отвлечённых слов нельзя: *зелень, краснота, краснуха, чернота, чернь* (на стали; чёрная сталь) — все это конкретные значения. Поэтому, чтобы избежать искажения нашей мысли, но в то же время выразить новую роль понятия, о котором идет речь, мы прибегаем к сдвигу формальных значений соответствующего слова, т. е. употребляем их в переносном значении; напр., *Я не люблю чёрное*, где прилагательное «чёрное» употреблено в роли существительного.

§ 44. Сдвиг формальных значений

Сдвиг формальных значений, это такая же транспозиция, перенос значения, какую мы уже видели (§ 16) по поводу фразы *Мост стоит на быках*, но только здесь транспозиция не семантическая, а грамматическая.

Приложение есть тоже случай сдвига формальных значений. В фразе *Людоед бежит в сапогах-скороходах* слово «скороходах» употреблено в несвойственной ему роли определения (т. е. согласуемого определяющего); в нем происходит сдвиг: его падеж из управляемого становится согласуемым, да и число также из несинтаксического становится синтаксическим. Если мы всё же продолжаем считать «скороходы» существительным, а не прилагательным, то это потому, что у него нет синтаксического значения рода.

В фразе *Мы повстречали знакомого беспризорного* последнее слово употреблено в качестве дополнения (т. е. управляемого определяю-

щего). Опять случай сдвига: падеж слова «беспризорный» стал управляемым, а число и род несинтаксическими. Прилагательное целиком перешло на роль существительного и даже имеет свое согласуемое определяющее «знакового».

Говоря *Тройка стрелой несётся*, мы употребляем слово «стрела» в несвойственной существительному роли обстоятельства (т. е. примыкающего определяющего). Происходит сдвиг в сторону наречия: формальные значения числа, рода, особенно же падежа бледнеют и утрачиваются (ср., напротив, *Птицу ранили стрелой*).

Глагол *выиграть* переходный, т. е. после него нужно прямое дополнение *Я выиграл...* (что?). Но мы можем сказать *Вчера мне повезло: я выиграл*, употребляя этот глагол непереходно. Для этого нам приходится сосредоточить всё наше внимание на самом процессе, безотносительно к его объекту (предметному результату). В безличных предложениях вроде *Солнцем выжгло траву* или *Мне не работается* также происходит сдвиг: предикату приходится занять место абсолютного определяемого, при этом форма 3-го лица ед. ч. перестает служить для согласования, становится несинтаксической, но указывает именно на отсутствие лица.

Когда на работе кричат *Взяли! взяли! Пошла!* или кучеру говорят *Пошёл!* — все это сдвиги. Форма прошедшего времени употребляется в роли повелительной фразы, для которой у глагола уже существует повелит. наклонение. Сдвиг или транспозиция заключается в том, что результат, который мы ещё только хотим получить, мы, в целях ободрения, представляем себе уже достигнутым, реализованным, таким, каким он дан в прош. времени глаголов соверш. вида (*Они взяли. Он пошёл*).

§ 45. Скрытая синтагма

В практической речи мы постоянно изменяем, так сказать, «сдвигаем», смысл слов как в их семантическом значении, так и в значении грамматическом. Когда мы просим *стакан чаю*, мы придаём слову «стакан» иной смысл, чем в *Я разбил стакан*; а на войне «стаканом» называлась обойма от снаряда. В фразе *Дайте мне капельку молока*, слово «капелька» означает «совсем немного» (говорящий из вежливости преуменьшает, чтобы просьба его не казалась обременительной), а вовсе не значит «маленькая капля». Подобные переносы значений (по-науч-

ному, транспозиции) совершаются постоянно, и мы даже их и не замечаем.

Внимательный анализ обнаруживает в транспонированном слове одновременно два значения: одно — постоянное, обычное, другое — вытекающее из данного контекста, данной обстановки. Когда мы слышим, что *Мост стоит на быках*, мы сознаем обычный смысл слова «бык», но контекст подсказывает нам, что в данном случае речь идёт не о животных, а об устоях моста.

Таким образом, самое значение слова «бык» здесь служит Т' к неназванному Т, которое подсказывается контекстом.

Такую же *скрытую* синтагму мы обнаружим и при грамматической транспозиции. В фразе *Сытый голодного не разумеет* мы сознаём слова «сытый» и «голодный» как прилагательные, но мы сознаём также благодаря контексту, что они употреблены как подлежащее и дополнение, т. е. как существительные. Стало быть, мы ощущаем присутствие у них Т, в виде не названного, но смутно сознаваемого существительного, — отсюда и род этих слов. Ср. *Сытый* (человек) *голодного* (человека) *не разумеет*; (всё) *белое к ней идет, но она не любит* (ничего, всего) *черного*; или *Грянем, что ли, удалую* (песню) *на помин её души*.

§ 46. Омонимы

Чем чаще какое-нибудь слово употребляется в одном и том же переносном значении, тем менее сознается первое, постоянное значение; новое значение само становится «прямым». Скрытая синтагма исчезает; мысль прямо связывается со словом (в новом значении) и не нуждается в старом значении в роли Т'. Транспонированное слово «лексикализуется», и в результате, вместо одного и того же слова, употребляемого то в прямом, то в переносном смысле, получается два слова, различных по смыслу и независимых друг от друга, но совпадающих по внешнему виду, — так называемые омонимы.

Таковы, напр., *ключ* (от замка), *ключ* (источник), *ключ* (в музыке). Но, напр., *ключ* в смысле подстрочник сохраняет свою связь со словом *ключ* (от замка), так как подстрочник «открывает» смысл иностранного текста; здесь еще чувствуется транспозиция: некоторый предмет (подстрочник) определяется через *ключ* как его Т'.

В фразах *Варя служит в колбасной*; *Часовой ходит у стены*; *Наша квартира маленькая: у нас нет ни гостиной, ни ванной, нет даже*

столовой; *Бабочки и жуки принадлежат к насекомым*; *Здесьние мастерские сегодня закрыты* подчеркнутые слова совпадают по формам падежей с прилагательными. Однако всё это настоящие существительные, и при них не мыслится никакого Т (существительного), к которому они относились бы как согласованные определяющие. Но, напр., в сочетаниях *столовая лампа*, *часовая стрелка*, *колбасный магазин*, *мастерская работа* мы имеем подлинные, не транспонированные прилагательные. Существуют, стало быть, омонимы: *столовая* (существительное) и *столовый*, — *ая-ое* (прилагательное) и т. д.

§ 47. Стрoение слова: форманты

С внешней стороны, слово распадается на составные элементы, носители заключённых в слове значений. Носители семантических значений называются *формантами*, носители значений формальных называются *морфемами*. Как те, так и другие выделяются из слова в результате ассоциаций, т. е. сближений данного слова с другими словами той же семьи и с разными формами того же слова.

Сопоставлением слов одной семьи намечается в слове корень, т. е. носитель семантического значения, общего всем членам семьи. Так, напр., в семье *учить* > *учитель*, *ученик*, *училище*, *учебник*, *учёба*, *ученье* есть общая идея «учения», но чтобы выделить её носителя в каждом слове, т. е. корень, необходимо одновременно установить и носителя добавочного, «классного», семантического значения, а для этого нужно данное производное слово сопоставить, с одной стороны, с его основным словом, а с другой — со словами его же класса. Напр.:

учитель < *учить*

житель, *носитель*, *владелец*, *покупатель* и т. д.

В результате, слово *учитель* распадается на две форманты: *учи-* и *-тель*. Первая из них — носитель основного семантического значения, т. е. корень; вторая — носитель «классного» семантического значения, идеи «агента», «деятеля».

Форманта, находящаяся после корня, называется *суффиксальной*; форманта, находящаяся перед корнем, называется *префиксальной*. В одном и том же производном слове могут быть и та и другая одновременно. Примеры: *медвежонок*, *про-играть*, *под-водный*, *при-город*, *город-ишка*, *черниль-ница*, *хорошо-о*. Одна и та

же форманта может распадаться на несколько префиксов (*по-при-за-думаться*) или суффиксов (*в о д-ян-ист-ый*).

В некоторых случаях суффиксальная форманта выражается отрицательным путем; напр. *топь*, т. е. топкое место (*топить*; *жуть*, *глушь* и т. д.).

В составных словах заключается два корня, которые по большей части соединены особой внутренней формантой — инфиксом, напр., *вод-о-воз*, *земл-е-делец*.

Основное слово на форманты не распадается, оно само (за вычетом морфемы) является формантой корневой.

§ 48. Продуктивные форманты

Форманты являются только элементами слова и самостоятельного, вне слова, существования не имеют. Выделяются они в нашем сознании, как мы это только что видели, в силу ассоциаций между словами (производное слово должно и походить, и отличаться одновременно как в сравнении со своим основным словом, так и в сравнении со словами своего класса).

Особо важная роль принадлежит классным формантам. Некоторые из них легко, сразу выделяются из слова: *толк-нуть*, *паль-нуть*, *шаг-нуть*... *разговар-ивать*, *подталк-ивать*, *выигр-ывать*; *камен-истый*, *водян-истый*..., *лес-истый*...; *мешоч-ник*, *ябед-ник*...; *весел-о*, *хорош-о*, *светл-о*, и т. д. и т. д. Это значит, что соответствующие классы заключают много слов и что классное семантическое значение нами ясно сознаётся. Такими формантами мы пользуемся, когда нам нужно образовать новое слово. Это продуктивные, или живые форманты. Так, напр., при помощи суффикса *-ние* (*-нье*) мы почти всегда можем образовать отвлечённое существительное от глагола: *выигрывать* > *выигрывание*, *мешочничать* > *мешочничество*; при помощи суффикса *-ость* можем образовать отвлечённое существительное от прилагательного: *ловкий* > *ловкость*, *уличный* > *уличность*, *ударный* > *ударность*; при помощи суффикса *-алка* можем образовать от глагола существительное, обозначающее место действия или орудие (с несколько вульгарным оттенком): *умываться* > *умывалка*, *читать* > *читалка*, *зажигать* > *зажигалка* и т. д. и т. д.

Но если данный класс слов не служит больше образцом для образования новых слов, его классное семантическое значение тускнеет в на-

шем сознании, слова «лексикализуются», т. е. перестают обнаруживать свою синтагматическую структуру, и форманты перестают в них выделяться. Так, напр., в словах *утюг*, *сычуг*, *балчуг* если и есть внешний, звуковой общий элемент *-уг* (*-юг*), все же ничего общего между этими словами мы не сознаём и формант в них не находим. Это слова непродуктивного типа. Слова *вода*, *гора*, *рука* и т. д., хотя их и очень много, также непродуктивного типа: общий элемент *-а* в них служит морфемой (носитель значений именит. падежа, единств. числа, женского рода). В словах *кричать*, *мурлыкать*, *шипеть*, *свистеть*, *гудеть* есть общее значение: всё это обозначения слуховых впечатлений, но общего внешнего выражения нет. Если даже мы будем сближать, с одной стороны, *мурлыкать*, *кудахтать*, *клевкать*, с другой — *кричать*, *пищать*, *жужжать*, затем *шипеть*, *свистеть*, *свистеть*, то опять-таки мы не увидим, чем же эти типы внутренне отличаются друг от друга. Кроме того, в каждом из этих типов есть глаголы, и не обозначающие во все слуховых впечатлений, напр. *плясать*, *пахать*, *мазать*...; *лежать*, *спать*, *торчать*...; *висеть*, *видеть* и т. д. Стало быть, все это типы непродуктивные.

Следовательно, какой-нибудь элемент слова осознаётся нами как форманта, т. е. носитель семантического значения, только тогда, когда мы усматриваем в целом ряде слов и сходство значения и сходство звуковое.

§ 49. Строение слова: морфемы

Носитель формальных значений в слове называется морфемой.

Морфема выделяется в нашем сознании в силу грамматических ассоциаций между формами слов. Так, напр., в слове *вода* выделяется морфема, потому что у других слов женского рода в именит. падеже единств. числа мы встречаем тот же звук, на том же месте, причем в других падежах подобных слов звук этот сменяется иными, но строго определёнными звуками:

вод-а, *вод-ы*, *вод-е*, *вод-у*...
гор-а, *гор-ы*, *гор-е*, *гор-у*...
жен-а, *жен-ы*, *жен-е*, *жен-у*...

Сам по себе, вне слова, звук «а» никакой значимости не имеет. Звук или звукосочетание становится морфемой с того момента, как в ряду

ассоциирующихся грамматических форм слова он начинает служить для того, чтобы отличать данную форму от других форм, иначе говоря, данную роль слова в фразе от его других ролей.

Морфема имеет, стало быть, различительную или, как говорят в науке, дифференциальную значимость. Поэтому один и тот же звук, напр. «а», может служить морфемой с различным значением в разных грамматических рядах.— Напр., *вод-а, вод-ы, вод-е...*; *стол, стол-а, стол-у...*; *окн-о, окн-а...*; *окн-а, окон* и т. д.; кроме того, в ряду служебных слов, служащих для сочинения, мы встречаем противительный союз «а», в эмоциональном языке находим восклицание *а*, произносимое с различной интонацией, наконец, *а?* есть эквивалент вопросительной фразы (см. § 18).

Обычный вид морфемы это окончание, или флексия слова. Все синтаксические формальные значения выражаются окончаниями, напр., *бел-ый, бел-ая, бел-ое; вод-а, вод-ы, вод-е...*; *чит-аю, чит-аешь, чит-ает, чит-ать, прочит-ав; хорош-о* (в последнем случае форманта служит вместе с тем и морфемой). Но служить морфемой (особенно добавочной, когда одного окончания не достаточно) может и ударение (ср. *узнаю* будущее вр. и *узнаю* — наст. вр.), и вставная гласная (напр., *потолок* и *потолки*), и отсутствие флексии в ряду форм, имеющих флексии (напр., *воды, вод, водам* и т. д.). Вообще, может служить морфемой все, чем в звуковом отношении слово в одной роли отличается от того же или подобного слова в другой роли.

Поэтому язык наделяет формальными значениями и форманты, стремясь превратить их в морфемы. Так, напр., различение глагольных видов опирается на чередование суффиксов и префиксов в отглагольных глаголах: *играть* (несов. вид) > *вы-играть* (сов. в.) > *выигр-ыв-ать* (несов. в.) > *на-выигр-ив-ать* (сов. в.). Грамматика ведёт наступление на семантику и стремится обращать форманты в морфемы, т. е. в носителей формальных значений. Так, напр., в *написать* элемент *на* означает совершенный вид и почти не вносит добавочного семантического значения (ср. *писать* и *написать*), также в *с-делать, по-целовать, у-тонуть* и т. д. В словах *выигр-ив-ать, подтолк-ив-ать* и т. п. элемент *-ыв/-ив* совсем не имеет семантического значения, это просто морфема несоверш. вида. Частицы *бы* (в *я погулял бы*) и *ся* (в *бросаться*) имеют только формальное значение, первая — сослагательного наклонения, вторая — возвратности.

В результате «грамматикализации» формант синтагматическая структура слова исчезает, оно лексикализуется, т. е. превращается в основ-

ное слово, отличающееся от своего прежнего основного слова как иная грамматическая форма. Но всякое слово (об исключениях см. § 51) распадается в каждой своей форме на морфему и тему, напр., *вод-а, учитель* (с отрицат. морфемой), *учительниц-у, игра-ю*, и т. д.

Все составные элементы, на которые распадается слово, т. е. префиксы, суффиксы, инфиксы, корни, флексии, независимо от того, являются ли они семантическими или грамматическими, называются морфологическими элементами слова.

§ 50. Морфология

Как мы только что видели, морфема имеет дифференциальную, т. е. различительную, значимость, и позволяет отличать одну форму от другой только в одном определённом ряду ассоциирующихся форм. Так, напр., в ряду *стол, стола, столу...* морфема «у» выделяет дат. падеж; в ряду *вода, воды, воде, воду...* морфема «у» выделяет винит. падеж; наконец, в ряду *несу, несёшь, несёт...* морфема «у» выделяет 1-е лицо ед. числа и т. д. Всё это разные морфемы, но совпадающие в звуковом отношении. Такими ассоциирующимися грамматическими рядами являются прежде всего склонения и спряжения.

Формальных значений в слове всегда несколько, так, в *столу* мы находим дат. падеж, единств. число, мужской род. Необходимо было бы три морфемы, по одной на каждое из этих значений; на деле же, морфема одна и сразу выражает и падеж, и число, и род слова. Такая многозначность морфемы возможна только в силу ее того же дифференциального характера. В ряду падежей слова *стол* морфема «у» отличает дат. падеж единств. числа, потому что дат. падеж множ. числа имеет другую морфему (*стол-ам*). В то же время она отличает склонение слова *стол* как «мужское» склонение, так как у существительных женского рода в том же падеже морфема иная: *воде*. Правда, у существительных среднего рода морфема дат. падежа ед. числа совпадает с мужским родом: *окну, столу*. Но именит. падеж у них будет разный: *окно, стол, вода*, а падежи каждого слова связаны в нашем сознании в одну ассоциацию.

Путем таких сложных сопоставлений мы различаем формальные значения. Система подобных сопоставлений, или ассоциаций по сходству и по контрасту, естественно возникающих в нашем сознании, образует морфологическую систему языка.

Итак, одно и то же форм. значение, напр. дат. пад. ед. числа, может иметь разные морфемы в разных рядах (*столу, воде*), и с другой стороны, одна и та же, в звуковом отношении, морфема будет выражать различные форм. значения в разных рядах (*столу, воду, несу*). Различение некоторых рядов поддерживается в языке, является «живым», «продуктивным». Напр., язык поддерживает в мужском роде различение именит. падежа множ. числа типов *столы, паруса, дела*, но не поддерживает множ. число типа *колья, волосья*. Таким образом, морфемы именит. падежа множ. числа существительных мужского рода *-ы* и *-а* являются продуктивными, морфема же *-ья* — непродуктивна, и вновь возникающие слова так склоняться не будут. Не будут также спрягаться новые глаголы по типу *печь* или *идти* — это непродуктивные типы морфем.

§ 51. Бесформенные слова

Слова, которые не распадаются на тему и морфему, т. е. такие, в которых нет формального элемента, указывающего на их синтаксическую роль, являются словами без формы или, просто, бесформенными.

Сюда, прежде всего, принадлежат незнаменательные или неполные слова, т. е. предлоги, союзы и частицы. Бесформенными же является небольшое количество непроизводных наречий, главным образом, местоименных, напр. *здесь, где, куда, сюда, когда, искони* и т. д. Бесформенны некоторые фамилии, несклоняемые: *Дурновó, Хитровó, Живáго, Мертвáго, Петровых, Черемных* и т. д. и, наконец, иностранные несклоняемые слова: *какао, резюме, бюро, жюри* и т. п.

Знаменательные слова иногда переходят на роль предлогов, союзов, частиц и тогда сами становятся бесформенными, так как теряют синтаксические формальные значения. Например: *Он шёл по улице, не смотря под ноги, и упал в канаву*, ср. *Он нездоров, но не смотря на это, продолжает ходить в школу. Пойдёмте кругом, здесь грязно*, ср. *Мы пошли кругом болота. Он ушёл, благодаря нас за услугу*, ср. *Он устроился благодаря нам. Угодно вам эту книгу?*, ср. *Я возьму какую угодно работу*.

§ 52. Междометия

Эмоциональная речь (см. § 11) отправляется от речи интеллектуальной и путем интонаций и пауз разрушает её, разрывая фразу; слова те-

ряют свои формальные значения, так как синтагматическая связь слов слабеет и даже совсем исчезает. Тем самым слова превращаются в восклицания, выражающие сильные чувства, но лишённые настоящего смысла.

Подобные «слова» эмоционального языка называются междометиями, напр. *ах! ой! эй!* и т. д.; сюда же относятся различные звукоподражания: *жж...*, *ку-ку-ре-ку, тьфу!*, звуковые сигналы вроде *ши...* и т. д. Всё это, конечно, бесформенные слова.

Слова знаменательные, переходя на роль междометий, теряют своё внутреннее строение, напр., *Не посмотрев в святцы, бух в колокол*.

§ 53. Лексикализация

Лексикализация, о которой мы несколько раз уже упоминали, это потеря словом или даже целым выражением сперва своей семантической (т. е. синтагматической), а в дальнейшем и грамматической (т. е. морфологической) структуры и превращение в единое неразложимое целое.

Каждое слово или выражение стремится в идеале к тому, чтобы стать простой «этикеткой» (см. § 10), прямо обозначающей понятие без субъективного описания: когда мы говорим *подсолнечник*, мы совсем не думаем о том, что цветок этот повёртывается «под солнцем». Вследствие этого синтагматическое строение слов постепенно затемняется. Говоря *мыло*, мы не думаем о том, что это «то, чем моют», и связь этого слова с *зубило, опахало* и т. д. не сознается. В глаголах *отнять, принять, снять* и т. д. мы ощущаем префикс, но выделить корень уже не можем, так как нет простого основного глагола, от которого они производились бы. В *гуснуть* мы почти не сознаем связи с *густой*; в *правда* и *кривда* не сознаем элемент *-да* как форманту. Все эти слова, одни в большей степени, другие в меньшей, лексикализировались, т. е. перестали быть синтагмами, производными словами.

Внешние синтагмы также могут лексикализироваться. В выражениях «шут гороховый, гусь лапчатый» прилагательное нельзя ни отнять, ни заменить другим: оба слова образуют единый смысл. В подобном же положении находятся выражение: «дать маху, спустя рукава, через пень колоду, кто во что горазд, перекаати-поле» и т. д. и особенно собственные имена *Белый Дом* (в Вашингтоне), *Зимний Дворец, Красное Село* и т. д. и т. д. Под влиянием сильного чувства могут лексикализироваться даже небольшие фразы, напр., *Спасайся кто может!*

Выше мы видели, как при переходе на роль служебных слов, а также в эмоциональной речи слова теряют и свою грамматическую структуру и превращаются в неразложимое целое.

Сюда же относится потеря словами экспрессивности, когда аффективные слова становятся простыми интеллектуальными словами. Аффективность слова покоится на его противополжности обычным и, стало быть, часто употребляемым словам. Поэтому чем чаще аффективное слово употребляется, тем более обычным оно становится и перестает производить на нас впечатление. Нам кажется смешным, когда говорят в восхищении *чудная музыка, чудный человек* и т. п.: слово *чудный* «выдохлось» и уже не действует на нас. Точно так же и «оценочные» слова, т. е. уменьшительные, увеличительные, ласкательные и презрительные, теряют значение оценки и превращаются в обычные.

Глава IV

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

§ 54. Определение существительного

К существительным принадлежат слова с основными формальными значениями числа и рода и с синтаксическим значением управляемого падежа.

По своему семантическому значению существительное есть название предмета или опредмеченного представления.— Напр., *город, человек, Иван, прогулка, гулянье, белизна* и т. д.

В фразе существительные бывают: 1) абсолютным определяемым, т. е. подлежащим, или 2) разного рода определяющими: а) предикативным, б) дополнительным, в) приложением, д) обстоятельством определяющим, или 3) обращением.

Различные роли существительного выражаются падежами. Морфемами, служащими для различения падежей, являются *флексии*, сверх того применяется и ударение.

Бесформенными существительными являются некоторые несклоняемые иностранные слова, напр. *жюри, резюме, кенгуру, колибри, боа; В. Сарду, Рабле*, и немногочисленные русские несклоняемые фамилии, напр. *Дурново, Живаго, Петровых*.

§ 55. Разряды существительных

Существительные разделяются на три разряда: полнозначные, местоименные и счетные.

1. Полнозначные подразделяются на: а) *одушевленные*, напр. *человек, Иван* и т. д., и б) *неодушевленные*, напр. *город, прогулка*.— У имен одушевленных падежи винительный и родительный совпадают по форме; у имен неодушевленных винит. падеж совпадает с именительным, напр., *Я вижу волка* и *Я вижу дуб*.— Исключение: существительные женск. рода в единственном числе.— Напр., *Кошка поймала мышь; Сова любит ночь; Охотник убил змею; Я вижу книгу*.— Грамматиче-

ское различие «одушевлённости» и «неодушевлённости» не всегда совпадает с различием живого и неживого; ср., напр., «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» и Рыбаки выловили труп неизвестного человека.

2. Местоименные, которые подразделяются на: а) *личные*, напр. я, ты, мы и т. д.; б) *возвратное*—себя и с) *вопросительные*: кто? что?

3. Счётные или числительные, подразделяющиеся на а) *количественные*: два, пять, сорок и т. д. и б) *собирательные*: двое, оба, пятеро, семеро и т. д.

§ 56. Число

У большинства существительных различается единственное и множественное число, напр., волк : волки, город : города, река : реки, дело : дела и т. д.— Но некоторые существительные не различают обоих чисел. Счётные существительные (кроме *один*) все обозначают множественность и поэтому грамматического различения двух чисел не имеют (слова *тысяча, миллион, миллиард* и т. п.—простые существительные, не числительные). Не имеют его возвратные и вопросительные местоимения. Некоторые полнозначные существительные употребляются только в форме множественного числа (часто совершенно независимо от их семантического значения), напр. *сани, сливки, ворота, щипцы* и т. д. Другие (главным образом, отвлечённые) употребляются только в форме единственного числа, напр. *белизна, произвол, детство, старость*.

§ 57. Род

Грамматика подразделяет существительные на три *группы* или, как принято выражаться, на три «*рода*».

1. Мужской род, напр. *мужик, конь, стол, фонарь; мужчина, судья; произвол; домишко*.

2. Женский род, напр. *баба, корова, пыль;мышь; белизна, ловкость*.

3. Средний род, напр. *дитя, чудовище; окно, море; детство, гулянье, спускание*.

Различение грамматических родов даже у названий одушевлённых предметов имеет очень мало общего с делением живых существ на два

пола. Ср. *дитя*—среднего рода, независимо от пола; *мышь, змея, рысь, лягушка*— всегда женского рода; *окунь, жаворонок, хорёк*— всегда мужского рода и т. д. Различаются эти три класса своими склонениями, т. е. падежными морфемами, главным образом, единств. числа (во множ. числе отсутствует деление на классы в большинстве падежей, ср. *столами, реками, делами, мышами* и т. д.), да ещё тем, что прилагательные имеют в единств. числе особые морфемы для согласования с каждым родом существительных (ср. *большой дуб, большая река, большое окно*).

Местоимения (кроме *он, она, оно*) ни к какому роду не относятся и при них согласование происходит по смыслу, напр. *Я пришёл* и *Я пришла*. Счётные существительные (кроме *один, одна, одно; два, две* и *оба, обе*) также не относятся ни к какому роду, и при них либо согласования вовсе не бывает: *По улице едет две телеги*, либо определяющее ставится во множественном числе (когда предметы, о которых идёт речь, вполне известны): *По улице едут две телеги*.

§ 58. Падежи

Различается шесть падежей в каждом числе: *именительный, родительный, дательный, винительный, творительный* и *предложный*. Падежными морфемами служат суффиксы (положительные или отрицательные), реже ударения (ср. *руки* и *руки, дела* и *дела*) и вставная гласная (напр., *платок* и *платка, земли* и *земель*). Каждый род существительных имеет свои склонения. (Так, мужской род имеет твёрдый тип: *топор* и мягкий: *фонарь*; женский: а) твёрдый: *жена*, мягкий: *баня* и б) мягкий: *сеть*; средний—твёрдый: *окно*, мягкий: *море*.) Многие ряды существительных не имеют особых морфем для всех падежей (так, И. В. *сеть*, Р. Д. П. *сети*, Т. *сетью*, так же счётные количественные на -*ь*, и т. д.).— Кроме того, склонения разнятся у существительных различных семантических классов, напр.: *топоры, крестьяне, колья, медвежата* и т. д. Именительный независимый служит для выражения подлежащего; прочие падежи—для других ролей существительного в фразе.

§ 59. Подлежащее

Подлежащее ставится в именительном падеже.—Примеры: *Лошадь—животное. Кит не рыба. Это мы. Я работаю. Пашня*

вспахана. Здесь водятся лоси. У меня есть деньги. Плотники построили дом.

При превращении личного предложения в безличное, а также при переходе действительного оборота в страдательный — прежнее подлежащее становится приглагольным дополнением (см. § 61).

§ 60. Предикат

Главный падеж — это именительный. — Именительный падеж обязателен, когда подлежащим служит слово *это* (напр., *Это я. Это была моя сестра*) или когда предикат определяет разряд предметов, к которым принадлежит подлежащее (напр., *Кит не рыба. Иван Иванович — мой друг*), и вообще всегда, когда предикат даёт постоянную, вневременную характеристику-оценку подлежащего (напр., *Лев Толстой — великий писатель земли русской. Пушкин — величайший русский поэт. Он был дитя своего века*).

Если характеристика, которую даёт предикат подлежащему, есть характеристика временная, преходящая, то он может ставиться в «творительном предикативном»; напр., *Он врачом в нашей больнице. Пушкин был другом многих декабристов. Я, няня, буду пожарным!* При характеристике отдельных сторон подлежащего часто употребляется «родительный предикативный»; напр., *Пугачёв был росту среднего. Она доброты необыкновенной*.

При атрибутивных глаголах существительное-предикат ставится в тех же падежах, но чаще всего в творительном. — Напр., *Он является большим авторитетом в науке. Он показался мне чудачком. Она показала мне маленького роста. Плюшкин не сразу стал скрягой*. Иногда в таких оборотах встречается и именительный падеж, напр., *И сделалась моя Матрёна ни пава, ни ворона*; но подобные обороты не свойственны книжному языку.

§ 61. Дополнение

Дополнение, т. е. управляемое определяющее, возможно при различных знаменательных частях речи.

1. Приглагольные дополнения.

Самым важным является прямое дополнение, т. е. дополнение в винительном падеже без предлога; напр., *Я прочёл кни-*

*гу*¹. — При отрицании прямое дополнение нередко переходит в косвенное и ставится в родительном падеже; напр., *Я не прочёл книги*, но возможно также *Я не прочёл книгу*.

Особо интересны дополнения при безличных предикатах. Именительный подлежащего переходит в дательный лица, напр., *Мне не спится* (ср. *Я не сплю*); *Ей грустно* (ср. *Она грустит*) и т. д. В страдательном обороте именительный подлежащего переходит в творительный деятеля, если это одушевленный предмет; напр., *Дом построен плотниками* (ср. *Плотники построили дом*). В некоторых безличных оборотах именительный подлежащего переходит в творительный орудия или причины, напр., *Траву выжгло солнцем* (ср. *Солнце выжгло траву*). Наконец, предложения, в которых на первый план в нашем сознании выдвигается предикат, как утверждающий за подлежащим самое его существование (напр., *Здесь водятся лоси. В нашем лесу растут грибы. У меня есть деньги*), при отрицании становятся безличными, и прежний именительный подлежащего переходит в родительный; напр., *Здесь не водятся лосей. В нашем лесу не растут грибов. У меня нет денег*. Ср., напротив, *Здесь грибы не растут, лоси не водятся* (отрицается не подлежащее, а его «деятельность»).

2. Приемённые дополнения.

Дополнение при существительных ставится преимущественно в родительном падеже; напр., *Парус лодки. Фунт муки. Рассмотрение отчёта затянулось до часу ночи* и т. д. — Винительный приемённый невозможен. Отглагольное существительное обычно управляет тем же падежом, что и соответствующий глагол (ср. *стремиться к наживе* и *стремление к наживе*; *заниматься искусством* и *занятие искусством*), но винительный прямого дополнения переходит в таких случаях в родительный; ср. *читать книгу* и *чтение книги*; *рубить лес* и *рубка леса* и т. д.

3. При прилагательных дополнения бывают редко. — Примеры: *Знакомый нам мальчик. Женщина достойна похвалы*.

4. Принаречные дополнения.

При сравнительной степени употребляется родительный сравнения (напр., *Светлее солнца. Тише воды, ниже травы*) или творительный меры (*Годом раньше. Рублем дороже*).

¹ Прямое дополнение возможно только при глаголах в прямой, т. е. невозвратной, форме, однако в детском языке наблюдается оборот «*Слушайся маму и папу*».

Обстоятельственные наречия управляют по большей части в зависимости от их вещественного значения², разными падежами при помощи или без помощи предлогов; при этом они легко переходят сами в разряд предлогов.—Примеры: *Вдали от города. Рядом с церковью. Вблизи леса. Заодно с нами. Втайне от всех. Против нас. Мимо дома* и т. д.

§ 62. Приложение

Приложение это существительное, определяющее другое существительное как его признак, иначе говоря, существительное в роли согласованного определяющего. Подобное употребление существительного сопровождается сдвигом формальных значений, именно изменением характера падежа: из управляемого он становится согласуемым (напр., *Хорош и клён со своими лапами-листьями. Красавица-зорька в небе загорелась*), либо независимым, т. е. приложение ставится в именительном падеже, несмотря на падеж определяемого (напр., *Мы ехали на пароходе «Волга»*).

§ 63. Обстоятельство

Обстоятельство есть непредметное определяющее к глаголу. В этой роли в существительном происходит сдвиг формальных значений, и оно в большей или меньшей степени теряет свою предметность и переходит в обстоятельственное наречие. Предметный характер ощущается сильнее, если при существительном есть определяющее или если оно употреблено во множ. числе.—Ни местоимённые, ни счётные существительные в этой роли не употребляются.

Примеры на обстоятельственное употребление существительных.—*Тройка летит стрелой* (Ср. *Птицу ранили стрелой*). *Мы часто ездим верхом* (ср. *Казаки выезжают верхами*). *Мы шли по лесу. Он работает ночью* (ночами; день и ночь). *Летом мы живём на даче. Эту речку можно перейти вброд* (бродом). *Дом продаётся на слом. Всё было разлом кончено*.

² Особенного внимания заслуживает отглагольное наречие *жаль* (*жалко*), которое может управлять и родительным и винительным падежами, напр., *Жаль старуху старухи* или *старуху*.

§ 64. Обращение

Обращение или воззвание принадлежит эмоциональному языку, характеризуется особой интонацией и, собственно говоря, близко к междометию. Существительное-обращение ставится в «именительном падеже», как беспадежной форме.—Примеры: *Иван, поди сюда!*—*Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!*

§ 65. Местоимения

Местоимения-существительные отличаются следующими особенностями.

Личные местоимения различают три лица, тогда как полнозначные существительные всегда обозначают 3-е лицо и только в роли обращения указывают на 2-е лицо.

Возвратное местоимение употребляется только в роли дополнения и потому не имеет формы именит. падежа.

Вопросительные местоимения служат также для выражения отношений подчинения; в этой роли они становятся полужнаменательными относительными словами.—Примеры: *Кто палку взял, тот и каприз. Я не понимаю, чего он хочет от меня. Мы сели на скамью, которая стоит у стены*.

Посредством особых частиц (см. § 100) вопросительно-относительные местоимения становятся отрицательными и неопределёнными: *никто, ничего, кто-то, что-нибудь* и т. д.

§ 66. Числительные

Синтагматическая роль существительных-счётных заслуживает особого внимания. В отношении к существительному, с которым числительное употреблено, оно служит определяемым. *Я купил два* (Т) *яблока* (Т'), *пять* (Т) *яблок* (Т') и т. д.; здесь существительное играет роль управляемого определяющего. В фразах *Я пошёл с двумя товарищами на прогулку, О каких-то там пропавших двух яблоках говорить не стоит* существительное ставится в одном падеже с числительным, но тем самым оба становятся параллельными и каждое из них может рассматриваться и как Т и как Т' по отношению к другому.

§ 67. Словообразование

Живыми, продуктивными формантами для образования существительных являются суффиксы. Они очень многочисленны и разнообразны,— поэтому здесь приводятся только важнейшие из них. Особую группу составляют форманты, вносящие элемент оценки-сравнения в уже существующие имена; напр., от *дом* > *домик*, *домище*, *домишко* и т. д.

-ние или **-нье** (действие или результат по глаголу): *писанье* < *писать*, *пыление* < *пылить*, *решение* < *решить*, *гуляние* (или *гулянье*) < *гулять* и т. д.

-тель (деятель по глаголу): *писатель* < *писать*, *поджигатель* < *поджигать* и т. д.

-лка (место действия или орудие по глаголу): *умывалка* < *умывать*, *курилка* < *курить*, *раздевалка* < *раздевать*, *зажигалка* < *зажигать*, *чинилка* < *чинить* и т. д.

-ло (менее продуктивный; орудие по глаголу): *покрывало* < *покрывать*, *точило* < *точить*, *опахало* < *опахивать* и т. д.

-ец (лицо по его признаку): *делец* < *дело*, *жилец* < *жить*, *продавец* < *продавать* и т. д.

-ник и **-ница** (предмет по его признаку): *сапожник* < *сапог*, *мешочник* < *мешок*; *чайник* < *чай*, *чайница* < *чай*, *чернильница* < *чернила* и т. д.

-ство (занятие по деятелю): *сапожничество* < *сапожник*, *мешочничество* < *мешочник* и т. д.

-ость, **-изна** и **-ота** (качество по прилагательному): *ловкость* < *ловкий*, *узость* < *узкий*; *кривизна* < *кривой*, *белизна* < *белый*; *краснота* < *красный*, *широта* < *широкий* и т. д.

-онок (**-ёнок**) (детёныш): *волчонок* < *волк*, *медвежонок* < *медведь* и т. д.

Очень много в русском языке суффиксов, заимствованных из иностранных языков: **-ист**: *социалист*, *коммунист*, *ленинист*; **-изм**: *социализм*, *коммунизм*, *дарвинизм*, *ленинизм*; **-ция**: *авиация*, *ликвидация* и т. д.

От имен существ. мужского пола образуются соответствующие имена женского рода при помощи суффиксов: **-ица**, **-ница**, **-ка**, **-иха**: напр., *жилица* < *жилец*, *учительница* < *учитель*, *социалистка* < *социалист*; *зайчиха* < *заяц*, *врачиха* (народное слово) < *врач* и т. д.

Особую группу представляют производные слова, заключающие в себе элемент оценки (больше, меньше, лучше, хуже). Эта оценка поч-

ти всегда субъективного характера, т. е. выражает приязнь или неприязнь лица говорящего.

Ласкательные (они же по большей части и уменьшительные).

-ечка, **-енька**, **-ушка**, **-ышко**, **-шек**, **-чик**, **-ик**, **-чка**, **-ица**, **-ка** и т. д.: *Ванечка*, *Машенька*, *Аннушка*, *головушка*, *солнышко*, *воробышек*, *камешек*, *зайчик*, *палочка*, *милочка*, *водица*, *коровка*, *пуговка* и т. д.

Презрительные (они же по большей части и увеличительные).

-ище, **-ища**, **-ина**: *домище*, *коровища*, *лапища*, *дурачина*, *домина* и т. д.

-ишко, **-ёнка**: *городишко*, *лошадёнка* и т. д.

-ё (собирательный): *хулиганё*, *мужичё*, *бабё*.

Глава V ГЛАГОЛЫ

§ 68. Определение глагола

К глаголам относятся слова с основным формальным значением **вида**.

Семантическое значение глагола есть обозначение процесса, т. е. действия (*работать, читать*), становления (*молодеть, стареть*) или состояния (*белеть, покоиться*).

По отношению к подлежащему-действию и дополнению-объекту действия глаголы подразделяются на переходные и непереходные. Переходные глаголы допускают две конструкции (иначе — залогов): действительную и страдательную. Главная роль глагола в фразе — это роль личного определяющего, т. е. предиката. Для этой роли у глагола имеются особые «личные формы», иначе наклонения. «Неличные формы» (Инфинитив, Деепричастие и Причастие) служат для других ролей глагола в фразе: 1) абсолютного определяемого или подлежащего и 2) разных не-предикативных определяющих: а) согласуемого и б) примыкающих.

Совокупность личных и неличных форм глагола называется **спряжением**.

Морфемы, как и формы, у глагола чрезвычайно разнообразны: спряжение выражается почти исключительно при помощи суффиксов; другие значения глагола выражаются префиксами, частицами и суффиксами.

Многие глаголы, обозначающие движение или звук, имеют особую краткую неизменяемую форму междометного характера; напр., *Хватъ друга камнем в лоб!*

Атрибутивные глаголы являются неполнозначными. Глагол *быть* в роли связки является незначительным, «вспомогательным» глаголом, подобным местоименным словам в других частях речи.

§ 69. Переходность

Глаголы, которые могут иметь при себе прямое дополнение (иначе — управляют винит. падежом), называются **переходными**. Если

при таком глаголе есть подлежащее, то оно является действующим лицом, автором процесса, а прямое дополнение — объектом процесса, т. е. предметом, на который направлено действие подлежащего; напр., *Охотник застрелил медведя. Мальчишки бросают каменья.* — Прочие глаголы называются **непереходными**; пример: *Охотник идет по лесу.*

Когда нужно показать, что действие сосредоточено на самом подлежащем или замкнуто в самом себе и не переходит ни на какой объект, глагол употребляется в **возвратной** форме. — Напр., *Охотник застрелился. Мальчишки бросаются каменьями.* — Возвратная форма образуется прибавлением частицы *-ся* к обычной, так наз. прямой форме глагола. В возвратной форме глагол непереходен. Почти всякому глаголу можно придать (для того, чтобы сосредоточить, замкнуть процесс) возвратную форму, особенно при безличном обороте; напр., *Мне не спится.* Есть небольшое количество глаголов, употребляемых только в возвратной форме, напр. *смеркаться, охотиться, стараться* и т. п.

В прямой форме глагол, смотря по его вещественному значению, будет переходным или непереходным. Переходный глагол может быть употреблен и непереходно, напр., *Я читаю.*

§ 70. Залогов

Переходные глаголы допускают двоякую конструкцию, или — как принято говорить — употребляются в двух **залогах**: **действительном** и **страдательном**. — В первом случае подлежащее и деятель совпадают, подлежащее является действующим лицом, автором процесса. Напр., *Пахарь вспахал поле. Вспахали поле.* — Во втором случае подлежащее не действует, но подвергается действию, деятель же может быть совсем устранен. Напр., *Поле вспахано пахарем. Поле вспахано.*

Для предиката страдательного залога от глаголов совершенного вида употребляется страдательное причастие прошедшего времени в краткой форме вместе со связкой *быть*. — Напр., *Поле вспахано. Поле было вспахано. Поле будет вспахано.* У глаголов несовершенного вида роль страдательного предиката может выполнять возвратная форма; напр., *Поле вспахивается. Поле вспахивалось. Поле будет вспахиваться.*

Глаголы непереходные имеют только одну действительную конструкцию: *Я лежу. Он смеется.*

§ 71. Вид

Видов два: совершенный и несовершенный.

Совершенный вид показывает процесс в его законченности; напр., *решил*: *Я решил задачу; Я решаю задачу; Задача решена* и т. д. Несовершенный вид показывает процесс в его незаконченности, длительности; напр., *решать*: *Я решал задачу; Я буду решать задачу; Я решаю задачу; Задача решается* и т. д. К глаголам совершенного вида принадлежат и глаголы, выражающие однократность (или мгновенность) действия; напр., *стукнуть, хлопнуть, двинуть, скакнуть* и т. д.

Каждый глагол выражает один какой-нибудь вид — либо совершенный, либо несовершенный. Но есть небольшое количество глаголов (почти все они иностранного происхождения и употребляются в языке образованных классов), которые могут обозначать и законченность и длительность и таким образом принадлежат к обоим видам сразу. Таковы, напр., *атаковать, телеграфировать, реквизировать, казнить* и т. д.

§ 72. Образование видов

Противоположение глагольных видов выражается противоположением формант — префиксов и суффиксов; напр., *толкать* (несов. вид) > **вы-***толкать* (сов. вид) > *вытالك-ив-ать* (несов. вид) > **по-***вытالكивать* (сов. вид) или *толк-ать* (несов. вид) > *толк-нуть* (сов. однокр. вид). Следовательно, образование видов тесно связано с глагольным словообразованием.

Образование отглагольных глаголов идёт следующим путём —

Простой глагол	<i>толкать</i>
	↙ ↘
1-я ступень	вы- <i>толкать</i> <i>толк-нуть</i> → вы- <i>толкнуть</i> и т. д.
	↓
2-я ступень	<i>вытالك-ивать</i>
	↓
3-я ступень	по- <i>вытالكивать</i> .

Простые глаголы, т. е. неприставочные и не образованные от других глаголов, все несовершенного вида, кроме сорока глаголов, вроде *купить, лишить, бросить* и т. д.

При помощи префиксов от простого глагола можно образовать до двадцати (см. § 85) новых глаголов: *вытолкать, затолкать, протолкать* и т. д. Все они будут совершенного вида. От некоторых простых глаголов можно образовать также однократный глагол при помощи суффикса *-нуть*, а от него в свою очередь производить префиксальные или приставочные глаголы. Почти все приставочные глаголы 1-й ступени глаголообразования являются переходными; ср., напр., *сидеть* (неперех.) и *отсидеть ногу, подсидеть кого-нибудь, просидеть стул, мухи засидели зеркало* и т. д.

При помощи так наз. «вторичных» суффиксов (*'-ы-вать / '-ив-ать, -ев-ать, -а-ть*; см. § 85) к приставочному глаголу 1-й ступени можно образовать соответствующий глагол несоверш. вида (2-я ступень глаголообразования). Подобный вторичный глагол несоверш. вида сохраняет полностью вещественное значение, а стало быть и переходность, соответствующего глагола 1-й ступени.— Напр., *отсиживать, просиживать, подсиживать, засиживать* и т. д.

Наконец, от вторичного глагола несоверш. вида можно иногда образовать новый приставочный глагол опять-таки совершенного вида (3-я ступень образования, или вторичные глаголы соверш. вида).— Напр., *повытالكивать* (см. § 85).

Глаголы 1-й и 2-й ступени образуют видовые пары, в которых оба глагола противопоставляются друг другу как различные виды; напр., *вытолкать / вытالكивать, толкать / толкнуть, решить / решать* и т. п. В двух-трёх случаях видовые пары образованы из глаголов совершенно разных корней; напр., *взять / брать, говорить / сказать*.

§ 73. Спряжение

Формы спряжения тесно связаны с видовым значением глагола. Глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени. С другой стороны, глаголы несовершенного вида не имеют страдательного причастия прош. времени. Одни и те же личные морфемы (*-у, -шь, -т, -м, -те, -ут* или *-ат*) служат для выражения настоящего времени у глаголов несоверш. вида, но выражают будущее время у глаголов совершенного вида; напр., *Я делаю* и *Я сделаю*.— У глаголов несоверш. вида деепричастие обозначает второстепенный процесс, одновременный с главным процессом, выражаемым предикатом; напр. *Читая ваше письмо, я думаю о вас* или *думал, подумаю* и т. д. У глаголов соверш.

вида деепричастие выражает второстепенный процесс, предшествующий по отношению к главному; напр., *Прочитав ваше письмо, я думаю о вас, подумал* и т. д.

§ 74. Таблица глагольных форм

Совершенный вид

Несовершенный вид

А. Личные формы

1. Изъявительное наклонение

Настоящее время

(Нет)

Ед. ч. 1 л. решаю
2 л. решаешь
3 л. решает
Мн. ч. 1 л. решем
2 л. решаете
3 л. решают

Прошедшее время

Ед. ч. М. р. решил
Ж. р. решила
Ср. р. решило
Множ. число решили

Ед. ч. М. р. решал
Ж. р. решала
Ср. р. решало
Множ. число решали

Будущее время

Ед. ч. 1 л. решу
2 л. решишь
3 л. решит
Мн. ч. 1 л. решим
2 л. решите
3 л. решат

Ед. ч. 1 л. буду
2 л. будешь
3 л. будет
Мн. ч. 1 л. будем
2 л. будете
3 л. будут

ре-
шать

2. Сослагательное наклонение

Ед. ч. М. р. решил бы
Ж. р. решила бы
Ср. р. решило бы
Множ. число. решили бы

Ед. ч. М. р. решал бы
Ж. р. решала бы
Ср. р. решало бы
Множ. число. решали бы

3. Повелительное наклонение

Ед. ч. 2 л. реши
Мн. ч. 2 л. решите
1 и 2 л. решимте

Ед. ч. 2 л. решай
Мн. ч. 2 л. решайте
1 и 2 л. решаемте

В. Неличные формы

1. Инфинитив

решить

решать

2. Деепричастие

решив (или решивши)

решая

3. Причастия

а) Действительный залог

Настоящее время

(Нет)

решающий

Прошедшее время

решивший

решавший

б) Страдательный залог

Настоящее время

(Нет)

решаемый

Прошедшее время

решённый

(Нет)

§ 75. Наклонения

Оттенков, или модальностей, того, как лицо говорящее относится к высказываемому им, чрезвычайно много, особенно в эмоциональной речи. Но основных наклонений, являющихся грамматическими формами глагола, три: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Изъявительное наклонение служит для простого констатирования факта в настоящем, прошлом или будущем.— Напр., *Он бездельничает и потому не перейдет в следующий класс. Задача решена.*

Сослагательное наклонение — это отношение к высказываемому, как к предположению. Напр., *Он перешёл бы в следующий класс, если бы занимался. Едва ли он перешёл бы, даже если бы занимался.* — Частица **бы** передвигается свободно в фразе; может повторяться по нескольку раз и придаёт всей фразе предположительный характер, даже если в ней нет глагола в форме прошедшего времени. — Напр., *Сколько бы денег заработать можно! Эту главу следовало бы расширить, введя бы некоторые подробности.* «Спит ум, может быть, обретший **бы** внезапный родник великих средств» (Гоголь).

Повелительное наклонение. — Повелительная фраза принадлежит к эмоциональному языку и прежде всего отличается особой интонацией; эта интонация может придаваться любым словам и формам слов. Грамматическая форма повелительного наклонения является наименее эмоциональной. — Напр., *Взять его!* (ср. *Возьмите его!*) *В угол! Вон отсюда! Ну, бац его! Сюда!* — Форма повелит. наклонения может употребляться не только для обращения ко второму лицу; напр., *Идём! Идёмте!* — Повелительное наклонение от глаголов соверш. вида выражает (за немногими исключениями) более вежливое отношение к собеседнику, чем та же форма от глаголов несов. вида; ср. *Реши мне эту задачу!* и *Решай мне эту задачу!*

Примеры на модальности. — *Заложим бы вало тройку, и в степь! Я зашёл бы ло к нему, но его не было дома. Поднявшийся бы ло ветер стих. Вы бы отдохнули. Вам бы отдохнуть. Я взял да и уехал. А собака не будь дура, — возьми да и тяпни его. Вижу я во сне: иду бы я по-над рекой, а из воды меня кто-то бы кличет. Сломить ему будет голову! Не в и д а т ь тебе его, как своих ушей!* и т. д.

§ 76. Времена

В грамматике времена различаются по отношению к моменту речи. — Настоящее время означает, что действие глагола совпадает с моментом речи; напр., *Ваня гуляет в саду.* Это совпадение может пониматься очень широко; напр., *Земля движется вокруг солнца* (не только сейчас, но и всегда) или *Она прекрасно поёт* (не сейчас, а вообще умеет петь). Прошедшее время означает, что процесс имел место до момента речи; напр., *Я долго жил в Москве. Ваня уронил чашку.* Будущее время означает, что процесс будет иметь место после момента речи; напр., *Я уеду отсюда. Сейчас я буду одеваться.*

В эмоциональной речи лицо говорящее в своём воображении переносится то в прошлое, то в будущее и тем самым постоянно разрушает объективную перспективу времени. — Напр., *Шёл я вчера по улице. Слышу, кто-то окликнул меня. Оборотился, смотрю Иван Иванович. Или Завтра чуть свет еду в деревню.*

Только изъявительное наклонение имеет формы времён. В других наклонениях время процесса определяется обстановкой речи и контекстом.

Формы времён имеют различное значение у каждого вида.

Глаголы совершенного вида имеют только формы прошедшего и будущего времени. Законченный процесс даётся в своём результате. Форма прош. вр. у глаголов соверш. вида означает свершившийся результат; напр., *Пушкин родился в 1799 году.* Но этот результат может пребывать и по сию минуту; напр., *Я взял книгу* = книга теперь у меня. *Голову разломил* = ломит сейчас. Форма будущего времени у глаголов соверш. вида означает будущий результат; напр., *Сейчас я оденусь.* Но этот результат может наступить тотчас же, так что его совершение совпадёт с моментом речи, напр.: *А сколько вас здесь наберётся? Посмотрю на вас, — слабый вы народ.* Ср., напротив, глаголы несоверш. вида: *Я брал книгу. Сейчас я буду одеваться.* Вследствие этих особенностей форма будущего времени от глаголов соверш. вида, особенно в эмоциональной речи, употребляется в самых разнообразных временных и невременных значениях. — Напр., *Лиса открыла мешок, а собаки как выскочат оттуда, да за ней. Потеряла пуговицу; никак не найду.*

§ 77. Синтаксические формальные значения

Лицо и число при глаголе выражаются подлежащим, но подлежащее — личное местоимение очень часто опускается. — Напр., *Хотите погулять? Хотеть-то хочу, да некогда.* — *Люблю грозу в начале мая.*

Формы настоящего и будущего времени имеют особые морфемы (суффиксы-окончания) для различения трёх лиц в единств. и трёх лиц во множ. числе. Формы прошедш. времени и сослагат. наклонения имеют только морфемы для различения родов в единств. числе и одну общую морфему для множеств. числа. — Повелительное наклонение обычно употребляется без личного местоимения и имеет одну морфему в единств. числе для обращения ко второму лицу (напр., *Иди!*) и две во множеств. числе (*Идите! Идемте!*).

Формы 3-го лица обоих чисел изъявительного и сослагательного наклонений, употребляемые самостоятельно, получают особое значение: 3-е лицо ед. числа (а в прош. врем. и в сослаг. накл. форма средн. рода) обозначает безличный оборот (напр., *Светает. Подморозило*), а 3-е л. множ. числа выражает процесс с неопределённым лицом (напр. *Говорят. Нам сообщают о землетрясении в Японии*).

2-е л. ед. числа, безразлично с личным местоимением или без него, может служить для обозначения «расширенного лица». — Напр., *Работаешь, работаешь, а всё без толку*.

§ 78. Предикат

Личные формы глагола согласуются с подлежащим в лице, числе и роде (если у глагола имеются родовые морфемы).

В некоторых случаях согласование бывает не формальным, а по смыслу. Так бывает, напр., тогда, когда подлежащее своим вещественным значением обозначает множественность, хотя бы формально оно и стояло в единств. числе. Можно сказать, напр., *При взрыве моста масса людей пострадало* или *пострадали. По улице прошло* или *прошли два солдата (несколько, много солдат и т. д.)*. *Брат с сестрой ушёл* или *ушли гулять. Несколько человек было убито* или *были убиты*.

Безличный предикат выражается, как мы уже говорили, формой 3-го лица ед. числа, а где возможно, то формой среднего рода; напр., *Мне нездоровится. Мне нездоровилось*. Но эта форма без возможности постановки местоимения *он, она, оно*, указывает как раз на отсутствие лица, иначе — указывает на «отрицательное лицо». Происходит, стало быть, сдвиг формальных значений, благодаря которому безличный предикат становится в фразе в положение абсолютного определяемого. — В разговорном языке, особенно в народе, при безличном предикате, выражающем мнение, размышление лица говорящего, очень часто употребляется особое словечко «оно». — Напр., *Как подумаешь о жизни, так оно и выходит, что своя рубашка ближе к телу*. — Роль этого словечка — это показать, что подлежащего нет и не может быть и что место его остаётся пустым.

Страдательный предикат выражается у глаголов совершенного вида страдат. причастием прош. времени в краткой («предикативной») форме вместе со связкою *быть*; напр., *Крепость была осаждена*. У глаголов несовершенного вида эквивалентом страдательного предиката

служит возвратная форма; напр., *Крепость осаждалась*. (Изредка в последнем случае употребляется страдат. причастие настоящего времени, напр., *Крепость была осаждаема. Он всеми любим и уважаем*.)

§ 79. Деепричастие

Деепричастие — это особая форма для глагола в роли обстоятельного определяющего. От простого наречия деепричастие отличается тем, что сохраняет формальные значения переходности, вида и времени, свойственные только глаголам. Но «время» деепричастия указывает отношение не к говорящему лицу, т. е. не к моменту речи, а ко времени процесса, выраженного личным глаголом в фразе. — Напр., *Гуляя, мы попали под дождь. Вернувшись с домой, он завалился спать*.

Второстепенный процесс, выражаемый деепричастием, всегда относится к тому же деятелю, что и главный процесс, выражаемый предикатом, поэтому невозможно сказать: *Гуляя, нас застиг дождь*. Но деепричастие возможно иногда и при формально безличных оборотах, напр., *Хорошо было бы, разобравшись в этих вопросах, выяснить их полную несостоятельность* («разбираться» и «выяснить» вопросы предлагается одному и тому же лицу, хотя формально оно и устранено).

Деепричастие от глаголов несовершенного вида легко переходит в наречие; напр., *Мы шли молча. Он и ест-то лёжа*. Глагольность деепричастия усиливается, если при нём есть управляемые определяющие. Ср. *Он шёл медленно, смотря себе под ноги* и *Он действует смотря по настроению*, где «смотря» стало полузнаменательным словом. — Особый, редкий случай атрибутивного употребления деепричастия имеем мы в фразах вроде *Он был сильно выпивши*.

§ 80. Причастия

Причастие — это форма глагола в роли прилагательного (определение или член атрибутивного предиката). От обычного прилагательного причастие отличается тем, что сохраняет формальные значения переходности, залога, вида и времени, свойственные только глаголу. Среди этих значений наиболее характерным является различие залогов.

Роль прилагательного мало свойственна глаголу. В разговорной речи распространённым является только страдат. причастие в прош. времени в составе страдательного предиката, причём чаще всего пре-

дикат этот встречается в безличных оборотах с устранённым деятелем.— Напр., *Сказано — сделано. Почём плачено?* Остальные причастия в подобной роли не употребляются (исключение — редчайшие обороты вроде *Он всеми уважаем*). Фразы вроде *Я человек, который работающий* свойственны простому люду, неумело подражающему говору образованных классов.

Причастия принадлежат книжному языку. В разговорной, даже очень литературной, речи мы стремимся заменять их относительными придаточными предложениями и вместо *Я получил книгу, обещанную вами*, предпочитаем говорить *Я получил книгу, которую вы мне обещали*. В таких случаях оборот с причастием является эквивалентом придаточного предложения, как бы «сокращённым придаточным предложением».

Причастия, употребляемые одиночно, без дополнений, напр., *Я встретил на улице какого-то оборванного мальчишку*, представляются простыми отглагольными прилагательными, как, напр., *Отрывной календарь; Зыбучие пески; Несгораемый шкаф; Угрожаемая по холере местность; Непромокаемое пальто*.

§ 81. Инфинитив

Инфинитив есть выражение процесса без отношения к лицу говорящему и без синтаксических формальных значений; поскольку же он выступает в роли определяющего, он является примыкающим словом. Это общее обозначение процесса пригодно в речи для самых разнообразных ролей¹.

Инфинитив может быть подлежащим.— Напр., *Гулять полезно*.

Инфинитив может быть атрибутивным предикатом: *Понять — простить*; может служить определяющим к различным членам фразы, особенно к глаголам.— Напр., *Он пошёл гулять. Привыкши спать после обеда, он ушел к себе отдохнуть. Мне не с кем было посоветоваться. Он большой мастер песни петь. Село издали было видать как на ладони* (народный оборот).

В эмоциональном языке инфинитив может выступать в роли эквивалента личного глагола.— Напр., *А он бежать! Замолчать!*

Интересно заметить, что народная речь пользуется инфинитивом гораздо больше, чем речь литературная; наделяет его разнообразны-

¹ Отглагольное существительное, напр. *решение*, есть название процесса, тогда как инфинитив (*решить*) есть выражение процесса.

ми модальными оттенками, заменяет им отвлечённые отглагольные существительные на *-ние* и вообще видит в инфинитиве конкретное выражение процесса.— Примеры: *Любить не люби, а почаще взглядывай. Видать орла по полёту. Как ни крыться, всё будет повиниться. Пить — умереть и не пить — умереть, так уж лучше пить. Знать не знаю, ведать не ведаю. Такого молодца поискать. Ехать так ехать. Где уж тут рассуждать?! и т. д.*

§ 82. Междометная форма глагола

Глаголы, обозначающие быстрое движение или звуковое впечатление, могут иметь особую форму с отрицательным суффиксом, напр., *хватъ < хватить, двиг < двигать, бултых < бултыхаться, бряк < брякать, стук < стукнуть* и т. д. Употребляются они в эмоциональном языке и имеют значение, сближающее их с междометиями.— Напр., *Разбежался и бултых в воду! Хватъ друга камнем в лоб*. Подобная форма сохраняет только формальное значение управления, т. е. переходности или непереходности².

§ 83. Глагол *быть*

Глагол *быть* имеет особое спряжение.

А. Личные формы

1. Изъявительное наклонение

Наст. вр.:	есть (суть).
Прош. вр.:	был, была, было, были.
Буд. вр.:	буду, будешь, будет. будем, будете, будут.

2. Сослагательное наклонение:

был бы, была бы и т. д.

3. Повелительное наклонение:

будь, будьте, будем.

² Следует отметить, что отымённое междометие *раз!* управляет прямым дополнением, напр., *А он раз его в грудь!*

В. Неличные формы

1. Инфинитив:	быть.
2. Деепричастия:	будучи, бывши (или быв).
3. Причастия—Прощ. вр.:	бывший.
Будущ. вр.:	будущий.

Глагол *быть* не принадлежит ни к какому виду.

В настоящем времени *быть* не имеет личных форм. В роли связки в настоящем времени в положительных (не отрицательных) фразах глагол *быть* совершенно опускается («отрицательная связка»), напр., *Я болен*. Впрочем, в книжном языке в 3-м лице ед. числа нередко употребляется форма *есть*, напр., *Инфинитив есть неличная форма глагола*. В церковном языке в 3-м лице множ. числа встречаем форму *суть*, напр., *Ангелы суть духи бесплотные*.— В качестве же знаменательного глагола форма *есть* употребляется для всех лиц и для обоих чисел, напр.: *Каков я есть, таков и буду. Так это вы и есть наш сосед. Есть ещё правда на свете! Здесь есть дикие утки*.— Примеры на отрицательные фразы: *Я не болен. Инфинитив не (есть) особое склонение. Ангелы не суть духи бесплотные. Нет правды на земле!*

Деепричастие *будучи* имеет то же значение, что деепричастие глаголов несоверш. вида, напр., *Будучи болен, он не пошёл (не пойдёт, не идёт и т. д.) на заседание*. Деепричастие *бывши* (или *быв*) может относиться только к минувшему, напр.: *Бывши (или будучи) в Москве, я часто посещал Третьяковскую галерею. Бывши когда-то начальником, он не может примириться со своим теперешним положением*.

Будущий по своему вещественному значению относится к будущему времени и является как бы причастием будущего времени³. В церковном языке встречается причастие настоящего времени *сущий*, напр., *Всё сущее на земле и на небесах хвалит Господа*.

§ 84. Глаголы передвижения

Глаголы, обозначающие способы передвижения, образуют две параллельные серии, различаемые как:

³ Так же *грядущий*.

I. Глаголы определённого движения	II. Глаголы неопределённого движения
<i>бежать</i>	<i>бегать</i>
<i>брести</i>	<i>бродить</i>
<i>везти</i>	<i>возить</i>
<i>вести</i>	<i>водить</i>
<i>гнать</i>	<i>гонять</i>
<i>ехать</i>	<i>ездить</i>
<i>идти</i>	<i>ходить</i>
<i>катить</i>	<i>катать</i>
<i>лезть</i>	<i>лазить</i>
<i>лететь</i>	<i>летать</i>
<i>нести</i>	<i>носить</i>
<i>плыть</i>	<i>плавать</i>
<i>ползти</i>	<i>ползать</i>
<i>тащить</i>	<i>таскать</i>

От прочих глаголов глаголы передвижения отличаются тем, что они выражают процессы в их отношении к пространству. Так, глаголы «определённого» движения можно употреблять только тогда, когда направление движения известно. Напр., *Птицы летят* означает, что направление их полета известно лицу говорящему (напр., он видит, куда птицы летят); *Птицы летают* означает, что птицы умеют летать; если же мы попробуем указать направление их полета, напр. *Птицы летают над озером*, то это будет означать, что они летают в разных направлениях (ср., напротив, *Птицы летят над озером*); если сказать *Птицы летают вон к тому дереву*, опять-таки, мы поймём, что птицы летают туда и обратно и по нескольку раз. Одним словом, глаголы второй серии не допускают точного определения движения в едином направлении.

§ 85. Словообразование

По своему образованию производные глаголы распадаются на четыре разряда: 1) отглагольные, т. е. образуемые от глаголов; 2) отыменные, т. е. образуемые от имён существительных или прилагательных; 3) звукоподражательные, т. е. стремящиеся воспроиз-

вести звуковую сторону какого-нибудь слова, напр., *ахать* < *ах*, *шикать* < *ш... ш...* и т. д. и 4) заимствуемые с иностранного.

1. Отглагольные глаголы образуются при помощи префиксов, или приставок, и суффиксов. Продуктивными приставками являются следующие: **в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о-, (об-, обо-), от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-** (непродуктивные: *воз-, низ-, пре- и пред-*). Примеры: *играть* > *выиграть*, *выиграть*, *доиграть*, *заиграть*, *наиграть*, *надиграть*, *обыграть*, *отыграть*, *переиграть*, *поиграть*, *подыграть*, *проиграть*, *разыграть*, *сыграть*. Примеры непродуктивных: *восстать*, *низвести*, *презградить*, *представить*.

Мы знаем, что отглагольное производство служит вместе с тем и видовым (см. § 72). При помощи этих префиксов от основных образуются глаголы совершенного вида 1-й ступени. Кроме того, от вторичных глаголов несоверш. вида (2-я ступень) можно образовать вторичные глаголы совершенного вида (3-я ступень) при помощи префиксов **на-, по-** или **пере-**; напр.: *обыгрывать* > *пообыгрывать*, *выигрывать* > *навыигрывать*, *выталкивать* > *перевыталкивать*.

Для образования вторичных глаголов несоверш. вида от префиксальных глаголов 1-й ступени служат особые суффиксы, так наз. «вторичные»: **-ыв-ать / -ив-ать, -ев-ать и -ать**; напр., *обыграть*, *обыгрывать*, *закурить* > *закуривать*; *согреть* > *согревать*; *вырубить* > *вырубать*. — Наконец, для образования «мгновенных» глаголов употребляется суффикс **-нуть**, напр., *толкать* > *толкнуть*. В разговорном языке очень распространен суффикс **-а-нуть**: *толкануть*, *резануть*, *щелкануть*.

2. Отымённые глаголы образуются от имён существительных и прилагательных при помощи суффиксов: **-ничать** (непереходн.): *разбойник* > *разбойничать*, *повеса* > *повесничать*; **-еть // -еют** (неперех.): *белый* > *белеть*, *сова* > *советь*; **-ствовать** (неперех.): *бедствие* > *бедствовать*; *торжество* > *торжествовать*; **-овать // -уют / -евать // -еют** (обычно неперех.): *горе* > *горевать*, **-ить // -ят** (обычно непереходн.): *белый* > *белить*, *пыль* > *пылить*.

Встречаются отымённые префиксальные глаголы, напр., *облесить* < *лес*; *углубить* < *глубокий*. Они относятся к глаголам 1-й ступени.

3. Звукоподражательные глаголы образуются при помощи суффикса **-ать** (или **-к-ать**), напр., *ох!* < *охать*, *ау!* < *аукать*, *мяу!* < *мяукать*.

4. Заимствуемые с иностранного глаголы вводятся в русский язык образованными людьми, напр. учёными и разными специалистами

ми, при помощи суффиксов **-ир-овать, -из-ир-овать, -из-овать** и **-овать**; напр., *электрифицировать* или *электризовать*, *массировать*, *диктовать*.

Наконец, в аффективной речи мы встречаем такие образования, как *спатиньки*, *кушаньки*, *гулятиньки*, употребляемые в обращении к маленьким детям.

§ 86. Классификация глаголов

По характеру морфем, служащих для спряжения, глаголы разделяются на пять продуктивных классов и на несколько непродуктивных типов или групп.

Продуктивные (живые) классы.

I (-ать // -ают): *играть*, *гулять*, *разбойничать*, *выигрывать*, *ахать* и т. д.

II (-еть // -еют): *белеть*, *худеть*, *советь* и т. д.

III (-овать // -уют): *рисовать*, *ночевать*, *диктовать*, *массировать* и т. д.

IV (-ить // -ят): *хранить*, *мылить*, *белить* и т. д.

V (-нуть // -нут): *толкнуть*, *стукнуть* и т. д.

Каждый вновь образующийся глагол будет по своему спряжению принадлежать к одному из этих классов⁴.

Непродуктивные группы включают в себе около 400 глаголов.

A. (-ать // -ут): *сосать*, *мазать*, *веять*, *обнять* и т. д.; около 160 гл.

B. (-ать // -ат): *кричать* и т. д.; 35 гл.

C. (-еть // -ат): *гореть* и т. д.; 48 гл.

D. (-нуть, суффикс -н-у- выпадает в прош. вр.): *гаснуть* и т. д.; 60 гл.

E. (-ти или -ть с предшествующей согласной): *нести*, *грызть* и т. д.; 33 гл.

F. (-чь): *печь* и т. д.; 16 гл.

G. Отдельные глаголы: *бить*, *тереть*, *дать*, *мыть* *колоть* и т. д.; до 49 гл.

Неправильные глаголы: *бежать* (*бегу*, *бежишь...* *бегут*) относятся к типу B; *хотеть* (*хочу*, *хочешь*, *хочет*, *хотим*, *хотите*, *хотят*) — к типу C.

⁴ Чтобы определить класс глагола, нужно сравнить его формы инфинитива и 3-го лица множ. числа.

Глава VI

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

§ 87. Определение прилагательного

Прилагательными называются слова, которые служат определяющими к существительным и обозначают признаки, присущие предмету. Прилагательные согласуются со своими определяемыми, т. е. отражают формальные значения определяемого существительного, для этого у прилагательных имеются синтаксические формы рода, числа и падежа.

В фразе прилагательное бывает или определением или предикатом. Кроме того, прилагательное может выступать в качестве эквивалента, т. е. заместителя существительного во всех его ролях.

§ 88. Разряды прилагательных

Полнозначные прилагательные разделяются на качественные (напр., *Белый парус*) и относительные (напр., *Деревянный дом*, *Утренняя газета*).

Качественные прилагательные имеют особые степени сравнения, которые обозначают различные степени качества: сравнительная (напр., *Этот парус белее того* или *Я никогда не видал более белого паруса*) и превосходная (напр., *Этот парус белее всех других*, *Самая высокая гора — это Эверест*). — Качественные прилагательные в положительной и сравнительной степенях имеют две формы: полную (напр., *белый*, *более белый*) и краткую или «предикативную» (напр., *бел*, *белее*), употребляемую только в роли предиката. Краткая форма не склоняется, а краткая форма сравнительной степени кроме того не изменяется ни по родам, ни по числам.

Относительные прилагательные не имеют степеней сравнения и имеют только полную форму. Нередко относительному прилагатель-

ному соответствует подобное же качественное, напр.: *Каменный дом* и *Каменистая дорога*; *Зубной порошок* и *Зубастая щука* и т. д. Относительное прилагательное переходит в качественное, как только мы начинаем видеть в нём не внешний признак предмета, а его внутренний признак, что осуществляется путём транспозиции (§ 16); напр., *У него какое-то деревянное лицо*, т. е. не «из дерева», а такое же неподвижное, не меняющееся, как если бы оно было из дерева.

Среди относительных прилагательных особую морфологическую группу составляют притяжательные, которые определяют предмет по его принадлежности, напр., *Отцова шуба*; *Лебязий пух*. Одни из них встречаются только в полной форме, другие — только в краткой (но склоняемой).

Счётные прилагательные определяют предмет по порядку, т. е. по месту, занимаемому в ряду подобных предметов, напр., *первый*, *шестой*, *сотый* и т. д., но по своему строению ничем не отличаются от обыкновенных относительных, стало быть, производных прилагательных.

Местоимённые подразделяются на: а) притяжательные: *мой*, *твой*, *наш*, *ваш*, *свой* (в народном языке встречаются *ихний*, *ейный*, *иха* и т. п.); б) усилительные: *сам* и *самый*; в) вопросительно-относительные: *чей*, *сколько*; *который*, *какой*, *каков*; г) указательные: *этот*, *тот*, *сей* (в канцелярском и церковном языке); е) определительные: *весь*, *всякий*, *всяк*, *всяческий*, *каждый*. — Особое внимание заслуживает местоимение *сколько* (и соответствующие ему *столько*, *несколько*, *нисколько*). Оно склоняется как множ. число прилагательных, напр. *Сколькими днями располагаете вы?* Но в именит. падеже (а нередко и в винительном) оно из роли определяющего переходит на положение определяемого (подобно другим словам, обозначающим количество: *мало*, *много*, *масса* и т. д.), напр., *Сколько у вас книг? Я видел столько или столькоких людей!* (Ср. § 66).

§ 89. Определение и предикат

В роли непредикативного определяющего прилагательное согласуется с определяемым в роде, числе и падеже. — Напр., *Горные вершины спят во тьме ночной*.

В роли предиката прилагательное ставится по большей части в краткой, несклоняемой форме и согласуется в роде и числе. Напр., *Зимняя ночь долга. Зимние ночи долги*. Если же оно стоит в полной

форме, то согласуется обычно и в падеже, т. е. ставится в именит. падеже. Напр., *Это кольцо серебряное*. Однако при многих атрибутивных глаголах прилагательное может стоять и в творительном падеже.— Напр., *Мы нашли его здоровым. Он оказался больным. Он выглядел измученным, невеселым, угрюмым* и т. д.— Предикат в полной форме даёт характеристику более относительного и более постоянного характера, напр., *Она весёлая* (всегда), *Он недобрый*; ср., напр., *Она весела, Он не добр*.

Предикативная форма сравнительной степени есть неизменяемая форма, поэтому в нашем сознании она сливается со сравнительной формой наречия. Ср. *Он выглядел угрюмым. Он выглядел ещё угрюмее. Он выглядел угрюмо и ещё угрюмее. Деревья становились всё меньше и Деревьев становилось всё меньше*.

§ 90. Прилагательное — эквивалент существительного

Прилагательное может замещать существительное во всех его ролях, но тогда в нём самом происходит сдвиг формальных значений: род и число становятся несинтаксическими, а падеж из согласуемого переходит в управляемый.— Примеры. *Битый небитого везёт. Все больные уже встали. Прислуга пошла в колбасную. В главном мы с вами согласны, а остальное не важно*.

§ 91. Прилагательное в роли обстоятельства

Качественное определяющее в фразе тяготеет нередко одновременно и к процессу и к подлежащему. Так, можно почти безразлично сказать: *Радостные, бодрые, выступали мы в поход* и *Радостно, бодро выступали мы в поход*. Ещё явственнее это сказывается при сравнительной степени: *Я была тогда здоровее* (какая я была? или как я была тогда? — оба вопроса возможны).

В некоторых, правда, редких случаях прилагательное выступает определённо в роли обстоятельства и путём сдвига формальных значений переходит в наречие.— Напр., *Он пьёт горькую или мертвую*. Но в сложении с предлогами такой переход встречается часто. Напр., *напропалую, врассыпную*.

§ 92. Словообразование

Наиболее продуктивными формантами являются:

-ский: *волжский* < Волга.

-истый, -астый (качественные): *гористый* < гора; *зубастый* < зуб.

-ий (-ья, -ье) (притяжательные): *кенгурий* < кенгуру; *щучий* < щука.

-ный и -ной: *ударный* < удар; *отрывной* < отрывать.

-овый и -овой: *слоговой* < слог; *китовый* < кит.

-оватый, -еватый (уменьшительные): *беловатый* < белый; *синеватый* < синий.

-енький, -онький (уменьшительные и ласкательные): *глупенький* < глупый; *сухонький* < сухой.

-ущий, -енный, -ёхонький (увеличительные): *толстущий* < толстый; *толстенный* < толстый; *чернёхонький* < чёрный.

Глава VII

НАРЕЧИЯ

§ 93. Определение наречия

Наречиями называются обстоятельственные определяющие.

В роли обстоятельства может употребляться любое знаменательное слово. Для этого оно должно потерять свои прежние формальные значения и перестать быть существительным, или глаголом, или прилагательным, сохраняя лишь свое вещественное значение.— Переход в разряд наречий совершается двумя путями: или 1) сдвигом формальных значений (напр., *Поезд летит стрелой. Волосы стоят торчком. Мы шли молча. Он запил горькую*), или 2) путем словопроизводства (напр., *хороший > хорошо, геройский > геройски; немецкий > по-немецки, умоляющий > умоляюще, спешить > наспех* и т. д.) В последнем случае наречная форманта вместе с тем служит и наречной морфемой для выражения примыкания.

Обстоятельственные определяющие отличаются от прочих определяющих прежде всего тем, что они не согласуются и не управляют, а примыкают, т. е. своим вещественным значением тяготеют к определяемому (обычно к глаголу).— Формальное значение, заключающееся в наречии, есть вместе с тем и его добавочное семантическое значение,— это роль обстоятельного признака.

Вещественное значение некоторых наречий настолько широко, что они легко и почти что незаметно переходят в разряд служебных слов— предлогов, союзов и т. д.

Качественные наречия могут также служить предикатом в безличных оборотах.

§ 94. Разряды наречий

Обстоятельственные слова и речения (т. е. лексикализованные группы слов, представляющие смысловое единство) делятся на несколько

семантических разрядов, а именно наречия: а) образа действия, б) времени, в) места, г) меры, д) причины, е) цели и г) усиленные. Каждый разряд включает в себя местоименные наречия, а в разряд наречий меры входят также и счётные наречия.

1. Наречия образа действия являются самым крупным и важным разрядом: почти от каждого прилагательного можно образовать подобное наречие. Наречия, имеющие качественный характер, обладают степенями сравнения.— Примеры: а) местоименные: *как? каким образом? так, этак, всяко, всячески* и т. д.; б) полнозначные: *хорошо, весело, геройски, умоляюще, по-учёному, по-деревенски, напропалую, налегке, начисто, втайне, тайком, верхом, кругом, плашмя, сознавая, мало-помалу, потихоньку, исподтишка, чуть-чуть, еле-еле, вплотную, вдруг* и т. д.

2. Наречия времени: а) местоименные: *когда? тогда, всегда, никогда* и т. д.; б) полнозначные: *сегодня, вчера, наперед, третьего дня, утром, зимою, поздно, рано, после, накануне, под-вечер* и т. д.— Наречия *рано* и *поздно* в то же время могут рассматриваться как качественные и поэтому имеют степени сравнения.

3. Наречия места: а) местоименные: *где? куда? откуда? здесь, там, сюда* и т. д.; б) полнозначные: *вблизи, неподалёку, возле, дома, рукой подать, за границей* и т. д.— Наречия вроде *вблизи* и *возле* легко переходят в предлоги.

4. Наречия меры: а) местоименные: *сколько? столько, только, несколько, нисколько* и т. д.; б) счётные: *дважды, трижды, впятеро, вдесятеро, по-два* и т. д.; в) полнозначные: *много, мало, маленько, крошечку, масса, помногу, помалу, настолько или постольку* и т. д.— Одной из особенностей наречий меры является то обстоятельство, что они по большей части нуждаются в определяющем их существительном, напр., *много хлеба, несколько человек*, и тогда могут выступать в фразе в роли определяемых слов; формально— даже в роли подлежащего, напр. *Много людей погибло*, и в роли дополнения, напр. *Он прожил массу денег; Дайте мне капельку молока* и т. д. С другой стороны, наречия вроде *постольку* легко переходят в разряд союзных речений.

5. Наречия причины: а) местоименные: *почему? отчего? потому, оттого* переходят в разряд подчинительных союзов; б) полнозначные (речения и т. п. словосочетания): *здорово живешь, от нечего делать, спьяна, по глупости, с бухты-барахты, так себе* и т. д.

6. Наречия цели: а) местоимённые: *зачем? для чего? для того, затем* и т. д.— переходят в подчинительные союзы; б) полных нет: цель, как и причина, требуют для своего объяснения целой группы слов, придаточного предложения и т. д.

7. Усилительные наречия: а) *совсем, вовсе, очень, ещё*— переходят в усилительные частицы; б) полные: *Он просто полумный. Как есть дурак. Черным-черно. Валом валит. Гудья гудит* и т. д.

§ 95. Наречие-предикат

Качественные наречия, образуемые от качественных прилагательных, выступают в безличных оборотах в роли предиката.— Напр., *Мне было весело. На дворе холодно. Завтра будет ветрено. Всем стало грустно* и т. д.

Существует группа предикативных наречий, которые употребляются только в роли предиката и не употребляются в роли обстоятельств.— Примеры: *Можно было надеяться, что всё обойдётся. Нужно потерпеть. Возможно. Жаль будет мне покинуть эти места. Пора вставать!*

§ 96. Переход наречий в служебные слова

Местоимённые наречия и некоторые полные легко переходят на роль служебных слов (относительные слова, вводные слова, предлоги, союзы). Это случается всякий раз, как вещественное значение наречия оказывается недостаточно определённым и точным, так что наречие само нуждается в значительных определяющих (несколько особое положение занимают наречия меры; см. § 94). Почти всегда так бывает с наречиями причины и цели.

Примеры: *Он заболел и потому* (наречие) *не пришёл. Он не пришёл, потому что* (союз) *заболел. Он пришёл потому* (относит. слово), *что заболел.— Где* (наречие) *вы живете? Я не знаю, где* (относит. слово) *вы живете. Мы живем тут около* (наречие). *Мы всегда жили около* (предлог) *леса.*

Глава VIII

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

§ 97. Несамостоятельные слова

Степень самостоятельности разных слов не одинакова. Самостоятельное понятие— это абсолютное определяемое, подлежащее. Самостоятельному понятию соответствует, стало быть, существительное в именит. падеже и глагол в форме инфинитива. Прилагательное, поскольку оно не переходит в существительное, не может выражать самостоятельного понятия, так как оно служит определяющим к существительному и предполагает его. Еще менее самостоятельно наречие, служащее определяющим к словам, которые, по большей части, сами являются определяющими к другим словам.

Тем не менее, всё это полные слова. В них имеется и семантическая сторона и формальные значения, которые, так сказать, «обрамляют» вещественное значение. И все эти слова отделяются от таких слов, которые выражают только отношения между понятиями, и сами не различают внутри себя обоих рядов значений. К подобным словам относятся **предлоги** и **союзы**. Кроме того, для тех же целей выражения отношений между понятиями употребляются и некоторые знаменательные, точнее— ползнаменательные слова, семантическое значение которых настолько широко и неопределённо, что они нуждаются в знаменательных словах в качестве определяющих и определяемых. Таковы местоимённые слова, так наз. **относительные слова**, глагол-связка *быть* и некоторые бесформенные наречия.

Большую роль в речи, особенно в речи эмоциональной, играют разного рода **частицы**.

Особое место в фразе занимают **вводные слова**.

§ 98. Предлоги

Предлоги это бесформенные слова, требующие после себя знаменательного определяющего, с которым они образуют особую синтагму,

отличающуюся от обычной внешней синтагмы тем, что ее Т лишено формальных значений. Напр., *в городе, над рекой, на дачу, без семьи* и т. д.

Знаменательность предлога очень понижена, и употребляться без определяющего он не может. Если мы и скажем: *Вам как чаю, с лимоном или без?* то мы только не произносим еще раз слова «лимона»; в нашем же сознании оно присутствует, восстанавливаемое и контекстом и ситуацией. Этим больше всего отличается предлог от наречия. Ср. *Мы живем тут, около* (наречие) и *Мы живем тут около леса* (предлог). Хотя, конечно, резкой грани между предлогами и некоторыми наречиями провести нельзя.

Существительное, стоящее при предлоге, управляется им, и различные предлоги требуют разных падежей. Если же предлог сочетается с наречием или с прилагательным, то он стремится слиться с ними в одно лексическое целое; напр., *Мы отложили все это на завтра; и а потом, навсегда, врассыпную, врукопашную, напропалую* и т. п. наречные обстоятельственные образования.

Но, управляя существительным, предлог в то же время может зависеть от других знаменательных слов в фразе, и прежде всего от глаголов, напр.: *Наткнуться на* (что-нибудь), *надеяться на* (кого-нибудь), *надежда на* (кого-ниб.), *заступаться за* (кого-ниб.), *отказаться от* (чего-ниб.), *приблизиться к* (чему-ниб.); *подрубить дерево под самый под корень; за ними за всеми разве уследишь?* и т. д., постольку [поскольку(?)] — И. Ф.] предложная синтагма является дополнительным определяющим. В других же случаях предложная синтагма сохраняет известную самостоятельность и только примыкает к другим словам в фразе. Напр., *Я не могу читать при лампе. Мы с братом учимся в педтехникуме.*

Предлоги могут быть сложными, напр. *из-за реки, из-под земли, по-над рекой, полушуточное для-ради праздника*; предложными речениями являются выражения *благодаря (вам), согласно с (распоряжением), вследствие (распоряжения)* и т. д.

§ 99. Союзы

Союзы это бесформенные слова или речения, устанавливающие (точнее сказать, мотивирующие, конкретизирующие) между членами фразы отношения сочинения и подчинения (см. §§ 32—34).

При сочинении соединяемые члены фразы представляются нам равноценными.— Напр., *Катя читает, а Ваня гуляет. Я приехал, но его*

уже не застал.— Для сочинения употребляются союзы *и, или, да, а, но, ни.*

При подчинении один из соединяемых членов фразы представляется нам более важным, значительным, главным, а другой — менее значительным, подчиненным.— Напр., *Я не пришел в класс* (главная часть), *потому что был болен* (подчиненная). Если соединяемые члены фразы являются предложениями, то одно называется главным, а подчиненные — придаточными.

Подчинительные союзы подразделяются на:

а) причинные: *так как, потому что, оттого что, вследствие того что, в силу того что* и т. д. Напр., *Спешите, так как уже поздно. Он опоздал, потому что вышел поздно из дому. Он опоздал потому, что поздно вышел.* Как мы уже отмечали (§ 35), народный язык (и даже литературный разговорный) избегает, где возможно, подчинения, напр., *Он опоздал: потому вышел поздно* (с ударением на *вышел*);

б) цели: *чтобы.*— Напр., *Он торопится кончить учение, чтобы скорее встать на ноги;*

в) следствия: *так что.*— Напр., *Он всю зиму проболел, так что ему трудно нагонять класс. Веди себя так, чтобы все было твоею довольны* (цель и следствие);

г) изъяснительные: *что, чтобы, будто, будто бы.*— Напр., *Опасение, что я вновь заболею, сильно тревожило мою мать. Никто не скажет, чтобы видел его за работой. Простой народ говорит, будто собаки воют к покойнику. Я сказал, что ничего не понял из его рассказа.*

е) пояснительные: *то есть, не то что, не то чтобы, именно, как-то.*— Напр., *Я уезжаю, то есть думаю уехать на будущей неделе;*

ж) условные: *если, если бы, кабы, коли, ли, раз, коль скоро.*— Напр., *Если вы хотите, я дам вам эту книгу. Раз это так, то рассуждать не приходится;*

з) уступительные: *хотя, несмотря на то что, пусть, даром что.*— Напр., *Хотя погода и хороша, но к вечеру будет дождь. Он прекрасно учится, несмотря на свое слабое здоровье (или несмотря на то, что здоровье у него слабое);*

и) сравнительные: *как, как будто, словно, будто, точно, что, чем, нежели.*— Напр., *Он работает как вол. Она всегда спешит, как будто куда-то торопится. Чем тут стоять, пойдем лучше пройдемся.*

и) временные: *когда, как, как только, меж тем как, с тех пор как, пока, едва, чуть, лишь, только что, прежде чем.*— Напр., *Когда будешь свободен, заходи ко мне. Я подожду, пока ты вернешься.*

Как видно из приведённых примеров, нередко союзу в придаточном соответствует союз в подчиняющем (*если..., то...; когда..., тогда...* и т. д.). Некоторые союзные предложения так и составлены, что разбиваются на две части — одну, относимую к подчиняющему члену фразы, а другую, относимую к подчинённому (*вследствие того, что*). Ср. что было сказано в §§ 26 и 34 о формальных значениях относительных слов, тоже относимых одновременно к двум членам.

Кроме союзного, бывает подчинение относительное, выражаемое относительными словами, т. е. вопросительно-относительными местоимениями.— Напр., *Зачем пойдешь, то и найдешь. Узнайте, откуда он приехал. Я получил книгу, которую вы мне послали.*

Бывают союзные слова, связывающие всю фразу в целом с предшествующим ходом мыслей и не служащие ни для сочинения, ни для подчинения.— Напр., *Итак, мы решили ехать за границу. Вот почему я позволяю себе беспокоить вас.*

§ 100. Частицы

Одни из частиц тесно примыкают к знаменательным словам и даже сливаются с ними (напр., *кое-кто, никто, некто*), другие остаются более свободными и могут даже перемещаться, так как придают известный оттенок значения всей фразе в целом (такова частица *будто бы* в фразе *А он живет будто бы все еще здесь*). Одни из частиц принадлежат к эмоциональному языку, другие к интеллектуальному.— Главнейшие ряды частиц следующие.

Отрицательные частицы: *ни, не, без.*— Напр. *никто, ничто, никакой, никогда, никак, некогда, нигде, некуда, некого, нечего, незачем* (употребляемые только в безличных оборотах); *неправда, нехороший, нехорошо; беззаботный, безделье, беспокойный.*

Частицы, придающие значение неопределённости: *-то, -либо, -нибудь, угодно, -кое; не-*.— Напр., *кто-то, что-то, какой-то, чей-то* (и т. д. от всех вопросит. местоимений); *кто-либо, когда-либо, где-либо* и т. д.; *кто-нибудь, чей-нибудь, как-нибудь* и т. д.; *что угодно, как угодно* и т. д.; *кое-что, кое-где* и т. д.— В книжном языке встречаем неопределённые местоимения *некто, нечто, некий, некогда* (= *когда-то*).

Усилительные частицы: *-ка; -то, даже, ведь, же, вот, еще* и т. д.— Напр., *Иди-ка сюда. Я-то его знаю, а вот знаете ли вы его. Ведь ты же понял ту задачу — поймешь и эту.* Усилительное *ни*; напр., *Сколько ни говорили; Куда ни кинь, везде клин.*

Вопросительные: *ли, разве, неужели* и т. д.— Напр. *Не знаю, увижу ли я вас. Неужели вы уезжаете?!*

Частицы, вносящие оттенок недоверчивости: *будто, будто бы, якобы, бы*. Подобные частицы употребляются, когда нужно выразить недоверие или сомнение по поводу передаваемых чужих утверждений.— Напр., *Поведился тут к нам один. Ходит и все рассказывает. Он будто на службе был. Да наклеветали будто на него* — и т. д.

Частицы, вводящие чужую речь: *де, дескать, мол, говорит.*

§ 101. Вводные слова

Вводные слова не являются собственно служебными словами. Они выражают мнение автора, его оговорку, его оценку, напоминание о том, что он цитирует чужие слова и т. д. Для этой роли употребляются как отдельные знаменательные слова, так и целые предложения, а также и частицы, вроде *де, дескать, мол, говорит, («грит»)* и т. д. Вводные слова не связаны грамматически с фразой, но, так сказать, вклиниваются в неё, что и передаётся особой интонацией «внесения» (см. § 35).— Чаще всего встречаются: *конечно, однако, ей-богу, слава богу («слаубоу»), вишь, знаешь, знать, кажется, по-видимому, я думаю, может быть, должно быть, будто, говорят, по моему мнению, право, пожалуйста, к несчастью* и т. д.— «Вводными» могут быть, как мы уже знаем, и целые предложения.

Глава IX

ЗВУКОВОЕ СТРОЕНИЕ РЕЧИ

§ 102. Звуковая сторона слова

Звуковое строение, иначе звуковая форма, слов бывает двух родов.

В одних словах мы усматриваем между значением и звуковой формой известную связь, напр., *жужжать*, *кукушка*, *бац! кукареку!* и т. д. В других случаях мы не находим никакой связи между звуковым строением слова и его значением, так, напр., предмет «лес» можно было бы назвать совсем по-иному, ибо сочетание звуков *л-е-с* простая этикетка (см. § 10).

Звукописующих слов больше всего среди междометий: *бац! хлоп!* и т. д., сюда же нужно отнести и такие звукоподражания как *мяу-мяу*, *ку-ку*, *тьфу!* и т. д. Среди служебных слов (предлогов, союзов и частиц), а также среди местоимённых и счётных — звукописующих слов, конечно, нет. У знаменательных слов звукописующим может быть только корень, а форманты и морфемы всех видов имеют звуковое строение немотивированное и наделены только дифференциальной значимостью (см. §§ 49, 50 и 47), напр., *жужж-ать*, *жужж-анье*, *жужж-елица*, *куковать*, *кук-ушка* и т. д.

§ 103. Роль звукописующих слов в речи

Эмоциональная речь, которая стремится живописать и вообще действовать на наше воображение, широко пользуется всякого рода выразительными, «экспрессивными» словами, в том числе и словами звукописующими (см §§ 10 и 11). Напр. —

— *Какой ты фуфлыга! У-у! Э-э!* — передразнивал Ежов медленную речь Фомы.

— *Эх ты, карамара.*

— *Бежит Сенька, юфают по ветру рукава и подол его рубахи.*

Интеллектуальная речь подобных звукописующих слов по возможности избегает, так как её задание — это как можно точнее определить,

а для этой цели лучше всего подходят слова-этикетки (см. §§ 10—13). Если в подобной речи и встречается слово сколько-нибудь живописующего характера, то говорящие воспринимают его как простое слово-этикетку. В эмоциональной речи наоборот: говорящие склонны усугублять звуковую мотивированность даже там, где ее обычно и нет. Ср. анекдот про мужика, который говорил: *Недаром бог назвал свинью «свиньей»: свинья и есть.*

§ 104. Звукоподражание

Звукописующие слова бывают двух родов. — Одни из них подражают характерным звукам, связывающимся в нашем представлении с тем предметом или действием, о котором идет речь; напр., *кукушка*, *бацнуть*, *бац! кукареку!* и т. д. Другие же никаким звукам не подражают, но их звуковое строение чем-то напоминает нам (особенно в эмоциональной речи) тот предмет или то действие, для которых они служат названием, таковы, напр., *карабкаться*, *кувыркком*, *спотыкаться*, *фефела*, *фуфлыга*, *карамофа*, даже слово *двигать* иногда нам представляется звукописующим, ср. загадку «Бегал, бегал куманёк, да *двиг* в уголок» (Веник).

Но если звукописующее слово и подражает каким-нибудь звукам, то воспроизводит оно их только очень приблизительно. Так, напр., жук производит своими крыльями некоторый шум, который мы звуками нашей речи обозначаем очень приблизительно как *жж...* Петух вовсе не «кричит» *кукареку* (напр., француз передает его крик через *cocorico*, а немец через *kikiriki*); кукушка не «поет» *ку-ку*; вода, вливающаяся в бутылку, не «говорит» *буль-буль-буль*. Это мы так переводим звуки и шумы внешнего мира на звуки нашей речи.

§ 105. Звуки речи

Звуки нашей речи отличаются от прочих звуков и шумов прежде всего тем, что они не являются собранием отдельных, изолированных и случайных звуков. Звуки нашей речи связаны в единую систему (фонологическая или фонетическая система), и далеко не всякий звук, который могут произвести органы нашего говорильного аппарата, входит в эту систему. Так, напр., мы можем приблизительно воспроизвести звук откупориваемой бутылки, но этот звук к звукам речи не относится; прищёлкивание языком может служить для выра-

жения чувства сожаления, однако это изолированный единичный случай употребления подобного звука, и в систему звуков речи он не входит; наконец, в произношении образованных классов встречаются иностранные слова, выговариваемые на иностранный лад, напр., *бюро*, *брошюра*, *pardon* и т. д.,—эти чужие звуки также не принадлежат к системе звуков русского языка.

§ 106. Звуковые законы

Когда мы говорим, что звуки речи образуют «систему», это значит, что они связаны между собою по определённым фонетическим законам, т. е. последовательность звуков, их сочетания, их смена и т. д. происходят в определённом порядке.

Важнейшие фонетические законы, действующие в современном русском языке, это—1) соотношение звонких и глухих согласных, 2) смягчение согласных и 3) редукция неудаемых гласных.

§ 107. Соотношение звонких и глухих

В словах *вбить* и *всадить* одна и та же приставка, изображенная на письме через «в», звучит по-разному: в первом случае—как *в*, а во втором—как *ф*, т. е. в первом случае перед нами звонкий согласный, а во втором—глухой. Почти каждый согласный имеет эти обе разновидности—звонкую и глухую.

Звонкие: *б, в, г, д, ж, з, л, м, н, р, ы, -, -, -, j.*

Глухие: *п, ф, к, т, ш, с, -, -, -, -, х, ц, ч, щ, -.*

Звонкие и глухие чередуются согласно следующим законам.

1. В конце слова перед паузой может находиться только глухой звук.—Напр., ср. *грибы* и *гриб* (= грип), *сады* и *сад* (= сат), *ножи* и *нож* (= нош) и т. д.

2. Перед глухим может находиться только глухой же.—Напр., ср. *вбить* и *всадить* (= фсадить), *гвозди* и *гвоздь* (= гвость), *грудь* и *грудь* (= грусть) и т. д.

3. Перед звонким (исключая *в*, а также *л, м, н, р* и *j*) может находиться только звонкий же.—Напр., ср. *стаци*

и *сбить* (= збить), *отпилить* и *отбить* (= адбить) и т. д. Но *свет*, *класс*, *отъезд* (= атъест) и т. д.

Примечание 1. Звонкий, соответствующий глухому *х*, не имеет особой буквы (в науке его изображают греческой буквой «*χ*») и обозначается через «*г*»; в литературном произношении звук этот встречается очень редко; напр. *бога* (ср. *бог* = «бох»), *господь*, *легко*, *всегда*, *где* и т. д.

Примечание 2. Звук *j*, обозначающийся на письме по-разному (*май*, *яма*, *ель*, *вьюга* и т. д.), тоже может слегка заглашаться (ср. *пойду* и *пойти*), но на письме это не отмечается. Звонкие *л, м, н, р* почти не заглашаются (хотя в «*Петр Петрович*» первое «*р*» глухое; *рубль* произносится «*руль*» и т. д.).

Примечание 3. Глухие *ц, ч* и *щ* переходят в звонкие в положении перед звонкими же, но подобное положение для *ц, ч* и *щ* чрезвычайно редко и бывает только при встрече слов; напр., *отец был* звучит «*атедзбыл*»; *дочь больна* звучит «*доджьбальна*» и т. д.

§ 108. Смягчение согласных

Конечный согласный в словах *кон* и *конь* звучит в первом случае твердо, во втором мягко. Почти все русские согласные имеют обе разновидности—твёрдую и мягкую, но степень смягчения бывает не одинаковая у всех согласных. Так, разница между твёрдым и мягким *л* нам представляется чрезвычайно значительной (ср. *мол* и *моль*), тогда как в некоторых индивидуальных произношениях мы почти не улавливаем смягчения *б* в *бью* или же, напротив, имеем одинаковую твёрдость или одинаковую и незначительную смягченность звука, как, напр., *в* в словах *въехать* и *вьюга*.—В науке смягчение согласных принято обозначать значком '.

Согласные *ж, ц* и *ш* всегда твёрдые: *рожь* произносится «рош»; *мышь* = «мышь». (Исключением является встречающееся (главным образом, в московском говоре) произношение *дождик* и *извозчик* как «дождик», «извошшик» с долгими и смягченными *ж* и *ш*.)

Согласные *ч* и *щ* всегда мягкие: *плач* произносится «плачь», *плащ* = «плащ».

Некоторые гласные могут сочетаться только с твёрдыми, другие только с мягкими предшествующими согласными.

а) Перед *ы* может находиться только твёрдый согласный.

б) Перед *и* может находиться только мягкий согласный.

Примечание 1. Можно рассматривать *ы* и *и*, как разновидности одного и того же гласного: они соотносительны и заменяют друг друга в зависимости от положения в речи. Напр., в *избу* произносится «вызбу», *с* + *играть* даёт *сыграть*. Поэтому хотя мы и пишем *жир*, *шить*, *цирк*, но произнести можем только «жыр», «шыть», «цырк».

с) Перед *е* может находиться только мягкий согласный, исключая *ж*, *ц* и *ш*.— Напр., ср. *дом* и *в доме* (= «вдом'е»); но *жена*, *шея* и т. д.

Примечание 2. В иностранных словах, сохраняющих чужеземное произношение, согласные не смягчаются; в подобных словах звук *е* нередко передаётся на письме буквой «э», напр., *Стэнли*, *Кондэ*, *пэр Франции*, *лорд-мэр*, *кафэ*, *резюмэ*.

Смягчённый согласный обыкновенно несколько смягчает и предшествующие согласные; напр., *вбить* (= в'б'ит'), *гвозди* (= гвоз'д'и), *смерть* (= с'м'ер'т').

§ 109. Редукция гласных

Сравнивая слова *дом* (дом), *домой* (= дамој) и *домовой* (д'мавој), мы замечаем, что гласный первого слога в этих родственных словах звучит по-разному. В первом случае это *о*, во втором *а*, в третьем же это глухой звук, отдалённо напоминающий *ы* и который мы условимся обозначать через $\wedge$. Подобное изменение гласного обусловлено его положением по отношению к ударению в слове и носит название **редукции гласных**, а глухой звук $\wedge$ называется редуцированным гласным.

Разные слоги артикулируются не с одинаковою силой, т. е. выговариваются не одинаково энергично; это особенно сказывается на гласных,—отсюда и явление редукции. Произнося ударяемые гласные, органы нашего говорильного аппарата работают более энергично, при произношении же неударяемых они делают меньшее усилие, находятся в положении несколько ослабленном. Можно приблизительно различать три степени интенсивности артикуляции. Обозначим их цифрами 3, 2 и 0. Напр.,

$\overset{0}{б} \overset{2}{а} \overset{3}{р} \overset{0}{а} \overset{0}{н} \overset{0}{о} \overset{0}{м}$

Наиболее интенсивна артикуляция гласного в ударяемом слоге—3; она несколько слабее в предударном—2; в прочих слогах она совсем слабая—0¹.

¹ Несколько усиливается она для начальной гласной слова (после паузы), напр., $\overset{1}{у} \overset{2}{к} \overset{3}{р} \overset{0}{ы} \overset{0}{в} \overset{0}{а} \overset{0}{т} \overset{0}{е} \overset{0}{л} \overset{0}{и}$.

В позиции 3, т. е. под ударением, могут быть **все** гласные.— Напр., *дом*, *вал*, *жар*, *час*, *пять* (= п'ат'), *яд* (= јат), *лес*, *мир*, *пыль*, *сук* и т. д.—даже редуцированный звук встречается, хотя и чрезвычайно редко, под ударением; так напр., в возгласе *Эх, чтоб тебя!* мы произносим второе слово «шт'п».

В позиции 2, т. е. в предударном слоге, не может быть *о*; прежнее *о* переходит в *а*, ср., напр., *дом* и *домá* (= дамá) или *домой* (= дамој); кроме того, после смягчённых согласных, а также после *ј*, *ж*, *ц* и *ш* не может находиться *а*, прежнее *а* в подобных случаях переходит в *е*²; ср. *час* и *часы* (= ч'есы), *пять* и *пятак* (= п'етак); *яд* и *яды* (= једы) [sic!], *жар* и *жары* (= жеры).

В позиции 0, т. е. в неударяемых слогах, могут находиться: $\wedge$ (редуцированный гласный), *и/ы*, тоже заглушённые, и *у*, также очень ослабленное. Редуцированный гласный после твёрдых согласных несколько напоминает *ы*, а после смягчённых и *ј* несколько приближается к *и*.— Напр., *домовой* (= д'мавој), *пяточок* (= п'тач'ок), *часовой* (ч'асавој), *ядовитый* (= ј'дав'итыј), *дымовой* (дымавој), *хорошо* (х'рашо), *барабаном* (б'рабан'м), *мировой* (= м'иравој), в *поле* (фпол'а), *ружья* (= руж'я), *укрыватели* (= укыват'а'и), *армячишко* (= ар'м'е-ч'ишк'а) и т. д.

Схема редукции гласных

Позиция 3	о а е	и/ы у
Позиция 2	а е	и/ы у
Позиция 0	$\wedge$	и/ы у

§ 110. Ассимиляция

Прочие фонетические законы имеют более частный характер и более узкое поле применения, но в то же время некоторые из них отличаются чрезвычайною сложностью. Здесь мы отметим только ассимиляцию (или уподобление) свистящих согласных шипящим.

² А в некоторых произношениях (в московском говоре особенно) в *и: часы* (= ч'исы), *пятак* (= п'итак).

Находясь перед шипящими, свистящие уподобляются им: так, *с+ж* или *з+ж* дают *жж* (т. е. долгое *ж*), напр., *сжечь* (= жжечь), *изжарить* (= ижжарить); *с+ш* дает *ши* (долгое *ш*), напр., *сшить* (= шшить); *с+ч* > *щ* (= ш'ч'), напр., *исчерпать* (= ищерпать) и т. д.

§ 111. Образование звуков речи

Звуки речи образуются деятельностью органов нашего говорильного аппарата.

Каждый звук речи складывается из четырёх моментов: 1) выдыхание, 2) артикуляция органов в полости рта, 3) вибрация (колебание) голосовых связок или отсутствие таковой и 4) наличие или отсутствие носового резонанса.

1. Выдыхание является постоянным моментом. Без выталкивания воздуха из лёгких не образуется ни одного звука русской речи.

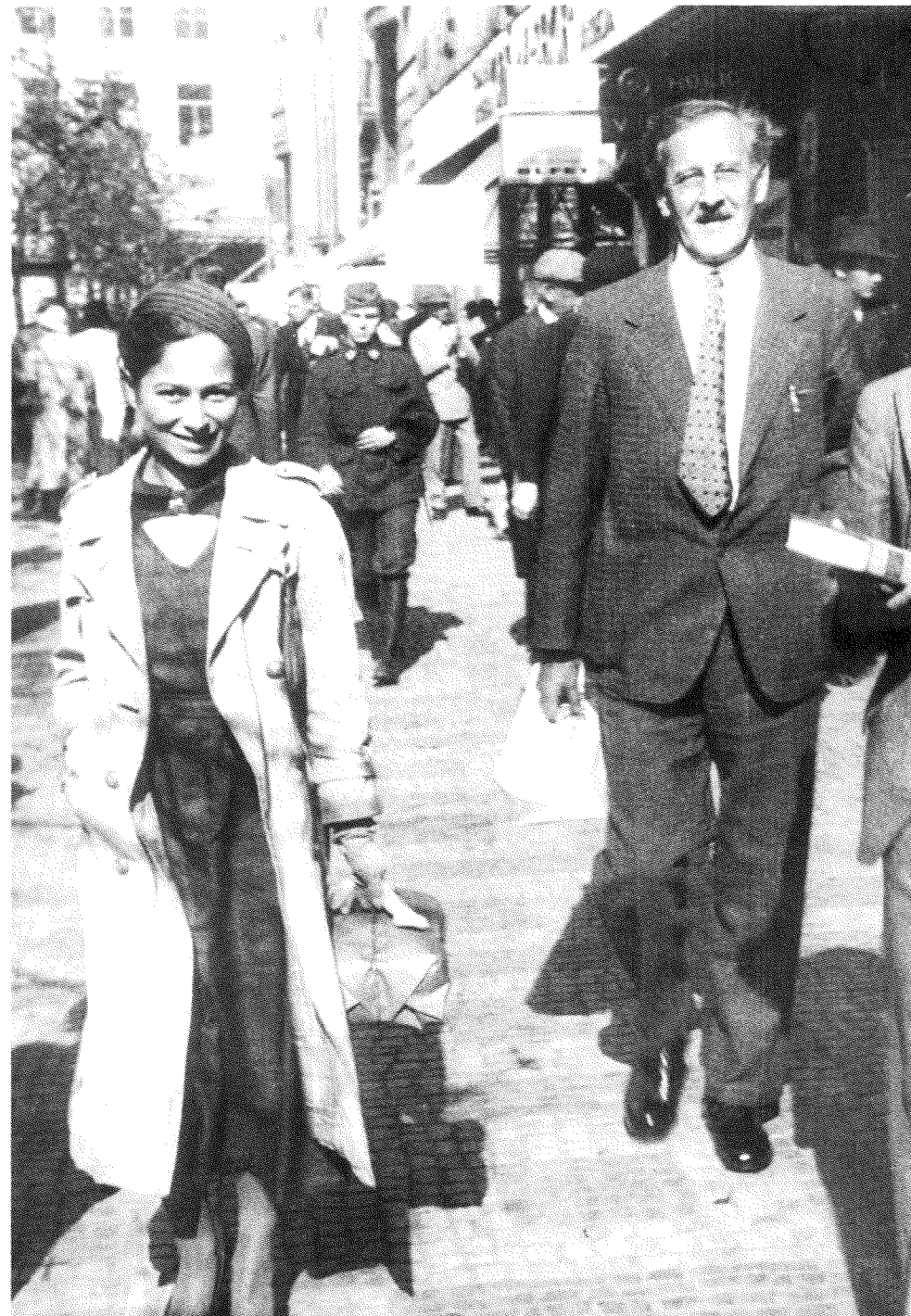
Примечание 1. Пощёлкивание языком для выражения сожаления (см. § 105) образуется без выдыхания, но этот звук не входит в состав русской фонологической системы.

2. Артикуляция, её характер, т. е. то, какими органами она производится и в каком пункте полости рта, является чрезвычайно важным моментом в различении звуков речи.

По артикуляции различаются: губные (**б, п, м**), губо-зубные (**в, ф**), зубные (**д, т, з, с, н**), нёбо-зубные (**ж, ш**), средненёбные (**й**), задненёбные (**г, к, ч, х**), язычные (**л, р**). Несколько менее важна артикуляция при образовании звуков **и, ы, е, а**, при произношении которых губы слегка растягиваются, и звуков **о и у**, для образования которых губы несколько округляются и вытягиваются вперед; наконец, звук **а** образуется очень малозаметным движением задней части языка в направлении к средней части нёба.

3. Вибрация голосовых связок наблюдается при образовании звонких **б, м, в, д, з, н, ж, й, г, ч, л, р** и так наз. «гласных»: **и, ы, е, а, о, у, а**. Если она отсутствует, получаются глухие звуки.

4. Носовой резонанс, образуемый направлением струи воздуха через носовую полость, наблюдается только при произношении **м и н**.

С. И. Карцевский с дочерью Светланой в Праге

§ 112. Классификация звуков

Но сближением каких бы органов ни образовывались звуки, необходимо различать степень этого сближения. Так, напр., сближение бывает полным при образовании **б** и **п**, органы (в данном случае — губы) смыкаются, и струя воздуха из лёгких как бы разрывает это смыкание. С другой стороны, при образовании **а** сближение органов (задней части языка и среднего нёба) минимально. Можно приблизительно различать семь степеней «раствора» органов в полости рта, от нуля (полное смыкание — **б**, **п**) до **а**, т. е. максимального раствора (звука **а**).

Располагая звуки русской речи по степени раствора органов при их образовании, получаем следующую классификацию.

0. Губные: **п**, **б**, (**м**).—Зубные: **т**, **д**, (**н**).—Задненёбные: **к**, **г**.

1. Губо-зубные: **ф**, **в**.—Зубные: **с**, **з**.—Нёбо-зубные: **ш**, **ж**.—Средненёбные: **й**.—Задненёбные: **х**, **у**.

2. Сюда, собственно говоря, относятся носовые: **м** и **н**, так как при полном смыкании органов в полости рта воздух из лёгких открывает-ся проход через полость носа.

3. Язычные: **л**, **р**.

4. Верхние (т. е. очень большого подъёма языка к нёбу). Передненёбный **и**.—Средненёбный **ы**.—Задненёбный **у**.

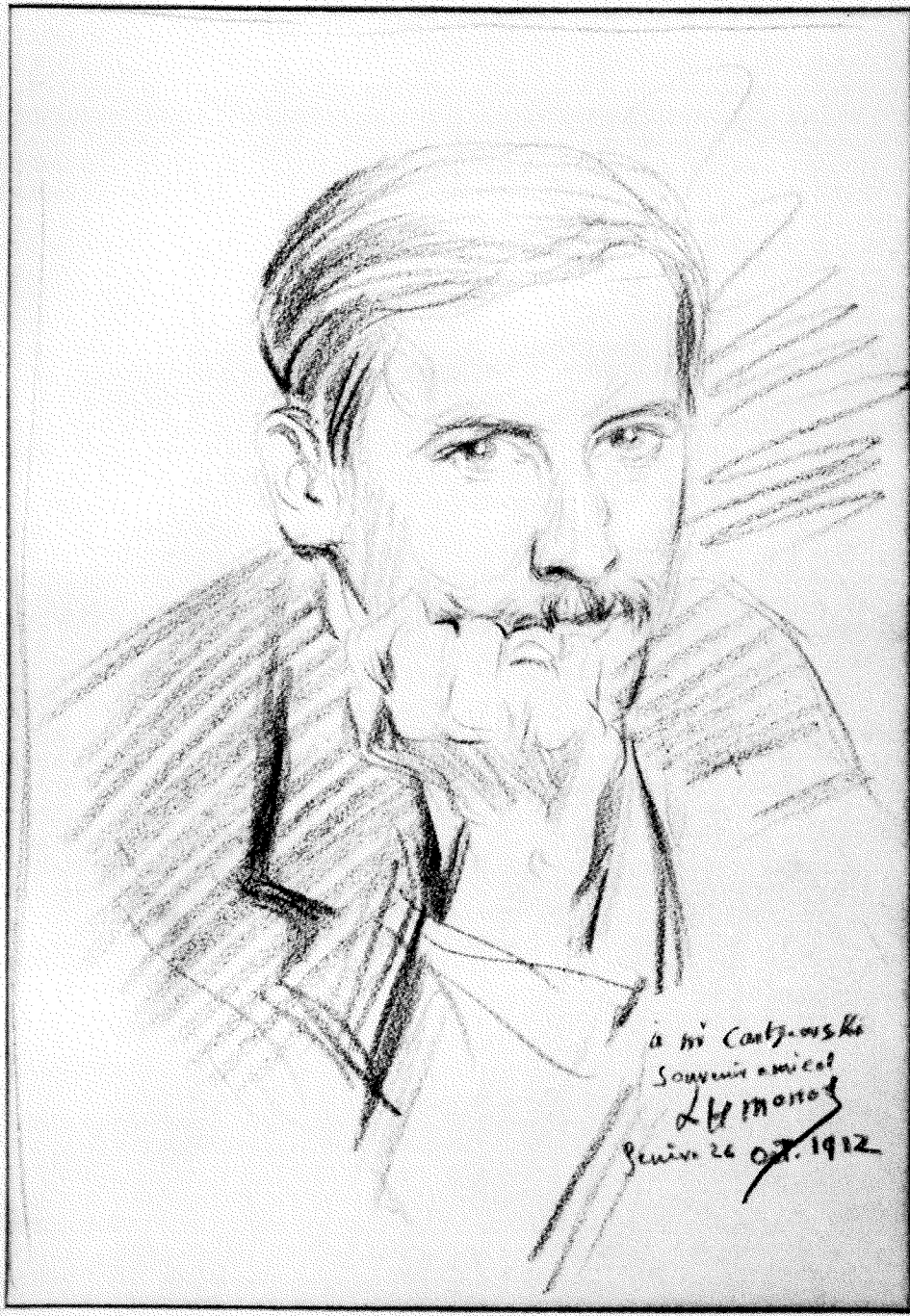
5. Средние (т. е. уже меньшего подъёма). Передненёбный **е**.—Средненёбный **э**.—Задненёбный **о**.

6. Нижние (т. е. наименьшего подъёма). Задненёбный **а**.

Примечание 2. Как бы ни был высок подъём языка при образовании последних трёх классов звуков, так наз. «гласных» (особенно в классе 4), сближение органов всё-таки гораздо меньше, следовательно «раствор» гораздо больше, чем при образовании звуков первых трёх классов, т. е. так называемых «согласных».—Класс 3 — «язычные» или «плавные» — занимает как раз промежуточное место между гласными и согласными.

Примечание 3. Звуки **ц**, **ч** и **щ** являются «слитными», т. е. образуются сложной двойной артикуляцией: **ц** = тс; **ч** = т'ш; **щ** = ш'ч'.

Не нужно забывать, что в речи звуки не встречаются изолированно, но всегда связаны в звуковую цепь и соседние звенья цепи влияют друг на друга. Так, напр., мы уже видели, что сочетания **с + ж > жж**, **с + ш > шш** или **ж + и > жи** и т. д. Разнесенные по классам и распределённые по клеточкам, звуки существуют только в теории, на практике

Сергей Иосифович Карцевский

(Портрет сделан Люсьеном Моно, отцом будущего лауреата Нобелевской премии Жака Моно в октябре 1912 г.)

же они постоянно передвигаются (напр., смягчение *х* в *хижина* передвигает этот звук в класс «средненёбных», так же передвигается *г* в *гибель*). В зависимости от того, в какой звуковой комбинации они встречаются, а также в разных говорах и в индивидуальных произношениях, видоизменение артикуляции может быть очень значительным.

§ 113. Фраза и слово

Мы видели (§ 111), что выдыхание есть непременно условие русских звуков речи. Рассматривая фразу с этой стороны, мы должны сказать, что она представляет собою струю воздуха, выталкиваемого из лёгких. В неторопливой речи за фразой естественно следует пауза, необходимая для того, чтобы можно было «перевести дух», т. е. набрать в лёгкие новый запас воздуха. Во время этой паузы органы говорильного аппарата бездействуют, находятся в состоянии покоя. В речи спешной пауз между фразами не выдерживают, по несколько фраз произносятся «за один дух». Тем не менее, между двумя соседними фразами органы говорильного аппарата приводятся в состояние покоя и интонация отмечает этот момент.—Внутри фразы могут быть нарочитые смысловые паузы, точнее—полупаузы (§§ 3 и 5). Но речь эмоциональная, взволнованная нарушает естественные границы фразы и всё высказывание превращает в ряд более или менее самостоятельных кусочков, выражающих чувства, а не мысль.

Полупаузы не служат для разделения фразы на слова. В речи слова не отделяются, но и не разрываются на части паузами. Они произносятся слитно. Поэтому малограмотные люди очень затрудняются, когда им приходится делить на письме речь на слова. В нашем сознании мы выделяем слова по смыслу, на основе формальных значений, которые позволяют различать части речи. Но эта операция предполагает развитую отвлечённую мысль. Кроме того, если слово нам незнакомо, мы затруднимся расчленив в нем семантическую и формальную стороны.

Вот несколько примеров того, как дети разграничивают незнакомые слова на письме. Не зная слова Валдай, ученик пишет под диктовку: «И колокольчик, дарвалдая, звенит уныло под дугой», полагая, что перед ним деепричастие от глагола «дарвалдать». В другом подобном случае написали: «На нем флюгеране шумят»; ученик, не знакомый со словом флюгер, решил, что речь идет о множ. числе от существитель-

ного «флюгеранин». Ещё один ученик, не вдумавшись в смысл диктуемого, написал «Дремлет под лепечки», по-видимому, представляя себе, что речь идет о чём-то вроде лепета, как, напр., можно сказать «дремлет под лепет, под жужжанье» и т. д.

§ 114. Фраза и слог

Струя воздуха, на которой покоится фраза, всё время «перехватывается» смыканием органов, артикулирующих звуки речи. В звуковой цепи чередуются звуки разных степеней раствора (см. § 112). От одного звука значительного раствора до следующего звука большей степени раствора (проще: от одной гласной до другой) струя воздуха перехватывается смыканием органов, артикулирующих звуки меньшей степени раствора (т. е. согласные). Таким образом звуковая цепь членится на *слоги*, от размыкания до ближайшего смыкания.

В полном слове количество слогов цельное; служебные же слова могут и не образовывать сами по себе слога, но сливаться с полными словами, напр., в *доме* (= вдо-ме), *ся > съ*: *взялась* (= взя-лась), *ли > ль*: *слыхали ль вы?* и т. д.

Слог складывается из четырёх моментов: а) длительность, б) высота или тон, в) интенсивность и г) тембр. Первые три могут изменяться количественно, т. е. быть больше или меньше, и слог может быть долгим или кратким, высоким или низким, ударным или безударным, всё в большей или меньшей степени. Тембр слога меняется качественно и зависит от того, какие органы говорильного аппарата принимают участие в его артикуляции.

Долгота и краткость слога в русском языке не имеют значимости вне эмоциональной речи: интеллектуальный смысл слова, его семантические или формальные значения не изменяются от различий в длительности слогов. Тон слога имеет значение также только в эмоциональной речи, в восклицаниях и в словечках, поскольку они становятся как бы самостоятельными фразами. Смотри по тому, как мы произнесём *ну*, мы выразим подбадривание, грубое понукание, недоверие (*ну-у?*) и т. д.; ср. произношение союза *и* и междометия *и*, напр., *иш...* *батюшка* и т. д. Но опять-таки в слове различия в тоне слогов не имеют интеллектуальной значимости.

Различия в интенсивности играют значительную роль и в смысловой стороне слова. В каждом слове есть один ударный слог (в состав-

ных бывает ещё и вторичное ударение, напр., *четырёхугольный*), вокруг него группируются прочие слоги, и слово связывается в единое звуковое целое. И мы знаем (см. § 109), насколько строение слова, состав его гласных звуков зависит от положения слогов по отношению к ударению. Перемещение ударения нередко служит подсобной морфемой и даже формантой, ср., напр., *замок* и *за́мок*, *узнаю* и *узнаю́*, *паруса* и *пару́са*, *кругом* и *круго́м* и т. д.

Но фраза наделяет слоги различной длительностью, тональностью, интенсивностью и, комбинируя эти различия с полупаузами, создаёт поверх слов ритмико-мелодическую фигуру, т. е. интонацию, играющую, как мы уже знаем, чрезвычайно важную роль в речи (см. §§ 3—5, 11—12, 32—35, 52, 62, 64, 82, 99—100).

Но все количественные особенности слога, его длительность, тональность и интенсивность, предполагают существование качественной стороны слога—его тембра.

§ 115. Слог и фонема

Как в музыке одна и та же нота, одной и той же длительности и интенсивности, «окрашивается», т. е. звучит по-разному, смотря по тому, каким инструментом она издана, так и основной характер слога зависит от того, какие органы нашего говорильного аппарата участвуют в его артикуляции. На этих различиях, воспринимаемых слухом, построены и смысловые различия в языке, т. е. прежде всего внутри слова: различие разнообразных значений, которые образуют слово и которыми слова разнятся друг от друга.

Но не все артикуляционные различия внутри слышимого слога доходят до нашего сознания. Так, напр., в слове *шесть* звук *e* «открытый», а в слове *шесть* он «закрытый». В некоторых языках это различие играет смысловую роль³, у нас нет, и эти слова различаются не своими *e*, а твёрдостью *ст* в первом и мягкостью *с'т'* во втором. Звуковые единицы, играющие в данной фонологической системе различительную роль, называются *фонемами*. Твёрдость и мягкость согласной—это фонемы, а, напр., различие *и/ы* не фонема, так как это одна и та же фонема *и*, только в разных условиях: после мягкой или после твёрдой согласной, отдельного *ы*, вроде *и* союза или междометия, в русском языке нет.

³ Так, напр., французское слово *grés* (лужайка) отличается от *grès* (возле) именно тем, что в первом *e* закрытое, во втором—открытое.

Таким образом, для нашего языкового сознания слог распадается на фонемы, т. е. такие звуковые единицы, которые играют смысловую дифференциальную роль в словах. Отметим попутно, что внутри слога все фонемы, образующие его, не являются равноценными. Длительность, тональность и интенсивность слога опираются на фонему наибольшего раствора и, напр., их не может иметь *б* или *т*, фонемы нулевого раствора. Эта «звучащая» точка слога называется *сонантой*, в отличие от «консонанта», т. е. фонем, не несущих вовсе или несущих в меньшей степени количественные особенности данного слога. Понятно, что в роли сонанта выступают обычно гласные (раствор 4, 5, 6), реже плавные *л*, *р* (раствор 3), но могут выступить и носовые *м*, *н* (раствор 2); а быть длительными, но не сонантами могут и *ф*, *в*, *с*, *з*, *ш*, *ж*, *х*, *γ* (раствор 1). Так, напр., в *мариванна* (Мария Ивановна) *н* является сонантой и образует сам по себе слог «ма-ри-ва-н-на»; в чешском слове *vlk* (волк) *л* будет тоже сонантой, и т. д.

сброшенном рабстве и т. д. и т. д. К письменной речи этот язык натуральных знаков не имеет никакого отношения.

Глава X

ПИСЬМО И ОРФОГРАФИЯ

§ 116. Письмо идеографическое

Письменная передача речи может идти двумя путями: пишущие будут стремиться передать при помощи графических (начертательных) знаков самую мысль, т. е. смысловую сторону речи, независимо от её звуков, или же именно эту звуковую сторону. Письмо первого рода называется идеографическим, второе можно назвать звуковым или, точнее, фонологическим.

Если нужно обозначить лес, можно нарисовать несколько деревьев; вместо солнца можно изобразить кружок и лучи вокруг; пожимающие одна другую руки будут обозначать дружбу, а расставленные ноги — ходьбу и т. д. Так передавать можно, конечно, лишь самые несложные мысли, опирающиеся на конкретные представления. Для отвлечённой мысли годятся только условные знаки. Подобного рода письмо было в ходу у египтян. Однако чем дальше развивалась их культура, тем больше к подобным рисункам примешивалось условных знаков для выражения отвлечённых понятий и отношений между понятиями. В то же время и самые рисунки становились всё схематичнее и условнее, так как ведь нельзя допускать, чтобы каждый изображал лес, дружбу и т. п. по-своему, как ему кажется лучше, тогда стало бы невозможным понимать друг друга.

Всякое письмо, поскольку оно обслуживает общество, т. е. людей разных, должно пользоваться знаками обязательными и равнозначными для всех, т. е. условными. Знаки «натуральные», мотивированные, всегда будут более или менее субъективными (см. § 10), и каждый будет понимать их по-своему; необходимы знаки-этикетки.

В современной жизни «натуральным» графическим знакам принадлежит очень малая роль. Это почти исключительно рисунки реклам, вывесок: часы = часовой магазин, указательный палец = вход; крестик перед собственным именем означает, что лицо это умерло; разорванные цепи, изображенные на каком-нибудь плакате, напоминают о

§ 117. Письмо фонологическое

Изобразить звук, конечно, нельзя, и фонологическое письмо всегда условно. Его задание в том, чтобы каждому смысловому различию, сопровождающемуся различием звуковым, отвечало бы и письменное различие. Такое письмо стремится, следовательно, передавать не звуки, а фонемы, т. е. звуковые различия, имеющие смысловое значение. Весь вопрос в том, что в данном языке является фонемой.

В китайском языке каждое слово имеет свой особый и очень замысловатый знак. Знаков этих чрезвычайно много, и образованный человек должен знать их до 40.000. Каждое слово состоит из одного слога. Китайские слова не спрягаются и не склоняются. Формальными элементами (см. § 27) служит порядок слов в фразе, а также особые «пустые слова», вроде наших служебных слов, — носители формальных значений. Очень большую роль играет тональность слога; различается до четырёх тонов, и с изменением тона меняется и смысл слова. Таким образом, отдельный звук (китайские слоги состоят из двух или трёх звуков) в китайском языке не служит фонемой, тогда как слог, напротив, является различительной единицей и смысловой и звуковой.

Иного рода письмо у семитов (древних евреев, арабов): пишутся только согласные в слове, вроде, напр., *кпт* (вместо «купить», «окупить», «купите» и т. д.). В этих языках корень и тема совпадают (см. §§ 47—50) в том смысле, что во всех словах одной семьи и во всех формах этих слов согласные остаются неизменяемыми и у каждой семьи своя группа согласных (их обыкновенно три), а формальные и классные семантические значения различаются благодаря вставляемым гласным. Ср. (конечно, очень приблизительно) *купит, окупит, купите* и т. д.; причём у нас возможны и *копит, и кипит, и копыто*, т. е. слова совсем других семей, в семитических же нет. Таким образом, здесь прежде всего противопоставляются согласные гласным, затем группа согласных, представляющая корень всей семьи и всех форм её слов, будет вместе с тем и единицей смысловой и звуковой.

Древние греки создали азбучное письмо, которое и распространилось почти по всему миру. В греческом, как и в других индоевропейских языках, фонемой, т. е. различительной единицей, является не

слог, а элементы его тембра,—отдельные звуки и их разновидности. Каждый знак азбуки—буква—должен в идеале соответствовать отдельной фонеме, и, следовательно, каждая фонема должна иметь свой письменный знак—букву.

§ 118. Русская орфография

Единицами русского письма являются буквы, и на письме слово состоит из букв. Однако полного соответствия между буквами и фонемами нет.

В словах *стол* и *вода* буква *о* соответствует двум разным фонемам (стол, вада); в слове *я* одной буквой передано две фонемы (ја), а в словах *яма* и *няня* та же самая буква имеет три различных значения (ја^А, н'ан'^А). Напротив, в словах *лук* и *люк* фонема «у» (лук, л'ук) обозначена двумя разными буквами, а различные «л» (твёрдое и мягкое) имеют один и тот же знак; наконец, отличие мягкого «л» в *моль* от твёрдого в *мол* передано добавочною буквою *ь*.

Существует, следовательно, ряд правил, устанавливающих соотношения между буквами алфавита и фонемами. Эти правила составляют то, что называется правописанием или орфографией.

Главные особенности русской орфографии заключаются в непрямом обозначении смягчения согласных и в разнообразных способах обозначения фонемы «ј». В том и другом случае наше письмо является в значительной степени слоговым. Третья особенность русской орфографии в том, что она имеет морфологический характер и не считается с изменениями звуковой стороны слова под влиянием законов редукации гласных, чередования звонких и глухих и ассимиляции свистящих.

Но не нужно забывать самого важного принципа всякого письма. Написанное читается г л а з а м и. Письмо не задаётся целью указывать и точно передавать произношение. Письмо хорошо тогда, когда читающий сразу, с первых же букв понимает слово, не произнося его.

§ 119. Смягчение согласных на письме

Если бы смягчение согласных имело характер механический, т. е. происходило бы исключительно под влиянием последующего звука, то оно не имело бы и смысловой значимости. Тогда его незачем было

бы отмечать, как, напр., мы не отмечаем мягкость *н* в *несу*, так как перед *е* согласный всегда смягчается (см. § 108). По тем же причинам мы не отмечаем, что в словах *шесть*, *пять*, *конь* гласный закрытый (см. § 115): все гласные в нашем произношении закрываются перед мягкой согласной, смысловой значимости этот факт не имеет.

Если бы только одна какая-нибудь согласная встречалась и в твердом и в мягком виде, можно было бы создать два особых знака. Если же все согласные имеют обе разновидности, достаточно иметь один знак, напр., для твёрдой разновидности, и обозначать смягчение, видоизменяя знак. Но в русском языке различаются разные случаи и разные степени смягчения. Механическое смягчение перед мягкою же согласной или перед *ј* значимости не имеет, а потому не всегда и ощущается, так, напр., слово *смерть* произносят и «с'м'ер'т'», и «см'ер'т'», тоже *бью*, *въехать*. Обозначать подобное смягчение и невозможно и не к чему. Вот почему русское письмо передаёт смягчение согласных очень сложными и притом косвенными способами и то только там, где оно имеет смысловую значимость или где оно очень сильно сказывается в произношении.

На конце слова, после мягкой согласной ставится *ь*, напр., *руль*, *конь*, *рать* (ср. *стул*, *закон*, *кот*).— Но после *ч* и *щ* в словах мужского рода *ь* не пишется, напр.: *калач*, *горяч*, *товарищ*, *могущ*; напротив, в именит. падеже существительных женск. рода *ь* пишется обязательно и после *ж* и *ш*, напр., *рожь*, *мышь*; точно так же во 2-м лице ед. ч. в спряжении *говоришь*, *несешь*.

Перед гласными смягчение согласного обозначается косвенным путем, а именно особым написанием гласной буквы: вместо *а*, *о*, *у*, *э*, *ы* пишутся *я*, *ё*, *ю*, *е*, *и*. Напр., *наша няня*; *нос*, *нёс*; *стук*, *тюк*; *тын*, *тина*; *мэр*, *мера*.— Но орфографический обычай требует, чтобы после *ч* и *щ* всегда писались *а* и *у*, напр. *чаща*, *чудо*, *щука*; после *ж* и *ш* очень часто пишут *ё* вместо *о*, напр. *жёлтый*, *пошёл*, после *ч* иногда пишется *о*, напр., *чорт*, *чолка*; после *ж* и *ш* всегда пишут *и*, напр., *жиф*, *ширь*; *э* пишется только в некоторых иностранных словах, чаще пишут *е*, напр., *тембр* (вместо *тэмбр*); в русских словах согласная перед *е* всегда смягчается, кроме *ж* и *ш*, однако орфографический обычай требует, чтобы и здесь писалось *е*, напр., *жесть*, *шесть*.— Буква *ё*, к сожалению, редко употребляется, и обыкновенно предпочитают писать *нес*, *чёрный*, *пошел*, *жёлтый*, *все* (т. е. *все* и *всё*) и т. д.

Перед согласным мягким смягчение обозначается только для *л* при помощи *ь*, напр., *мельник*; перед твёрдым согласным мо-

гут смягчаться только *н, л и р*, что и обозначается *ь*, напр.: *Колька, горько, конькобежец*.

§ 120. Написание *ј*

В конце слога пишется *й*, напр., *чай, чайка, койка, чуйка, Вий*.

В начале слога, после гласного. Перед *е* не пишется, но буква *е* тогда обозначает слог «*је*», напр., *ель, приехать*; то же перед *и*, напр., *поить, бои*, но в начале слова перед *и* звук *ј* бывает только в народных говорах (*их=јих, им=јим* и т. д.). Перед *а, о, у* обозначается написанием вместо этих букв *я, ё и ю*, напр.: *яма, пояс, елка, поёт; юла, поют*.

После согласного *перед гласным*. Правописание гласного остается, как это только что было указано, т. е. *я, ё, ю*, но, кроме того, чтобы избежать чтения согласного как мягкий + гласный, обозначается и *ј*: после префиксов пишется *ь*, напр., *подъезд, подъячий, съюлить*, в простых же словах пишут *ь*, напр., *вьюга, пьёт, пьяный* (ср. *съел и сел*).

Примечание. Отметим, что русских слов, начинающихся со звука *е*, всего несколько: *эх, эй, этот, так, такий*; они пишутся через *э*, буква же *е* в начале слова или слога означает или слог *је* (*ель, поест*) или же звук *е* с предшествующим смягчением; все прочие слова с буквой *э* иностранные, напр., *экипаж, мэтр, дуэль, поэзия*. По поводу последних двух слов нужно заметить, что в русском языке два гласных рядом встречаются очень редко: *ау, паук, баушка* (народном вместо *бабушка*), а слова вроде *аул, баул, фраут, дуэль, поэзия, поэт* — все заимствованные.

§ 121. Морфологическая орфография

Как мы уже отметили в § 118, орфография вовсе не ставит себе задачей передавать произношение. Произношение, т. е. артикуляция звуков, всегда до известной степени индивидуальна. Один произносит *т* (твёрдое) и *т'* (мягкое) иначе, чем другой и т. д. Если бы на письме нужно было передавать произношение, то пришлось бы, как это и делает фонетическая транскрипция, т. е. научная звуковая запись речи, изобретать массу значков, чтобы отмечать все индивидуальные особенности произношения¹. Такое письмо не могло бы, конечно,

¹ Так, напр., учёные употребляют до 120 знаков только для русских гласных звуков.

выполнять своей социальной роли, т. е. служить для всего общества. Важно не то, как Иван или Пётр произносят *т* или *т'*, а то, что они различают твёрдое *т* от мягкого как связанные со смысловым различием. Эти различия и должна передавать орфография, приспособляя знаки алфавита к фонемам.

Поэтому орфография и произношение никогда не могут вполне совпадать.

Письмо существует для глаза. Слова должны быть понятны при первом же взгляде на их начальные буквы. Умение читать глазами требует известной подготовки. Когда учатся грамоте взрослые, то им трудно даётся чтение «про себя», т. е. глазами, им нужно обязательно если не произносить громко, то, по крайней мере, двигать губами и языком, беззвучно артикулировать, чтобы понимать. Для быстрого понимания слов глазами нельзя писать слова так, как они произносятся.

Редукция гласных, заглушение звонких и озвончение глухих, ассимиляция свистящих шипящим (см. §§ 107, 109 и 110) изменяют звуковую сторону отдельных слов одной и той же семьи и одного и того же слова в его разных формах. Глазом мы не поймем сразу, что «*д^амавој*» опирается на *дом* и что «*грус'т'*» это *груздь*, а не *грусть*, что «*уч^аицца*» это *учиться*, а не *учится* и т. д. В живом языке мы говорим фразами; интонация, ударения, жест, ситуация — всё пополняет и уточняет смысл каждого слова. На письме всего этого нет, слово становится более самостоятельным (взять хотя бы заглавия, подписи и т. п.) и должно пониматься более или менее независимо от других слов.

Поэтому орфография должна поддерживать на письме зрительное единство слова во всех его формах и зрительное единство семьи слов, и, наконец, зрительное единство типа словоизменения. Мы пишем *дуб* (а не *дуп*), потому что во всех других падежах будет *дуба, дубу* и т. д., по тем же причинам пишем *лев*, а не «*леф*»; поддерживая единство типа словоизменения, пишем безударные окончания *старого, старому* так же, как и ударные *молодого, молодому*; ср. также *дома, дому*, потому что *столá, столу; окна*, потому что *делá*; пишем одинаково и *спалить*, и *сбить*, и *сжать*, приняв раз навсегда, что эта приставка пишется через *с*; наконец, поддерживая зрительное единство семьи, пишем *о* во всех членах семьи, образуемой от *дом > домá, домово́й, домо́й, домовнича́ть* и т. д. и т. д.

Русская орфография охраняет морфологический принцип, т. е. стремится писать производные по основному слову, одну и ту же фор-

манту — по одному образцу для всех случаев, флексии — по ударяемому типу, не считаясь с фонологическими законами, изменяющими звуковую сторону слова.

§ 122. Изменение орфографии

Таким образом расхождение орфографии с произношением неизбежно. Звучащий язык изменяется, и нередко бывает так, что поколение детей произносит многое не так, как в то же самое время произносит поколение отцов. Так, напр., теперешние взрослые москвичи говорят «чисы», «рика», «питак», а их отцы говорили и продолжают говорить «чесы», «река», «петак»; орфография же знает только *часы, река, питак*. Орфография консервативна, она подчеркивает на письме то, чего уже нет в звучащем языке, и многие из её правил сохранились от старых времен, иногда очень древних. Орфография условна, но мы уже знаем, что все языковые знаки мысли — слова, форманты, морфемы — условны и что только потому они и могут иметь общеобязательный характер.

Каждый из нас не властен менять орфографию по своему произволу: его не поймут читающие, а сверх того, сочтут чудаком или безграмотным. Каждый должен писать «как все», точно так же, как каждый должен говорить «как все». В живой речи «дают тон», создают норму, которой прочие стремятся подражать, образованные люди, литература, театр, ораторы. В письме же орфографическую норму создаёт высшее учёное учреждение — Академия наук. Она охраняет существующее правописание, она же видоизменяет его, когда оно чересчур расходится со звучащим языком, отменяет устаревшие стеснительные правила и вводит новые. Словом, Академия охраняет письмо как социальное установление, призванное служить для всех членов общества.

Каждый из нас может не соглашаться с существующим правописанием. Так, напр., нет никакой необходимости писать по-разному в словах *вьюга* и *въехать*. Можно было бы писать одинаково *вьюга, въехать* или, что было бы лучше, *вьюга, въехать*. Однако сами менять орфографию мы не можем, а должны подчиняться авторитету Академии наук, которая время от времени пересматривает орфографические правила.

II

РАБОТЫ ПО ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

РУССКИЙ ЯЗЫК И РЕВОЛЮЦИЯ*

Уже 1905 год оставил после себя некоторое лингвистическое наследие в виде целого ряда слов, частью новых, частью мало известных, которые в ту пору проникли во все углы России и в самые широкие слои населения.

Слова эти были, главным образом, политические термины, появившиеся для обозначения новых политических явлений — партий, партийных органов и лозунгов думской деятельности. Многие из этих слов остались и до сих пор: ка-де, эсер, эсдек, большевик, меньшевик, ц-к., т. е. центральный комитет партии, комитетчик, партиец; черная сотня и все его производные.

Затем — штрейкбрехер, митинг, экс, т. е. экспроприация, и его зловещий отголосок «смертник». Выступавшие на митингах ораторы превращались в «орателей», а то и просто в «кукурешников», а их летняя каскетка или кепка (кепи) — зимой все революционеры были в папахах — назывались в рабочих кругах «заклепка». Кое-какие из этих созданий 1905 года уже позабыты, но ещё понятны, а есть и такие, которые ничего уже не говорят современному сознанию, такова, напр., «массовка», т. е. значительное по количеству тайное собрание рабочих, или всеми забытая партия «трёх покоев», П.П.П., иначе партия правового порядка, или «Гурка», съевшая вместе с Лидвалем русский хлеб.

С тех пор мы пережили грандиозные события — война, революция, большевизм, гражданская война — всё это неминуемо должно было оставить свои следы и на русском языке. Должны были возникнуть новые слова для новых понятий, вызванных к жизни новой обстановкой войны и последовавшей политико-социальной разрухи. Интересно и поучительно обследовать, какие изменения произошли в эпоху 1914—1920 гг.

Этой задаче посвящена недавно вышедшая книга «Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918)», принадлежащая перу профессора А. Мазон'а, известного слависта, автора выдающихся тру-

* Печатается по: *Общее дело*. 8 февраля 1921 г. № 208.

дов о Гончарове и о русском глаголе. Профессор Мазон был в России во время войны, был арестован большевиками и провёл полгода в Бутырках; всё это время он наблюдал, отмечал языковые изменения и, вернувшись во Францию, систематизировал собранный материал. Скромное заглавие скрывает значительное, даже богатое содержание. Переворачивая страницы, вы пробегаете знакомые слова, отголоски и современники пережитых событий, с которыми связано столько переживаний, иногда одиозных, иногда таких, которые наполняют сердце скорбной гордостью. Перед нами проходят годы войны, фронт, тыл, Государственная дума, распутинство, революция, «мир без аннексий и контрибуций», совдеп, керениада, кронштадтцы, «краса и гордость революции», большевистское восстание, Брест-Литовск, скоропадчина, корниловцы, денкинецы, совдепия, колчакизм, нет только в книге врангелиады.

Каждое слово ещё живо трепещет и отзывается той атмосферой, в которой зародилось. Вот Либердан, «подхалимный танец» для «пролеткультских танцулек», вот «учредиловка» и «селянский министр»; «керенки», «у ей керенки есть в чулке», поэт А. Блок; красногвардейцы, красноармейцы, «мешочники» забивают теплушки «Максима Горького»; приближается «похабный» Брест-Литовский мир и железнодорожники «викжелают», викжелают и интеллигенты «саботанты» прежде чем спекулировать и перейти на «советскую службу». «Обер-знахарь» Вильсон едет в Европу бороться с большевистской эпидемией, которая грозит «советизировать» всю «империалистическую» «Антанту». «Убеждатель» Керенский «главноугваривает».

Зарождается «самостийность», «скоропадчина», «хлеборобы»; на юге собираются «белогвардейские банды» «золотопогонников»; в каждой деревне они стараются «мобилизовать» лошадей и молодёжь. «Денкинецы» и «Колчакизы» теснят «рабоче-крестьянское» правительство. «Комиссародержавие», «ВЧК», «самогон», «стенка», «чертова коробка», «в конверт и на почту», «комбеды», «комуниры», «хамовозы» и т. д. и т. д.

Нет возможности перечислить и десятой доли тех слов и выражений, что связаны с переживаемой нами эпохой и что приводится в книге профессора Мазон'а. Многие из них скоро забудутся и останутся достоянием истории и историков; иные рождаются вновь, и нет возможности все их зафиксировать. Вот некоторые из слов, которые мы не находим в книге профессора Мазон'а и которые было бы, пожалуй, интересно зарегистрировать.

Рядом с «самогон» существует «самосидка», то есть вино, высиживаемое дома. Среди сокращений типа Нарком, Совдеп и т. д. можно упомянуть насмешливое: Компоморде, т. е. комиссар по морским делам; имя наркомздрава, д-ра Семашко, распространявшего афиши и брошюры о необходимости бороться с паразитами: вшами, клопами и т. д., породило «семашку»: «смотри, семашка ползёт!» Среди слов, рождённых войной, наряду с «чемоданами» следует упомянуть «стаканы». Новым сравнительно словом, возникшим вместе с распространением марксизма, является «классовой», которого нет в словаре Даля. Так как *Lexique* отмечает некоторые слова эпохи 1905 года, то к ним можно присоединить прилагательное «твёрдокаменный», т. е. политически непримиримый.

Выводы, к которым приходит автор, с которыми нельзя не согласиться, говорят о том, что ни война, ни большевики не затронули своим влиянием основ языка, т. е. его грамматики. Все новшества сводятся к новым словам, образованным либо от старых русских корней, либо заимствованных с иностранных языков. Заимствования эти производились большей частью у немцев, что и понятно, ввиду того что главари большевизма являются большей частью выучениками Маркса и немецкой социал-демократии, да и приехали в немецких вагонах. Так, с немецкого заимствованы *паритет*, *предпарламент*, *государственный аппарат*, *партейтаг*, *цузамменбрух*, *штрейкбрехер* и т. д.

Языковым вкусом г-да большевики и их литераторы далеко не отличаются. Вот несколько примеров, приводимых проф. Мазон'ом: *революция есть локомотив (!) истории, религия есть опиум для народа*, вместо — религия народу опиум. Или такое милое выражение как «я хочу свистеть на это» (*ich vill darauf pfeiffen*).— Но ещё до большевиков вместе с беженцами из западного края явилось знаменитое «извиняюсь» и расплодилось по всей «залузганной» России вплоть до «Хамбурга», то есть Петрограда. Русское общество склонно думать, что большевики испортили в корень наш язык. Но проф. Мазон доказывает нам, что для таких страхов нет совершенно оснований.— Помилуйте, возражают мне, а как же большевистская орфография! Но орфография не есть язык. Затем новая орфография не большевистская, а академическая, и была разработана академией уже двадцать лет тому назад и проведена Временным правительством. А в-третьих, пора нам перейти на новую орфографию. Ведь это тоже одно из «завоеваний революции». Но об этом в другой раз.

ХАЛТУРА*

Большевистское лихолетье оставит после себя немалое языковое наследство, хотя бы в виде тысяч новых слов, возникших в русском языке за последние годы. Обновление словаря шло самыми разнообразными путями. Заимствовались чужеземные слова: антанта, директория, аннексия, дезаннексия, категория, контрибуция, коалиция, коммуна, самостийность и т. д. и т. д.

Переосмысливались по-новому прежние слова и выражения: **мешочник**, **социалист**, **комиссар**, **буржуйка** (маленькая печка), **паёк**, **разменять** (убить), **операция** (обыск, арест), **шкурник** и т. д. Слова подвергались ампутации, создавались сокращения: Р.С.Ф.С.Р., Ч.К., Викжель (Всеросс. И. К. ж.-д.), бесчисленные главки, центры, комы, наркомы и т. д., и т. д. А от этих новых основных слов производились возможные производные: мешочничать, опайковаться, сбончить («сбрендить», сказать глупость),— от имени комиссара Бонч-Бруевич, коллонтаить (развратничать)— от имени комиссарши Коллонтай.

Те области национального быта, которые всего больше пострадали от хозяйничания большевиков и от гражданской войны и где разруха, ломка, переустройство достигли своего апогея, оказались более богатыми и в отношении словотворчества.— Достаточно, например, вспомнить, сколько наименований и переименований существует для денежных бумажных знаков (см. R. Jakobson, «Vliv revoluce na guský jazyk», статья в *Nove Atheneum*, Praha, 1921): постепенно исчезали царские деньги— *синенькия*, *красенькия*, *радужные*, *катеньки* и их место заступали *думки*, *кефенки*, *ленинки*, *интернационалки*, *китайки*, «ходя», «жидки», *пятакоские деньги*; а у антибольшевиков *ленточки* (Добр. Армии), *крылатки* (армии Юденича), *колокольчики* или *франгелевки*; на Дальнем Востоке колчаковские деньги назывались *фазанчиками*. У московских извозчиков рублик означало сотенный билет (теперь означает тысячный), а десять рублей назывались **гривенник**. В Крыму миллион назывался «лимон» и т. д.

* Печатается по: *Последние новости*. 3 февраля 1922 г. № 553 (второй год издания).

Напомним также, что переименование на новый лад государственного административного аппарата потребовало бы страшной ломки и в соответствующей терминологии, но тут пришлось кстати мания сокращений, которая с фронта проникла и в тыл. Учреждения переименовывались в **главки**, **хозы**, **центры**, **комы** и стали именоваться по начальным слогам или буквам, и таким образом старорежимное Главное Военно-Инженерное Управление, Главное Артиллерийское Управление и т. п. превратились в ГВИУ, ГАУ и приобрели «революционный» «рабоче-крестьянский» вид...

* * *

Но, несмотря на массу новых слов, возникших для обозначения новых понятий, одно из явлений советской жизни, на наш взгляд самое главное явление эпохи лихолетья, продолжало оставаться без особого обозначения. Мы говорим о **труде**, «о том переосмыслении», о той «переоценке», которым подверглись во всей России понятия *труда*, *работы* и вообще *деятельности*.

Новый режим диктатуры пролетариата был прежде всего понят как право на отдых, на «буржуйное» существование для прежних трудящихся и переложение ига труда на плечи бывших господ. Иначе какой же это социализм, что за диктатура пролетариата, когда нужно по-прежнему трудиться, как во времена господства буржуазии. И большевики должны были пойти по линии наименьшего сопротивления: армия уходила с фронта, распродавая военное добро; крестьяне захватывали и истребляли помещичье добро; в городах шли реквизиции «буржуазных» фабрик, домов, квартир, обстановки, одежды. В продолжение первых лет вся страна жила за счёт запасов, унаследованных от прошлого, мало помышляя об организации производства и наслаждаясь издевательствами над буржуями. Когда большевики опомнились и попытались организовать производство— было поздно: они оказались перед объективной невозможностью наладить труд, и не только потому, что транспорт расстроен окончательно, нет хлеба, нет капиталов и т. д., но и потому, что труд стал в России психологически невозможен.

Тем не менее вся Россия «работает» по комиссариатам, на фабриках, в командировках, в школах и т. д. Даются грандиозные задания: электрификация всей страны, переселение в Сибирь миллионов голодающих, снабжённых предварительно инвентарём, семенами и тракторами; исследование причин отклонения магнитной стрелки в одной

местности неподалёку от Курска, для чего необходимо будет пробуравить почву на глубину около двух тысяч метров; «Ильичу» приходит на мысль, что хорошо было бы составить полный словарь современного русского языка, о чём пишется записочка Луначарскому; в то же время один помощник скорбного главою наркомпроса вдруг осенён шалой мыслью внести в Россию латиницу, то есть латинскую азбуку, и вот летят запросы в Академию, в университеты, в учебные общества, созываются съезды, читаются доклады, возникают прения, ведётся колоссальная переписка и отписка, ассигнуются (обычно только на бумаге) миллиардные кредиты, создаются новые должности и т. д., и т. д.

И все знают, что как бы ни был интересен проект, но он невыполним — голод, холод, болезни, отсутствие даже ассигнованных денег, новые сумасбродства комиссаров, а главное — общая усталость, безверие, индифферентизм (которым не заражены только редкие отдельные лица) — и всеобщий танфишизм — сведут на нет даже практически возможное начинание.

И вот всё-таки люди работают, потому что не работать нельзя, это требуется советской конституцией, нужно работать, чтобы получить жалование, наконец, нужна же хоть видимость дела — иначе ведь и с ума сойдёшь.

Вот для такой «работы», для обозначения развенчанного, опозоренного, ошельмованного труда нужно было создать новое слово. И его создали.

Это слово **халтура**.

* * *

Халтурить стало самым ходовым словом в России, хотя пока ещё не проникло за границу. Интересные примеры его употребления находим в статье г. Р. Якобсона. Когда советское правительство начинает создавать проекты один другого грандиознее, спец или иной интеллигент, привлечённый к разработке этих проектов, знает, что всё это **халтура**, что их авторы **халтурники**, что и сам он будет не делом занят, а **халтурничеством**. И вот все **халтурят**, потому что работать, трудиться в полном значении этого слова невозможно, а не «халтурить» — тоже нельзя.

Всякое несерьёзное занятие — халтура. Частые выступления актёров на разных сценах, то в городе, то в деревне, то на эстраде, иногда в разных местах в один и тот же день — это **халтура**. Проститутка под-

цепила гостя в неурочное время — **халтура**. Советские служащие не служат, а **халтурят**. Слово это стало таким популярным и, в связи с универсальностью самого явления, таким универсальным, что применяется всюду, где нужно выразиться позабористее: «а ну-ка, **халтурнём** в железку»... «**Халтурни** его как следует, ко всем чертям». «Он ловко **подхалтурился**» (примазался), «**Халтурнуть** девчонку» и т. д. и т. д. Откуда взялось это слово?

Даль во втором издании своего словаря отмечает: «Халтура — пожива, даровая еда, питьё при угощении; от **халтуры** (западн. и южн.), искажённого **хавтуры** (**ховать**) — похороны, поминки». Через посредство духовенства слово было занесено в столицы и привилось там в театральном кругу в том значении, что мы уже отметили, а оттуда оно пошло в обращение среди населения и сделало, как мы видим, блестящую карьеру. Но для полного понимания причин успехов «халтуры» необходимо, как нам кажется, обратить внимание ещё на одно обстоятельство, не отмеченное Р. Якобсоном.

История слова и его первоначальное значение теперь уже никому не понятны. Однако слово не превратилось в прочную этикетку, припиленную к известному понятию. Слова **халтура**, **халтурить** ощущаются как экспрессивные слова, сильно окрашенные эмоционально. Ведь само явление, т. е. развенчанный и опозоренный труд, не воспринимается индифферентно гражданами Р.С.Ф.С.Р.: опозорение труда есть вместе с тем и опозорение самого человека. И вот как бы кто внешне ни относился к своей «советщине» — скорбно ли, иронически ли, с надрывной ли шуткой, с разгильдяйским ли танфишизмом, — всякому нужно сильное экспрессивное слово, чтобы выразить, а вернее, чтобы замаскировать свое чувство. Таким словом является **халтура**. Почему? А именно потому, что в самой форме слова, точнее в его звуковом составе, русский обыватель нашёл, как ему показалось, эту экспрессивность.

Анекдотический мужик говорит: «Недаром Бог назвал свинью свиньёй. Свинья и есть». Ему казалось, что звуковая форма слова великолепно характеризует качества свиньи. А уж совсем анекдотический С. Т. Аксаков в «Записках об ужении рыбы» серьёзно рассуждал о том, что ёрш назван так, чтобы лучше выразить его колючие повадки. — В действительности дело, надо полагать, обстоит как раз наоборот, т. е. слова *свинья* и *ёрш* нам кажутся экспрессивными, потому что мы с детства привыкли их связывать с представлениями об этих двух очень своеобразных животных.

Слог **-хал-** в русском языке представляется очень экспрессивным. Если взять все слова, так начинающиеся, то, за исключением двух-трёх, все они обозначают *отрицательные* понятия, к тому же сильно окрашенные эмоционально. «Халабруй» — большой, нескладный мужчина. «Халабруда» — разгильдяй. «Халадура» — всякая дрянь, скарбишка. «Халать» — вспомним: халатное отношение к делу. «Халда» — бесстыжий, бесстыжая. «Халдить» — таскать без дела, беспутно браниться. «Хальный» — нахальный. «Хал» — задёшево: «на золото купишь, за хал продашь». «Халёный» — корыстный. «Халива» — склока. «Халкать» — жадно есть. «Халтуга» — хапун. «Халудора» — негодяй, шваль. «Халуй, халупа» — избёнка. «Халява» — неряха, растрёпа. «Халять» — брести, волочиться и т. д. Сюда можно присоединить ещё и слова *захалустье* [sic!], *нахальный*.

Графиня Чарская в разговоре с Нехлюдовым (Толстой, «Воскресение», ч. II, гл. XIV) великолепно чувствовала эту отрицательную экспрессивность слова *хал* — недаром, чтобы выразить своё пренебрежение к «стриженным нигилистам», она сымпровизировала фамилию «Халтюпкин».

«— А это Бог знает кто: Халтюпкина какая-то, хочет всех учить».

В своё время А. Г. Горнфельд уже обратил внимание на эту поразительно удачную фамилию.

И мы полагаем, что русский обыватель, услышав слова **халтура**, **халтурить**, ощутил в них ту *отрицательную* экспрессивность, что уже существует в словах, которые мы только что цитировали, и которая покоится на представлении о бесстыжем разгильдяйстве, беспутности, дармовщине. Хорошее слово! А в общем почему-то не смешно, а грустно...

Приватъ-доцентъ
С. І. КАРЦЕВСКІЙ

ЯЗЫКЪ, ВОЙНА и РЕВОЛЮЦІЯ

△△△

Русское Универсальное Издательство
БЕРЛИНЪ
1 9 2 3

ВСТУПЛЕНИЕ

События последних лет не могли не отразиться на языке, этом главнейшем орудии общения между людьми и средстве высказывания и самовыражения.

Социально-политический сдвиг, коренная ломка быта, новые факты жизни и исключительно эмоциональное к ним отношение со стороны по-новому дифференцированного общества— все это оставило глубокий след на русском языке, точнее на нашем словаре. Языковых новшеств накопилось так много, что некоторые наблюдатели уже говорят о «революции в языке». Мы предпринимаем здесь попытку разобраться в этих новшествах и определить их значение для всей системы русского языка. Попытка наша была бы заранее обречена на неудачу, если бы мы ограничили наше исследование периодом мировой войны и революции. Языковые изменения последних лет не могут рассматриваться вне связи с предыдущей волной новшеств, восходящей к эпохе около 1905 г., ибо и события наших дней есть только одно из звеньев в цепи социально-политических потрясений, начало которой надо полагать около 1905 года.

Наряду с личными наблюдениями, мы, конечно, прибегали в нашем исследовании и к трудам других наблюдателей. Вот перечень известных нам работ, посвященных вопросу о влиянии войны и революции на русский язык, которые мы широко использовали для составления настоящего очерка.

1. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918)* par André Mazon. Paris, 1920.

2. Roman Jakobson, *Vliv revoluce na ruský jazyk*. Статья в чешском журнале «Nové Atheneum». Praha, 1921. Вышла с дополнениями отд. изданием.

3. Проф. А. Баранников, *Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. I—Влияние войны и революции на развитие русского языка.*— см.: Ученые записки Самарского Университета; вып. 2-й. Самара, 1919.— К сожалению, работа эта известна нам только по критическому

разбору проф. Селищева, помещенному в «Филологическом обозрении» за 1919—1921 гг.

4. Прив.-доц. Сергей Карцевский, *Язык, война и революция* (научно-популярный очерк). Небольшая статья в X-й кн. «Современных записок» за 1922 г. (Париж). Вошла целиком в настоящую работу.

5. Горнфельд, *Новые словечки и старые слова*. Петербург, 1922.

6. Сергей Карцевский, *Русский язык и революция*. «Общее дело», № от 8.II.1921. Париж.

7. Екат. Ремпель, *Язык революции и революция языка*. «Новый Путь» № от 28.VIII.1921. Рига.

8. Сергей Карцевский. *Халтура*. «Последние Новости», № от 3.II.1922. Париж.

9. Вл. Шкловский, *Современный народный юмор*, статья в «Летописи Дома Литераторов» за 1922 г.

Мы знаем также, что в России готовится обещающий быть интересным сборник *Революция и язык* со статьями проф. Поливанова, Б. Кушнера, Шкловского и др. Московская диалектологическая комиссия также собирает материалы о языковых новшествах последнего времени.

Подобные работы, выполненные в России наблюдателями и участниками языковых процессов, могут иметь всю ту целостность, которой, несомненно, недостает нашему очерку, написанному вдали от России, по уже устаревшим личным воспоминаниям, а еще больше на основе чужих работ или же отражений языковых новшеств в литературном языке.

Будет нелишним отметить, что нас интересовало здесь не количество новшеств, но их характер. В нашей книжке не следует искать сколько-нибудь полного репертуара новых слов — заимствований, сокращений, переосмыслений и т. п. Но она может пригодиться тем, кто желал бы понять механизм новообразований и даже вообще познакомиться поближе с жизнью родного языка, о которой широкая русская публика имеет, нужно сознаться, чрезвычайно смутные представления.

I

СТАРЫЕ И НОВЫЕ СЛОВА

Разница между употреблением «старого» слова и созданием «нового» совсем не так велика, как это может показаться на первый взгляд. «Создание слова есть только первый случай его употребления», как гениально выразился А. А. Потехня. С другой же стороны, употребление слова есть в то же время и создание его, есть постоянное творчество. — Наша мысль станет понятнее, если мы сделаем небольшую экскурсию в область семантики, т. е. в ту область языкознания, которая изучает значения слов.

Все слова русского, да и какого угодно другого языка подразделяются на **основные** и **производные**. Так, напр., от основного слова *учить* производятся «опирающиеся» на него слова: *учитель, ученик, училище, учебник, ученье, учеба* и т. п.

Основные слова подразделяются на «мотивированные» и «немотивированные».

В **мотивированных** словах ясна связь между обозначаемым и его обозначением. Так, напр., *cuculus canopus* назван *кукушкой*, потому что подобное сочетание звуков напоминает нам характерный крик этой птицы. Слова *халтура, халтурить* (к ним мы еще вернемся), обозначающие недобросовестную работу¹, представляются нам наделенными особой отрицательной экспрессивностью, так как почти все русские слова, заключающие в себе слог *хал-* (или *хол-*), обозначают понятия отрицательные, ср., напр., *халда, холуй, халупа, халатно, нахал, захолустье* и т. п. *Helianthus annuus* называется *подсолнечник*, ибо одной из характерных особенностей этого растения является его поворачивание в течение дня таким образом, что головка цветка всегда находится под солнцем. Устой моста нередко именуется *быками*, так как своею упорностью они напоминают упрямое упорство быка-животного. — Наконец, производные слова тоже относительно мотивированы, ибо они

¹ См. гл. III, а также нашу статью *Халтура* в «Последних Новостях».

опираются на основные слова, благодаря чему мы их и понимаем: *учитель*, это тот, кто «учит», *училище* это то место, где «учатся»; *шкурник* — тот, кто боится за свою «шкуру» и т. д. Однако эта относительная мотивированность производных слов имеет совершенно особенный, грамматический характер, и говорить о ней мы будем особо.

Немотивированные слова это слова-этикетки, которые прямо обозначают понятие, без того, чтобы между обозначаемым и обозначением существовала какая-либо связь. Предмет *стол* мог бы называться как угодно иначе, ибо связи между нашим представлением об этом предмете и его названием никакой нет. Такими же словами-этикетками являются: *дуб, конь, вода, гулять, работать* и т. д.

И все-таки не следует преувеличивать различие, существующее между обеими категориями слов.— Говоря о кукушке, о подсолнечнике, о халтуре и т. п., мы вовсе не держим непременно в сознании связанных с ними образов. Чем более объективна и отвлеченна наша речь, тем больше стремимся мы пользоваться словами как простыми этикетками понятий. Иначе и быть не может. Наша мысль была бы не в состоянии работать, если бы наряду со словом-понятием мы принуждены были бы держать в сознании и тот излишний груз, каковым является для отвлеченной мысли конкретное представление, заключенное в мотивированном слове. Вместо того, чтобы идти прямо от звукового комплекса к понятию или обратно, мысль делала бы еще крюк в сторону и вызвала бы в сознании конкретное представление, на котором покоится связь между понятием и соответствующим ему звуковым комплексом. Это походило бы на то, как если бы оперируя с математическими величинами и их отношениями, мы всякий раз под математические символы подставляли бы конкретные представления, и говоря $2 \times 2 = 4$, думали бы о рублях, о свечах, о досках и тому подобном.

История языков, изучение этимологии слов убеждает нас, что теперешние слова-этикетки когда-то были словами мотивированными. Слово *корова* означало некогда «рогатое животное»; слово *ветчина* — «ветхое», т. е. не свежее, а заготовленное впрок мясо; *невеста* — «новейшая» в роде, т. е. только что вступившая в семью² и т. д. С ходом времени, подчиняясь требованиям абстрагирующей мысли, связь между словом и понятием перестает сознаваться и некогда образное, мотивированное слово превращается в слово-этикетку.

² Этимология слов *невеста* и *невестка* предложена недавно кн. Н. С. Трубецким, см. *Slavia*, 1922, № 1, Praha.

Отметим мимоходом, что и относительная мотивированность тоже разрушается с течением времени, хотя и более медленно и более сложным путем. Так, напр., когда-то глагол *работать* производился от слова *работа*, т. е. «опирался» на него в сознании говорящих; это был, стало быть, отыменный глагол; теперь же, наоборот, *работа* опирается на *работать* как на основное слово и может само рассматриваться как отглагольное существительное; в то же время оба эти слова не имеют больше ничего общего со словом *раб*. Было время, когда *мыло* понималось как «то, чем моют», следовательно, производилось от глагола *мыть*; теперь же это два самостоятельных основных слова.

В полном согласии с тем, что нам открывает история языков, находится тот вывод из наблюдений над новообразованиями, что все новые слова, возникающие в языке, являются **мотивированными**, либо производными, т. е. относительно мотивированными. Исключения представляют только заимствования из иностранных языков.

Эволюция слов в сторону потери мотивированности и превращение в этикетки для понятий является, как мы видим, нормальным и универсальным процессом. И тем не менее на его пути возникает новый фактор, не только замедляющий это движение, но нередко направляющий его вспять.

Если бы человек был только мыслящим аппаратом, наш язык представлял бы из себя, с одной стороны, словарь-номенклатуру этикеток для понятий, а с другой стороны — запас простейших грамматических приемов для обмена между людьми словами-понятиями. Идеальным образцом подобного языка может служить язык математики и даже вообще научный язык. Искусственные языки, напр., эсперанто, тоже приближаются к подобному типу. Характерными особенностями такого интеллектуального языка являются слова-этикетки, причем каждому понятию соответствует особое слово и каждое слово обозначает только одно понятие, в то же время грамматические категории: времена, наклонения и т. п., приведены к наивозможно большему согласованию с категориями логическими.

Но в живой жизни человек из плоти и крови есть прежде всего существо действующее и чувствующее и он имеет дело не с отвлеченными понятиями, а с чувствами и с конкретными представлениями; и чем более вплотную подходит человек к фактам живой жизни, тем конкретнее, тем единичнее его представления и тем сильнее окрашены они чувствами желанья или отвращения, доверия или страха, люб-

ви или ненависти, словом, симпатии или антипатии, а следовательно, ориентируют и действия под знаком выгоды или вреда³.

Профессор химии, читающий лекцию, рассматривает воду только как H₂O. Но какой вихрь чувств и представлений пробуждает крик «вода!» в душе путников, заблудившихся в пустыне! Можно утверждать, что это два различных слова.— Для нас, горожан-интеллигентов, лошадь есть всегда и только лошадь. Не то для людей, которые по условиям своей жизни соприкасаются близко с этим животным. Многолошадные сибирские крестьяне имеют особое название для каждого возраста лошади: *жеребенок*, *лошак* (годовалый), *третьяк* (на третьем году), *четверточина* (на четвертом году) и т. д. Для них с каждым возрастом лошади связаны ее особые качества, в которых они заинтересованы, и годовалая и двухгодовалая лошади это как бы два различных существа, тогда как для нас это все одна и та же лошадь. Мы не понимаем, почему лошади, напр., барышник, различает до 40 лошадиных мастей; что до нас, то мы едва умеем распознать каких-нибудь три масти: вороную, пегую и белую. Различия *кобылы*, *жеребца* и *мерина*, а тем более *суки* и *кобеля*, нам представляются даже неприличными. Все это потому, что мы мало заинтересованы в этих животных и в их качествах, и наши представления о них граничат с понятиями лошади и собаки *вообще*.

Это действительное, эмоциональное и субъективное отношение к жизни накладывает свою печать и на язык, препятствуя ему превратиться в номенклатуру этикеток. Язык должен не только обозначать понятия и служить для обмена ими между людьми, он должен также отражать мое действительное, субъективное и эмоциональное отношение к жизни и служить для меня средством высказывать мои личные переживания и заражать ими и других людей. Эта вторая и, нужно признать, главная функция языка идет вразрез с велениями логики, осуществляющимися в языке интеллектуальном, о котором мы говорили выше.

Вот почему в живом языке одно и то же слово так часто обозначает различные понятия: *ключ* от замка, *ключ* в музыке, *ключ*-источник, *ключ*-подстрочник, или ср., напр., три различных значения, уживающихся в глаголе *стать*: он стал работать; он стал седым; лошади стали. По-французски тут три слова: *se mettre à*, *devenir* и *s'arrêter*. Между представлениями об этих различных вещах или процессах воображение уловило когда-то нечто общее и отразило его в языке. Одно и то

же, по видимости, понятие нередко выражается различными словами, потому что в каждом отдельном случае к понятию присоединяется иное, более или менее субъективное представление. Напр., *спокойный* и *тихий*, *храм* и *церковь*, *конь* и *лошадь*, *цветы* и *цветки*, *черный* и *вороной*, *смотреть* и *глядеть*, или, напр., *бахнуть*, *бацнуть*, *брякнуть*, *грохнуть*, *хлопнуть* и т. д. Та же потребность в экспрессивности, что создала столько слов для выражения стука, вызывает к жизни *халтурить*, не удовлетворяясь уже существующими обозначениями для недобросовестной работы. Когда мы стремимся убедить кого-нибудь, наша речь полна преувеличений и всяческих искажений объективной истины. Погоня за экспрессивностью и вообще субъективное отношение к жизни ведут к тому, что мы постоянно прибегаем к метафорам и всячески описываем, вместо того чтобы определять. Благодаря этому поддерживается и образность в слове. Если в интеллектуальном языке мы превращаем в простую этикетку даже наиболее образные слова, то, напротив, в языке аффективном, и особенно в поэтическом языке, мы часто вызываем к жизни уже потускневший образ и стремимся мотивировать слова, наиболее отвлеченные. Живой язык вообще не любит немотивированных слов, и там, где прежняя связь между словом и понятием исчезла или где ее для нас и не бывало даже, как, напр., в заимствованиях, он стремится установить мотивированность. Так создается «народная этимология»: «спекулянт» — слишком жизненное явление, чтобы отнестись к нему индифферентно, и вот народ переиначивает его в *скопулянта* (скопить, скупой и т. п.); «мародер» становится *миродером*; «бульвар» — *гульвар* (гулять) и т. д.

Теперь нам будет понятно, что по видимости одно и то же слово может иметь различную значимость, смотря по тому, в каких условиях оно произносится и в каких условиях оно воспринимается. Оно может явиться либо адекватным выражением понятия, либо стать настолько экспрессивным, что будет приближаться к междометию. Между обеими крайними точками возможны разнообразнейшие переходные моменты. Кроме того, чувства, связанные с одним и тем же словом, могут быть совершенно противоположными, и, напр., *вне интонации* нельзя понять, напуган или же обрадован я или просто выражаю приказ, когда, напр., я кричу: *огонь!* С другой стороны, с одним и тем же словом может быть связано несколько объективных понятий. Вообще говоря, слово не существует вне фразы, произнесенной и воспринятой в определенных условиях.— Вот почему мы говорим, что всякое употребление слова есть в то же время созидание, творчество слова.

³ Об этом см. подробнее у Ch. Bally, *Le langage et la vie*. Genève, 1913, а также его же *Traité de stylistique française*. Heidelberg, 1909, 2 тт.

Если мы теперь обратимся к рассмотрению так называемых «новых» слов, мы убедимся, что за исключением заимствований, они всегда представляют собою видоизменение уже существующих элементов. Кроме того, возникновение нового слова является почти всегда не чем иным, как более широким распространением в обществе слова, уже известного и раньше одной какой-нибудь социальной группе.

Вот новое слово *мешочник*. Так с 1918 г. называли тех, кто возил хлеб и другие продукты в мешках, большей частью тайно, для продажи по повышенной цене. Но ведь составные элементы этого слова: *мешок*- и суффикс *-ник* (ср. сапож-*ник*, разбой-*ник*) были известны и раньше. Более того, существовала уже и комбинация этих элементов: *мешочник* в значении — шьющий мешки или торгующий мешками (см. Словарь Даля, под словом «мешок»). Нового, стало быть, в слове это **переосмысление** связи между «мешком» и некоторой категорией лиц, и связь эта устанавливается из реальной жизни: это уже не шитье и не продажа мешков, а провоз провизии в мешках для барышничества. Потому-то *мешочник* и является нередко синонимом спекулянта.

Как будто новыми являются *учредилка* (или *учредиловка*), *потребилка* (или *потребиловка*), *танцулька*... Но действительно нового в них это только их «разгильдяйский» характер. В еще недавнее время суффикс *-ка* в неодушевленных именах означал либо просто уменьшительность, напр., *головка*, *иголка*, *рамка*, либо фамильярное, но отнюдь не вульгарное отношение к предмету: *столовка*, *читалка*, *раздевалка*, *сберегалка*. Оттенок вульгарности появлялся в тех редких случаях, когда вещи, так сказать, «серьезные» назывались фамильярно, как, напр., *Охранка* вместо Охранное отделение; *Предварилка* вместо Дом предварительного заключения; пожалуй, *Монополька* вместо Казенная винная монополия и т. п. В настоящее же время эти различия, связанные с социальным положением говорящих, с их воспитанием, литературной начитанностью и образованностью,—все они стерлись. Чрезвычайно живой и продуктивный в народном говоре суффикс *-ка* применяется в настоящее время для образования слов самых разнообразных значений: *чрезвычайка*, *интернационалка*, *керенка*, *изобразилка* (изобразительный отдел при Комиссариате Просвещения), *экономичка* (газета «Экономическая Жизнь»), *агитка* (агитационная театральная пьеса), *буржуйка* или *моргалка* (а также *пчелка* — железная переносная печка); *провизионка* (экспедиция в деревню за хлебом), *умывалка* и т. д.—Отсюда для многих из нас ощущение разгильдяйства, а в некоторых случаях и безусловно вульгарно-уничжительного характера.

Вот еще несколько образчиков переосмыслений. Прежде «я извиняюсь...» означало «я прошу простить меня». Теперь «извиняюсь» превратилось в формулу вежливости типа «виноват», «pardon» и т. п. Формула эта многим из нас кажется вульгарной, по всей вероятности потому, что распространилась по России внезапно и широко, как поветрие, как в свое время «mercі». Слово *барышня* прежде в устах прислуги было обозначением, а также обращением к девушке из более высокого круга, теперь оно получило новое применение: так называют прислугу в кафе и ресторанах. Укреплению и распространению обоих слов особенно поспособствовали военные, главным образом солдаты и матросы, во время революции. Наиболее крайним случаем новшеств являются **заимствования**. Но ведь по существу дело сводится лишь к тому, что такое слово, как, напр., *эвакуация*, ранее известное лишь небольшому кругу специалистов, находившихся в общении с соответствующими иностранными кругами, теперь проникает в широкие слои населения, становится знакомым, напр., демобилизованным солдатам, возвращающимся домой из Маньчжурии. И солдаты эти научаются этому новому слову так же, как ребенок научается говорить *стол*, *гулять* и т. д. Хотя заимствования и являются немотивированными словами, но внедрение их в русский язык происходит чрезвычайно естественным путем и сводится к тому лишь, что слово, уже акклиматизировавшееся в одной социальной среде, переходит в более широкий круг, причем обычно теряет или видоизменяет свой специальный характер, а нередко, кроме того, под влиянием событий еще окрашивается и эмоционально⁴.

Вообще говоря, строго определенные словарные границы могут существовать только в индивидуальном сознании. Для меня, напр., слово *лукать* (сев.-вост. диалектическое — «бросать», «метать») может быть более чуждым, чем иностранные слова *резиньяция*, *аперцепировать* [sic!], *пизтэт* [sic!] и т. д., но для человека другого воспитания и в то же время другой области России — наоборот. Иностранные слова нередко настолько усваиваются общим языком, что мы сами создаем от них производные с русскими или даже иностранными суффиксами, напр., *дифрижер*, *комизм*, которым нет соответствующих во французском языке,

⁴ Подробнее об этом см. у А. Meillet, *Année sociologique* (рубрика «Langage»), том XI, стр. 791, и его же *Linguistique historique et ling. générale* (статья «Comment les mots changent de sens»). Paris, 1921, см. также Vendryes, *Le langage*, гл. II и III. Paris, 1921.

комический, дирижерский, абсолютный, бастовать (итальянское «basta!»), ремонтник и т. д. С другой стороны, мы пользуемся и иностранными формальными элементами для русского словопроизводства: *большевизм, царизм, старостат, контрразведка, забронировать* и т. п., где элементы *-изм, -ат, контр-, -ир-* все заимствованы с французского или с немецкого.

Другим замаскированным видом заимствований являются **переводы**, так наз. «calques», с иностранного. Так, напр., мы переводим «сознательный и организованный рабочий» (*ouvrier conscient et organisé*); «устраивает ли вас это?» (*est-ce que cela vous arrange?*); «вы плохо выглядите» (*Sie sehen schlecht aus*); *носильщик* (*porteur*); *Согласие* для обозначения Entente является в сущности таким же заимствованием, как и *Антанта*.

Итак, существенной разницы между употреблением слова в N-ый раз и его «созданием», т. е. употреблением в первый раз, нет, если только не настаивать особенно на экспрессивной стороне слова, которая, конечно, выдыхается тем более, чем чаще слово употребляется. Именно потому-то мы и не замечаем совершающегося непрестанно вокруг нас словотворчества — возникновение новых слов, а особенно умирания значений в словах — и постоянного обновления нашего словаря. Но бывают такие эпохи, когда темп словотворчества ускоряется, новые слова бурным потоком врываются в спокойные, устоявшиеся воды языка. Тогда получается впечатление языковой «революции», к которой говорящие относятся по-разному, но которую все замечают и на которую все реагируют.

Новые слова возникают несколькими путями. Новые основные слова получают в результате переосмысления и заимствования, причем к заимствованиям же мы относим и перевод с иностранного (*calques*). К этим исконным средствам обогащения запаса основных слов в нашем лексиконе в последние годы присоединился еще один способ — это сокращения, как, напр., *с.-р.* или *эсер*, вместо социалист-революционер; *совдеп* вместо Совет рабочих депутатов и т. п. Наконец, от основных слов всех трех типов образуются производные слова, напр., от *мешочник* — *мешочничать*, от *митинг* — *митинговать*, от *с.-р.* — *эсерствовать* и т. д., от *совдеп* — *совдепский, совдепия, совдепчик* и т. п., а также новые производные от уже прежде существовавших слов: от *пика* — *пикач*, т. е. крестьянский повстанец против большевиков, в Сибири, вооруженный пикой; от *староста* — *старостат*, т. е. совет старост высш. учебн. заведений. Одним из видов словопроизвод-

ства является словосложение, напр., *черносотенник, золотопогонник*, т. е. офицер, и т. п.

В дальнейшем мы будем подробно рассматривать различные способы словообразования, здесь же отметим только следующее. — Переосмысления относятся к мотивированным словам, переводы с иностранного тоже; производные слова, как мы уже знаем, относительно мотивированны; заимствования абсолютно немотивированны и являются словами-этикетками. Что же касается до сокращений, то они, как мы увидим это в дальнейшем, либо совершенно немотивированны, либо недостаточно мотивированны. Заимствованиями нужно считать не только слова, взятые из иностранных языков, но и те, что взяты из различных диалектов русского языка или других славянских наречий; таковы, напр., *халтура* (юго-западн.), *хутор* (украинск. и также южно-русск., курск., орловск.), *беженец* (болгарск.), *извиняюсь* (польск. *Przepraszam*) и т. д.

Основных причин для словотворчества две.

Новые понятия требуют обозначений: *Антанта* или *Согласие, Лига наций, большевизм, соглашательство, митинговать, совдепы, чрезвычайка, броневик, летчик* и т. д. Во-вторых, там, где замешана эмоциональная сторона человеческого существа, там от слов требуется экспрессивность, а экспрессивность скоро выдыхается, слова «изнашиваются» и не производят больше впечатления. Сказать «летчик убилися» — слабо. Начинают говорить — «летчик угробился», «летчик пригробился», т. е. расшибся, но не убилися. Говорят также: «угробить (разбить) аппарат». В белых армиях говорили *угробить* в значении — «убить»; там же было в ходу «*вписать* или *внести в расход*». У большевиков для понятия «убить» существует масса выражений: *разменять, чекнуть* (от *ЧК*), *отправить на митинг* (у матросов обозначало — утопить офицеров), *поставить к стенке, отправить в штаб Духонина, отправить в Харьков, в конверт и на почту*. На фронте в значении «попасть под пулю» говорили *сыграть в ящик* и т. д.

Оба эти условия — возникновение новых фактов и напряженно-эмоциональное отношение к ним — всегда налицо в моменты социально-политических потрясений, каковыми являются революции, а также и войны, когда они затрагивают основы национального быта.

Французская революция была очень богата словотворчеством, и многие из созданных ею слов настолько привились, что нельзя себе и представить, как современный француз мог бы обойтись без таких слов, как *aristocrate, activer, bureaucrate, centraliser, capitaliste, citoyenne, démo-*

cratiser, élire, éditer, épingle, germaniser, impressionner, mobiliser, moderniser, organiser, pactiser, préciser, propagande, réquisitionner, stériliser, suspect, télégraphe, utiliser и т. д. и т. д.⁵ И тем не менее, вокруг этих слов велась когда-то борьба, многим они были противными или просто казались ненужными. М-me de Staël писала: «хотят сделать фразы короче и для этого прибегают к помощи новых слов, которые лишают слог изящества, не придавая ему в то же время ясности», и как образчик подобных бесполезных новшеств она цитировала глаголы: *activer, préciser* и *utiliser*⁶.

Мировая война создала в разных странах, особенно во Франции, военный *argot*: особые словечки и выражения, а также сокращения письменные и устные, отчасти проникшие с фронта в самый глубокий тыл и пробравшиеся в литературу⁷. В России, где нет границы между литературным и разговорным языком и где литература охотно вбирает в себя провинциализмы и слова из диалектов, к слову сказать, слабо дифференцированных, война не создала ничего сколько-нибудь напоминающего *argot de poilus*⁸. Зато война очень популяризовала сокращения, и в этом отношении русский язык безусловно занимает первое место и продолжает это своеобразное творчество по сию пору, заражая даже своим влиянием некоторые другие языки, как, напр., чешский. Революция и гражданская война оказали, напротив, большое влияние на русский язык, и именно в событиях социально-политических последних лет нужно искать причину всех новшеств, проникших в русский словарь за период 1905—1922 гг.

⁵ См. Paul Lafargue, *Die französische Sprache vor und nach der Revolution* (Ergänzungshefte zur «Neue Zeit». 1912, № 15).

⁶ М-me de Staël, *De la littérature*, II, глава VII, «Du style».

⁷ См. Alb. Dauzat, *L'argot de la guerre*, Paris, 1918.

⁸ См. Roman Jakobson, *Vliv revoluce na ruský jazyk...*

II

1905 г.

Первая волна языковых новшеств относится к «1905 году», если так условимся мы обозначать весь первый период серьезных социально-политических потрясений, открывающийся Русско-японской войной и заканчивающийся столыпинской реакцией.

Русско-японская война не оставила сколько-нибудь заметного лингвистического наследства: театр военных действий был удален на тысячи верст от культурного центра страны, которая к тому же плохо отдавала себе отчет в значении войны.— В газетах, в корреспонденциях и в официальных сообщениях (слово «сводка» тогда еще не было в ходу) мелькали различные «экзотические» слова, до той поры мало известные: *гаолян, франзы, шимоза, самураи, банзай* и т. д. Слову «банзай» (нечто вроде нашего «ура») посчастливилось попасть в большую литературу. В рассказе А. И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», который относится к этой эпохе, японский шпион выдает себя именно по вырвавшемуся у него во время сна крику «банзай!»

В газетах же встречались и военно-технические термины: *шпаннель, чемодан, воронка*, также *шимоза, волчьи ямы, эвакуация, пулемет* и т. д. Из слов этой категории, пожалуй, только слово *мобилизация* разнесло свое жуткое значение по всем углам России. «Пулемет» стал знаком, главным образом, вслед за Московским восстанием в декабре 1905 г., для подавления которого были широко использованы пулеметные команды. Отголоском своеобразной популярности пулемета в эти дни явился и иллюстрированный журнал художника Шебуева, выходивший в январе 1906 г. под названием «Пулемет».— Постепенно входило в употребление слово *хаки* для обозначения материи защитного цвета. Тогда уже пошли в ход *гетры*, сделавшие хорошую карьеру в последнюю войну, благодаря изменениям в обмундировке армии и несмотря на конкурента в виде *обмоток*.

Гетры серые носила.

Шоколад Миньон жрала...

(А. Блок, «Двенадцать»)

Но исключительную популярность, в связи с закрытием монополии в 1914 г., приобрело за время последней же войны слово *ханжа*, тоже занесенное русскими солдатами из Маньчжурии еще в 1905 г. (по-маньчжурски «ханьшинь» обозначает водку из гаоляна).

Напротив, влияние революции на язык было очень заметным.

Борьба за демократизацию государственного строя, социалистическая пропаганда, политические реформы, начавшаяся деятельность Государственной Думы — все это ввело в обращение среди городского населения значительное количество политических терминов, большинство которых были происхождения иностранного, главным образом, французского и немецкого.

Как всегда бывает с заимствованиями, почти все эти иностранные политические термины были и раньше известны тем из русских общественных слоев, которые находились в общении с соответствующими иностранными кругами, напр. ученым, публицистам, членам социалистических партий и т. д. Речь шла, стало быть, лишь о более широком распространении слов и выражений, до тех пор известных только специальным кругам. И действительно, многие из заимствований стали ходовыми во всех классах городского населения и, в частности, в среде рабочих, но в то же время они почти не проникли в деревню. Показателем того, как мало в эту эпоху деревня втянута была в политическую борьбу, служит деревенское толкование слова «социалист-революционер» как «специалист-революционер», встречающееся даже в наши дни. С другой стороны, мы сами были свидетелями того, как большевицкие [sic!] солдаты в октябре 1917 г. отождествляли «кадетов» (конституционалистов-демократов) с «юнкерами» и с учениками кадетских корпусов.

Выдающаяся роль социалистических партий в 1905 г. не преминула отразиться и на политической терминологии той эпохи: многие слова и выражения заимствованы из обиходного жаргона партий соц.-демократов и соц.-революционеров.

Вот некоторые из **заимствований**, наиболее ходовых:

Аграрный (вопрос, программа, беспорядки); отсюда «аграрник», т. е. осужденный за участие в аграрных беспорядках; встречалось даже *аграрий* в применении к крупным землевладельцам. *Активный бойкот*, своеобразное словосочетание, пущенное в обращение большевиками для обозначения их политики в отношении к выборам в Государственную Думу. *Анархизм, анархист. Буржуазия*; «буржуй», известное и прежде (в литературе встречается у Тургенева, см. *Новь*). *Бюрократия* (в ли-

беральных кругах являлось эвфемизмом, заменявшим слово «самодержавие»). *Демократия. Демонстрация. Директивы* (из партийных «центров»). *Дискуссия* (политическая); часто встречалось выражение «в дискуссионном порядке» или «в порядке дискуссии». *Интернационал* (гимн, равно как и организация). *Кампания* (земская; избирательная). *Кворум. Коллектив* (заводской, т. е. собрание «организованных» рабочих). *Комитет* (партийный). *Конференция* (партийная). *Кооперация* и *кооператор* (особенно широко распространенные перед последней войной). *Курия* (избирательная). *Лозунг* (напр., первомайские лозунги). *Мандат* (нередко «императивный»). *Манифестация. Марксизм. Марсельеза. Митинг. Муниципализация*, а также *национализация* и *социализация* (в связи с партийными аграрными программами). *Оратор* (в народе насмешливые: «оратель» или «кукарешик»). *Организация* (партийная; «организованный рабочий»). *Пароль* (нередко подменявшийся словом «явка», см. ниже). *Партия. Провокатор. Прокламация. Пролетариат. Пролетарий* (в народе шуточно производили это слово от «пролететь» в смысле «прогореть»). *Пропаганда* и *агитация. Район. Революция. Саботаж* (в эту эпоху редкое слово, но которому посчастливилось в 1918 г.: «саботант», «саботажник», «саботировать»). *Социализм. Социалист-революционер* и *социал-демократ* (форма «социал-демократ» не привилась, хотя и встречалась в печати). *Террор. Фракция* (партийная; представители партии в Госуд. Думе). *Центр* (партийный, которому противопоставлялась *периферия*). *Штрейкбрехер* полуанглийского происхождения: англ. strike + немецк. brecher, из немецкого рабочего жаргона, проникшее в Россию через «Бунд», т. е. «Еврейский союз рабочих России, Польши и Литвы»). *Экспроприация. Эмигрант* и т. д.

Многие из заимствований получили русскую «обмундировку», напр., *аграрник, аграрий, пролетарий, буржуй, оратель* и т. д. Но и наоборот, слова, производные от русских корней, приняли в некоторых случаях иностранные суффиксы; так, напр., одно время большевики звались *большинствами*, а меньшевики — *меньшинствами*; были также *хвостисты*, т. е. плетущиеся в хвосте событий и масс (кличка, данная большевиками меньшевикам). До сих пор еще пишут и даже говорят *большевицкий, меньшевицкий*, как если бы эти прилагательные производились от несуществующих «большевиств», «меньшевиств» с иностранным суффиксом -ist, тогда как правильное было бы говорить и писать «большевицкий» и «меньшевицкий» (мужик: мужицкий = большевик: большевицкий). Ср. также *большевицизм, меньшевицизм, царизм* и более позднее *старостат*, т. е. совет старост высш. учебных заведений.

Другим источником для обновления словаря являлось переосмысление уже существующих слов и выражений, нередко в связи со словопроизводством. Так, напр., слово *товарищ* стало пониматься главным образом как «сочлен по партии». В некоторых случаях переосмысление слова и дифференциация свойственных ему значений сопровождалась также дифференциацией форм, так создались, напр., *классовой*, *интеллигентский*, в отличие от прежних *классовый*, *интеллигентный*.

Вот некоторые из важнейших **переосмыслений**:

Большинство и меньшинство, получившиеся в результате одного голосования на съезде социал-демократической партии в 1903 г., были осмыслены как две фракции; отсюда пошли большинство и меньшинство, постепенно превратившиеся в *большевиков* и *меньшевиков*. *Интеллигент* был противопоставлен *рабочему*, вследствие чего потребовалось создать новое слово *интеллигентский*, т. е. свойственный, присущий интеллигенции; за словом же *интеллигентный* осталось значение «культурный, образованный». Прежнее слово *фабричный* совсем исчезло, сохранившись разве что в глухой провинции, а еще в деревне, большей частью с отрицательным оттенком: озорник, беспутный и т. д. Слово *работник* специализировалось и означает, с одной стороны, «батрак», а с другой, «партийный работник» и т. п.; употребляется исключительно *рабочий* (в женск. роде *работница*). «Распропагандированные» рабочие стали называться *сознательными*, а вступившие в организацию — *организованными* (перевод с французского: *etouvié et organisé*) и противопоставляться *несознательным* и *неорганизованным*. Марксизм и учение о борьбе классов придали особое значение слову *класс*, что повело к созданию прилагательного *классовой* («классовые интересы», классовая борьба и т. д.) вместо прежнего *классовый*, по-видимому, исчезающего совершенно. Из обиходного словаря подпольных организаций вошло в широкое употребление слово *легальный*, в значении «живущий по своему паспорту», которому противопоставлялся *нелегальный*. Отсюда *нелегальная литература*, иначе *нелегальщина* или просто *литература*. *Массовка*, значительное тайное собрание рабочих. *Маевка* стало означать социалистический праздник 1-го мая. Партийные функции подразделялись на агитацию, пропаганду, организацию и «технические операции», т. е. добывание паспортов, денег, квартир, транспорт литературы, устройство типографий и т. п., отсюда слово *техника* для обозначения подпольного типографского станка. Делегат из центра имел полномочия *раскассировать* местный комитет, т. е. распустить его и составить заново; выражение это заимствовано из типо-

графической терминологии, где «раскассировать» значит разобрать набор и разложить буквы по кассам. В период казней создано слово *смертник*, т. е. приговоренный к смертной казни. Особенно упрямые большевики получали от своих противников кличку *твердокаменных*. Слово *товарищ* употреблялось для лиц обоего пола; слово «товарка» не привилось и осталось в прежнем значении «подруги». Сыщик за политическими назывался *шпиком*. *Явка* обозначала нелегальный адрес, а также связанный с ним пароль. И т. д. и т. д.

Многие собственные имена получили расширенное значение и дали производные.— Таковы, напр., *пехановцы*, *ленинцы*, *впередовцы* (от названия большевицкой газеты «Вперед»), *освобожденцы* (от названия газеты «Освобождение», которую издавал П. Б. Струве перед революцией), а также *азефовщина* (от имени знаменитого провокатора Азефа); *передовщина* (от имени Передонова, героя романа Ф. Сологуба «Мелкий Бес») и т. п. Имя М. Горького также породило целый ряд производных. Еще до Мировой Войны были известны выражения «поехал Максимом или Максимом Горьким», т. е. с товарным поездом или в теплушках. Это своеобразное проявление популярности знаменитого писателя (заметим, что *босяки* — тоже слово, введенное Горьким, — иногда именовали себя *горьковцами*) встречалось в данном случае со свойственным народу употреблением слова «горький» в значении «несчастный», «бедный», «горемычный», напр., «горькая доля, судьба, жизнь»; «горький народ», говорит няня Анфиса в «Трех сестрах» о бродячих музыкантах.— Одно время, около 1902 г., группу писателей, близких к М. Горькому и к журналу «Жизнь», шуточно называли *подмаксимовиками*.

Столыпинская земельная политика ввела в обращение *отруба*, «отрубное хозяйство», «выйти из отруба», а также очень оживила слово *хутор*, малоходовое за пределами Украины.

С развитием *авиации* возникло и укрепилось слово *летчик*, которое вытеснило постепенно иностранное *авиатор*; но *самолет* в значении *аэроплан* (по типу *самокат*, т. е. велосипед) не привилось. Появились технические термины *пилот*, *пилотаж*, *пропеллер* и т. п.— Уже в наши дни, с расширенным применением авиации для почтовых сношений, созданы были слова *аэропочта* и *авиограмма*.

Тот же прогресс техники создал *радиотелеграф* (говорят иногда «искровой телеграф») или просто *радио*, а отсюда пошло *радиосвязь*, особенно часто употреблявшееся во время гражданской войны; говорят также *радиограмма*.

На послереволюционные годы приходится широкое развитие *кинематографии*. Французская форма *синемаграф* была вытеснена немецкою: *кинематограф* (более близкой к древнегреческому); с немецкого же были заимствованы сокращенные: *кино* и *кинемат*. По всей России распространились названия: «Иллюзион», «Биоскон», «Электро-театр», «Витограф» и т. д. и т. д. В связи с кинематографией стало известно английское слово *фильм* (говорят также *фильма*) и *зафильмовать*, т. е. снять при помощи кинематографа; *оператор*, *съемщик*; особое значение получило слово *экран*, напр., «артисты экрана» и т. п.

Необходимо остановиться на минуту на слове *хулиган*, заимствованном с английского, где оно сперва было собственным именем, а затем распространилось для обозначения апашей. В России ему чрезвычайно посчастливилось именно в эпоху столыпинской реакции, когда из литературы оно вышло на улицу вместе со своими производными: *хулиганить*, *хулиганство*, *хулиганщина*, *хулиганье*. Соответствующее явление известно было на Руси с незапамятных времен — вспомним хотя бы Василия Буслаева, — но общего обозначения для него не имелось. Говорили в народе «шалить», но смысл этого слова был близок с глаголом «разбойничать»; говорили также *озорничать*, *озорной* (см. рассказ М. Горького «Озорник»). В местном употреблении встречалось кое-где «фабричный» как обозначение хулигана. В некоторых городах Западной Сибири (в Тобольске, в Тюмени) в том же значении употреблялось слово *парижанин*, и в этом следует, несомненно, признать отголосок слухов о парижских *апашах*¹.

Из сложных выражений упомянем *черная сотня*, от которого и по сию пору живут производные: *черносотенец*, *черносотенник*, *черносотенный* как синонимы реакционера. В 1905 г. возник *Совет рабочих депутатов*, превратившийся теперь в *Совдеп*. Еще до 1905 г. была известна *Боевая организация* партии соц.-революционеров, откуда *боевик*, т. е. член Боевой организации.

Особое место занимают **сокращения**, о которых мы будем говорить подробно в IV главе. Они ведут к созданию новых основных слов, но это не есть ни переосмысление, ни заимствование, ни словопроизводство, как его принято обычно понимать.

¹ Apache пришло, в свою очередь, из Сев. Америки, где оно является именем одного из племен индейцев; через литературу (*romans d'aventures*) проникло в парижский воровской argot. — Заметим, что в первое время в народе очень часто «хулиган» выговаривалось «фюлиган» (см. А. Ремизов, *Всеобщее восстание*, гл. V).

Вот главнейшие из сокращений, бывших в употреблении еще до Мировой войны:

С.-р., *эс-эр*, или *эсэр* (т. е. социалист-революционер), отсюда: *эсэрка*, *эсэрский*, *эсэровский*, *эсэрствовать*, *эсэрство*, *эсэрица* (уничжительное), *эсэрочка* (шутливое), *Партия С.-Р.*

С.-д., *эс-дэ* или *эсдэк* (т. е. социал-демократ), *эсдэчка*, *эсдэковский*, *эсдэчий* (уничжительное), *Р.С.Д.Р.П.* (Российская соц.-демокр. рабочая партия²).

К.-д., *кадэ*, *кадет* (т. е. конструкционист-демократ), *кадетка*, *кадетский*, *кадетствующий*, *кадюки* (уничж.).

Ц.К. (цека, т. е. центральный комитет партии), *цекист* (член Ц.К.), *цекистский*.

Употреблялось заимствованное с польского сокращение *П.П.С.* (*P.P.S.*, т. е. *Polska partja socialistyczna*), читавшееся *пэпэс*, отсюда разговорные *пэпэсовец* и *пэпэсовский*.

Отметим еще шутливое *Партия к.в.д.* (т. е. «куда ветер дует») и шутливые эвфемизмы *с.с.* (т. е. сукин сын) и *с. в.* (т. е. сволочь). В Н. Новгороде одно время существовала партия правового порядка, которую прозвали «Патрия трех покоев» (т. е. *П.П.П.*).

До последней войны были известны сокращения *СПА* (С.-Петербург. Телегр. Агентство); *Монотоп* (Монополия топлива), *Ростоп*, *Хатоп*, *Отот* (Ростовское, Харьковское, Одесское Топливо); *Продамет* (Общество для продажи русских металлических изделий, основано в 1901 г.); *Продуголь* (с 1903 г.); *Продалес*; *Ропит* (Российское общество пароходства и торговли) и др. условные коммерческие наименования, из которых *СПА* и *Ропит* были известны и широкой публике.

Как это явствует из предыдущего, почти все словарные новшества эпохи 1905 г. находят себе объяснение в особых политических условиях того времени и своим возникновением обязаны либо войне, либо революции. Кое-что появилось в связи с кинематографией и благодаря развитию авиации. Что касается чисто литературных образований, то не многие из них проникли в более или менее широкую публику. К таковым можно отнести слова *передоновица*, *устремление*, *задание*, *данность*, пожалуй, также сложное *мифискусники* (т. е. группирующиеся вокруг журнала «Мир Искусства») и, перед последней войной: *футуристы*, *кубисты*, *акмеисты* и т. д. Отметим также несколько новых фило-

² Пишут также *эсер*, *эсерствовать*, *эсдек* и т. д. Мы следуем в нашей транскрипции наиболее принятому произношению.

софских терминов, появившихся на страницах толстых журналов: *вчувствование*, *самость* и такое чудовищное образование, как *ячность*, — все переведенные с немецкого (*Einfühlung*, *Ichheit* и т. п.). Приблизительно около того же времени начинает попадаться в газетах слово *брутальный* (франц. *brute*, *brutal*), возможно, что под влиянием польского *brutalny*.

Не лишено интереса то обстоятельство, что в рассматриваемую нами эпоху сравнительно мало употребляется слово *красный* для обозначения революционеров, очень ходовое, напротив, в прежние годы (70—80-е), когда для широкой публики не существовало различия партийных толков среди революционеров. Зато вся гамма цветов применяется в наши дни; *белые*, *черные*, *зеленые* (дезертиры), *желтые* (социалисты-«соглашатели»), *розовые* (те же в лексиконе правых).

III

1914—1922 гг.

Минувшая война приучила население к **сокращениям**. Сперва речь шла об условных телеграфных обозначениях различных фронтовых и тыловых учреждений и должностей: *главковерх* — Верховный главнокомандующий; *командарм* — командующий армией; *дарм* — действующая армия; *наштакор* — начальник штаба корпуса; *дегенарм* — дежурный генерал армии; *военмин* — военное министерство; *земгор* — земской и городской союзы и т. п.

Эти условно сокращенные наименования стали употребляться в различного рода письменных и устных донесениях, в разговорах, в сводках; стали появляться в газетах и, наконец, с фронта проникли в самый глубокий тыл. В первые же дни революции возникли *совдеп*, *армкомы* — комиссары при армии; *политкомы* — политические комиссары. С появлением же у власти большевиков все учреждения и должности административного аппарата были переименованы по сокращенному способу.

Но если оставить сокращения в стороне — о них будет речь в следующей главе, то необходимо согласиться с Р. Якобсоном, что война сама по себе, т. е. независимо от политических проблем, с нею связанных, почти не оставила следов на языке. — Кое-что позабылось уже, как, напр.: *окопаться в тылу* или *самоокопаться*, *шкурник*, *земгусары* или *земгусарики*, *ловчила* и т. п.; кое-что не вышло за пределы военно-технических кругов, как, напр.: *телефонограмма*; *стакан*; *пригробить аппарат*, т. е. сломать аэроплан; *пригробиться*, *угробиться*, *разбиться*; *заземлить*; значительно позже, на юге России, — *танк* («танька») и т. д. — Большинство же слов и выражений было переосмыслено под политическим углом, в частности особенно под влиянием гражданской войны, которая оставила после себя значительное языковое наследство именно потому, что это была не просто война, а политическая борьба с оружием в руках.

Вот несколько образчиков подобного **переосмысления**, направленного, главным образом, в сторону партикуляризации значений.

Обычное значение «фронта», так сказать, «перебивается» частными значениями: *деникинский фронт*, *царицынский фронт*, *трудовой фронт*, *топливный фронт* и т. д. Нет больше «армии» просто как армии, а есть *социалистическая армия*, *трудовая*, *рабоче-крестьянская*, *пролетарская*, *советская*, *красная*, *белая*, *зеленая*, *добровольческая*, *деникинская* и т. д. и т. д. На место «родины» или «отечества» просто, без эпитетов, появляется *социалистическое отечество*. Место «ударных батальонов» заступают *ударные предприятия*; впрочем, слово это пошло в ход,—говорят, напр., *ударная резолюция*, т. е. хорошо направленная, бьющая в точку; образовано также существительное *ударность*. Партикуляризовано значение слова «враг», «противник», и говорят о *деникинских* или *колчаковских бандах*, о *белогвардейской сволочи*, о *золотопогонниках*, *агентах антанты*, *наемниках мирового капитала* и т. д. «Перемирие» сменилось *передышкой*, «мир» поневоле сделался *похабным миром*. От «угробить аппарат» пошло *угробить* в значении «прикончить, убить», распространенное в белых армиях, и т. д. и т. д. *Концентрационный лагерь* стал широко применяться большевиками как средство наказания.

Чем большим потрясениям подвергалась данная область жизни, тем более радикально изменялся ее обиходный словарь.

Расстроенное денежное обращение и связанное с ним самостоятельное печатанье *кребиллов* (кредитных билетов) разных типов и в различных местностях России — нашли свое отражение в калейдоскопически пестрых названиях для *дензнаков* (денежных знаков)¹.—*Царские деньги*; *думки* (с изображением Государственной Думы); *керенки*: *двадцатки*, иначе, *липовки*, и *сороковки*; *ленинки* — все *советские деньги* (если билеты изодраны, то их часто величают *жидками*). Советские билеты с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на различных языках, в том числе и на китайском, зовутся *интернационалками*, *вавилонками*, *китайками*, а также «*ходя*» (народное прозвание для китайцев). *Пятаковские деньги* (подписанные киевским комиссаром финансов Пятаковым,— 1919 года); *ленточки* (Добровольческой армии, с георгиевскими лентами); *крылатки* (армии ген. Юденича, с изображением орла); *фазанки* и *галки* (колчаковские — на Дальнем Востоке); *врангелевки* или *колокольчики* (с изображением Царь-колокола) и т. д. В Чите в 1919 г. были в ходу большевистские билеты, называвшиеся *верхотуровками*, по имени рисовавшего их художника.

¹ *Дензнаки* применяется, главным образом, для обозначения новых рублей «образца 1922 г.»

Миллион зовется *лимон*; миллионер, иначе миллионщик — *лимонщик*. В 1918 г. у московских извозчиков *рублик* означало 100 руб., *четвертачек* [sic!] — 25 р., *гривенник* — 10 р. Теперь же у московских лихачей на дутиках *пяточок* означает 5.000.000 руб. и т. д.

Террор создал целый жаргон:

ЧК, теперь переименованная в *Главполитуправление*; *чрезвычайка*, *чайка*, *черезчурка*, *Лубянка* (в Москве), *Гороховая* (в Петрограде), *чекист*, *операция*, т. е. обыск, арест; *подводчик* — агент-provokator, на обязанности которого «подводить» спекулянтов; *чекнуть* или даже *чикнуть*, т. е. расправиться с обвиняемым; *поставить к стенке*; *отправить на 6-ю линию* (в Харькове); *отправить в штаб Духонина*; *отправить в Харьков*; *в конверт и на почту* (в Екатеринославе); *отправить на митинг* (у матросов означало — утопить офицеров); *угробить* (в белых армиях) и т. д. «*Верочка*» — Всероссийская ЧК; «*Манечка*» или «*Эмочка*» — Московская ЧК; «*Женечка*» — Железнодорожная ЧК; «*Вера Михайловна*» — высшая мера наказания, т. е. расстрел. Зловещий юмор чекистов создал выражение «умереть от угрызений совести» в значении «быть расстрелянным».

Водку заменили *самогон*, *самогонка*, *кумышка*, *кумушка*, *стенолез*, *ханжа*, не говоря уже о *денатурат* и *политура*.

В университетах были созданы *нулевые семестры*, т. е. подготовительные курсы для студентов из рабочих. В дальнейшем они были преобразованы в *рабфаки*, т. е. рабочие факультеты.

Самые ходовые прилагательные в официальном языке это, конечно, *красный*, *трудовой*, *социалистический*, *социальный*, *советский*, *революционный*, *рабоче-крестьянский*, *пролетарский* и т. д. Все они затасканы донельзя и потеряли всякий смысл. Под-советский юмор удачно использовал некоторые из этих epitheton ornans: *советский чай* — морковный чай; *советское кофе* — суррогат; *советский балык* — вобла; *советский коньяк* — денатурат; *доски*, которыми забраны разбитые витрины магазинов — *советское стекло*; *советский извозчик* или *автогуж* — перевозка на себе, на салазках и т. д. В феврале 1919 г. в Харькове мы видели афиши, на которых клоун А. Дуров величал себя «Народным шутком советской власти». У Р. Якобсона упоминается об одном комическом актере, именовавшем себя *социал-комиком*.

Вообще в советской России материала для юмора не занимать стать.

РСФСР читается: «редкий случай феноменального сумасшествия России» или «распустили солдат-фронтвиков, собрали разбойников»; *В.С.Н.Х.* — «воруй смело, нет хозяина». Служащие в советских учреждениях получили, а вернее сами дали себе кличку *совдѣпичей*. Совет-

ские «буржуи» назывались *совбурами*; теперь, с появлением *НЭПа* расплодилось *нэпмань* и *нэпманьихи*, как в период переговоров о лесных концессиях — *лесозаготовители* (а во времена Щедрина — «Ташкентцы»). С поворотом курса в сторону *НЭПа* (новой экономической политики) родились было надежды на воспоследующее «увенчание здания» *НЭПом*, т. е. независимостью печати... *Вридло* — «временно исполняющий обязанности лошади», иначе *советский фикша*. *Хамбург* — Петербург; *хамовоз* — автомобиль. Кулебяка, по тем же причинам, по которым, приглашая садиться за стол, говорят *лошади поданы*, превратилась в *кобыляку* и даже в *кобеляку*. *Narcotmtesse* — жена народного комиссара; *содком* — содержанка народного комиссара, а *социал-фрейлина* — советская *grand' dame*. *Наркомпоморде* — народный комиссар по морским делам. *Опайковаться* означает заручиться пайком; группа подобных счастливых образует *товарищество на пайках*². Наконец, *чекваллапуть* означает «нерадеть», «медлить» (*чекваллап* — чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей). После известного свидания Чичерина с генуэзским архиепископом, в газетах стало попадаться выражение *предпаппрест*, т. е. представитель папского престола. *Электрофикция*, т. е. электрификация и т. д.

Имена различных комиссаров и большевицких деятелей тоже дали повод к каламбурам и юмористическим выражениям. — «Смотри, *семашка* ползет!» (за подписью комиссара народного здравия Н. А. Семашко распространялись афиши с призывом уничтожать вшей и клопов). «Вот так Стучка!» — имя г-жи Колонтай дало *колонтаить*, т. е. развратничать, а то и просто «соиге», отсюда «Колонтай т... м...!». Вместо «сбрэндить», т. е. сказать глупость, говорят *сбончить*, от имени нар. комиссара Бонч-Бруевича. Стеклов (Нахамкест) и его передовицы, иначе *стекловицы*, в «Известиях» дали повод советскому баснописцу Демьяну Бедному сказать —

Но где ж Стеклов? его передовица?
Хотя б строка, хотя б единый звук...
Стеклова нет, *стеклят* другие лица.

Антисемитские настроения оставили свой след, главным образом, в наименованиях ВЦИК'а: *Шмольный* (в эпоху, когда ВЦИК заседал в Смольном институте), *срулька*, *Центрождид*, *Прежидидум*.

² Среди беженцев в Константинополе *фрипаяться* означает получить паек от одного из государств Антанты.

Наконец, своего рода универсальным словом, призванным охарактеризовать и заклеить самую сущность советского творчества, является *халтура* и его производные *халтурить*, *халтурнуть*, *халтуричик*, *халтурничать*. Так обозначается теперь в России всякая недобросовестная или бесполезная, безрезультатная работа, работа впустую, времяпрепровождение, «околачивание». Грандиозные планы советской власти, вроде электрофикации (получившей ироническое название *электрофикции*) всей страны; вроде переселения в Сибирь миллионов голодающих, предварительно снабженных инвентарем, семенами и даже тракторами; вроде перевода русского письма на «латиницу» и проч. и проч. — все это *халтура*. Работать над подобными заданиями, да и просто служить в советских учреждениях — только *халтурить*. В условиях советской действительности труд ошельмован, не говоря уже о том, что никакой честный труд, за исключением разве что работы некоторых *спецов*, не может гарантировать мало-мальски сносного существования. И вот все работают для видимости, для времяпрепровождения, из-за страха — все сознают себя *халтурщиками*. Слово это имеет очень широкое применение именно потому, что оно экспрессивно и не столько обозначает понятие, сколько выражает чувство. Потому-то к нему и прибегают повсюду, где требуется крепкое, забористое слово, независимо от смысла: «халтурни его ко всем чертям!», «халтурнуть в железку» (карточная игра, «chemin de fer») и т. д.

Ожесточенная борьба партий, гражданская война, атмосфера постоянной ненависти и вражды — породили огромный репертуар слов и выражений, высмеивающих противника, издевающихся над ним или клеймящих его. Таковы, например, для добровольцев: *золотопогонники*, *белогвардейская сволочь*, *наемники антанты* или *мирового капитала*, *белогвардейские банды* и т. д.; для ген. Деникина — *Деника-воин* (по аналогии с Аника-воин); для несоциалистических партий — *буржуазная клика* или *свофа*; для меньшевиков и умеренных социалистов — *социал-предатели*, *социал-изменники*, *соглашатели*; для В. М. Чернова — *селянский министр*, для Гоца, Либера и Дана — *Гоцлибердан*, *Либердан*, *либерданствовать*; для интеллигенции на советской службе — *редиска*, т. е. снаружи «красные», а внутри «белые»; Р. Якобсон сообщает, что красноармейцы называют вшей «белогвардейцами» (ср. «пруссак» для обозначения рыжих тараканов) и т. д. и т. д.

Новшества, о которых до сих пор шла речь, относятся почти исключительно к тому типу словотворчества, который мы охарактеризовали как **переосмысление**. Говорить по поводу переосмыслений о каких-

нибудь законах словотворчества не приходится, ибо в живом языке *все может ассоциироваться со всем*. Эволюция значений, связанных со словом «халтура» тому дает интересную иллюстрацию. Сперва, в юго-западных губерниях, слово это означает похороны и понимается как искажение украинского *ховтура* (от *ховати*); затем — поминки, поминальный обед; далее — даровое угощение и просто — пожива, особенно — легкая пожива. Позже из кругов юго-западного духовенства попадает оно в жаргон столичного духовенства. Оттуда проникает в театральную среду, где означает — погоню за наживой и, как естественный результат этого, — скверную по качеству, но поживную работу, и более специально — частые выступления на сцене, на эстраде, по несколько раз в один и тот же день, наспех, кое-как. Наконец, халтура начинает обозначать всякую работу впустую, околачивание, а в последнем этапе — просто становится забористым словечком³. Или с другой стороны, *товарищ* из прежнего значения «друг» становится синонимом слова «коллега», затем — коллега по убеждениям, сочлен по партии, еще дальше становится синонимом коммуниста и, в то же время, своего рода официальным обращением, вроде «господин» или «госпожа»: *товарищ комиссар*, *товарищ политком* и т. п. Отсюда возможность такого обращения к современным чиновникам со стороны просителей из простого народа, как *господин товарищ*, где «товарищ» означает только «чиновник»; или шуточное *товарищ барышня* в столовых и в кафэ. Наконец, в устах «буржуя» слово *товарищ* чуть ли не бранное слово. Или, напр., два столь противоположных названия для правых, как *белые* и *черные*. Противобольшевистские армии определялись как *белые армии*, *белогвардейцы* и т. п., по противоположению с *красными*, *красноармейцами*. *Белыми* большевики называют всех, кто не с ними, тогда как в эмиграции выделяют крайних правых, типа *рейхенгалльцев*, как *черных* (ср. *черная сотня*, *черносотенник*). В то же время большевики называют *черною биржею* тайную валютную биржу в России.

Как ни интересны некоторые из переосмыслений, как бы ни поражали иные среди них неожиданной игрой ассоциаций, у нас нет никакой объективной мерки, чтобы судить о том, насколько они «революционны».

Переходя к иностранным словам, проникшим в общий язык за последние годы, необходимо отметить, что в период 1914—1922 гг. роль

³ О слове *Халтура* см. у Р. Якобсона, а также нашу статью в «Последн. Новостях». Такова народная этимология, в действительности же слово *халтура* происхождения греческого.

заимствований значительно иная, чем в эпоху 1905 г. Политический словарь уже сложился, деятельность Госуд. Думы закрепила политическую терминологию в сознании той части населения, что читает газеты. Новых заимствований сделано не много, и относятся они большею частью к политическим вопросам, связанным с войною. Вообще же, речь идет, главным образом, об усвоении политической терминологии деревенскими массами, каковое обучение и выполняется большевистской пропагандой, организованной в государственном масштабе в виде всевозможных *агитпунктов политпросвета*, обрабатывающих красноармейцев, рабочих и даже непосредственно деревню.

Вот главнейшие из заимствований:

Антанта, иначе «Согласие» (встречалась даже форма «Антант»⁴). *Аннексия* и *дезаннексия*. *Декрет*. *Диктатура пролетариата*, о которой говорилось уже в 1905 г. в связи с учением о «перманентном характере» русской революции. *Инструктор*, главным образом — инструктор-пропагандист. *Интервенция* — союзническая. *Клика* — буржуазная клика. *Коалиция* — партий. *Коммуна* и его производные: *коммунизм*, *коммунист*, *коммунистический*, наконец, *коммунар*⁵). *Контрибуция*. *Лимитроффы* — пограничные государственные образования⁶. *Милиционер* (в народе «милицейский»). *Ориентация* германская или союзническая. *Радио* и *радиотелеграф*. *Саботаж* (еще в 1905 г.; и производные *саботировать*, *саботажник*, *саботант*). *Скаутизм* (первые отряды *скаутов*, иначе «юных разведчиков», возникли около 1905 г. в Царском Селе). *Трибунал* — революционный или военно-революционный, чаще *ревтрибунал*. *Федерация*, *федеративный*, *федерализм*. *Халтура* тоже является заимствованием с украинского, как и *хлеборобы*, *закордонная* (т. е. заграничная) пресса, *самостийник* и *самостийность* и т. п. *Спекулянт* — в западн. губ. в народе «скопулянт». *Шеф*, *шефство*; в целях прокормления красной армии большевики приписывают целые полки и дивизии к различным фабрикам, которые считаются тогда шефами своих полков и должны доставлять им пропитание. *Экспроприировать* употребляется теперь в «государственном» значении, наряду с чрезвычайно популярными *реквизировать*, *ликвидировать* и *конфисковать*. В большевистской по-

⁴ См. А. Мазон, стр. 16.

⁵ В народе передельвалось в *коммунир*, возможно что под влиянием *командир*, *мундир*, *трактир* и т. п.

⁶ *Лимитроффы* более в ходу в среде русской эмиграции, в России же чаще говорят *Рандитаты*.

лемике очень часто встречается выражение «*тихая сапа*» (с франц. *sape*), т. е. подтачивание основ советского строя со стороны контрреволюционеров, «соглашателей» и т. д.—Упомянем еще переводное *Предпарламент* по примеру *Vorparlament* 1848 г. во Франкфурте. Встречалось, но не часто, в прессе больше, чем в разговоре, заимствованное с французского *бош*.

Присоединим сюда же собственные имена *Циммервальд*, *Кинталь* и *Рейхенгалль* (где был съезд монархистов в 1921 году), от которых пошли *циммервальдцы*, *кинтальцы*, *рейхенгалльцы*, *циммервальдизм* и *кинтализм*. В деревне хорошо известна «*Карла Маркса*».

Заканчивая обзор важнейших изменений в русском словаре последних лет, необходимо отметить большую популярность слова *брататься*, *братанье* (ср. *sich brüdern*); переоценку разными кругами, особенно социалистами, по-новому понятия *патриот*, *патриотизм* (отсюда *социал-патриот*); ходкость лозунга «углубление революции», откуда пошли иронические *углубитель*, *углубить*; наконец, большой и своеобразный успех, выпавший на долю прилагательного *планетарный* и новой формулы вежливости *извиняюсь*.

Эпитет *планетарный* был пущен в оборот зимою 1920—21 гг. М. Горьким, охарактеризовавшим Ленина как «планетарного гения», т. е. гения мировой величины. Эпитет этот был подхвачен и высмеян противобольшевицкой прессой. Слово это встречалось и раньше, но с иным значением. У Тургенева мы читаем: «... всеобщая газообразность России меня смущает и заставляет думать, что мы еще далеки от *планетарного* состояния». Здесь *планетарный* означает — твердый и противопологается — газообразному⁷.

Обычными формулами извинения до сих пор служили: «извините», «виноват» и даже «пардон», довольно широко распространившееся, наряду с «мерси», среди городского населения после франко-русских торжеств 1894 г. Теперь они встретили преуспевающего конкурента в виде «извиняюсь», которое было занесено беженцами из западных губерний и, по-видимому, является переводом польского *przepraszam*. Необходимо отметить, что для многих из образованных людей «извиняюсь» представляется выражением очень вульгарным.

Слово *денной*, встречавшееся только в сочетании «денная рубашка», появляется нередко на афишах и в театральной хронике в сочетании

«денное представление» вместо более литературного «*дневное* представление».

Нужно полагать, что на русском языке скажется влияние долгой жизни за границей более чем двух миллионов эмигрантов, покинувших советскую Россию, а также бывших военнопленных, часть из которых до сих пор еще находится интернированной в концентрационных лагерях. Именно в эмиграции возникли слова *большевизан* (*bolchévisant*), *большевизанствующий*; *размен*, т. е. льготный обмен русских денег на местные в Сербии и в Болгарии; *сменовеховцы*, сотрудники органа «Смена веx» и «Накануне», призывавших к сотрудничеству с большевиками, которыми они, к слову сказать, были остроумно окрещены как «национал-большевики»; там же приобрели особую, нередко трагическую популярность термины *виза* и *валюта* (ср. шуточное *В.В.В.*, т. е. «вши, визы и валюта» — главные козни, преследующие беженцев, направляющихся за границу); в эмиграции родились *рейхенгалльцы* и ожило слово *черный* для обозначения крайних правых. Беженецкий быт способствует формированию особого *argot*, в который входит значительное количество заимствований из языка той страны, где обосновалась данная категория эмигрантов. Было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах.

⁷ Впрочем, следует отметить, что выражение «революция в *планетарном* масштабе», в противоположность «революции во всероссийском масштабе», было в ходу среди московских большевиков еще зимою 1918 г.

IV

СОКРАЩЕНИЯ

Сокращениями принято называть укороченные различными способами как отдельные слова, так и целые выражения, напр. *спец* вместо «специалист»; *Чеквалап* вместо «Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей»; *Сто* вместо «Совет труда и обороны» и т. д. Нас интересуют здесь только такие сокращения, которые употребляются в разговорном языке. Сокращения на письме были известны и прежде, и в официальных бумагах постоянно встречались *М.В.Д.*, т. е. «Министерство внутренних дел»; *М.Ф.* — «Министерство финансов»; *И. д.* — «исполняющий должность»; *Вр. и. о.* — «временно исполняющий обязанности», не говоря уже о *ЕИВ*, т. е. «Его Императорское Величество», и т. п.

По количеству сокращений, созданных во время войны, русский язык безусловно занимает первое место. Но что еще более поразительно, так это то, что он продолжает это своеобразное творчество и по сию пору, тогда как на Западе с окончанием войны количество сокращений — если оставить в стороне условную коммерческую или спортивную терминологию — свелось к минимуму.

Отнюдь не собираясь перечислять все сокращения, известные на Западе, мы напомним некоторые из них, взятые среди наиболее ходовых. Заметим, что почти все они были известны еще до Мировой войны¹.

Во Франции: *CGT* — *Confédération générale du travail*; *PCN* — *Physique, Chimie, Sciences naturelles* (формула бакалавриата ès sciences); *CTI* — *Confédération des travailleurs intellectuels*; *TSF* — *Télégraphie sans fil*; *RP* — *Représentation proportionnelle* и т. д.

В Италии: *FIOM* — *Federazione italiana operai metallurgici* или столь известная марка, как *FIAT*, т. е. *Fabbrica italiana automobili Torino* — и т. п.

В Германии: *AEG* — *Allgemeine Electricitäts Gesellschaft*; *G. m. b. H.* — *Gesellschaft mit beschränkter Haftung*; *Mitropa* — *Mitteleuropäische Schlafwagen-und-Speisewagen-Actien-Gesellschaft*; *Schupo* — *Schutzpolizei*; шуточное *v.v.* («эф-эф»), т. е. *viel Vergnügen* и т. д.

В Чехословакии сокращения, по-видимому, тоже вошли в употребление, и очень возможно, что этому способствовали чехословацкие легионеры, привезшие привычку к сокращениям из России. *LUH* — *Lidová universita Husova*; *PUK* — *Pedagogický ústav Komenského*; *čedok* — *česká dopravní kancelář* и т. п. В Чехословакии же принято выговаривать *SHS*, т. е. *Kraljevstvo Srba, Hrvata i Slovenaca*, которое в Югославии употребляется только на письме. Ни в Болгарии, ни в Сербии сокращений совершенно не наблюдается.

Упомянем еще всемирно известное *YMCA* — *Young men's christian association*; *ARA* — *American Relief Administration*, работающую теперь в России; *S. d. N.* — *Société des Nations*; *UAI* — *Union des associations internationales*, центр которого в Брюсселе.

Все разнообразие сокращений сводится к следующим пяти типам: **I буквенные, II звуковые, III слоговые, IV смешанные и V сложные.**

I. Буквенные сокращения, т. е. по названию начальных букв: *с. р.*, *н. с.* (народн. социалист), *ч. к.*, *к. р.* (контрреволюционер), *п. д.* (преступление по должности).

Это первый по времени возникновения тип и наиболее распространенный в 1905 г. (см. гл. II). По этому же способу были когда-то образованы *азбука*, *абвега*, *алфавит*, ср. также *das ABC*, *l'abécédaire*. Теперь это, по-видимому, наименее продуктивный тип сокращений, и кроме уже приведенных сокращений мы можем указать только: *РСФСР* — Российская социалистич. федеративная советск. республика; *ДВР* — Дальневосточная республика, и в свое время популярное *SOS* «save our souls» («спасите наши души!»), международный морской сигнал о помощи, ставший известным широкой публике в 1918 г. после статьи Л. Андреева.

II. Звуковые сокращения, т. е. по начальным звукам: *МОНО* — Московский Отдел народного образования; *ГВИУ* — Главное военно-инженерное управление; *СКВУЗ* — Совет комиссаров высш. уч. Заведений; *ГУВУЗ* — Главн. упр. военно-учебн. Заведений; *СТО* — Совет труда и обороны; *НЭП* — Новая экономическая политика; *ОКА* — Отдельная кавказская армия; *НТО* — Научно-технический отдел совнархоза в Берлине; *юк* — юный коммунист (большев. бойскаут); *АРА* — (*ARA*, см. выше); шуточное *чик*, т. е. «честь имею кланяться»; *ОПЭСО* — объеди-

¹ См. Alb. Dauzat, *L'argot de la guerre*. Paris, 1918. K. Nyrop, *Etudes de grammaire française*. Copenhagen, 1919. (Der Kgl. Danske Videnskabernes Selskab: hist.-filol. Meddel., II, 6). Otto Mayer, *Deutsche Soldatensprache*. Strassburg, 1917. F. P. H. Prick van Wely, *War Words and Peace Pipings*. Amsterdam, 1922 (English Studies, t. IV, сл.).

нение русских эмигрантских студенческих организаций; *ЧОН* — часть особого назначения; *ГПУ* — Главное политич. управление (бывшая *ВЧК*)².

В довоенную эпоху этот тип был редок; нам известны только *Ронит*, *ПТА*, *Юротат* — Южно-русс. о-во торговли аптекарск. Товарами, и *Поюр* — Союз потребит. о-в юга России. Но война несколько популяризовала этот способ сокращений. Появились: *Гвиу*; *Гау* — Главн. артил. управление; *Гук* — Гл. упр. кораблестроения; *Гугш* — Гл. упр. генеральн. штаба; недолговечное *Срисд*, т. е. Совет рабочих и солдатских депутатов; *Цик*, а затем *Вцик*, т. е. Всероссийский центральный исполнительный комитет (одно время читали по буквам «вэ-це-ика», тогда это сокращение принадлежало, следовательно, к 1-му типу); *Буп* — Бюро украинской печати. При добровольцах, в 1919 г. на Кубани конкурировали *Киб*, т. е. Кубанское информационное бюро, зависевшее от местной Рады, и *Коб*, т. е. Кубанск. осведомит. Бюро (отделение добровольческого «Освага»). Нам кажется, что этот тип сокращений никогда не был особенно продуктивным.

III. Слоговые сокращения, т. е. по начальным слогам. Изредка так сокращаются отдельные слова: *спец* — специалист; *экс* — экспроприация; *зам* — заместитель; но обычно — только целые выражения, причем бывает, что от сокращаемых слов берется даже по два начальных слога. Это самый распространенный тип сокращений.

Совдеп. Совнархоз — Совет народн. хозяйства. *ВСНХ* (Высовнархоз) — Высш. сов. нар. Хозяйства. *Внешторг* — Управление внешней торговли. *Генштаб* — Генер. штаб. *Исполком* — Исполнит. Комитет. *Коминтерн* — Коммунистич. интернационал. *Политком* — Политич. комиссар. Наркомпрос — Народн. Комиссариат Просвещения. Нарком — Народн. комиссар. *Совнарком* — Совет нар. комиссаров. *Пролеткульт* — пролетарская культура (шутливое «пролетела культура»). *Рабфак* — Подготовит. факультет для рабочих. *Преднапрест* — Представитель папского престола. *Осваг* — Осведомительное агентство при добровольческой армии. *Компомгол* — Комитет помощи голодающим. *Донбас* — Донской бассейн. *Упфавдел* — управляющий делами. *Нэбуринт* — «нэповская» буржуазная интеллигенция. *Сельмаш* — Отдел сельскохоз. машин.

Этот тип сокращений встречался и до войны: *экс*, *Продамет*, *Хатоп* и т. д. (см. гл. II). Особенно широко распространился он во время войны: *Главковерх* (обратить внимание на перестановку слогов), *Коман-*

дарм, *Наштакор*, *Начдив*, *Военмин* и т. д.³ Наконец, с приходом большевиков все учреждения и должности переименовываются, главным образом, по способу слоговых сокращений.

IV. Смешанные сокращения, т. е. частью по слоговому, частью по звуковому способам: *Роста* — Российское телеграфное агентство; *Викжесдор* или *Викжель* — Всероссийский исполн. комитет железнодорожников; *Главкоюз* — Главнокомандующий юго-западн. фронтом; *Опояз* — Общество изучения поэтического языка; *Протофис* — Промышленно-торгово-финансовый союз на Украине; *Диск* — Дом искусств и *обдиски*, как шутливо называют себя обитатели «Диска». — К смешанному же типу относится *Шкряб* — школьный работник, *Губчека* — губернк. ЧК; *Цикука* — Центр. Исполн. комитет Украины.

Этот тип сокращений возник во время войны, но привился очень слабо.

V. Сложные сокращения, т. е. словосочетания, приведенные к подобию сложного слова. Сложных сокращений создано огромное количество, и они чрезвычайно разнообразны, но наиболее распространенными являются сложенные с *Глав* — или *Главко*, — т. е. «главный комитет», и с *центро*.

Главконефть — Главный нефтяной комитет; *Главтабак* — Главный табачный комитет; *Центрокнига* — Центральный комитет по книжному делу; *Центроблат* — Центральная политическая организация Балтийского флота; *продналог* — продовольственный налог; *дензнаки* — денежные знаки; *Госбанк* — Государственный банк; *Химуголь* — Трест химической промышленности; *автошкола* — автомобильная школа; *Автосекция* — Главное управление автомобилей; *агитпункт* — агитационный пункт; *ревтрибунал* — революционный трибунал; *политбюро* — политическое бюро коммунистической партии; *Главполитуправление* — Главное политическое управление — новое название ЧК; *комъячейка* (пишут ком'ячейка или же, что неправильно, — «комячейка») — коммунистическая ячейка; *компартия* — коммунистическая партия (*Р.К.П.*); *Жельдорога* — железная дорога; *Добрармия* — Добровольческая армия и т. д.

Возникновение сложных сокращений относится, по-видимому, ко временам большевизма. Во время войны было известно только одно сокращение, более или менее подходящее под V-ый тип: *Дармия* — Действующая армия. Они служат, главным образом, для обозначения различного рода хозяйственных учреждений. По своей распространенности они конкурируют со слоговыми сокращениями 3-его типа.

² НТО и ГПУ произносятся чаще всего по буквам, т. е. «эн-тэ-о», «гэ-нэ-у».

³ Подробный перечень военных сокращений приводится А. Мазон'ом, стр. 5 сл.

Среди языковых новшеств периода 1905—1922 гг. сокращения являются самыми «революционными» и заслуживают внимательного рассмотрения.

Всякое преобразование, если оставить в стороне заимствования, является **мотивированным** словом. Как обстоит дело в этом отношении с заимствованиями?

Сокращения типа I **опираются на буквы**: *к. р.* вместо «контр-революционер». Но к языку буквы имеют отношение весьма отдаленное, для неграмотных же они вообще никакой значимости не имеют.— Если Китти и поняла, что написанные Левиным буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? означают: «Когда Вы мне ответили: этого не может быть, значило ли—это никогда, или тогда?», то ведь круг мыслей у обоих в тот момент совпадал и был к тому же чрезвычайно определен. И тем не менее, от Китти потребовалось значительное усилие, чтобы расшифровать знаки Левина.— Можно утверждать, что буквенный тип сокращения абсолютно не мотивирован. Не приходится, следовательно, удивляться, что и продуктивность его так ничтожна.

Второй тип сокращений опирается на начальные звуки слов. Но звук сам по себе, вырванный из слова, вне речевой связи, не имеет языковой значимости. От набора звуков *с-к-в-у-з* никак нельзя заключить к «Совету комиссаров высших учебных заведений». Правда, известные звуки и комплексы звуков могут обладать экспрессивной значимостью. Так, например, комбинация *чеквалап* по некоторым причинам, которых мы не будем здесь касаться, чрезвычайно живописна для слуха. Но мы ошибемся, предположив, что подобный эффект совершенно не предусматривался создателями «Чрезвычайной комиссии по заготовке валенок и лаптей».

Итак, сокращения типов I и II являются словами-этикетками, т. е. словами, лишенными всяческой мотивировки, чем и объясняется их малая продуктивность.

Несколько иначе обстоит дело с типом III, опирающимся на начальные слоги, напр., *комбед* вместо «комитет бедноты».

Какова значимость слова в языке, если не касаться экспрессивной стороны? Вне слова обладать известной значимостью могут только **темы**. Там, где тема слова односложна, или даже там, где слог только приближается к объему темы, не говоря уже о двусловных сокращениях, как *полит-просвет* или *агит-пункт*, там слог перестает быть только фрагментом слова и приобретает некоторую значимость. Ср., напр., *бед* — (беднота), *арм* — (армия), *сов* — (совет), *шта* — (штаб), *спец* — (спе-

циалист), и т. д. Нельзя, однако, забывать, что эта мотивированность существует только для лиц, которые постоянно вращаются в кругу понятий, связанных с теми словами, от которых образованы сокращения. Там, где постоянно говорится о «советах», слог *сов* — может явиться заместителем слова *совет*. Но чем дальше подобное сокращение отходит от среды, породившей его, тем все больше и больше превращается оно в простую этикетку. Читая газету, мы встречаем, напр., выражение *истпарт*; нетрудно догадаться, что речь идет о чем-то, имеющем отношение к *партии* (парт),—или к *партиям*, или к *партийности* и т. д. Но что такое *ист*-? Приглядываясь к контексту, можно понять, что речь идет о каком-то учреждении, изучающем архивы. Подумав, можно прийти к выводу, что *ист* есть заместитель слова *история* или чего-то в этом роде. Тем не менее, остается неразрешенным вопрос, об истории какой партии или каких партий идет речь,—вообще ли политических партий в России или только какой-нибудь одной из них.—Этот маленький пример подтверждает нашу мысль о том, что слоговые сокращения не лишены известной мотивированности⁴. Поэтому они и являются ходовым типом сокращений.

По сравнению с типом III, **смешанные сокращения** IV-го типа являются шагом назад, ибо они вновь прибегают к звукам: *рос-т-а* вместо «Российское телеграфное агентство». Роль этих сокращений, как мы уже говорили, прямо ничтожна.

Наконец, совершенно особое положение занимают **сложные сокращения** (тип V). Здесь каждое слово берется в объем его темы, либо даже целиком (последний элемент сложного сокращения); подобные сокращения обыкновенно двойные, и оба элемента нередко связываются соединительной *гласной*, по примеру сложных слов: *центро-сахар*, *глав-табак*, *социал-изменник*, *национал-большевик*⁵ и т. п. Мотивированность подобных образований доступна пониманию широких кругов, и сложные сокращения имеют, на наш взгляд, больше всего шансов на распространение.

Структура сложных сокращений часто находится в противоречии с обычным русским типом словосложения и несколько приближается

⁴ И однако, много ль мы пойдем, читая современные московские вывески «Врывсель Промгвиу»; «Униторг»; «Мосторг»; «Центробумтрест» (центр. бумажный трест?); «Цустран» и т. д.?

⁵ Отметим «Зоологический национал» вместо «национализм», по противоположению с «интернационал».

к немецкому типу, ср. *Handtuch, Sprachlehre, Zeitwort*, или комическое *Hottentotenpotentatentantenattentäter*. Но, как это явствует из примеров, приводимых Р. Якобсоном, чувство архитектуры сложного слова начало затемняться в русском сознании еще до последней войны; ср., напр., такие перлы словотворчества, как *яичносклад* (= яичный склад), *сладкочай* (= сладкий чай), или создания И. Северянина: *белороза* (= белая роза), *златолира* (= золотая лира) и т. д. Если бы подобные сложения привились настолько, что стало бы возможным говорить *сложно-слово* вместо «сложное слово», *письмостол* или *письменностол* вместо «письменный стол», это была бы целая «революция», хотя она и затрагивала бы только небольшой уголок русского языка. Однако говорить о подобной революции пока еще преждевременно.

Таким образом, в большинстве случаев сокращения являются либо абсолютно немотивированными словами, либо словами недостаточно мотивированными и должны быть приравнены к словам-этикеткам. В сложных же сокращениях, где есть мотивированность, очень часто нарушена грамматическая сторона. Во всем этом сказывается искусственный, надуманный характер сокращений. Живой язык, а тем более народный язык, сам создавать сокращений не будет. Но он может принять навязанные ему, заранее сфабрикованные подобные слова, как принимает он заимствования, которые ведь тоже абсолютно не мотивированы. Здесь не место гадать, какие из подобных сокращений переживут падение большевизма и войдут если не в народно-разговорный, то хотя бы в литературно-разговорный язык. Заметим, однако, что сокращения в своей массе служат для обозначения учреждений и должностей административного аппарата. От подобных обозначений требуется обладать известной мотивированностью, ибо государственная администрация не есть простая сумма учреждений, но *система* учреждений, находящихся между собой в отношениях подчиненности и соподчиненности. Поэтому названия административных учреждений не могут быть простой номенклатурой, каталогом слов-этикеток, но должны отражать эти иерархические отношения. Из существующих сокращений более всего отвечают подобным требованиям сложные сокращения типа *центрофкнига, главкожа* и т. п. Но ведь как раз хозяйственные-то учреждения большевиков и имеют меньше всего шансов на долговечность.

V

СЛОВОПРОИЗВОДСТВО

До сих пор мы говорили почти исключительно о возникновении новых **основных** слов и только в редких случаях касались слов **производных**, так, напр., говоря о *халтуре*, мы перечислили его производные: *халтурить, халтурнуть, халтурщик, халтурничать*; или в связи с ЧК мы цитировали *чекист, чекистка, чекнуть, чикнуть*. Но мы совершенно не затрагивали вопроса о законах, которым подчинено словопроизводство, и о тех средствах, т. е. суффиксах и префиксах, которыми располагает русский язык для образования производных слов.

Роль словопроизводства в русской языковой системе настолько важна, что без ее рассмотрения нельзя себе составить сколько-нибудь полной картины эволюции языка за последние годы.

Отметим прежде всего, что количество основных слов прямо ничтожно по сравнению со всей массой производных слов, что особенно заметно, когда речь идет о глаголах. Теоретически говоря, от одного основного глагола можно образовать до *сотни* производных. Так, напр., рассуждая в теории, глагол *толкать* может образовать столько же префиксальных производных, сколько существует продуктивных префиксов (иначе, приставок), т. е. 19: *вытолкать, затолкать, притолкать* и т. д. Все эти глаголы перфективны, т. е. совершенного вида, и каждый из них в свою очередь производит по одному имперфективному (т. е. несовершенного вида) глаголу, пользуясь для этого особыми суффиксами: *выталкивать, проталкивать* и т. д. Некоторые из этих вторичных имперфективных глаголов могут образовать новые перфективные глаголы, но не более трех: *повыталкивать, перевыталкивать, навыталкивать*. Кроме того, от *толкать* производится однократный *толкнуть* и его префиксальные *втолкнуть, протолкнуть, вытолкнуть* и т. д.— Хотя на практике подобная семья никогда не превышает 30—40 членов, этого вполне достаточно, чтобы потопить основные глаголы в массе производных.

Значение словопроизводства сказывается еще и в других отношениях.

Важнейшие слова, т. е. имена существительные и прилагательные и глаголы, должны иметь особые формы, т. е. суффиксы, которые указывают на их принадлежность к той или иной грамматической категории, напр., мешоч-*ник*, мешоч-*нич-ать* и т. д. В некоторых случаях суффикс выражается отрицательным путем, т. е. фактом своего отсутствия в именит. падеже ед. числа, напр., стол, кон(-ь) и т. д.; подобный «отрицательный» или «нулевой» суффикс свойственен только именам существительным.— Чрезвычайно важно установить, в каком положении находятся эти формальные элементы в настоящее время, не появились ли новых суффиксов и префиксов, и если да, то откуда они взялись.

Изучая языковые новшества, мы стремимся определить их значение для всей системы языка, их удельный вес, иначе говоря—мы спрашиваем себя, насколько эти новшества находятся в соответствии с «духом» языка, не противоречат ли они этому духу, и в последнем случае мы имеем право говорить о «революции» в языке. Но «дух языка» — это его грамматика и формальные элементы, а не словарь.

Мы знаем, что английский словарь наполовину латино-французского происхождения, тем не менее, английский язык имеет свою чрезвычайно оригинальную физиономию. В русском языке насчитывается около сотни тысяч иноземных слов недавнего проникновения (за последние 200 лет)—и однако русский язык продолжает сохранять свой облик, потому что продолжает сохранять свою грамматику. Несколько конкретных примеров помогут нам объяснить эту мысль.

Литературное наречие русского языка не допускает склонения слов *пальто*, *какао*, *кофе*, *какаду*, *колибри*, *радио* и т. д., тогда как *все* имена существительные в русском языке склоняются,—следовательно, слова эти почитаются и ощущаются как иноземные элементы. Но народ склоняет *пальта*, *пальту*, *пóльта*, *пóльт...*, *кофей*, *кофея* ... или *кофий*, *кофия* и т. д., стало быть, для него это такие же русские слова, как «окно» или «поле». В литературном языке ряд глаголов вроде *атаковать*, *абонироваться*, *ангажировать* и т. д. имеют значение обоих видов — перфективного и имперфективного: «мы атакуем» означает и настоящее и будущее времена. Подобное двойное видовое значение находится в вопиющем противоречии с духом русского языка, который требует, чтобы каждый глагол имел только одно видовое значение. Из этого следует, что все подобные глаголы ощущаются как иностранные. Но народный язык, поскольку он употребляет подобные глаголы, немедленно их русифицирует и создает перфективные префиксальные *заангаживаться*, *заарестовать*, *затаковать* и соответствующие имперфек-

тивные *заарестовывать* или *арестовывать*, *организовывать* и т. п. Таким образом, для русификации иноземных слов язык пользуется суффиксами и префиксами, а также вообще словообразованием. Чем больше у данного слова производных, тем, стало быть, крепче вошло оно в русскую семью; ср., напр., *диктовать*, *диктант*, *диктовка*, *диктовочный* и т. д.

Заимствоваться могут и сами формальные элементы. Русский язык не только заимствовал ряд иностранных суффиксов, но даже пользуется ими для собственного словообразования: *чек-и ст*, *цар-и з м*, *старост-а т*, *картофел-и з а ц и я*, *заброн-и р-овать*, *рус-и ф и ц и р-овать* и т. д. Чрезвычайно важно определить, какие иностранные суффиксы и насколько проникли в наш язык.

Ниже мы приводим по несколько характернейших примеров производных на каждую словообразовательную категорию.

Образование глаголов

Современный русский язык различает *пять* классов или разрядов продуктивных глаголов. Все новообразования распределяются между этими типами.

I класс. -ать — -ают. а) **отыменные** глаголы образовывались только при помощи суффикса *-ничать*: *мешочничать*, *халтурничать* и т. п.; б) **отглагольные** все (за исключением *викжелять*, о котором будет речь особо; см. кл. IV) являясь вторичными имперфективными и образуются при помощи обычных суффиксов (т. е. *-ывать/-ивать*, *-евать/-ать*): *разбазаривать* (от *разбазарить*, см. класс IV), *заземлять* (от *заземлит*, см. класс IV) и т. д.

II класс. -еть — -еют (только **отыменные**). Нам удалось констатировать только *большев-еть*, напр., «он обольшевел», т. е. поддался влиянию большевизма; *футуреть* (ироническое), т. е. превращаться в футуриста; *лазуреть* и «зимеющие сумерки» (оба последние слова встретились у А. Белого).

III класс. -овать/-евать — -уют (-юют). а) **отыменные** образуются при помощи суффикса *-ствовать* или, но реже, *-овать*: *буржуистствовать*, *комиссарствовать* и т. п.; *зафильмовать*; *опайковаться*; *митинговать*; б) **заимствованные** образуются при помощи суффиксов *-иф-овать*, *-из-иф-овать*, *-из-овать* и реже *-овать*: *спекулировать*, *советизиро-*

вать (франц. *soviétiser*), *реквизировать* и *реквизовать*¹, *мобилизовать* и т. д. Все глаголы с иностранными суффиксами *-ир-* и *-из-* (нем. *-ieren*, фр. *-iser*, у немцев *-isieren*) образования литературного или даже учебного. Простой народ сам поступает иначе. Русские солдаты во Франции, заимствуя слово *engager*, говорили не *ангажировать*, как это принято, а *ангажевать*. Один солдат писал: «— ну я и *заангажовался*»². Мы нередко наблюдали, что русские интеллигенты, напр., студенты, живя в Швейцарии, говорили *гутировать* (*goûter* — для обозначения 5-часового чая), тогда как простые люди, напр., прислуга, завезенная за границу, образовали слово *гутэкать*.— В литературном языке суффикс *-ировать* применяется даже для русского словопроизводства, напр., *забронировать* (ср. «забронированные статьи бюджета» в Госуд. Думе), *докторироваться*, *магистриваться* и т. п.

IV класс. *-ить* — *-ят* (только **отыменные**). Почти каждое существительное (особенно с непродуктивными суффиксами) и многие прилагательные могут образовать глаголы IV класса. Напр., *халтурить*, *разбазарить*, т. е. распродать на сторону предметы, выработанные на заводе и подлежащие государственному контролю и сдаче; *угробить*, *заземлить*, опустить в землю концы проволоки полевого радио; *чеквалапить*; *викжельить*, т. е. лавировать в политике подобно Викжелю в октябре 1917 г. (к нему *викжелять*, явно уничижительное, по-видимому, создано по аналогии с «вилять» или «вихлять»); *комиссарить*³, *уплотнить* квартиру, *самоуплотниться* и т. д.

V класс. *-нуть* — *-нут* (все перфективные однократные): *халтурнуть*, *мобилизнуть*, *викжельнуть*, *дезертнуть*, *чекнуть*, *чикнуть*, *спекульнуть*, *покернуть*, *блефнуть* и т. п.

Непродуктивные типы (*писать*, *кричать*, *гореть*, *гаснуть*, *идти*, *печь*, *бить* и т. д.), как и следовало ожидать, не дали ни одного новообразования⁴.

¹ Недавно в одной заграничной газете нам встретилось образование «эволюционизировать».

² См. Лидия Крестовская, *Из истории волонтерского движения во Франции*, стр. 28, Paris, 1921.

³ На Сухаревке торговки кричат на красноармейцев: «Да ты чего это *раскомиссарился-то!*»

⁴ Законы глагольного словообразования подробно рассмотрены нами в статье «Classification naturelle des verbes russes» (Журнал *Slavia*, 1922, № 2—3, Praha).

Образование имен существительных

Главная масса производных служит для обозначения деятелей и деятельниц (*nomina agentis*), что является столь естественным в эпоху революции.— Для образования же имен неодушевленных употреблялись главным образом женские суффиксы *-ка* и *-ость* (литературный) и, реже, среднего рода *-ство*.

А. Мужской род.

-ец: *партиец*, *евразиец*, *бундовец*, *наркомпродец*, *назначенец*, *выселенец* (из прифронтовой полосы), *снабженец* (служащий по снабжению), *корниловец*, *каппелевец*, *деникинец*, *учредиловец* (сторонник Учр. Собрания), *беженец* (занесено впервые в последнюю Русско-турецкую войну; так звали в Болгарии бежавших из Македонии).

-ик: *большевик*, *меньшевик*, *подпольник* (ведущий тайную большевистскую пропаганду в пограничных государствах), *ускоренник* (с ускоренных курсов для военного обучения), *обратник* (сперва русские рабочие из Америки, возвращавшиеся в Россию, а затем и все эмигранты, едущие на родину), *сыпник* (сыпно-тифозный больной), *трудовик* (из трудовой партии в Госуд. Думе), *рядовик*, *наркомпродчик* (служащий по комиссариату продовольствия), *халтурщик*, *совдепщик*, *самогонщик*, *правозаступник* (новое название для адвокатов), *подводчик* и т. д.— Имена неодушевленные встречались редко: *броневик* (бронированный автомобиль), *субботник* и *воскресник*⁵, т. е. день, посвященный «добровольной» спешной работе.

-тель: *углубитель* революции; *соглашатель*, сторонник соглашения, коалиции с буржуазными партиями.

-няк (народный): *середняк* по терминологии большевиков среднезажиточный крестьянин; *сыпняк* — сыпной тиф (другая форма — *сыпок* — скоро вышла из употребления).

-ач (народный). Этот суффикс, почитавшийся непродуктивным, дал несколько народных новообразований: *басмач*, противобольшевицкий повстанец в Бухаре; *никач*, противобольшевицкий повстанец-крестьянин в Сибири, вооруженный пикой; *слухач*, телефонист в окопах; *толкач* (прежнее значение «пест») переосмыслен как посредник при сделках, главным образом при транспортных,— его назначение «толкать» дело, особенно же продвигать поезда с грузом; *рвач*, *циркач*; *смехах* (литерат.).

⁵ В 90-х гг. «воскресник» обозначало «ученик воскресной школы», а среди педагогов нередко и «учитель в воскресной школе».

-ун встретился в народном переосмыслении: *ревун*, прежде «плакса», теперь же так называют детей, брошенных по дорогам и ревуших от голода.

Из иностранных суффиксов самыми ходовыми были *-ист*, *-изм* и *-ант*.

-ист: *чекист*, *хвостист*, *империалист*, *генштабист* (офицер Генерштаба), *лучист*⁶.

-ант: *спекулянт*, *саботант*, *курсант* (вместо непривившегося «курсист»).

-атор: *агитатор*, *украинизатор*, *ликвидатор*.

-ер/-ёр: *милиционер* (в народе «милицейский»), *паникёр*, возбудитель паники по трусости; *дезертёр*, наряду с *дезертир*; вновь ожившее *мародёр*, по-прежнему передельываемое народом в *миродёр*.

-изм: *большевизм*, *меньшевизм*, *царизм*, *колчакизм*, *циммервальдизм*, *классизм*, т. е. учение о борьбе классов и т. д.

-ат: *старостат*, *раввинат*, *наркомат*, т. е. Народный Комиссариат.

-аж: *шпионаж*, наряду с более русским *шпионство*; *саботаж*, *ажютаж*, *пилотаж* (в авиации).

-ит: *сестрит* (венерическая болезнь, захваченная от сестры милосердия, — из военного жаргона).

В. Женский род.

Имена деятельниц, образованные от соответствующих имен мужского рода, не представляют интересных особенностей: *партийка*, *доброволлица* (из женских батальонов), *учредиловка*, *большевичка*, *беженка*, *чекистка*, *соглашательница*, *спекулянтка*, *саботажница*⁷, *агитаторша*, *милиционерша*, *халтурщица*, *нэпманиха* (ироническое употребление народного суффикса *-иха*); упомянем также народное *докторица*, наряду с *докторша*. — Гораздо более интересно производство имен предметов неодушевленных.

-ка: *учредилка*, *изобразилка*, *моргалка*, *семилетка*, *школа* и т. п., о которых уже говорилось раньше; см. гл. I.

-щина: *керенищина*, *скоропадщина*, *передонощица*, *советщина*, т. е. принудительная работа (ср. «барщина»).

⁶ Различные направления в современном искусстве: имажинисты, экспрессионисты, лучисты и т. д.

⁷ Среди имен неодушевленных отметим *здравица*, возникшее во время войны, по-видимому, по инициативе Николая II, и призванное заменить собою иностранное *санаторий*.

-ость (литерат.): *оппозиционность*, *революционность*, *всеобщность*, *обращаемость*, *уличность*, *ударность*.

-ия (литерат.): *совдепия*, т. е. советская Россия (создано в белых армиях); *Скоропадия* (см. выше «скоропадчина»), т. е. гетманская Украина, по шуточной этимологии производилось от «скоро падет»; *Красновия*, т. е. область Войска Донского с атам. Красновым во главе; *Деникия*.

-ада (литерат.): *керениада*, *коммунада*.

-изация: интересное русское образование *картофелизация*, т. е. перевод известных земель на культуру картофеля.

С. Средний род.

Если оставить в стороне отглагольные существительные на *-ние* (*викжеляние*, *разбазаривание* и т. п.), то единственным продуктивным суффиксом оказывается *-ств* в о: *деникинство*, *вильсонистанство*, *либерданство* (от имени Либера и Дана, меньшевистских лидеров), *буржуйство*, *мешочничество*, *оборончество* и *пораженчество*, *прислужничество*, *соглашательство*, *социал-предательство*, *культурничество*, *ликвидаторство*, *халтурничество* и т. д.

Образование прилагательных

Наиболее продуктивным суффиксом для образования относительных прилагательных является **-ский (-цкий)**: *советский*, *соведпский*, *соглашательский*, *циммервальдский*, *деникинский*, *колчаковский*, *пораженческий*, *беженский* и *беженецкий*, *большевицкий* (и *большевистский*), *сменовеховский*, *нэповский*, *учредиловский*, *монархический* и т. п. — Иностраный суффикс **-ист** настолько уже усвоен литературным языком, что встречается не только в прилагательных, образованных от имен на *-ист*, как *чекистский*, *цекистский*, *монархистский*, но и таких, как *большевистский*, *меньшевистский* вместо правильных и единственно употребляемых в народе, а в Москве и всеми кругами в разговоре — *большевицкий*, *меньшевицкий*.

Качественный суффикс **-истый** встречается в *викжелистый* (по аналогии с *извилистый*).

Иностранцами суффиксами являются *-ци-онный* и *ар-ный*: *революционный*, *оппозиционный*, *коалиционный*, *планетарный*, *аграрный*⁸.

⁸ Отметим, как курьез, прилагательное *мальчиковый* на одной из вывесок в Москве в дни нэпа: «Обувь дамская, детская и мальчиковая».

Очень употребительны также иностранные элементы **анти-**, **про-** и **контр-**, принявшие характер префиксов: *антибольшевистский*, *антисоциальный*, *антисоветский*; *пробольшевики*, т. е. сторонники большевиков (в деревнях это слово нередко толковалось как «противобольшевики»); *контрразведка* — во время Мировой войны — учреждения для борьбы со шпионажем; во время же гражданской войны — учреждения при белых армиях, зачастую принимавшие характер, близкий к чрезвычайкам.

Нет особенной надобности останавливаться над **сложными** словами нормального строения (об аномалиях, см. в гл. IV, сокращения V-го типа). Упомянем только: «*самоопределение народов*», откуда шуточное *самоопределиться*, т. е. провозгласить свою независимость. Слово это было в 1918 г. так же популярно, как в свое время *разъяснить* в значении «упразднить», «устранить от выборов», «лишить избирательных и иных прав», после известных сенатских разъяснений к измененному Положению о выборах в Государственную Думу. *Золотопогонник* — офицер. *Доброволец* и *добровольца* (из женских батальонов). *Самогон*, *стеналез*. *Старорежимный*. *Красногвардеец*. *Чехособаки*, ругательное обозначение чехословацких легионеров. *Хамодержавие*. *Хамовоз*. *Правозаступник*, т. е. адвокат. *Самоуплотниться*, т. е. самим заполнить квартиру так, чтобы нельзя было в нее вселять посторонних. *Аэропочта*. *Авиограмма*. *Радиосвязь*. *Телефонограмма*.

VI

«ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА»

Таким соблазнительным определением некоторые наблюдатели любят характеризовать сущность процессов, происходящих в русском языке в наши дни¹. Мы готовы подписаться под первой частью этого определения. Действительно, почти все словарные новшества, о которых мы говорили до сих пор, прямо или косвенно обязаны своим происхождением революции, т. е. всем тем социально-политическим потрясениям, которые, начавшись около 1905 г., привели, наконец, к полному сдвигу русского пореформенного быта. Нет сомнений — это «язык революции». Напротив, нет никаких оснований говорить о «революции языка» (правильнее было бы сказать о «*революции в языке*»). Нельзя даже безоговорочно согласиться с мнением А. Баранникова о том, что «... в русском языке мы наблюдаем развитие ряда процессов, которые вносят совершенный переворот в прежнее положение вещей»². — Попробуем подвести итог нашим наблюдениям над словарными новшествами в русском языке и определить, насколько они согласны с «духом языка» или, напротив, противоречат ему. Тем самым будет дан ответ на вопрос о «революции в языке».

Мы указывали уже, что дух языка определяется его *грамматикой*, а не словарем. В русской же грамматике не наблюдалось за последние годы никаких сколько-нибудь серьезных сдвигов. В области *словотворчества*, непосредственно примыкающей к грамматике, мы констатировали широкое применение некоторых иностранных формальных элементов, вспомним хотя бы *цафизм*, *чеккист*, *забронировать*, *старостат*, *пробольшевики*, *контрразведка*, известных уже и раньше некоторым социальным группам. Произошла, так сказать, «демократизация» этих слов полуиностранного происхождения. Однако, можно а priori утвер-

¹ См., напр., Екат. Ремпель, *Язык революции и революция языка*. — Заглавие статьи несомненно навеяно заглавием Марксовой брошюры «Философия нищеты и нищета философии».

² Проф. А. Баранников, *Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. I. Влияние войны и революции на развитие русского языка*.

ждать, что пока что эти формальные элементы иностранного происхождения не являются продуктивными за пределами узкого круга интеллигенции и, пожалуй, соприкасающихся с ними отдельных групп городских рабочих.—С другой стороны, наблюдалось оживление некоторых суффиксов, почитавшихся мертвыми, ср., напр., *никач*, *слухач*, *басмач*. Но оживление это наблюдается только в народном языке, где суффикс *-ач*, возможно, вовсе и не умирал, а продолжал оставаться продуктивным.—Встречаются *сложные слова*, образованные несогласно с законами сложения слов, присущими русскому языку. Они являются, по большей части, продуктом индивидуального и всегда нарочитого творчества, либо просто сколком с немецкого: *социал-изменник*, *национал-большевик*, *бело-роза*, *яично-склад*, *сладко-чай* и т. п. Ничто не дает права думать, чтобы подобный способ словосложения начал бы уже прививаться в живом разговорном языке даже интеллигенции, не говоря уже о народных массах.

Перейдем к словарю.

Что касается *пересмыслений*, то мы уже отмечали, что они покоятся на всевозможных ассоциациях, возникающих поминутно в нашем сознании между новыми представлениями и прежними, уже отложившимися в слове. В языке же всё может ассоциироваться со всем. Нет, стало быть, и не может быть никакой мерки для того, чтобы судить, насколько «революционны» или, наоборот, «реакционны» эти ассоциации.

Заимствования свойственны всем языкам и во все эпохи. Конечно, иногда к ним прибегают более часто, иногда, напротив, их появления меньше, в зависимости от исторических условий, от прогресса техники и т. п. Заимствуя в большом количестве и одновременно иностранные слова для обозначения повседневных предметов или душевных переживаний, для которых уже имеются русские обозначения, мы рисковали бы еще более углубить и сделать непроходимой ту пропасть, что разделяет словарь народный и словарь культурного общества. Однако подобного явления в наше время не наблюдается. Заимствуются, главным образом, технические термины. Кроме того, проникая в русский язык, подобные заимствования вызывают здоровый процесс синонимической дифференциации: понятия разграничиваются и уточняются, ср., напр., *резиньяция* и *покорность*, *пиэтэт* и *уважение*, *рафинированный* и *утонченный*, *этатизм* и *государственность*. В результате наш внутренний мир от этого выигрывает, как выигрывает и наш словарь, обогащаясь новыми словами.—Вообще говоря, под за-

имствованием нужно понимать проникновение слов из какого-нибудь специального языка (технического жаргона или говора какой-нибудь социальной группы, областного языка и т. д.) в язык общий.

Здесь было бы уместным остановиться поподробнее на вопросе о переводе с иностранного. Многие склонны полагать, что в интересах чистоты родного языка лучше говорить *светопись*, чем *фотография*; *народоправство* вместо *демократия*; *звуковой* вместо *фонетический*, *правописание* вместо *орфография* и т. д. Но это далеко не всегда так. Бывает, напр., что, переводя на русский язык мотивированность, заключенную в иностранном слове, при этом погрешают против духа родного языка. Так, напр., переводя *aussehen* через *выглядеть*, упустили совершенно из виду, что русский префиксальный глагол должен быть перфективным, ср. русское «он *выглядел* себе невесту». Этим был совершен гораздо больший грех против родной грамматики, чем тот, который совершают, заимствуя иностранные слова. С другой же стороны, совершенно излишне и даже вредно переводить технические научные термины. Термин должен быть этикеткой; всякое описание, заключенное в термин, будучи происхождения субъективного, должно мешать мысли и может даже направлять ее по ложному пути. Возьмем, напр., из химии понятие С (углерод). В данный момент оно так сложно, что определяется всей суммой человеческих познаний о природе, завтра же, с прогрессом знания, оно будет либо еще сложнее, либо изменится как-нибудь иначе; стало быть, никакое конкретное представление об *углероде* не может служить сколько-нибудь адекватным его определением. Все говорит за то, что подобное понятие должно обозначаться ничего не говорящей воображению этикеткой, а отнюдь не описательным словом. Правда, образность, заключенная в термине, быстро улетучивается, и, напр., слова *кислород*, *водород*, *углерод* теперь уже совершенно безобразные этикетки. Но тогда к чему же отягощать и затруднять ход абстрагирующей мысли переводом иностранных терминов и оживлением их уже забытой этимологии, вместо того чтобы прямо заимствовать слова-этикетки. Не нужно забывать, что наука заинтересована в создании единообразной интернациональной терминологии. Отметим еще, что образный термин не всегда пригоден для образования от него производных. Мы рассуждаем об «атмосферических явлениях», но какое прилагательное употребляли бы мы, если бы по совету Даля заменили «атмосферу» *колоземицей*? Могли ли бы мы тогда говорить, напр., о «*моральной атмосфере*»? «Нравственная колоземица» — это звучит дико. Можно пользоваться понятиями «*перфектив-*

ный глагол», *перфективность*, *перфективизация* и, с другой стороны, *имперфективный*, *имперфективность*, *имперфективизация*, но от описательного термина «глагол *совершенного вида*» невозможно образовать подобных производных.

Нам остается еще поговорить о *сокращениях*. Их-то, главным образом, если не исключительно, и имеют в виду, когда говорят о революции в языке. Так, А. Баранников пишет о сокращениях: «...все подобные образования совершенно противоречат принципу сложения слов в русском языке». В этом нет ничего удивительного, ибо сокращения, как мы уже указывали, вовсе не являются «сложными» словами, исключая тип V, как *главкожа*. Во-вторых же, не следует ни на минуту забывать, что сокращения — это просто условная терминология, вроде той, которую пользуют купцы для обозначения цен на товарах или которую употребляют в телеграфных сношениях. Для того же, чтобы подмен слов начальными звуками или даже слогами стал обычным приемом в русском языке, т. е. в том языке, которым говорят мужики и интеллигенция, старики и дети в Москве, равно как во Владивостоке, звуки и слоги должны были бы вдруг приобрести совершенно иную значимость, чем та, которая им присуща во всех флексирующих языках. Это была бы, действительно, революция, в результате которой русский язык выступил бы из семьи индоевропейских языков. Тогда, конечно, и «сокращения» как таковые просто исчезли бы, ибо границы слова стали бы определяться границами его прежнего начального слога или даже звука. Все это, само собой, только фантазия. Всякое «сокращение» предполагает сосуществование слова и только потому и возможно, что в живом языке живут слова.

Итак, серьезно говорить о «революции» в русском языке не приходится³, ибо все процессы, наблюдающиеся в русском языке, являются обычными нормальными языковыми процессами, но с ускоренным темпом.

³ Таково же мнение проф. Селищева, см. *Филологическое обозрение* за 1919—1921 гг., стр. 5.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы не могли, по недостатку места, касаться в нашем очерке целого ряда вопросов, естественно возникающих, когда речь идет о новых явлениях в русском языке.

Мы говорили только о *возникновении* новых слов и совершенно умолчали об *умирании* слов. Но мертвые слова — это как раз *по забытые* слова, и чтобы вспомнить о них, нужно большое усилие и систематические розыски. Вообще говоря, умирают слова неохотно: исчезает явление, а понятие все еще живет в исторической памяти. Нет больше *повытчиков*, *городничих*, *воевод*, *дьяков*, но слова все еще существуют. Тургенев звал тазик *лоханкой*, мы же называем так только ушат (если оставить в стороне медицинский термин «лоханки»). Разыскать, какие значения слова «лоханка» являются теперь мертвыми, это дело историка языка.

Мы не можем, по недостатку места, касаться некоторых психологических и стилистических явлений. Иначе, следовало бы, напр., подробно остановиться на появлении и ходовом употреблении в литературном языке таких слов и выражений, которые совершенно не допускались в прежние годы литературными приличиями. Напр., слова *сволочь*, *похабный*, «*по божьей матери*» (эвфемизм известного ругательства) и т. д. не только слышатся, но даже пишутся. В большевицких прокламациях и газетах постоянно встречается выражение «*белогвардейская сволочь*»; Брест-литовский мир официально именуется *похабным* и т. д. Как бы ни относиться к подобному явлению — видеть ли в нем некоторое огрубение литературных нравов и вкуса или же только изгнание лицемерной pruderie, — нужно признать, что началось оно еще до большевиков. Словесная невоздержанность проникла в литературу, главным образом, благодаря М. Горькому. Затем у Л. Андреева в пьесе «Савва» встречаются едва замаскированные матерные ругательства. — Рассмотрение этого рода новшеств в русском языке завлекло бы нас далеко за пределы 1905 г.

Интересный, но очень сложный вопрос представляет перемещение ударения в некоторых словах за последние 20—30 лет. Мы уже боль-

ше почти не говорим *буржуазия*, *демократия*, как говорили в прошлом, но *буржуазія*, *демократія*; почти никто из современников не говорит *филолог*, *фонограф*, но *фило́лог*, *фоно́граф* и даже *документ* (ср. народное *инструмент*). Это перемещение ударения отмечает и Р. Якобсон, в своей прекрасной статье «Влияние революции на русский язык»; там же высказывается ряд интересных и ценных соображений о месте ударения в сокращениях.

Следовало бы также отметить, что некоторые русские слова проникли в иностранные языки: *погром*, *большевик*, *меньшевик*, *совет* (*советизировать*); под русским же влиянием оживило слово *коммунист* со всеми его производными, а также появилось *fraterniser* и приняло новое значение *sich brüdern*. Все они стали теперь совершенно интернациональными.

Вполне сознательно не обмолвились мы ни одним словом о новой академической орфографии. Орфография не есть язык, и как бы «революционна» она ни была, к языковой революции она не имеет никакого отношения. Напишем ли мы по новой орфографии: *мешочник*, *автосекция*, *сменовеховцы* или по Гроту *мѣшочникъ* (даже *мѣшечникъ*), *автосекція*, *смѣновѣховцы* — слова эти все равно остаются новшествами, и всё в той же степени.

Автор будет глубоко благодарен всем лицам, которые пожелали бы сообщить ему результаты своих наблюдений над жизнью русского языка за 1914—1922 гг., особенно над языком русских беженцев и военнопленных. Было бы желательным, чтобы при этом указывалось, когда и при каких обстоятельствах было констатировано то или иное слово, та или иная форма и нет ли соответствующих им выражений в местном языке. Корреспонденцию нужно посылать на имя автора (Serge Kartsevski) по адресу издательства.

III

РЕЦЕНЗИИ

«Г. Винокур. Культура языка. Очерки лингвистической технологии». Язык быта. Язык прессы. Искусство слова и культура языка. Культура чтения.— М.: Работник Просвещения, 1925.— 216 с.— Тираж 8.000 экз. Цена 2 р. 50 к.*

«Какова полезность языкознания?»,— спрашивал де Соссюр и отвечал: «мало кто имеет об этом ясное представление. Но, очевидно, напр., что лингвистикой должны интересоваться все, кому приходится обращаться с текстами — историки, филологи и т. п. Однако еще более очевидно значение лингвистики для общей культуры. В жизни индивидуумов общества язык является наиболее важным фактором среди всех других. Было бы недопустимым, если бы изучение его осталось делом кучки специалистов: в действительности, всякий человек в той или иной мере занят языком».

Г. Винокур справедливо полагает, что «общее развитие нашей культуры невозможно без развития культуры лингвистической. Убийственное равнодушие и высокомерное безразличие к вопросам языка — этого основного и важнейшего фактора человеческой культуры, в духе которого воспитывалось русское культурное общество в течение почти целого столетия, привело в конце концов к тому, что мы не только потеряли живое и непосредственное чувство языка, чувство стиля, но и вообще совершенно не умеем справляться с самыми элементарными, повседневными лингвистическими нашими нуждами» (стр. 4). Т. е. мы не умеем достаточно различать речевые стили: журнальную статью, газетную статью, деловое письмо, дружеское письмо, научную лекцию, популярную лекцию, непринужденную беседу, политическую речь, застольное слово и т. д. и т. д. Не умеем сообразно с обстановкой мобилизовать каждый раз иные языковые средства, т. е. подобрать выражения, построить фразы и связать их так, чтобы наша речь отвечала требованиям *точности, краткости и яркости* в условиях данного задания.

---

* Впервые опубликовано: *Русская школа за рубежом*. Прага, 1926. №17. С. 536—538.

Сошлемся на наш редакторский опыт. В редакцию поступают десятки рукописей. Но авторов, умеющих или хотя бы только стремящихся владеть техникой журнальной речи, можно перечесть по пальцам. Обычны — многословие, и стало быть, пустословие, хождение вокруг да около, нежелание или неумение быть точным и выразительным (экспрессивным). Почти никто не умеет разделить текст на абзацы и главы, дать краткое, точное и яркое заглавие.

Объяснению причин нашего неумения писать и говорить можно было бы посвятить целый трактат. Можно было бы связать это явление с русской нелюбовью ко всему «формальному» и «условному» и со стремлением к «простоте» и «искренности», принимая все эти выражения в их толстовском понимании. Но здесь мы остановимся только на нашей школе.

Школа не вырабатывает умения писать и говорить. А таковое неотделимо от пристального изучения родного языка и разных речевых установок. Обучение речи в школе не покоится ни на каких научных принципах, ибо учителя не имеют представления о науке о языке. Письменные работы в школе произвольны, тогда как нужно, чтобы дети писали только о том, что является у них внутренней потребностью самовыражения (создать ее — дело учителя), или то, что требуется от них самим ходом жизни: прошения, расписки, объявления, деловые письма, корреспонденция с другими школами или даже классами (опять таки дело педагогов создать эти необходимости). Не должно быть работы ради процесса работы, у каждой работы должна иметься внеположная цель, она должна служить для какого-то вне ее лежащего использования. Тогда только бросится в глаза, что в зависимости от задания меняется и речевой стиль, т. е. подбираются иные выражения, иначе строятся и иначе связываются фразы. А здесь может возникнуть и необходимость и желание изучить эти средства выражения (даже и вне их представленного практического использования): различные упражнения в «стиле», переложения из одного стиля в другой, напр., происшествие, составляющее сюжет рассказа Л. Толстого «Акула», изложить стилем корабельного журнала и т. п. Тогда выкристаллизуется и представление об эстетической установке, об использовании средств языка в художественных целях, а еще позже придет время для изучения индивидуальных особенностей стиля мастеров художественного и ораторского слова.

Г. Винокур ставит вопрос о возможности «прикладного языкознания» и отвечает на него утвердительно. В своей аргументации он исхо-

дит из учения де-Соссюра о статической лингвистике и о различии: **a) *langage*** (способность речи), **b) *langue*** (социально-организованные средства речи в целях коммуникации) и **c) *parole*** (индивидуальное говорение, т. е. пользование языком-*langue*). Таким образом, дело идет об «индивидуальном использовании традиционной языковой схемы в самой различной обстановке социального быта» (стр. 24), т. е. о социально-утилитарном использовании нашего повседневного лингвистического опыта.

В главе, посвященной «языку быта», Г. Винокур пути морализующего пуризма предпочитает путь научный. Автор стремится не столько забронировать русский язык от всякого рода «нововведений», сколько разъяснить их смысл и содержание и взглянуть на них как на «совершившийся факт», с точки зрения того, «как могут быть эти новые факты целесообразно и разумно использованы». «При наличии подлинной культуры языка исчезает и самая потребность в пуризме, ибо функции его переходят к коллективному лингвистическому сознанию. Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистики культурного общества». — Современное языкознание переживает кризис, в результате которого — по мнению автора — наука о языке должна будет сблизиться с филологией, трактующей слово как культуру. Возможность для лингвистики ставить вопросы языка не только как вопросы культурной истории, но также как вопросы *культурного быта* дает оправдание работе Г. Винокура в его собственных словах.

Книга Г. Винокура отнюдь не претендует на систематическое и полное изучение вопроса, еще менее она может служить руководством по стилистике¹. Но она затрагивает целый ряд интереснейших проблем и очень пригодится и педагогу и каждому культурному человеку. Нельзя не отметить, что изложение Г. Винокура далеко не отвечает тем принципам краткости, точности и яркости, о которых мы говорили. Затем, лучше говорить «грамматист», чем «грамматик», и «фонетист», чем «фонетик», чтобы сильнее отграничить их от слов «грамматика» и «фонетика».

¹ Наилучшим и систематическим сочинением по вопросу о языковых средствах выражения является книга Ch. Bally, *Traité de stylistique*, 2 тома. 2-е изд. Гейдельберг, 1921.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ШКОЛА*

Очерк первый

Стало общим местом говорить о кризисе, переживаемом школой в области преподавания родного языка. Конечно, дело обстоит плохо не только в русской школе. На Западе также давно осознана необходимость радикальной реформы в этой области¹. В основе реформистского движения лежит признание коренного, непоправимого расхождения между научной и так называемой «школьной» грамматикой. Поэтому многие склонны и самый кризис трактовать как кризис преподавания грамматики. Но это не совсем точно. Речь идет и о грамматике и о семантике, словом — о языке в целом.

До совсем недавнего времени в школе царили такие взгляды на язык, которые имели свое оправдание лет 50—60 тому назад, когда и самая наука о языке переживала во многих отношениях «донаучный» период. И вот стремление реформистов направлено к тому, чтобы то, что сообщается детям о языке, было в согласии с данными языкознания, или по крайней мере не противоречило бы выводам науки.

В настоящем очерке мы предполагаем напомнить вкратце историю этого реформистского движения и лишний раз коснуться и породивших его причин². Это помогло бы нам лучше разобраться в положении дел в настоящем.

* Впервые опубликовано: *Русская школа за рубежом*. Прага, 1924. №4. С. 112—118.

¹ См., напр.: *The teaching of English in England* (The report of the departmental committee appointed by the president of the board of education). London, 1921.—Ferdinand Brunot, *La pensée et la langue*. Paris, 1922.—Charles Bally, *Traité de stylistique française*. Heidelberg 1921 (см. также его же статью *Преподавание родного языка и формирование мысли* в № 4 нашего журнала.—L. Sütterlin, *Die deutsche sprache der Gegenwart*. Leipzig, 1921 и т. д. и т. д.

² Подробнее об этом см.: Проф. К. С. Державин, *Основы методики преподавания русского языка и литературы в трудовой школе*. Ч. II. *Преподавание грамматики*.—Гос. изд-во, 1923.

Еще совсем недавно русская школа жила заветами *логико-грамматического направления*, т. е. заветами тех, кто отождествлял грамматику с логикой. На этой точке зрения стояли наши первые грамматисты: Ломоносов, Барсов, Востоков, Греч; ее же положил в основу своего труда создатель методики преподавания русского языка Ф. И. Буслаев³.

Буслаев полагал, что язык во всей точности выражает логические отношения мышления⁴, предложение есть выражение суждения, части речи различаются по синтаксическому употреблению и по значению. Так, напр., для него слово «солнца» в словосочетании «восход солнца» есть определение; «из лесу» и «в деревню» в фразе «Волк из лесу в деревню забежал» являются обстоятельствами; предложение «При восходе солнца небо бывает прекрасно» будет сокращенной формой предложения «Когда восходит солнце (небо бывает прекрасно)» и т. д. Подобный «грамматический разбор» слишком всем нам знаком, чтобы останавливаться на нем долее.

Научные воззрения Буслаева определяют в значительной степени и его взгляды на преподавание родного языка.—Все внимание учителя должно быть обращено «на лицо учащегося», предмет же изучения остается только средством к духовному развитию ученика. Самое важное — это чтобы дети умели «понимать и судить». «Всегда и везде ищи значения представлений и отношений, выражаемых формами». Всё грамматическое учение должно быть основано на чтении писателя; главная задача заключается в том, чтобы дети ясно понимали прочтенное и умели правильно выражаться словесно и письменно. Словом — грамматика есть искусство правильно читать, писать, говорить и даже думать.

Хотя давно уже никто не верит, чтобы грамматика могла научить правильно говорить и писать, тем не менее, идеи Буслаева вдохновляли в течение более чем полувека авторов наших наиболее известных учебников: Смирновского, Абрамова, Говорова, Красногорского, Л. Полливанова, Петрова и т. д., и безраздельно господствовали в русских школах.

Несколько особую позицию занял в свое время *Ушинский*⁵.

Ушинский тоже полагал, что грамматика есть логика, воплощенная в языке. «Грамматика, говорил он, нужна не для одного только право-

³ Ф. И. Буслаев, *О преподавании отечественного языка*. М., 1844.

⁴ См. его *Историческую грамматику русского языка*, особенно *Введение*.

⁵ См. *Руководство к преподаванию по «Родному слову»*.

писания, но и для логического развития мышления и для практических нужд изучения иностранных языков». Но как педагог, он понимал, что изучение грамматики нужно строить не на чтении писателя, но что оно должно проистекать для ребенка *из его собственных наблюдений над тем, как он говорит*. Очень ценные соображения высказывал Ушинский по вопросу о классификации частей речи. Он предлагал принять за основание подобной классификации: 1) знаменательность или служебность слова, 2) его изменяемость или неизменяемость по флексиям и 3) самостоятельное значение слов знаменательных и служебное значение слов служебных. К служебным словам он относит не только союзы и предлоги, но и местоимения. Различая изменение слов по флексиям и словообразование, Ушинский относит к словообразованию изменения по залогам, видам, степеням сравнения, а также образование причастий и деепричастий.

Совершенно правильно оценивает роль Ушинского проф. Н. С. Державин, когда говорит, что оставаясь в своих взглядах на логико-грамматической точке зрения, Ушинский сосредоточивает все свое внимание на вопросах преподавания грамматики в младшем возрасте, видит существенное значение изучения здесь грамматики в том, что она помогает усвоению грамотности и воспитывает элемент самонаблюдения,— и дает интересную систему первоначальной грамматики или, как он говорит, «провизуарную» грамматику как попытку «выйти наиболее сносным образом из того стесненного положения, в которое поставлен всякий преподаватель, с одной стороны — неустановившимся состоянием наших самых основных грамматических понятий, а с другой — необходимостью сообщать эти понятия детям».

Главным противником логико-грамматической точки зрения выступил проф. А. А. Потебня. Его главные труды: *Мысль и язык* (1862 г.); *Из записок по русской грамматике: I. Введение* (1873 г.), *II. Составные члены предложения и их замены* (1874 г.), *III. Об изменении значения и заменах имени существительного* (1899 г.). Говоря о Потебне, необходимо напомнить о многочисленных трудах проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, разрабатывавшего идеи Потебни и популяризовавшего их. Так было положено основание новой точке зрения, которая при дальнейшем своем развитии получила название *формально-грамматической* и которая в настоящее время и вдохновляет вождей реформистского движения.

Первым, кто заговорил о проведении новых идей в школу, был А. Дмитриевский (*Практические заметки о русском синтаксисе*, — «Филологические Записки», 1877 г., и *Еще несколько слов о второстепенности под-*

лежащего, там же, 1878 г.). Автор говорит, что с появлением «Из записок по русской грамматике» русский синтаксис в научном отношении стал на верную дорогу, но что школа наша все еще повторяет зады. Критикуя распространенные тогда учебники Антонова, Говорова, Кирпичникова, он, исходя из замечания Потебни — «предложение может вовсе не заключать в себе логического суждения», приходит к выводу, что предложение выражает всякий акт мысли, будет ли то суждение: «человек смертен», понятия: «Диковина!», «Разбой!» и представление: «Нездоровилось» и даже впечатление: «Больно».

Против смещения логики и грамматики выступал в свое время В. Сланский, автор очень интересной книги *«Грамматика, как она есть и как должна быть»* (СПб., 1887). Особенное оживление в лагере противников рутинной школьной грамматики начинается около 1900 г. Проф. Е. Будде в статье *Грамматика русского литературного языка, как предмет изучения в университете и в средней школе* (Русская Школа, 1901 г.) выясняет, что под именем «грамматика русского языка» в нашей средней школе изучается вовсе *не грамматика* и вовсе *не русского языка*.

Исключительно важную роль сыграл Д. Н. Овсяннико-Куликовский и как автор учебников и как автор статей, посвященных вопросам преподавания родного языка⁶.

Овсяннико-Куликовский предлагает перенести преподавание синтаксиса в VI или, еще лучше, в VII класс, ввиду недоступности детям «научного» синтаксиса. Преподаваться предмет этот должен не как сухой схоластический перечень «правил», но как живая, психологическая и историческая дисциплина. Приступать к изучению синтаксиса можно только после того, как дети в особом пропедевтическом курсе усвоили необходимые сведения из психологии вообще и из психологии языка в частности. Материал должен быть представлен в стройной систематизации; должна быть соблюдена историческая перспектива; следует обращаться к личному синтаксическому чутью ученика. Вообще до III класса не должно быть никакого грамматического обучения; достаточно упражнений в чтении и в письме. Но и курс грамматики в III классе (при одном уроке в неделю) имеет характер

⁶ См. *К вопросу о преподавании синтаксиса русского языка в средней школе* («Мирный труд». 1902); *О преподавании синтаксиса русского языка в средних учебных заведениях* («Вестник воспитателя». 1903); *О преподавании грамматики русского языка в средней школе* («Труды курсов для учителей средней школы». СПб., 1908).

пропедевтический. Нормальный порядок изучения отделов грамматики таков: 1) Предложение, 2) Морфология и синтаксис, 3) Этимология и Фонетика.

В 1903 г. на съезде преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях живо дебатировался вопрос о преподавании грамматики.

Проф. А. В. Щерба критиковал старое представление о грамматике как средстве научить правильно говорить и писать. Изучение грамматики имеет не служебное, а свое самостоятельное значение, которое заключается в том, что оно приучает наблюдать над предметами внутреннего опыта.

Акад. Ф. Ф. Фортунатов выступил на съезде с лекцией «О преподавании грамматики русского языка в средней школе». По его мнению, изучение грамматики должно давать также знания, которые сами по себе, независимо от полезности их в педагогическом отношении, имеют ценность для общего среднего образования. Основная задача преподавания грамматики состоит в том, чтобы вызвать в учащихся сознательное отношение к явлениям, существующим в том языке, на котором они думают и говорят. При изучении грамматики в низших классах нет надобности в каком бы то ни было учебнике. В старших классах изучение становится систематическим. Говоря об основных ошибках учебников грамматики, Фортунатов указывал, что они 1) постоянно смешивают звуки языка с буквами, 2) не выдерживают историческую перспективу и смешивают факты современного языка с фактами прошлых эпох и даже с такими, которые в том виде, какой им дает теория школьных учебников, никогда и не существовали (это смешение особенно сказывается, когда определяется состав слова).

Особую позицию, как на Съезде, так и в своих трудах, занял проф. Н. К. Кульман, нам придется говорить о ней подробнее в следующем очерке, здесь же отметим только, что точка зрения Н. К. Кульмана сводится к следующему: хотя несостоятельность логико-грамматического направления блестяще доказана Потемной, тем не менее русская грамматика еще не перестроена на новых научных основаниях, между грамматистами формального направления слишком много разногласий по самым существенным вопросам; нельзя вводить в школу то, что еще не получило права гражданства в науке. В младших классах грамматика должна носить служебный характер; из нее нужно взять только то, что необходимо для целей орфографии, пунктуации и отчасти стилистики.

Шагом назад в развивающемся движении к постановке преподавания грамматики как самостоятельной дисциплины явились игнатьевские программы (1915 г.). Программы эти остались на точке зрения логико-грамматической, допустив лишь кое-какие поправки в отделе учения о звуках и так называемые сокращения придаточных предложений. Преподаванию грамматики были поставлены цели элементарно практические, и ограничено оно было первыми тремя классами средней школы.

Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (Москва, декабрь—январь 1916—1917 гг.) решительно осудил игнатьевские программы и встал на точку зрения сторонников нового течения. Принятые им постановления сводятся к следующему:

1. Преподавание грамматики в младших классах должно быть научным в том смысле, что истолкование явлений языка не должно погрешать против основных положений науки о языке.

2. Предметом изучения должен быть не учебник грамматики, а литературный язык.

3. Не следует препятствовать осуществлению в средней школе курса грамматики, построенного на основе формально-грамматической точки зрения, как наиболее отвечающей современному состоянию науки о языке.

4. Преподаватель младших классов должен обладать научным взглядом на язык и его отношение к письму.

5. Так как занятия языком должны состоять не в изучении учебника грамматики, а в наблюдениях над языком, то нежелательно прекращение таких занятий в последующих классах; поэтому при чтении литературных произведений и при письменных работах не следует упускать из виду элемента наблюдений над языком.

6. В последнем классе необходим «старший» курс русского языка: цель его — научное понимание и знание современного русского языка; он не должен представлять собою систематического курса истории русского языка, но должен дать учащимся известную сумму главнейших научных представлений из области общего языкознания и из области истории русского языка.

Последним этапом в истории борьбы с логико-грамматистами явились программы по русскому языку Комиссариата Народного Просвещения и Московского отдела народного образования⁷ (1919 и 1920 гг.).

⁷ См. «Русская школа за рубежом», № 2—3.

«А. М. Пешковский. Сборник статей». Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика.— Госуд. изд-во, 1925.— 192 с.— Тираж 10.000 экз. Цена 1 р. 20 к.*

Неограмматисты (Junggrammatiker), к которым восходят наши формалисты-грамматисты, занимались историей языка и почти исключительно областью фонетики. Статика, точнее, синхрония языка как научная проблема им была неведома. Правда, допускалось «описание» фактов языка, но ему противопоставлялось как единственно научное историческое исследование. Представление о языке как некоторой *системе* было совершенно чуждо неограмматистам, привыкшим проследить эволюцию *отдельных* фактов языка. Поэтому, когда приходилось исследовать звуковой состав живого языка, неограмматисты неминуемо упирались в физиологию звуков и экспериментальную фонетику, т. е. покидали лингвистическую почву.

Но по мере того как неограмматическое направление все более укреплялось в науке, практическая жизнь предъявляла к нему требование статического подхода к языку, столь чуждого самой его сущности. В 1899 г. комиссия по составлению Словаря при Академии наук обратилась к Ф. Ф. Fortunatovu за разъяснением, нужно ли указывать в Словаре переходность и залоги глаголов. В ответ появилась известная статья Fortunatova о залогах, остающаяся до сих пор единственным научным описанием этой стороны современного русского языка, хотя, на наш взгляд, и нуждающимся в исправлениях. Далее, школа (вспомним выступления на съездах того же Fortunatova) потребовала новых учебников, порывающих со старыми взглядами на язык. Так, из школьного преподавания возник известный «Русский синтаксис в научном освещении» А. М. Пешковского (1914 г.). Автор его стремится объединить «психологизм» Потевни с учением Fortunatova о «форме»,

* Впервые опубликовано: *Русская школа за рубежом*. Прага, 1925. № 15—16. С. 386—388.

и делает это чрезвычайно удачно. Много внимания уделяет он — и в этом одна из ценнейших сторон его книги — роли интонации и ритма в речи. Роль «тона» в речи была уже известна Потевне, Fortunatov же, можно сказать, игнорировал эту сторону языка, о чем нам сохранилось, между прочим, живое свидетельство покойного Шахматова. Изучение книги Пешковского убеждает нас, что и автор уже предчувствует существование проблемы синхронической лингвистики: унаследованный от Потевни, но более умеренный «психологизм» толкает его в сторону изучения языка как системы. Однако заложить фундамент методологии синхронической лингвистики суждено было западным ученым — F. de Saussure'y, Ch. Bally, Alb. Sechehaye и A. Meillet. Курсы А. Шахматова о литературном наречии современного русского языка с методологической стороны слабы. Но огромным оригинальным достижением являются его последние, еще не опубликованные, работы о синтаксисе, краткое изложение которых дал недавно С. М. Бернштейн в Известиях Академии наук (т. XXV). Шахматов ставит проблему синхронии отчетливо и полно, хотя, к сожалению, как мы отмечали в нашей статье в № 12 «Русской школы», продолжает смешивать синхронию со статикой, а динамику с историей; он широко использовал труды Пешковского и Svedelius'a¹, но работы французских «синхронистов», по-видимому, остались ему неизвестными.

Вслед за выходом книги Пешковского появилось и продолжает появляться масса учебников, пытающихся построить грамматику на новых «формальных» основаниях, а по большей части только популяризирующих идеи «Русского синтаксиса в научном освещении» и других трудов Пешковского. Наиболее значительными публикациями были статьи о склонении (в «Revue des études slaves», 1924) Н. Н. Дурново и его же «Повторительный курс русской грамматики», вып. 1. (Госуд. изд-во, 1924). Но методологических проблем они не касаются; под видом «описания» дают каталогизацию фактов языка, в конечном счете произвольную; оценки форм с точки зрения их продуктивности, важнейшей проблемы синхронии, Дурново не делает.

Рассматриваемый нами «Сборник статей» Пешковского представляет собою крупный вклад в методологию синхронии и в то же время свидетельствует об эволюции взглядов автора. Это тот же путь, на который вступил в последние годы Шахматов: углубленное всматривание в механизм речи, в психологическую сторону языка, и крутой раз-

¹ *Analyse du langage appliquée à la langue française*. Uppsala, 1897.

рыв с теми, кого Пешковский называет «ультраформалистами». Поэтому неудивительно, что некоторые страницы Сборника чуть ли не дословно совпадают с тем, что мы говорили в нашей статье «О формально-грамматическом направлении». Часть статей уже была опубликована, но их появление в одной книге как нельзя более своевременно. Особенно обращают на себя внимание статьи: «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики», «Объективная и нормативная точка зрения на язык», «Понятие отдельного слова» и «Десять тысяч звуков». Говоря о сущности «формальной» грамматики, Пешковский дает анализ именно *формальных значений* слов, о чем все время говорим и мы, во многом дополняя и углубляя высказанные нами мысли. Статья «Десять тысяч звуков» является интересной попыткой установить на основе анализа разговорной речи, какие звуки и как часто в ней встречаются. Оказывается, напр., что наиболее частыми звуками являются *a* (10,79%), редуцированный гласный (8,28), потом идут *m* (7,59), *n* (6,17) и т. д., реже всего встречаются *x* и *ц* (по 1,03), *z* (0,96), *ф* (0,93), *ж* (0,88) и, наконец, *γ* (0,04).

Каждому преподавателю необходимо ознакомиться с этим Сборником. «Грамматика для школы,— пишет автор,— наука совершенно новая, никогда в ней не преподававшаяся. Методики этой науки, конечно, еще не существует. При таких условиях требовать от одного человека и даже от одного поколения создать всю методику— безумно. Сейчас происходит оживленнейшая работа педагогической мысли в этом направлении ... надо хоть немного быть знакомым с той наукой, которую преподаешь...» Последние слова Пешковского звучат упреком. К сожалению, упрек этот как нельзя более справедлив.

Очень рекомендуем книгу Пешковского всем интересующимся жизнью языка.

ЕЩЕ К ВОПРОСУ ОБ УЧЕБНИКАХ А. М. ПЕШКОВСКОГО*

I

С выходом 3-го тома «Нашего языка», предназначенного для 5-го, 6-го и 7-го годов обучения, все классы семилетки могут поставить изучение русского языка на новых началах. Появление учебников А. М. Пешковского является чрезвычайно крупным, прямо революционным событием в истории преподавания родного языка и заслуживает того, чтобы остановиться на нем возможно подробнее. Автор произвел колоссальную работу по пересмотру и «перетряске» учебного материала как с лингвистической, так и с педагогической точки зрения и проделал ее чрезвычайно оригинально, освободясь от всяких шаблонов и традиций. С прошлым покончено, разрыв произведен. Все дальнейшие попытки перестроить преподавание родного языка не только принуждены будут отправляться от труда Пешковского, но и будут значительно облегчены, так как могут использовать его опыт.

В настоящей статье мы намерены подвергнуть внимательному разбору все три части «Нашего языка»¹. Но, не располагая достаточными показаниями педагогов-практиков, мы принуждены ограничиться только самыми общими педагогическими соображениями, равным образом мы не сможем, чтобы не злоупотреблять размерами статьи, вдаваться в детальную лингвистическую критику.

Два предварительных замечания. Современная лингвистика переживает состояние кризиса, у нее нет больше того цельного, что можно назвать *философией языка*. За немногими исключениями, современные

* Печатаемая ниже статья перепала к нам из портфеля сборников «Родной язык в школе», где она пролежала около года. Хотя в критической своей части она из-за этого несколько устарела, ибо автор критикуемых книг уже и сам ныне ищет иных методических путей, однако методическая и методологическая установка статьи так интересна, что мы не сочли возможным оставить ее вне печати.— Ред[акция журнала «Родной язык и литература в трудовой школе»].

¹ Книга для учителя, ч. I (изд. 1925), ч. II (1926), ч. III (1927).

лингвисты заняты эмпирическими констатированиями. Для них язык, в значительной степени, все еще сумма своих конкретных обнаружений: спряжений, склонений, интонаций, чередований, словообразования и т. д. Единственный, кто в наше время пытался продумать язык философски, оставаясь в то же время на строго лингвистической почве, был Ф. де Соссюр, но преждевременная смерть помешала ему довести свою работу до конца. Этим излишним эмпиризмом страдает подход к явлениям языка и нашего автора. Во-вторых, отметим крупный дефект в лингвистическом мировоззрении Пешковского, характерный для всех русских языковедов. Это — недооценивание социальной стороны языка и, следовательно, замыкание в сферу индивидуальной психологии. Язык есть социальное установление, и этот момент столь важен (женевская и французская лингвистические школы выяснили это в достаточной степени), что им объясняется почти все в языке. Здесь, конечно, не место излагать, в чем сказывается социальный характер языка (см., напр., хотя бы Ch. Bally, *Le langage et la vie*, изд. 1926 г.); к этому вопросу, равно как и к философии языка, мы рассчитываем вернуться в недалеком будущем и посвятить им особые статьи, в дальнейшем же разборе учебников «Наш язык» нам придется не раз указывать, в чем повредил автору этот лингвистический индивидуализм.

В предисловии к 1-й книге автор так формулирует свои задачи:

«1) Ввести в сознание учащихся определенную, хотя бы и минимальную, сумму научных сведений о родном языке, ни на йоту не искаженных традициями школьной грамматики и нуждами правописания, а лишь упрощенных сообразно возрасту учащихся; 2) сделать это силами самих учащихся, не давая ни одного готового сведения, а лишь *подкладывая* в должном порядке материал и руководя незаметно для самого учащегося процессом грамматического осмысления этого материала; 3) посылить изодрать на этом процессе мыслительные способности учащегося, в частности способность наблюдения и индукции; 4) посылить изодрать на том же процессе его сенсорные способности, в частности поставить бывшее в загоне развитие *слуха* на равную ногу с развитием зрения; 5) прикрепить ко всей этой работе по возможности и работу по приобретению правописных навыков, и работу по развитию речи» (I, стр. 6).

В целом это глубоко верно. Теперь все понимают, как далеко разошлась школьная грамматика с научной (см., напр., книгу того же Пешковского «Школьная и научная грамматика»). Нужно, конечно, учить ребенка наблюдать и делать выводы самостоятельно, направляя толь-

ко его внимание. Не следует, однако, упирать исключительно на одну индукцию: в живой мысли индукция и дедукция слиты воедино. Ссылка автора на Бэкона (I, 20) для нас неубедительна: едва ли в действительности хотя бы одно открытие было сделано по рецепту Бэкона². Но уж во всяком случае между обеими ступенями единой школы должно быть проведено разграничение в методе работы; в этом ведь и весь педагогический смысл ее расчленения на два центра. Наглядность и индукция в методе и эпизодичность курса — это тесно связанные и взаимно обусловленные особенности I ступени³. Прорабатывать индуктивно можно только части курса, организованные в «эпизоды»; нельзя, конечно, и бессмысленно пытаться проделать с учениками все открытия науки. На II ступени курс становится систематическим, а вместе с тем отпадает как возможность, так и необходимость прорабатывать его исключительно индуктивным методом. В наше же время особенно нужно заботиться о том, чтобы молодежь, наряду с развитой сенсорностью, практической хваткой и умением ориентироваться в конкретных явлениях, обладала бы также и достаточно развитым формальным мышлением и умела бы оперировать не только фактами, но и идеями. Однако учебники Пешковского не считаются с принципиальной разностью обеих ступеней школы, построены все по единому индуктивному методу, и, в общем, материал их вытянут в одну линию, а не организован концентрически. Тот факт, что главы 1, 2, 4, 6 и 8-я III тома являются углубленным повторением уже изучавшегося прежде, ничего не меняет, так как метод проработки остается почти тот же, и только материал увеличивается в объеме; все же этот том — наилучший во всех отношениях. Таким образом, нужно признать, что учебник имеет в виду семилетку, как единый учебный курс, построенный

² К слову сказать, Пешковский преувеличивает роль индукции в естествознании. Вот что говорит, напр., Либих: «В исследовании Бэкон придает большую цену опыту, но он ничего не знает о его значении: он считает его за механическое орудие, которое, будучи приведено в движение, производит действие из самого себя, но в естествознании всё исследование дедуктивно или априорично; опыт, подобно вычислению, служит лишь вспомогательным средством для процесса мышления... Опыт, которому не предшествует теория, т. е. идея, относится к естествознанию, как звяканье детской погремушки к музыке» («Бэкон Веруламский и метод естествознания»; цит. у И. И. Лапшина в книге «Философия изобретения и изобретение в философии», т. II, стр. 373. Прага, 1924).

³ О том, что такое «эпизодический курс», см. С. И. Гессен — «Основы педагогики», гл. X, Берлин, 1923.

«линейно», делящийся от возраста 8 лет до 15. Глубоко правильным представляется нам стремление автора прикрепить работу по приобретению правописных навыков и по развитию речи к работе по изучению языка, не превращать их в самодовлеющие и потому лишённые смысла упражнения.

II

Особенно подробно нужно остановиться на I книге, чтобы понять все особенности учебника, как его достоинства, так и его недостатки. Она посвящена изучению интонации, ритма и звуков речи. В своем введении автор совершенно справедливо отмечает, что его книга является первой попыткой «практического низведения университетской науки до первой после букваря книги», вследствие чего потребовалось не только совершенно изменить традиционное расположение материала, но и подойти к нему совсем иначе, чем об этом мечтали реформаторы-теоретики: пришлось начать с ритмико-интонационной стороны речи. Пешковский думает, что научную грамматику следовало бы опустить еще ниже, к *букварю*. «Понятие о разделении речи на предложения (в фонетическом смысле) и слова должно даваться как введение к обучению *чтению*, а звуковой анализ речи при этом обучении отнюдь не должен быть фальшивым, как многие думают» (I, 12). Нам не ясны последние слова. Значит ли это, что при обучении чтению нужно доводить детей до сознания, что произносимое слово и слово написанное не совпадают в своих элементах, т. е. звуках и буквах, или это просто означает, что, читая с детьми написанное слово, не следует искажать его произношение в угоду написанию? Но ведь современные методы обучения грамоте избегают звуко-буквенного анализа и идут синтетически — от написания и чтения целых фраз и слов. Думается, что это единственный правильный путь, согласный с синкретической природою восприятия у ребенка. Напротив, наш автор почти повсюду отдает предпочтение анализу; иначе он не мог бы добыть те элементы, от которых он будет индуцировать. Его ученики должны все время непрестанно анализировать свои впечатления — слуховые и фонационные, и почти никогда автор не вызывает к непосредственному языковому чутью ребенка.

Пешковский безусловно прав, когда начинает обучение с разложения речи по интонации на фразы и их элементы, — это самое общее

психологическое членение живой речи. Но почему и здесь и в дальнейшем он совершенно не касается живых мелодий речи: выражения разных эмоций, уверенности, сомнения, подтверждения, отрицания, смущения и т. д., и т. д.? Не для того, конечно, чтобы их классифицировать, но чтобы открыть детям самую суть общения между людьми при помощи звукового языка. Сколько интересных наблюдений здесь можно было бы проделать и в классе и дома, в частности и над «интонациями» языка животных, напр., собак, кур... Сюда же следовало бы присоединить и жест и мимику; вспомнить краснокожих; поставить пантомиму. Затем постепенно подвести к выводу, что такой язык, без слов, недостаточен, и тогда, после подобного введения, приступить именно к тому, с чего начинает Пешковский, т. е. к укреплению сознания (вне всяких формулировок), что и, обратно, словесно-смысловая сторона речи не может обойтись без ритмико-интонационных средств. В связи с изучением интонаций фразы дети научаются читать знаки препинания и употреблять их для выражения той интонации, которую по смыслу они хотят придать фразе. Так незаметно, уже на самых первых порах, и вполне разумно дети усваивают почти всё, относящееся к знакам препинания, тогда как прежде изучение пунктуации относилось на самый конец. Здесь огромная заслуга Пешковского, доказавшего, что в $\frac{9}{10}$ случаев пунктуация не связана с формальным синтаксисом (I, 16). Отметим в связи с тем, что сказали выше, что автор ничего не говорит о самом тоне «чужой речи», а только о подводящей к «двоеточию» интонации (I, §§ 18—19), которая к тому же не отличается от предупредительного понижения голоса перед перечислением (I, § 77). Опять, казалось бы, наблюдение разницы в тоне «автора» и «чужого лица» дало бы повод и для драматизации и для различения тождественности «смысла» от «буквального» воспроизведения (об этом автор вскользь упоминает в § 19, говоря о речи «слово в слово»). А ведь самое трудное и основное при изучении языка — это подвести к разграничению мысли и речи.

Теперь остановимся ненадолго на том, как дети изучают «словесную» сторону речи. Наблюдение над «сказками» ведет к установлению *паф слов* (по-нашему, внешних синтагм); напр.: *Таня очень любила чтение* разбивается на: *Таня любила, очень любила, любила чтение*. Подобного рода упражнения должны вестись все время, пока не будет дано понятие о согласовании, управлении и примыкании (во втором томе), и парность словосцеплений не войдет в синтаксическую перспективу (см. I, 43). Затем различение неизменяемых слов, напр., *очень*, и изме-

няемых, напр., *Жучка*, *Жучкин* портрет, нарисовал *Жучку* и т. д. В дальнейшем из массы неизменяемых слов выкристаллизовываются союзы, предлоги, приставки, отрицание *не* и частицы. Союзы — это слова, не стоящие в паре с другими словами; предлог — третий член пары, но такой, между которым и словом, к которому он относится, можно вставить еще одно слово (прилагательное), им он и отличается от «представки». Говоря о предлогах, Пешковский отмечает, что в противоположность приставкам они изменяют окончания слов, к которым приыкают (I, § 26), напр., к *учителю*. Об этом еще раз будет упомянуто в § 76, и больше, кажется, нигде. Едва ли это нужно, хотя бы потому, что в некоторых случаях такого изменения внешне вовсе не будет, ср. *дом* и *в дом*. Говоря о различных формах предлога (фонических), автор приводит между прочим примеры: *день ото дня* и *время от времени* (I, § 43), но это лексикализованные наречные «речения», и едва ли целесообразно разрушать их для выделения из них предлога. Самый разговор о «формах» предлога ведет к противоречию с утверждением, что предлог неизменяемое слово. Автор указывает (I, стр. 81), что эти изменения не касаются смысла слова, но ведь для детей этого возраста, т. е. около 8, в крайнем случае 9, лет, изменения *Жучка*, *Жучку* и *Жучкин* тоже, несомненно, не касаются смысла (сам автор говорит, на стр. 37, о различиях: *жаркое*, *жаркий*, *жаркую*, как о «тонкостях», которых дети не замечают).

В дальнейшем учащиеся выделяют, в связи с предлогами, и некоторые местоимения, не давая им пока особого названия: их нужно просто запомнить. Вообще говоря, в первой книге, особенно же там, где говорится о звуках и о соответствующей им орфографии, ученику приходится брать просто памятью чрезвычайно много и очень трудных вещей, то же и во второй книге.

Много внимания уделено изучению слога, переноса слов, ударения в слове, в частичном сказе и в фразе. Здесь автор часто прибегает к шарадам, каламбурам. Элементарное знакомство со стихосложением (§§ 59—61), деление звуков на гласные и согласные. Автор всюду идет от звуков к буквам, а не наоборот. Отметим неудачное выражение в примечаниях для учителя к § 62: «как пишется этот звук», неудачное, ибо «написать» звук, конечно, нельзя. В общем глава о слоге нам представляется очень удачной.

Теперь автор переходит к изучению звуков: соответствующие главы продолжают чередоваться с главами, посвященными интонациям. Этот отдел I книги вызывает нас на целый ряд замечаний. Но сперва

выслушаем мнение автора. Во введении (I, 19—22) он чрезвычайно красноречиво защищает свою точку зрения. 1) «С точки зрения усвояемости звуки представляют, конечно, наилучший из всех других элементов языка материал. Они *проще* всего остального». «Я бы сказал, что фонетика — это самый интересный, самый близкий к ребенку уголок природоведения, и перед грамматикой, как таковой, он имеет все те преимущества, которыми отличаются для ребенка естественные науки от гуманитарных». 2) «С точки зрения *интересов ребенка* звуки опять-таки имеют преимущества перед всем остальным языковым материалом»: дети любят каламбуры, шарады, любят «игру речью». 3) «Нигде опять-таки эта игра не превращается с такой легкостью в *серьезное*, развивающее мыслительный аппарат, *дело*, как в фонетике». «Законы уподобления звуков неизмеримо легче и проще закона всемирного тяготения или законов пищеварения и дыхания, и самое понятие *закона природы*, по-видимому, очень просто и легко ввести в ум ребенка на фонетическом материале, гораздо легче, чем на материале других отраслей природоведения». 4) Весь курс построен так, что фонетический материал первой книги закладывает фундамент, на котором зиждется все последующее. 5) Наконец, Пешковский убежден, что настоящая фонетика не только не повредит усвоению правописания, но даже поможет ему. «Ведь орфографическое искусство основано на *раздвоении* наших буквенных и звуковых представлений. Так не лучше ли с самого начала *приучить* ребенка к этому раздвоению (я бы сказал, что это *прямая* и *главная* задача обучения правописанию в его отличии от простого обучения письму), чем скрывать от него звуковые образы?» «Обман, как и во всем остальном, ни к чему хорошему тут не приводит». Нужно с первых же шагов обучения правописанию приучить ребенка «сознательно и твердо раздвигать в известных случаях свои буквенные и звуковые представления. При случае мне представляется даже полезным упражнять учеников в *одновременном писании букв и громком произношении иных, несоответствующих этим буквам звуков*».

Наш взгляд на отношения между письмом и звуком, и именно в плане орфографии, совсем иной. Русская орфография представляет собою довольно стройную *систему*, если только не искать прямых соотношений между изолированными звуками и буквами. Важнейший принцип нашей орфографии (оставляя в стороне косвенное обозначение смягчения согласных и разнообразное, но осмысленное обозначение йота) — это ее *морфологический* характер, который можно формули-

ровать так: производное слово пишется по основному, независимо от закона редукции гласных; аффиксы пишутся по ударному типу (ср. II, 108), независимо от заглушения или озвончения; согласные при встрече аффиксов или перед паузой пишутся по одному типу. Этим поддерживается зрительное единство слова во всех его изменениях как по линии грамматической, так и по линии семантической. Отсюда вывод, что *русская орфография связана прежде всего с морфологией языка, а не с его фонетикой*. Поэтому и основательное овладение ею неотделимо от изучения словообразования (Пешковский же совершенно игнорирует «семьи слов», столь интересные для детей) и словоизменения. Но ни в одной из трех книг Пешковского ничего не говорится об осмыслении русской орфографии как системы; становится понятным, что в сознании автора, при установлении детального соотношения звукового и зрительного образов, слово распадается на элементы, между которыми нет соответствия. Отсюда прямой вывод — поддерживать в ребенке сознание раздвоения между графикой и фонетикой. Мы вовсе не сторонники того, чтобы затушевывать это раздвоение во что бы то ни стало, но мы считаем необходимым, чтобы объединяющие, осмысляющие моменты в орфографии были выдвинуты в преподавании на первый план. У Пешковского же все расплылось: чуть ли не в каждом из 76 параграфов, посвященных звукам, формулируется какое-нибудь частичное правило орфографии, то же и во втором томе. При этом приняты во внимание мельчайшие звуковые особенности, а орфографические выводы, с неизбежной ограниченностью, свойственной всем заключениям индуктивного характера, формулируются в таком роде: «Долгое *Ц* обозначается на письме обычно (!) несколькими разными (!) буквами, чаще всего (!) через *ТС* или *ТЬС*» (стр. 155), или: «Если два из двенадцати парных (звонких и глухих) согласных звучат в слове рядом, то обыкновенно (!) они или оба глухие или (реже) оба звонкие; пишется же часто (!) при этом: „звонкий + глухой“ или (реже) (!) „глухой + звонкий“» (стр. 167) и т. д. Если подобные выводы предназначены служить для усвоения правописания, то они, на наш взгляд, цели достичь не могут. Если же это просто выводы из наблюдений, ради оправдания самих наблюдений, то они не оправдывают их, а дискредитируют. Насколько невозможно изучить русскую орфографию без морфологии, свидетельствует и то, что в §§ 120, 123 и 124 для закрепления написания таких слов, как: *мышь*, *ожжешься*, *режь*, *стричь*, автору пришлось ввести такие объединения: это слова, обозначающие «делаешь», «делай», «делать» или такие, перед которыми можно поставить слово

«мой». У русской орфографии есть одна чрезвычайно важная особенность, подмечаемая иностранцами; вот как нам однажды формулировал ее проф. Ш. Балли: написанное русское слово сравнительно легко произнести правильно, но трудно правильно написать слышимое слово. Почему же в обучении орфографии нужно поступить как раз вопреки здравому смыслу, т. е. идти от фонетики к орфографии?

Еще и другого рода соображения заставляют нас высказаться как против связи фонетики с орфографией, так и против самого изучения звуков речи в столь широком масштабе, как это делается Пешковским.

Каково место звука в языковой системе? Ф. де Соссюр говорил, что, изучив тщательнейшим образом артикуляции звуков, мы ничего еще не будем знать о самом языке, и утверждал, что «самое существенное в языке совершенно посторонне звуковому знаку» («Cours de linguistique», стр. 21). Фонема является дифференциальным знаком последней, предельной степени: фраза, синтагмы, морфологические элементы, фонемы. Фонемы постигаются только на фоне сложнейшей игры морфологических элементов: они *глубоко запрятаны от сознания*; подойти к ним можно только через морфологию, путь к которой лежит через область синтагматики. Изучение фонем могло бы иметь место только в самом конце курса. Нужно понять, что мы распознаем функции в языке как комбинации формальных значений, а различаем эти комбинации при посредстве противоположения фонем. А ведь, к слову сказать, «звук» и «фонема» — не одно и то же. Должно ли изучение звуков предвдвять изучение грамматики, да и вообще уместно ли оно в средней школе? Опыт Пешковского дает, как нам кажется, отрицательный ответ. Отчасти он уже и сам сознательно отступает от первоначального плана вести от звуков к значениям и к орфографии; ср. во II кн. стр. 111, а также в предисловии (на стр. 4) о пунктах 3, 4 и 10-м внесенных им поправок ко 2-му изданию.

Насколько главы, изучающие интонацию и ритм речи, отмечены печатью органичности, натуральности, настолько механически прикреплены к ним главы, изучающие звуки. От интонации естественный переход к слогу, как носителю интонационной качественности. А это ведет к рассмотрению и различению гласных и согласных, слоговых и неслоговых звуков, ударных и неударных слогов и, может быть, длительных и взрывных звуков, звонких, сонорных и глухих, шепотных. Но отсюда нет перехода к видовым «тембровым» различиям, т. е. к различиям *Б* и *Д*, *Ц* и *В* и т. д. Здесь точка. Различение видов звуков и их разновидностей — твердой и мягкой, чередования звуков, редук-

ции гласных и т. п. потребуется только в связи с морфологией в широком понимании этого термина, т. е. включая и словоизменение и словообразование. Только внутри классов слов, т. е. «словообразовательных категорий», и внутри типов словоизменений, которые в свою очередь связаны с классами, можно установить живые и «мертвые» чередования звуков (точнее, фонем). Стало быть, от интонаций путь ведет, с одной стороны, к парам слов (синтагматика внешняя), а с другой — к «семьям слов» (синтагматика внутренняя), а то и другое покоится на разграничении семантических и формальных значений и выделении различных их видов в разных комбинациях, сообразно разным функциям. А так как все различия значений покоятся на «игре» морфологических элементов, то здесь придется приступить к изучению видов звуков, сперва основываясь на слуховых впечатлениях, затем на артикуляционных. — Мы намечаем здесь естественное расположение материала, но, конечно, на практике кое-чем пришлось бы и поступиться. Во всяком случае, при таком подходе к языку является возможным организовать «языковые эпизоды», т. е. рассмотрение отдельных типичных языковых фактов сквозь все планы языка, но отграниченные «вертикально», а не растекаться в одном «горизонтальном» плане по всей его площади. Пешковскому, раз он начал говорить о звуках, ничего другого и не оставалось, как изучить все звуки речи, т. е. охватить весь звуковой план и тем нарушить принципы эпизодичности.

Нам ясно, что Пешковский подошел не с того конца, связав фонетику с орфографией. Анализ звуков нужно производить на произносимых словах в абсолютном отрыве от графики слова, а наш автор всегда идет от текста и уж во всяком случае сейчас же ведет к тексту. Напротив, рассматривая написанное слово, можно проанализировать и его звуковую сторону, чтобы понять, какова та реальность, которую покрывает орфографическое одеяние. Одно из важнейших заданий школы I ступени — это научить писать грамотно, а отнюдь не выработать фонетиста. Точно так же для целей орфоэпии нужен гораздо меньше самоанализ, нежели подражание речи учителя. Пешковский неминуемо должен был упереться в индивидуальное произношение, должен был отбросить заботу о «норме» литературного произношения, исходить из местных говоров (см., напр., I, §§ 126—129) и прийти к распылению и самого звучащего языка.

Но вот ученик изучил свое произношение; заучил все чередования, нанизанные подряд вне всяких смысловых (resp. морфологических) объединений, живые и мертвые, неизвестно в каких пределах дейст-

вующие; он заучил около полусотни формулировок такого типа: такой-то звук, в таких-то словах (перечень) чередуется с таким-то или такой-то звук может (!) чередоваться с таким-то⁴. Мы утверждаем, что после всей этой работы он еще ровно ничего не узнал о языке. Но он и к орфографии подошел путем кривым. Вот образчик орфографических выводов, к которым предлагается привести 9-летнего ребенка. «Если в безударном слоге звучит *Ы* после *Ж*, *Ш* и *Ц* и слог этот переходит при изменении слова в ударное положение, то *Ы* либо остается, либо сменяется на *Э*, *О*, *А*. Соответственно такое *Ы* пишется то через *И* (на месте *Ы*), то через *Е* (на месте *Э* и *О*), то через *А*» (I, § 185). Нам кажется, что стремиться охватить все случаи фонетико-орфографических соотношений — это значит держать постоянно начеку анализирующее сознание пишущего ученика; при писании он должен все время подводить данный звук под тот или иной из пятидесяти случаев чередований и написаний, не говоря уже об исключениях. В письме важна автоматичность. Несколько самых общих правил, относящихся к редукации гласных, к соотношению звонких и глухих и т. п. вещам, и много упражнений в связи с образованием семей слов. А потом списывание, пользование словариками, составленными так, чтобы там были и главные формы слова, и словообразование, а может быть, и передвижение ударения, затем стенные таблицы форм и трудных слов, всегда находящиеся перед глазами, и т. п.

Из 76 параграфов первой книги, занятых звуковым анализом, можно было бы около 50 посвятить словообразованию, орфографическим работам и подготовительным упражнениям по различению значений, заключенных в слове.

III

Вторая книга распадается на четыре части: глагол, существительное, прилагательное, наречие. Ее основной методический дефект все тот же: распыление языковых наблюдений в целях их конкретизирования, отсюда потеря общей перспективы и необходимость для ученика держать в памяти бесчисленное количество изолированных констатирований. В 1-м издании этой раздробленности было еще больше. В

⁴ Пусть эти формулировки остаются только для учителя, но что же тогда придется на долю ученика? Игра звуками, которые чередуются, уподобляются, смягчаются, заглушаются и прodelывают прочие диковинные штуки?

предисловии ко 2-му изданию автор говорит, что «в настоящее время он находит возможным до некоторой степени *разделять* моменты изучения звуковой и значащей стороны формальных принадлежностей в том смысле, что *общая, предварительная* картина целого ряда *разнородных* звуковых изменений может быть связана в наблюдении с *единым* изменением в формальном значении, с тем, чтобы детальное изучение всех этих изменений отодвинулось вперед». Для нас это самоочевидно. Еще одно признание автора в том же духе: «Суффиксы даны орфографически, как и везде дальше. Так как проходиться они будут лишь во вторую очередь (при повторении.—С. К.), то соотношение звука и буквы будет легко устанавливаться в каждом отдельном случае. Проведение двойственности их слишком загромодило бы изложение» (II, 111). Мы, конечно, можем только приветствовать этот сдвиг.

Для фортунаговской школы характерны резкое разграничение словообразования и словоизменения и, так сказать, «предпочтение» второго первому. У Пешковского словообразование получает самостоятельное значение только при изучении наречий (по Фортунатову, это словообразовательная категория); поэтому изучение классов существительных растворено у него в изучении типов склонений, а ведь должно было бы быть почти что наоборот. Все из-за того же пренебрежения к словообразованию неверно представлены и отношения внутри видовых пар. Так, для автора в таких парах, как *разрисовать* — *разрисовывать*, первый член образуется от второго путем отбрасывания «внутренней подставки» *-ыва-* (ср. II, §§ 61—66); в действительности же дело обстоит как раз наоборот и второй член является производным от первого. По тем же причинам автор, очевидно, не признает различия глагольных классов (продуктивных и непродуктивных), а различает 8 типов образования настоящего времени. Стало быть, и здесь классы принесены в жертву спряжению. Мы в очень многом не согласны с автором в самом понимании видов. По мнению Пешковского, разделяемому, по-видимому, Бругманом и Дельбрюком⁵, префиксы только осложняют чистое значение вида, как бы мешают его выявлению, поэтому наиболее адекватным выражением совершенного вида являются бесприставочные глаголы и, в частности, глаголы «мгновенные», как *мигнуть*, *дернуть* (II, 65). Наша точка зрения была уже высказана нами (см. «Slavia», 1), напомним только следующее. Каждый процесс мыслится длящимся во времени, перфективизация его есть

своего рода «фортель», «трюк» и осуществляется через внесение в процесс понятия результата, которое в свою очередь почти всегда связано с переходностью процесса, т. е. с тем, что процесс представляется преследующим внешний объект (цель) и достигающим его (результат); таким образом, чистая идея перфективности, процесс, «сведенный к точке», есть абстракция. Что же до мгновенных глаголов, то они представляют собою, так сказать, «сингуляцию» процесса (ср. *рыба*, *рыбина*), т. е. сведение его к бесконечно малым законченным актам. Следовательно, это два разных приема перфективизации, но оба вполне конкретные, партикулярные; в области видов чисто грамматична только вторичная имперфективизация, т. е. образования типа *разрисовывать* от *разрисовать*.

Все изучение словоизменения покоится на изучении присоединения различных аффиксов к *основе*, и главное внимание учащегося должно быть устремлено на выделение основы в словах. Так ли в действительности? В языках флектирующих различительным моментом являются прежде всего аффиксы. В слове *рисуешь* элемент *-уешь* объединяет и число, и лицо, и значение потенциальной переходности (отсутствие *-ся*), и даже времени, точнее — отмежевания от значения прошедшего времени. Элемент *рис-* только центр притяжения различных представлений (семантических значений). Разделение же на *рису-* или *рисуе-* так же незначительно, как какая-нибудь изолированная фонема, хотя, конечно, с различением типов изменения в связи с различением твердой и мягкой основы считаться приходится. С другой стороны, членение элемента *-уешь* на *у-*, *je-* и *-ш-* внутри данной ассоциации форм (т. е. *praesens-futurum*) помогает выделить те дифференциальные моменты, которыми создается различие в ней значений лица, числа и т. д. При механическом же делении на основу и аффиксы получается, что различаются основы соверш. вида и основы несовершенного вида или что, напр., повелит. форма создается основой глагола, равно как и инфинитивы: *беречь*, *печь* (ср. II, 59, 85). При изучении форм глагола автор постоянно указывает на движение ударения. Это совершенно излишне для тех, кто говорит по-русски с детства, но страшно усложняет выводы из наблюдений. Автор же, конечно, не может обойтись без изучения ударения, раз он стремится связывать фонетику с орфографией. Характер выводов по-прежнему остается безнадежно относительным, как это и должно быть при методе автора. Напр.: «Спрягаемые слова 2-го спряжения могут (!) образовывать прош. время простым прибавлением окончания 'ко второй основе.

⁵ *Kurze vergleichende Grammatik der indogerm. Sprachen*, §§ 636 и 737.

При этом, если ударение во второй основе не на конце, то в прош. времени оно часто (!) переходит на конец» (II, § 42). Или: «Спрягаемые слова 2-го спряжения могут (!) также образовывать прош. время переменной *-ит* на *-ел*. При этом часто (!) та же передвижка ударения, что и при предыдущем способе» (II, § 43) и т. д.

Грамматика (а не язык) преподаваться «конкретно» не может; ее преподавание предполагает известный уровень абстрагирующей способности и в свою очередь развивает формальное мышление, но отнюдь не может служить для развития сенсорных способностей, напр., слуха.

К инфинитиву автор подходит с большой опаской и только после изучения личных форм глагола⁶. Однако так ли уже он страшен? Для живого языка инфинитив не есть абстрактное понятие. В народной речи эта форма одна из самых ходовых и в самых разнообразных функциях (см., напр., речь мужиков в «Власти тьмы» Л. Толстого). Инфинитив относится к остальным формам глагола приблизительно, как именит. падеж к другим падежам. Для нас он как бы аналогон существительного: адекватное выражение идеи процесса, а существительное — выражение идеи субстанции. Отглагольное же существительное есть только название процесса, идея процесса, транспонированная в рамки категории субстанции. Почти для всех функций существительного есть аналогичный оборот с инфинитивом⁷, и только потому, что внимание грамматистов больше всего устремлялось на выражение идеи субстанции, у нас не создано особой терминологии для различных функций инфинитива. Противоположность двух основных категорий мысли не только создает разграничение именной и глагольной фразы, которое А. Мейе проследил вплоть до индоевропейского праязыка и считает исконным, но благодаря ей и многие другие синтагмы в русском языке даны в двух вариантах. Возникает вопрос, не держаться ли и здесь естественного порядка, т. е. не приучать ли учеников уже в самом начале различать между *гулять полезно* и *гуляние полезно*, *он учится читать* и *он учится чтению*, *решить задачу* и *решение задачи* и т. д.?

Вслед за Потемней автор считает предикат и глагол как бы синонимами. В действительности никакой «предикативности», как и молье-

⁶ Отметим с большим удовлетворением, что теперь Пешковский относит инфинитив и дееспричастие к глаголу, ссылаясь на языковое чутье ребенка (II, 99), и уже не считает их особыми частями речи.

⁷ См. главу IX нашей книги «*Système du verbe russe*». Praha, 1927.

ровской «*vis dormitiva*», не существует. Любое понятие, отнесенное к другому, как его определяющее, актом воли лица говорящего, является предикатом. Иначе говоря, любая синтагма может стать функцией лица говорящего, что и сказывается на появлении у определяемого отношения к лицу, а у определяющего — отношения к волевому акту (наклонение) и к моменту этого акта (время). Глагол личный может выполнять выражение значений наклонения и времени *implicite*, а другие части речи — *explicite*, т. е. главным образом при помощи местоименного слова *быть*. Автор всюду идет от синтаксических значений, к которым он, впрочем, относит наклонение и время, и по-видимому, и вид. Опять возникает вопрос, не правильнее ли еще при изучении интонаций выяснить постепенно роль лица говорящего в речи: как и почему оно модулирует речь, как оно вмешивается в речь аффективными словечками и словами (между прочим у автора междометия изучаются в самом конце, среди вносимых слов; см. II, § 193), как оно выражает свое отношение к тому, что говорит, изменяет по-своему значение обычных слов и т. д., и т. д. Тогда и местоимения, столь трудные для определения (ср. II, § 126), окажутся до известной степени объяснимыми. Местоимения служат для постоянной связи концептуального плана языка с эмпирической реальностью; все понятия прямо или косвенно применяются и «примеряются» к конкретной обстановке речи: *эта книга*, *та*, *твоя*, *которая*, *чья*, *эта самая*, *никакая*, *все книги* и т. д. В конечном счете вся эта так называемая «актуализация» ориентируется на лицо говорящее, как на доподлинную и единственную непосредственно данную в речи реальность⁸. Все это, конечно, очень трудно для понимания, хотя бы и в очень элементарном виде, но тем, стало быть, более долгая требуется подготовка от учащихся, и выявление значения в речи лица говорящего должно делаться исподволь, с самых первых шагов. Однако это будет возможно только в том случае, если социальный и объективно-принудительный характер языка будет все время закрепляться в ощущении, а потом и в сознании ученика.

Многие из деталей в главе о глаголе нас не удовлетворяют, но у нас нет возможности останавливаться на всем подробно. Заметим, что неправильно, во всяком случае в применении к глаголам несоверш. вида, полагать, будто присоединение местоимения, подлежащего придает повелит. форме «особый смягчающий характер» (II, 184); ср., напр.:

⁸ Подробнее см. в той же нашей книге, гл. I, § 4.

ты сказывай, куда деньги девал! Затем, нам кажется, что пока ученику ничего не известно о наречии, нельзя проходить с ним деепричастия. Здесь опять-таки сказывается линейный, однопланный характер концепций автора: факты языка представляются им не функционально, динамически, а субстанционально, статически. Отметим еще, что теперь, идя от морфологии, автору приходится исправлять некоторые из прежних фонетико-орфографических выводов (напр., II, §§ 75 и 123).

Переходя к существительным, нам опять приходится вернуться к вопросу об «основе». Выделению нескольких основ в слове (*рис-уешь*, *рис-у-ешь*, *рис-у-е-шь*; *рисова-л* и т. д.) автор придает большое значение (II, 11—12). Он считает, что это важно для орфографии, так как научает расчленять графическое слово на составные части. «На первый взгляд казалось бы, что еще большее расчленение достигается выписыванием отдельных суффиксов, префиксов, флексий. Но дело в том, что такое членение не будет иметь никакой правописной цены, потому что будет бессмысленным. Для приобретения правописных навыков важнее всего смысловой момент (1-я книга построена как раз на обратном принципе.—С. К.). Суффикс или префикс будет для ученика просто буквой или сочетанием букв, тогда как основа для него все-таки живая, одухотворенная значением часть слова. А в то же время самый суффикс или префикс прекрасно выделится в его глазах при сопоставлении более длинных основ с более короткими». Для нас как раз наоборот: при выделении в слове разных аффиксов сама собою выделится и основа, поскольку нужно привлечь к ней внимание. Ведь основа не исходный момент, а то, что в абстракции остается в слове, когда отвлекли от него, в меру материальной возможности, носителей формальных значений. Полагаем, что подобного рода членения могут производиться только над словами продуктивных классов и только тех из непродуктивных, которые не совсем еще лексикализовались. Что же касается аффиксов, конечно, если не раздроблять их, выдергивая отдельные дифференциальные знаки, а брать, как они даны в сознании, т. е., напр., (*рис*)-*уешь*, то их значение более определено, чем у основ. Необходимо только заранее подготовить учащихся к расчленению «значений» в слове и не брать для упражнений лексикализованные типы⁹. В склонениях основа нам потребуется только, поскольку

⁹ Отметим попутно, что А. Meillet в «*Grammaire de la langue polonaise*» (1923) различает две группы морфем в глаголах: «инфинитивную» и «*praesens-futurum*», а не две основы.

речь пойдет о твердой или мягкой тематической согласной и о некоторых чередованиях ее в словообразовании.

Падежи, бесспорно, самый трудный для осмысления языковой факт, и, по Пешковскому, учитель так и должен сказать детям, что, хотя мы и чувствуем, что «корм *лисы*» и «корм *лисе*» не одно и то же по смыслу, но «смысл этот так труден, что вы в трудовой школе (невольный каламбур!—С. К.) его совсем не будете изучать, а, может быть, только в высшей школе» (II, § 81). Далее он выделяет падежи в контексте и приучает различать их по окончаниям; под конец получается сводная таблица из падежей слов: *лиса* (мешок), *осел* (гнездо), *лошадь*, сопровождаемых вспомогательными контекстами: *у меня есть...*, *я вижу...*, *у меня нет...*, *я интересуюсь...*, *я иду к...* (здесь можно пожалеть о том, что падеж дается с предлогом) и *я говорю о...* Название именит. падежа автор заменил названием «независимого» падежа. Падежная дифференциация, рассматриваемая как парадигма, образует открытую ассоциацию: число падежей ничем не ограничено: к вышеперечисленным падежам у известных слов присоединяются еще местный (*в лесу*), количественный (II, § 114) или разделительный (*фунт сахара*), может быть, отложительный (*из лесу*) и т. д. Но необходимо искать функциональные системы падежей, т. е. системы управления. Напр., вокруг глагольного предиката мы находим: *Отец* (И.) написал *письмо* (В.); *Отцом* (Т. из И.) написано *письмо* (И. из В.); *Отцу* (Д. из И.) не пишется; *Отец* не написал *письма* (Р. из В.)¹⁰. И вот, может быть, внутри подобных систем и нужно изучать падежи, чтобы понять их функцию. В связном тексте перемешаны разные системы управления, в том числе и непродуктивные, а также и вполне лексикализованные речения, вроде *час от часу* и т. д.; в парадигмах же, конечно, выписаны механически подряд только внешние звуковые формы теоретически возможных падежных ролей слова, в отвлечении от этих самых ролей. Есть ли что-нибудь общезначимое в «родит. падеже» в сочетаниях: *я не написал письма*; *письма все еще не написано*; *вес письма*,—не говоря уже о сочетаниях с предлогами? Если это общее и есть, то оно так неопределенно, что может быть покрыто (и то лишь очень приблизительно) только формулой вроде *кого-чего?* *Вес чего?* и т. д. Поэтому, на наш взгляд, разумное употребление пресловутых «вопросов» для выяснения характера управления в каждом конкретном случае вполне допустимо, и оно более «формально», чем подстановки такого типа, как *я иду*

¹⁰ См. нашу грамматику «Русский язык», § 41.

к..., подставляемого, напр., под: *Отцу сегодня не пишется*, чтобы выявить падеж — именно падеж, звуковую форму, а не характер управления — слова *отцу*. Мы этим вовсе не отклоняем пользования, опять-таки разумного, и методом подстановок, но безусловно против держания в памяти таблиц звуковых падежных соотношений. Зрительные же подобные таблицы, может быть, даже более детальные, чем у автора, должны иметься и в классе, и в тетрадах, и в орфографических справочниках.

Автор, как мы уже знаем, идет всегда от звука к значению, т. е. в двустороннем акте речи (аудияция — фонация, слышание — говорение) он избирает момент аудииции, в котором мы являемся более пассивными. Поэтому он изучает сперва только единственное число каждого из всех типов склонения, потом отдельно множественное, так как соединение обоих чисел в каждом типе дало бы сразу слишком много форм для изучения. Для глаголов такой путь, может быть, подходит: там «лицо» более конкретно и более непосредственно дано, чем «число», в существительных же это не так. Если ученик усвоил внутренний смысл отношения (а автор принужден все время взывать именно к «смыслу», ср. II, 104, 116, 130, 153 и т. д.) между обоими словами, напр., в сочетании *вес письма*, то он уже постиг его и для *вес писем*, и разделять на протяжении 40 (!) параграфов представление единичности от представления множественности, ожидая, пока будут изучены *все* падежи, в том числе и такие привески, как местный и количественный, во *всех* типах существительных, а также и словообразование существительных, нам представляется немалой схоластикой. Заметим к тому же, что ведь множ. ч. глаголов детям давно уже известно. Повторяем, не нужно на первой ступени быть систематичным, а наш автор все время систематичен, — захваченный материал он прорабатывает во всем плане сразу; но нужно, чтобы в каждом «эпизоде» была психологическая законченность, т. е. чтобы в данном «отрезке» языковой системы материал был проработан «вертикально» сверху донизу, по возможности сквозь все планы языка: лексикологический, синтагматический, морфологический и фонологический.

На деталях останавливаться не будем. Но мы считаем существенной ошибкой автора, что он отказался привлечь внимание ученика к различению одушевленности и неодушевленности (II, 136); ссылака его на несоответствие этих категорий с данными «биологии» звучит рационалистически. Это различие — один из важнейших стержней русской языковой системы (ср. то же различие в соч. *солдата фанило*

пулей и пуля фанила солдата)¹¹, и самая категория существительного психологически покоится на возможности воспринимать данное представление под знаком одушевленности или неодушевленности. Самое несоответствие этих различений с научными представлениями дает прекрасный повод рассказать детям о том, что язык есть продукт коллективного творчества, в котором каждый из нас произвольно ничего не может изменить и который передается из поколения в поколение, сохраняя в своих глубоких пластах верования наших древних предков. А теперь пришлось, изучая местоимения *кто, что*, умолчать о том, чем они различаются в своем значении (II, 175). Тот же однопланый «звуковой» метод привел автора к тому, что, не будучи в силах выделить основу и форму во всех местоимениях, он вынужден одни из них, напр., *ты* и *мы*, признать неизменяемыми (?!), а, напр., *вы* — изменяемым (II, § 126). — Нельзя, конечно, также глаголы *уваивать* и *переиначивать* считать местоименными потому только, что они образованы от местоимений *свой* и *иначе*; тогда ведь и *удваивать* станет глаголом-числительным. Местоименный глагол один — это *быть*. Местоименные слова отличаются от обычных своей внутренней структурой¹², а оттуда и их внешние особенности, — напр., *быть* не имеет вида, а его семантическое значение — это его непереходность.

В связи с согласованием прилагательных, Пешковский подвергает критике понятие падежа у прилагательных (II, 214—215): откуда мы знаем, что, напр., *здоровым* есть «творительный» падеж? Конечно, «падежи» существительных и прилагательных в русском языке не тождественны: первые — управляемые, вторые — согласуемые. Но прилагательное может субстантивироваться, а также быть падежным предикатом, аналогичным творит. предикативному существительных; напр.: *Мы навестили нашего больного, мы нашли его вполне здоровым* и т. д.¹³ Этого достаточно, чтобы считать формы *здоровым* и, напр., *человеком* одинаково творительными падежами. Ср. также склонение кратких прилагательных: *папина стола* и разговорное *папиного*. На стр. 239 автор от-

¹¹ См. *Système du verbe russe*, главы V и VI. Известно, какое важное значение придает этому различению А. Мейе, см., напр., его *Linguistique historique et linguistique générale*, 2-е изд., 1927 г.

¹² Ibid., гл. I, § 4.

¹³ Н. Н. Дурново в своих статьях о склонении в *Revue des études slaves* (1923) выделяет огромную группу существительных, схожих с прилагательными по своим формам падежей, напр., *кормчий, часовой, горничная* и т. д.

рицает возможность творит. предикативного в настоящем времени, что же будет тогда: *Он здесь врачом?*

Мы не можем обойти молчанием замечание автора (II, 35) о том, что «объем понятия „слово“, в смысле группы однородных по основе слов, чрезвычайно относителен. С научной точки зрения, „иду“, „идешь“, „идет“, безусловно, разные слова». Это не верно, и если бы не «звуковая» точка зрения автора, он и сам бы это понял. Если слово рассматривать с грамматической точки зрения, напр., как категорию глагола, то мы видим, что глагол «в себе» нигде не дан; всегда дана та или иная его форма, т. е. та или иная группировка формальных значений, свойственных этой категории. Напр., в *играть* — вид, потенциальная переходность; в *играю* — то же + наклонение, время, лицо и число. Форма есть частный случай категории, а ее характер зависит от тех «независимых переменных», чьей функцией в данном случае категория является. В *играю* — это лицо говорящее, отсюда наклонение и всё прочее, чего нет в инфинитиве. Категория же «an und für sich» есть абстракция, интеграция своих частных случаев, уподобляющихся дифференциалам. С семантической стороны слово есть или 1) лексикализованная единица, принадлежащая к лексикологическому плану, напр., *дом*, *учить*; или 2) определительная синтагма: *учитель* (= кто учит), *домовой* (= относящийся к дому); или 3) оценочная синтагма, наслаивающаяся на первые оба типа: *учителюшка* (= скверный учитель), *домик* (= милый или маленький дом, или и то и другое сразу); или, наконец, 4) транспонированный знак любого из трех типов: *Мост стоит на быках*¹⁴. Ассоциации по «семьям», которые отсюда вытекают: *учить*, *учитель*, *учителюшка* или *дом*, *домовой*, *домишко*, *дом* (в смысле «родина» или «уют» и т. п.), конечно, так же «открыты», как и падежные ассоциации. Общее между всеми словами семьи как бы акцидент, случайное, ибо *учителюшка* связано непосредственно только с *учитель*, а не с *учить*. Поэтому члены семьи — это, действительно, разные слова, связанные между собою только косвенно, через «главу» семьи — основное слово. Напротив, формы слова, взятые вне контекста, — одно и то же слово в разных функциях; в контексте же: я *иду* домой, а ты *иди* в школу — это, конечно, разные слова. В первом случае, т. е. вне контекста, *иду*, *идешь* мыслятся в их отношении к общей категории, во втором же прежде всего выступают на вид разные независимые переменные. Что же ка-

¹⁴ Подробнее см. «*Système du verbe russe*», гл. I, особенно § 3.

сается «основ» и «аффиксов», то это способы выражения значений, а не самые эти значения.

Внимательное рассмотрение обеих книг приводит нас к тому же заключению, что характер самых формулировок-«выводов» свидетельствует, помимо желания автора, о невозможности в преподавании языка идти от звуковой формы к значению.

IV

Третью книгу Пешковского мы можем рассмотреть только самым поверхностным образом. — Она разбита на восемь глав: I. Форма слова; II. Чередование звуков; III. Важнейшие значения простых основ; IV. Важнейшие значения аффиксов (части речи); V. Формы сказуемости; VI. Предложения с однородными членами; VII. Сочетание предложений. Сложное целое; VIII. Обособленные члены и группы. — Нельзя не выразить удовольствия, что фонетике посвящена только одна глава (в ней, впрочем, 25 параграфов и около 40 страниц). Действительно, чему могут научить ученика II ступени выводы вроде: «Существует чередование: *г — ж*. (В одном слове сохранилось чередование *г (?) — з*: друг — друзья.)?»* Непонятно по-прежнему, где, в каких типах словообразования или словоизменения оно существует и т. д. Главу эту можно было бы удалить, и вся книга от этого только выиграла бы.

III том нам представляется наиболее удачным в методическом отношении и, в общем, отвечает нашим представлениям о характере работы в 1-м концентре II ступени (годы обучения 5—7-й, возраст от 13 до 15 лет). Работе придан известный практический уклон. Изучение сложной фразы имеет в виду научить ученика владеть ее конструкцией и производится на соответствующем материале, т. е. газетном и научном, где такие конструкции необходимы. Это ново, хорошо очень проработано автором, полезно для практической жизни и, думаем, интересно для детей.

Учение о «форме», которым открывается книга, изложено по Фортунатову и в том виде, как излагает его автор в своем известном труде «Русский синтаксис в научном освещении». Форма слова — это его свой-

* В 1927 г. в журнале «*Русская школа за рубежом*», № 24, в варианте этой рецензии данная цитата выглядит следующим образом: «... (В одном слове сохранилось чередование *г (к ? — С. К.) — з*: друг — друзья».

ство¹⁵ распадаться и по звукам и по значению на основную и формальную части. «Само же это свойство происходит оттого, что в языке имеется два ряда слов, сходных с каждым таким словом и по звукам и по значению, при чем слова одного ряда сходны одной своей частью (основой), а слова другого ряда — другой (аффиксом)» (III, 7). Собственно говоря, это не столько объяснение, сколько констатирование факта, который в свою очередь является производным. Будь автором проведено сквозь все изложение различие формальных значений, а не звуковых признаков, и разграничение продуктивного и непродуктивного в связи со степенью лексикализации, у него не возникло бы особых затруднений ни с «формой» местоимений (III, 12), ни с «формой» возвратности (III, 12). Ведь когда дело доходит до «отрицательных» форм (III, 13), самому автору приходится подчеркивать первенствующее значение распада слова по значению, а не по звукам. В этом томе, как и в предыдущем, значение, связанное с основой, признается главным, а значение, связанное с аффиксом, — второстепенным. В действительности дело тут сложнее. Слово есть скрещение как бы двух координат, из которых одна имеет более общий, родовой (в который включен и категориальный) характер, а другая — более частный, видовой, даже как бы партикулярный характер: *дом* — известный вид жилища («родовое» мыслится, в нем заключена и категория, — здесь субстанции, но в речи оно не дано; — тип лексикализованный); *учитель* = кто (родовое) *учит* (видовое); *учительница* = скверный (видовое, но очень обобщенное) учитель (родовое); *мост стоит на быках* — впечатление от устоя моста (определяемое) подводится под значение быка-животного (определяющее), — тип аналогический. Как же сказать, что главное: определяемое или определяющее; что в слове *водовоз* важнее: то, что это человек, который «возит», или то, что он возит «воду», а не иное что? Как бы там ни было, но очевидно, что тут дело вовсе не в «основе», роль которой в слове может быть различной, ср. *топорнице* = что-то (рукоятка) от топора, где идея топора является определяющим моментом, и *топорнице* = огромный топор), где она выступает как определяемое¹⁶.

¹⁵ Нам всегда как-то режет ухо отождествление понятий «форма» и «свойство»: с первым у нас неизбежно связывается представление о чем-то пассивном, со вторым — об активности.

¹⁶ Подробнее об этом говорится в *Système du verbe russe*; вопросу же о «значении» и о «знаке» мы посвящаем специальный труд, над которым работаем в на-

В § 33 дается классификация местоименных слов; очень удачны на наш взгляд рубрики выделительных местоимений (*сам, самый*) и обобщительных (*весь, везде, всегда*, мы бы добавили сюда и местоименное наречие *всяк*); следовало бы к неопределенным присоединить слово *один*, которое бывает то местоимением, в роде неопред. члена (*Есть у меня к вам одно дело*), то числительным, а также и слово *однажды*, вполне ему аналогичное. В § 32 автор, подготавливая классификацию частей речи, дает наглядное доказательство невозможности классифицировать семантические значения слов (он, как всегда, говорит о значениях основ). Это как раз тот поток представлений, организацией которого заняты науки и который организуется языком в грамматические категории.

Глава IV рассматривает части речи, отправляясь от аффиксов. Теперь Пешковский принимает ту же классификацию частей речи, что и мы, т. е. четыре разряда знаменательных слов: существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Но только, на наш взгляд, следовало бы отправляться от формальных значений. Что, напр., создает предметность того, что мы представляем себе как одушевленное или неодушевленное? Несомненно — идея числа. Идея эта представляет высокую степень отвлечения (ср. широкую возможность субстантивизации в столь «философских» языках, как санскрит, греческий, немецкий), у дикарей и самое число еще конкретно (двойственное, тройственное число и т. п.), иногда и у нас она подменяется представлением сингулярности (*рыбина*, что возможно и в глаголе: *шагнуть*) или «копуляции», т. е. собирательностью (*мужичье, сосняк*), или дает такие нерасчлененные представления, как, напр., *сливки, чернила*, с одной стороны, или *щипцы, ворота*, — с другой и т. д. Хорошо истолкована переходность глаголов (III, 116—119). Вообще же в грамматических взглядах Пешковского замечается значительный сдвиг в сторону воззрений, близких и нам, ср. хотя бы то, что говорится на стр. 128—129 о страдат. обороте, о «временах» деепричастия (стр. 261) и мн. др.

Хороша гл. V — о формах сказуемости. Здесь новые и интересные вещи, см. особенно § 50 о «бытийном» (экзистенциальном) независимом надеже и 51 об инфинитиве предикативном. Мы согласны и с оп-

стоящее время и который думаем озаглавить «Signe différentiel linguistique». [Речь идет, вероятно, о статье, выпущенной в 1929 г. под названием «Du dualisme asymétrique du signe linguistique», см.: S. Karcevsky: *Inédits et introuvables*. Paris: Peeters, 2000. P. 3—8.—И. Ф.]

ределением предложения на стр. 155: «Слово или цельное сочетание слов, заключающее в себе какую-нибудь форму сказуемости, называется предложением». Но обычный ход рассуждений автора нас по-прежнему шокирует. Идя от мысли, точнее — от функции, мы идем к обнаружению разных способов ее осуществления и можем изучать, почему эти способы различны, что они вносят нового; на этом пути мы встретимся со знаком в его адекватном и переносном значении. Идя же от звуковых форм, мы идем от частного к частному и, чтобы схватить целое, т. е. функцию, должны рядопологать разные звуковые формы, служащие для единой функции. Иначе говоря, идя, напр., от предикативного акта, мы изучаем его разновидности и объясняем их; идя же от какой-нибудь разновидности этого акта, мы принуждены собирать эти разновидности, но ведь их сумма никогда не будет равна самой функции¹⁷.

Прекрасно и просто, отчетливо изложены последние три главы. Автор углубил свои взгляды на соотношение между членами фразы, на сочинение и подчинение. Ему удалось обнаружить, что морфологический план языка действительно различает сочинение и подчинение, что это не есть только логико-психологическое отношение, внеязыковое, и тем самым разрушить все построение М. Н. Петерсоном «ультра-формального» синтаксиса¹⁸. Но наряду с сочинением и подчинением существует и «отрицательный» случай их, т. е. отсутствие того и другого, это — внесение, т. е. вводные элементы фразы. Это тоже необходимо разработать морфологически.

В третьей книге введено объяснение различных образцов художественной, газетной, научной и т. д. речи. Это нужно, конечно, всемерно приветствовать. Первый опыт не свободен от недостатков, что видит уже и сам автор (III, 4), но объяснения, даваемые им к текстам,

¹⁷ Очень хорошо сказано у Аристотеля (ан. post.; 87, В. 28, цитирую по книге Лашина, I, стр. 185, изд. 1922): «Нельзя получить знание при помощи чувственного восприятия, так как, даже если существует чувственное восприятие известного качества, тем не менее мы необходимо чувственно воспринимаем *это, здесь и теперь*. Общее и то, что простирается на все, невозможно чувственно воспринять: оно не *это* и не *здесь*, иначе оно не было бы общим, так как мы называем общим то, что есть *всегда и везде*». Конечно, есть разные степени общности, и в языке они не те же, что в естествознании. Язык, это нужно всегда помнить, есть дисциплина социологическая, а не естественно-научная.

¹⁸ См. статью А. М. Пешковского «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений». «Родной язык в школе», кн. 11—12 (1926 г.).

очень полезны и интересны. К сожалению, разработка синонимов, антонимов и омонимов едва намечена, подход к ним чисто механический. В области синонимов особенно выделяется социальная сторона языка, и здесь можно было бы требовать от автора более углубленного отношения. В общем автор впадает в ту же ошибку, что и F. Вупот (см. его книгу «La langue et la pensée»), полагая, что синонимы, как и омонимы, это какие-то изолированные уголки словаря. Синонимия и транспозиция (перенос значения) есть основной факт всей языковой системы. Можно так формулировать: любое языковое значение может быть выражено иным способом, чем тот, который мы имеем в данном конкретном случае*. Это и есть скрещивание синонимии и омонимии.

Тексты во всех книгах подобраны хорошо, они интересны, связаны с окружающей жизнью; следовало бы все-таки из рассказа Неверова «Андрей Непутевый» выкинуть предложение «матерным словом выражаться нельзя» (стр. 33), для учебника это излишне.

Учитель найдет в примечаниях, выводах и в самих «Примерных беседах», сопровождающих каждый параграф всех трех книг, массу интересного материала для размышления. Каждый, кто преподает родной язык, должен внимательно прочесть и продумать учебники А. М. Пешковского.

* В уже упомянутой нами рецензии 1927 г. после слов «в данном конкретном случае» Карцевский продолжает: «и обратно, любой знак может получить иное значение, чем то, которым он наделён в данном случае». Все предложение в целом — суммарное выражение идеи Карцевского о дуализме лингвистического знака.— И. Ф.

«А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка». Выпуск первый. Учение о предложении и словосочетаниях.— Издано в ознаменование двухсотлетнего юбилея Академии наук.— Л., 1925.— XVIII + 441 + 3 ненум. с.*

По замыслу покойного А. А. Шахматова весь труд должен был бы заключать семь частей (см. стр. 423): I. Учение о предложении; Виды предложений и главные их члены, II. Учение о словосочетаниях и второстепенных членах предложения, III. Учение о частях речи, IV. Учение о сочетании предложений, V. Учение об интонации предложений, VI. Порядок слов в предложении, VII. Значение предложений и перечень синтаксических категорий.— Однако в рукописи, представляющей собою вторую редакцию, с которой и печатался первый выпуск, имеются только первые два отдела и часть третьего, доведённого до начала третьей главы («Местоимение-существительное»). Эта незаконченная третья часть будет помещена во втором выпуске. Кроме того, осталось до 300 листков «Дополнений» к тексту второй редакции: новые примеры и замечания к ним, а также цитаты из иноязычных источников. Всё это войдёт во второй выпуск. Туда же будет включена сохранившаяся первая редакция труда: короткое введение, излагающее деление грамматики, определение синтаксиса и перечень его отделов и, наконец, синтаксис частей речи, законченный, но значительно разнящийся от второй, незаконченной редакции отдела III.

Посмертный труд Шахматова заслуживает подробнейшего и углублённого рассмотрения как потому, что воплощает собою огромное усилие мысли и подводит итоги долголетней работе гениального учёного, так и потому, что Синтаксису русского языка несомненно суждено занять совершенно исключительное место в истории изучения русского языка. Однако подробное рассмотрение этого труда и всесторонняя оценка его сопряжены с огромными трудностями уже потому,

что он появляется перед нами незаконченным. Насколько неполным явится изложение Шахматова даже и по опубликовании второго выпуска Синтаксиса, видно хотя бы из того, что остались ненаписанными столь капитальные отделы, как, напр., Учение об интонации предложений. Между тем разработка этих отделов. и именно покойным учёным, сулила пролить новый свет на некоторые из труднейших проблем науки о языке. В силу этих причин всякий критик Синтаксиса русского языка неумолимо обречён на догадки и домыслы, опасность которых трудно преувеличить.

Труд подобного масштаба и столь синтетического характера предполагает наличие у автора «философии языка», детально разработанного лингвистического мировоззрения, поскольку это вообще возможно при настоящем положении языкознания. Но мы имеем перед собою труд, в котором не только отсутствует ряд капитальнейших его частей, но и самая редакция которого далеко не является законченной. Установить сколько-нибудь в подробностях, каковы были взгляды Шахматова прежде всего на методологию синхронической лингвистики и на её проблемы, затем на интонацию, на сочетание предложений, на соотношения между грамматикой и словарем, между интеллектуальным и аффективным аспектами речи, между языком (*langue*), речью (*langage*) и говорением (*parole*) и т. д. и т. д., не представляется совершенно возможным, несмотря на то, что в личных беседах он неоднократно затрагивал некоторые из относящихся сюда проблем, как, напр., свидетельствует об этом С. И. Бернштейн в своей чрезвычайно интересной статье (см. т. XXV Известий II отд. Ак. наук).

Более того. Есть все основания полагать, что разработка тех отделов синтаксиса, которые остались ненаписанными, была очень мало подвинута, что и сказалось на построении синтаксической системы Шахматова, как она нам дана в настоящем труде. В основу Синтаксиса легли три университетских курса (годы 1916—17, 1918—19 и 1919—20) по синтаксису современного русского языка. Но ни один из них не был завершён. Несмотря на просьбы слушателей продолжить в следующем году начатое изложение, Шахматов всякий раз приступал к изложению сызнова, постоянно перерабатывая свою систему и начиная неизменно с определения синтаксиса и детального исследования отношения речи к мышлению. Тем же высоким духом требовательности к себе и бескорыстной честностью к науке запечатлено и его отношение к рукописям Синтаксиса. «Нет сомнения,— говорит редактор издания Е. С. Истрина (стр. 436),— что при жизни автора Синтак-

* Впервые опубликовано: *Slavia*. Praha, 1927. № 6. С. 143—152.

сис не только был бы продолжен, но и подвергся бы во многих своих частях новой обработке, что намечается уже, в той или иной степени, в поправках и приписках к оставшейся рукописи». «Но и написанные отделы,— читаем мы там же,— не представляются вполне обработанными: ...по мере написания в работу вносились изменения, *затрагивавшие иногда общее её построение и написанные уже части...*» (курсив наш).— Все это подтверждает наше убеждение, что система синтаксиса у Шахматова не только не была ещё разработана во всех деталях, но что и не все ещё основоположные камни её были налицо в сознании автора. Чем дальше и глубже подвигалось бы его исследование в области синхронии русского языка, тем более радикально была бы перестроена во многих отношениях его синтаксическая система.

Иначе, впрочем, не могло и быть. Достаточно только на мгновение вообразить себе всю колоссальность поставленной Шахматовым себе задачи (ведь, в сущности, речь шла о построении всей системы соврем. русск. языка!), чтобы не столько заметить, чего он не сделал, но чтобы оценить всю громадность выполненного им труда. Если бы дело шло об обычном изучении происхождения синтаксических фактов соврем. русск. языка, то Шахматов имел бы в своём распоряжении и огромный накопленный материал и разработанные уже методы исследования. Хотя, при несколько менее обычном подходе к делу, чего и следовало ожидать от учёного, столь мало любившего проторённые дороги, Шахматов должен был бы предварительно установить для себя, *каковы эти синтаксические факты совр. русского языка*. По-видимому, именно таким путём он и подошёл к синхронии русск. языка. Первым памятником его занятий в этом направлении является его *Очерк соврем. литер. русского языка* (литогр. изд. 1913 г.), представляющий собою университетский курс 1910—11 гг. Шахматов и в этом отношении предварил русских учёных, т. к. интерес к «описанию» живого языка (оставляя, конечно, в стороне диалектологию) пробудился в России позднее. С той поры вплоть до своей смерти Шахматов неустанно размышлял над проблемами живого языка. Но здесь он наталкивался на непреодолимые трудности ввиду неразработанности методологии синхронической лингвистики.

Историческая или диахроническая лингвистика имеет дело с эволюцией отдельных фактов языка, причём самые эти факты берутся неизбежно с их внешней стороны и определяются («делимитируются») более или менее произвольно и, по большей части, сквозь искажающую их графию. Устанавливать языковые факты может только синхро-

ническая лингвистика, и именно в делимитации де Соссюр и полагал её важнейшую методологическую задачу. Установить отношения между мыслью и речью и различить в их взаимной связи элементы той и другой может только синхроническая лингвистика, ибо она имеет дело с языком как системой и обладает столь важным методом, как интроспекция. Но что можно вообще сказать о методах синхронической лингвистики, самое существование которой и поныне нередко отрицается, а лет двадцать тому назад даже и не подозревалось? Эта методология только-только закладывается трудами, главным образом, представителей женеvской лингвистической школы — F. de Saussure'a, Ch. Bally и Alb. Sechehayе¹. Судя по всему, труды их так и остались неизвестными Шахматову, и это отразилось, на наш взгляд, и на его Синтаксисе. Едва ли будет преувеличением сказать, что Шахматову приходилось самому создавать методы синхронического последования ad hoc, в процессе работы над трудом, самый замысел которого должен был бы покоиться на основах точно разработанной методологии.

И вот мы видим, что его курс 1910—11 гг. очень слаб в методологическом отношении. Автор подошёл к своей задаче несколько упрощенно: он каталогизирует факты языка, по большей части, по традиции принимаемые за таковые, попутно объясняя и их происхождение. Так, напр., в первых главах Шахматов отмечает, что в состав соврем. рус. языка вошло много церковно-славянских слов, и выделяет их как элементы, чуждые родной стихии. Но ведь для синхронии, исходящей из языкового сознания говорящих, это отнюдь не чуждые, иностранные ингредиенты, а слова особого речевого плана, или особого языка, такого, к которому прибегают в торжественных случаях. Сам же Шахматов так проникновенно оценил их как слова «не житейские», чем и определил уже их место в системе языка. Тот же факт, что они «иностранного» происхождения, синхронии не касается.— В эту эпоху Шахматов ещё не подозревает о существовании синхронической лингвистики с её особыми проблемами и методами. Едва ли могла чему-нибудь научить его в этом отношении статья Фортунатова о залогах русск. глаголов соврем. языка (Изв. II отд. 1899 г.), тонкая по анализу, но малоотчетливая по выводам, ибо грешащая самой своей формально-грамматической базой.

Ко времени 1916—17 гг., когда Шахматов приступил к новому университет. курсу по синтаксису соврем. р. языка, положение с синхрони-

¹ См. Alb. Sechehayе, *L'école genevoise de linguistique générale (Indogerm. Forsch. XLIV)*.

ческим изучением родного языка обстояло в России след. образом. В 1916 году вышел Русский синтаксис в научном освещении² А. М. Пешковского. Автор его удачно синтезировал некоторые стороны учений Потебни и Фортунатова и особенно подчеркнул роль интонации в речи. Но и он всё ещё не мог отказаться от экскурсов в область прошлого языка в целях объяснения его настоящего. С другой стороны, самый подбор примеров в его книге (безразлично: стихи и художественная проза — от Грибоедова до Брюсова — и лишь изредка разговорная речь) свидетельствовал о том, что Пешковский далёк ещё от понимания языка как системы. К этому пониманию несколько косвенным путем подошли около 1915—16 гг. молодые филологи и лингвисты, создавшие Общество изучения поэтического языка — *Опояз*. Изучая язык в его поэтической функции, что предполагает уже различение разных речевых «установок», они приучались видеть в языке систему средств выражения. Кроме этой, у опоязовцев была ещё одна немаловажная заслуга: они принадлежали к числу тех немногих, кто читали также и французских лингвистов, поскольку труды последних проникали в Россию во время Мировой войны. Отметим мимоходом, что изучение Синтаксиса русского языка, равно как и свидетельство Бернштейна, приводят к заключению, что литература, которую особенно внимательно изучал Шахматов во время работы над настоящим трудом, была почти исключительно немецкая, стало быть, определённо исторического направления, с некоторыми, разве, огорками по поводу книги Sütterlin'a.

Синтаксис Шахматова — психологический, в хорошем смысле этого слова. Возобновляя традицию, восходящую в России к Потебне, Шахматов отличается от него не только своим антиисторизмом, но и тем, что строго придерживается лингвистического принципа, требующего параллельного рассмотрения обоих рядов — психического и звукового. С психологией имеет дело постольку, поскольку находит в языке выражение ее движений. С другой стороны, и языковые факты существуют для него лишь в той мере, в какой он находит им психологические корреляты.

Речевой единицей Ш. полагает предложение (мы бы сказали «фразу»), а её психологическим субстратом коммуникацию (термин, заимствованный от Svedelius'a). Предложение он определяет в терминах, близких определению, даваемому Sütterlin'ом и Delbrück'ом:

«Предложение это единица речи, воспринимаемая говорящими и слушающими как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» (§ 1). «Простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь» (§ 2). Далее Ш. подчеркивает, что к коммуникациям относятся не только суждения, но всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью, приведённых нами в связь. Обычным посредником между коммуникацией и предложением является внутренняя речь, т. е. «облечённая в слуховые, частью зрительные знаки мысль» (§ 3). «В самом мышлении (в внутренней речи) происходит разложение сочетавшихся образов, и только благодаря такому разложению их на соответствующие элементы приобретает определённость и возможность обнаружения сама коммуникация» (§ 3). Психологический акт коммуникации является «результатом сложного процесса, состоящего в начале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений; из сложных комплексов, возникших в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это даёт возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове» (§ 3). Психологический акт коммуникации может сообщить внутренней речи не только «слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу в внешнюю речь через посредство той же внутренней речи» (§ 3). «Являясь посредницей между психикой говорящего и тем проявлением её в слове, к которому она стремится, сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой — те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах» (§ 3).

Весь этот глубокий анализ коммуникации создаёт, к сожалению, впечатление, будто природа коммуникации всегда одна и та же, а именно — всегда интеллектуального характера, с возможной примесью прорывающихся сквозь неё во внешнюю речь эмоциональных элементов. Но волевой акт, лежащий в основе коммуникации, пред-

² Вскоре выходит 3-м изданием, совершенно переработанным.

ставляет, на наш взгляд, не менее четырёх основных целевых типов, находящихся своё отражение во внешней речи, не говоря уже о промежуточных переходных разновидностях и о комбинациях основных типов между собою. Мы бы различали: 1° определённо побудительную (императивную) коммуникацию, когда говорящий стремится сознательно вызвать у собеседника известный акт, действие, поступок; 4° на противоположном полюсе мы встречаем высказывание, которое даже нельзя назвать «коммуникацией», ибо оно совершенно и не предполагает собеседника, — это *непроизвольная экстерификация* переживаний, как, напр., *Брр! Холодно! Ай! Ух!* и т. д. Между этими крайними полюсами помещаются еще два типа коммуникаций, которые если и предполагают некоторое воздействие, то во всяком случае не такое прямое, как в первом типе: 2° более или менее *интеллектуализированная коммуникация*, когда говорящий обращается к рассудку собеседника и влияет на него через целую цепь высказываемых и вызываемых суждений; наконец, 3° более *эмоциональная коммуникация*, когда, напр., утешая кого-нибудь, говорят: «Бедный!»; если при этом и имеется в виду какое-нибудь воздействие на собеседника, то оно может совершенно не сознаваться говорящим, а вызываемый эффект касается глубоких внутренних переживаний собеседника. — Различаемые нами четыре типа коммуникации прежде всего отражаются во внешней речи интонацией, затем характером слов, т. е. обращением или к словам или к междометиям (при этом и обычные слова сводятся на роль междометий, и обратно); наконец, их отношением к грамматической структуре фразы; так, напр., типы 1° и 4° прекрасно обходятся без всякой грамматики, а тип 2° всецело определяется грамматикой и т. д. Всё это подтверждается признанием самого Шахматова (см. § 11), что хотя предложение и не воспроизводит коммуникации сколько-нибудь точно, но что по существу не может быть противоречия между природой коммуникации и природой предложения. — В своём труде Ш. почти безразлично прибегает в качестве иллюстраций к фразам, соответствующим четырём разнородным типам коммуникации, нигде не делая между ними разницы по существу.

Из двух сочетавших[ся] в коммуникации представлений одно является господствующим (субъект), другое зависимым (предикат), таковой характер их определяется самою природою этих представлений; таким образом, при сочетании представления о предмете с представлением о признаке первое будет всегда субъектом, а второе предикатом (§ 5). Шахматов вслед за Вундтом отказывается говорить о «психологи-

ческом субъекте и предикате» в том смысле, как это предлагал фон дер Габеленц. Ударение, делаемое на первом слове в фразе *Летит птица*, не превращает его в субъект, а второе слово в предикат, но говорит об усиленном выдвигании на первый план сознания представления о полете, в силу настроения и воли говорящего, и только. Подобный конфликт между основаниями человеческой психики и ее изменчивыми, неустойчивыми настроениями, в некоторых случаях, «даже при особом напряжении воли говорящего, должен разрешиться всё-таки не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений» (§ 6).

Особо выделяет Ш. т. наз. «экзистенциальные» коммуникации (суждения), т. е. имеющие в предикате представление о признаке бытия, существования, наличности. Их особенность в том, что в них возможно предикативное сочетание двух признаков, без перехода одного из сочетавшихся представлений в представление о носителе признаков; напр., *морозит, дует, скучно, мороз*. «В соответствующих коммуникациях субъектами являются конкретные признаки *мороз, скука*, а предикатами отвлечённый признак бытия, наличности» (§ 7). Наконец, возможно предикативное сочетание двух признаков тождественных или отождествляемых; таковы, напр., предложения: *учение — мучение, забыто — потеряно, жениться — переменитьсь*.

В ряде случаев субъект коммуникации совпадает с подлежащим предложения, то же бывает с предикатом и сказуемым. (Ш. последовательно пользуется двойной терминологией: латинской — для обозначения психологических понятий, русской — для обозначения понятий грамматических.) Но, напр., предложению *Испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* соответствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона*, а предикатом — *взлетела на высокую липу*, причём каждый из обоих «составов предложения» заключает в себе по несколько слов. Всего в этом предложении семь слов, соответствующих шести членам предложения. «Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях, но образовались они путём длинного эволюционного процесса, настолько отдалившего их от основания, что неосторожно было бы пытаться анализировать коммуникацию по данным языка слов», а иной системы знаков, независимой от языка слов, мы не имеем (§ 10).

Предикативные отношения, существующие между предикатом и субъектом, есть изъяснительные отношения, т. е. содержащие утвер-

ждение или отрицание чего-нибудь³. Кроме предикативных, между представлениями могут быть отношения атрибутивные, которыми одни представления определяются как свойства или качества других; подобные отношения бывают между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчленённого представления, т. к. расчленение ведёт к выделению субъекта и предиката, стоящих друг к другу в предикативных отношениях. Такие сложные, нерасчленённые представления находят свое выражение в языке не в предложении, а в определённых «словосочетаниях» (§ 11) вроде *зелёная трава, больная мать, скучная книга* и т. д. Промежуточное место занимают «предикативно-атрибутивные» отношения, напр.: *Добрый человек не мог бы так поступить; Мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений* и т. д.

На наш взгляд, противоположение предикативных и атрибутивных отношений недостаточно развито. В самом определении предиката есть нечто напоминающее *retitio principii*, пока не объяснено, в чём заключается *расчленённость* сложного представления. «Словосочетание» *зелёная трава* и предложение *Зелёная трава*, различающиеся прежде всего интонацией (вернее, первое не имеет интонации), должны соответствовать двум различным коммуникациям. Возьмём лучший пример: *зеленая трава — свежая*. Спрашивается: почему мы знаем, что предикативное расчленение проходит между *трава* и *свежая*, а не между *зелёная* и *трава*? Интонация есть только показатель различной внутренней природы отношений, а не причина. Мы полагаем, что как ни следует быть осторожным при «анализе коммуникации по данным языка», все же мы ищем не генезис предикативных отношений, а их эквивалент в психике говорящих. На наш взгляд, в согласии с Риккертом, Ерузалемом и др., предикативная «расчленённость» есть результат некоего ослабленного волевого вмешательства лица говорящего в установление отношений между представлениями. Отражением этого волевого вмешательства, этого присутствия лица говорящего в предикативной конструкции, является то, что в речи сказуемое всегда выражает отношение к лицу: положительное (*я свежий, ты свежий, трава свежая* и т. д.) или отрицательное (*свежит, свежо* и т. д.); тогда как при атрибутивных отношениях отношения к лицу никакого нет. Подтверждением правильности нашей точки зрения может слу-

³ Здесь III. несколько изменяет определение предикативности по сравнению с тем, которое он дал в § 2; см. выше.

жить указание на природу «побудительной» коммуникации, наиболее отражающей волевого вмешательство лица говорящего в процесс соединения представлений. Если мы возьмём наиболее ослабленный тип побудительной коммуникации, находящий своё выражение в языке в предложении вроде «Уходи!», т. е. в наиболее грамматикализованной речевой форме, то мы констатируем ряд коренных её отличий от обычных предложений, вроде *Уходишь*. В первом лице говорящее так сильно «врывается» в речь, что трудно говорить о наличии в «Уходи!» подлежащего: лицо действующее, *agens*, не является автором создаваемого им признака, как это всегда разумеется относительно подлежащего — оно подавлено лицом говорящим. Наконец, особый характер предикативно-атрибутивных отношений проистекает как раз из сравнительно лёгкой возможности расчленения их с отношением к лицу говорящему, вроде *Человек, который добр, не мог бы так поступить*, в народе говорят: *Человек, который добрый, так не сделает*.

Анализируя отношения между членами предложения, III., кроме предикативных, атрибутивных и атрибутивно-предикативных, различает ещё отношения объективные и релятивные. Объективные — это отношения, «которые устанавливаются в результате зависимости одного носителя признака от другого»; релятивные — это те, «которые имеют место между признаками и представлениями в отношениях» (§ 20); «отношениями называем те временные, пространственные, причинные соответствия, в которые могут стать те или иные признаки и субстанции» (§ 9).

Предложение не есть точное отображение коммуникации. Всякая коммуникация двучленна, соответствующее же предложение может состоять из одного слова. Мы уже отмечали выше, как Шахматов интерпретирует предложения типа *Морозит* или *Мороз!* «Одно слово *мороз*, составив предложение (*Мороз!*), произносится так, что соответствует коммуникации, в которой представление о конкретном признаке (*мороз*) сочеталось с представлением об отвлеченном признаке (бытия, наличности)» (§ 12). В связи с этим различаются односоставные и двусоставные предложения. В первых сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения, выраженном большею частью одним словом, примеры: *вчера морозило, прекратите разговор, прошу войти*. Но мы никак не можем согласиться с уподоблением двух последних предложений первому. Для Шахматова *прекратит* во втором предложении «соответствует сочетанию субъекта 2-го лица с активным признаком в повелительном наклонении в

предикате», а *прошу* соответствует «сочетанию субъекта 1-го лица с активным признаком в настоящем времени в предикате». На наш взгляд, Шахматов здесь прежде всего смешивает повелительную фразу, об особенностях которой мы только что говорили, с изъявительной, затем личную фразу смешивает с безличной. Разница между *Прошу войти* и *Я прошу войти* не есть принципиальная, здесь речь идет о простой эмфазе во втором случае, но не были бы не правы и те, кто в первом случае говорили бы о «подразумеваемомся» я⁴; тогда как разница между безличным *Дует* и *Он дует*, или *Ветер дует*, или, в зависимости от ситуации, однословным, но не безличным *Дует* — есть разница глубоко принципиальная. Поэтому мы отказываемся признать односоставными предложения *Прошу войти*.

Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, III называет главным членом. Ввиду того, что есть такие виды двусоставных предложений, в которых оба состава не связаны (а, по Шахматову, подлежащее и сказуемое соотносительны, так что можно говорить о наличии подлежащего и сказуемого в предложении только в том случае, если они координированы грамматически, т. е. согласованы), их главные члены называются главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава; пример несогласованного предложения: *У меня есть деньги* или *В кошельке осталось пустяки*⁵ (§ 13).

Односоставные предложения, по большей части, определенно соответствуют или субъекту или предикату коммуникации, отсюда их классификация: I а) односоставные бессказуемо-подлежащие предложения (*На улицах кабаки, нечистота! Позор!*), б) односоставные сказуемо-подлежащие (*Умница, такая добрая, чистая!*), II вокативные односоставные предложения (*Мама!*), III а) безличные односоставные (*Оно вот так и вышло. Начинало светать*), б) безличные двучленные (*Молока и масла, всего есть*), IV осложнённые односоставные (*Не изволь и беспокоиться*), V неполные и дефектные односоставные (*Свечей побольше, фонарей!*). Эта классификация при внимательном изучении примеров, собранных Шахматовым в подавляющем количестве и разнесенных по мельчайшим рубрикам и подрубрикам, вызывает немало возражений.

⁴ См. тонкий анализ аналогичных фактов в статье Ch. Bally «*Copule zéro et faits connexes*» (*Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1922).

⁵ Мы были бы склонны видеть в последней фразе намечающийся сдвиг формальных значений в слове *пустяки* в сторону наречия.

Главнейшие из них мы уже указали: отсутствие различия разных типов коммуникации; подпадение автора, незаметно, м. б., для него самого, под влияние языка представлений (*Darstellungssprache*); отсутствие различия разных речевых установок (мы, напр., сомневаемся, чтобы в разговорном языке существовали «описательные односоставные предложения» вроде *Ночь. Тишина* и т. д., см. стр. 37 сл.), отсюда недостаточно осторожное пользование литературными примерами, рассчитанными по самой своей природе на эстетический эффект. Во многих случаях даёт себя знать неразработанность морфологии русского языка, как мы её понимаем, т. е. как системы дифференциальных знаков-морфем для выражения формальных значений; только тогда, напр., можно было бы с уверенностью определить разницу между *Прошу войти* и *Я прошу войти* и т. д. Но, быть может, главнейшим дефектом всего Синтаксиса является отсутствие различия «живых» и «непродуктивных» форм, этой, нам думается, важнейшей проблемы синхронии, без разрешения которой нельзя точно «делимитировать» самые формы и, конечно, нельзя определить их роль в системе языка. Поясним одним только примером. Явление безличности существует в русском языке не потому, что имеются в нём «безличные глаголы» вроде *смеркается*, которые иначе и не употребляются и принадлежат, стало быть, к словарю, а потому, что есть возможность путём того, что мы называем «сдвигом формальных значений», превратить личный оборот в безличный: из *Солнце сожгло траву* или из *Я не могу спать* сделать *Солнцем сожгло траву*, *Мне не спится*, благодаря чему и сами «безличные» глаголы приобретают свою грамматическую безличность. Безличность существует как задание. От синхрониста-лингвиста требуется определить цели, которым она служит, и способы её реализации. Но ничего подобного в Синтаксисе Шахматова мы не находим.

Интересно, хотя и вызывает на некоторые оговорки, мнение Шахматова, что односоставные предложения вроде *Мороз!* не являются «нарушенными», неполными и совершенно несоотносительны с *Был мороз* и с *Будет мороз*, в силу чего в них можно было бы утверждать наличие отрицательной связки. *Был мороз* двусоставно, а *Морозно*, так же как и *Было морозно*, — односоставны, ибо «наречие само соединяется с представлением о времени, о наличии признака в настоящем, между тем, для того чтобы существительное вызвало представление о наличии соответствующего представления в настоящем времени, требуется эмфаза» (§ 37).

Дальнейшая классификация идёт в следующем порядке: двусоставные несогласованные предложения (субстантивные, количественно-именные, инфинитивные, тождества); двусоставные согласованные предложения и т. д.

За исключением первых 30 страниц, представляющих В в о д н у ю часть, главные идеи которой мы попытались изложить здесь, всё остальное есть, в сущности говоря, тысячи примеров, разнесённых по рубрикам принятой Шахматовым классификации. В замечаниях, сопровождающих эти рубрики, рассыпано много глубоких и оригинальных мыслей как по психологии языка, так и по истории языковых явлений. Здесь мы не имеем, конечно, возможности дать обо всём этом богатстве даже и приблизительного представления. Анализ и критика отдельных частей книги Шахматова дело будущего. Мы же надеемся вернуться к Синтаксису русского языка по выходе второго выпуска, ограничиваясь пока разбором главнейших идей, положенных в основу этого огромного труда.

Прага. Январь 1926

«*Charles Bally. Le langage et la vie*». — Paris: Payot, 1926. — 237 p. Цена 20 фр.*

Проф. Ш. Балли печатает, к сожалению, очень мало. Но с тем большим нетерпением ожидаешь каждой его новой публикации. Вместе с тем, работы женеваго ученого, даже незначительные по размерам рецензии, всегда вводят в круг рассмотрения какой-нибудь глубоко принципиальный вопрос и проливают новый свет на важнейшие явления языка.

На этот раз Ш. Балли собрал ряд прежних, но заново переработанных публикаций и добавил к ним новый очерк, едва ли не наилучший в томе, «Механизм языковой выразительности». Одна из статей — «Преподавание родного языка и формирование мысли» — уже известна нашим читателям по нашему переводу в кн. 4-й журнала. Несмотря на разнообразие сюжетов, все статьи связаны единством и оригинальностью лингвистической концепции автора. Весь том, по заглавию первой и наиболее крупной статьи, назван *Язык и Жизнь*, и это название уже само говорит о том аспекте, в котором автор рассматривает явления языка.

Учение Дюркгейма наложило глубокий отпечаток на взгляды современных французских лингвистов, в том числе и на женевацев¹. Язык есть социальное установление, и лингвистика есть социологическая, а не биологическая дисциплина. Затем Ф. де Соссюр научил видеть в языке семиологическую (знаковую) систему, именно систему, а не простой набор, коллекцию знаков. Знаки эти условны: между хи-

* Впервые опубликовано: *Русская школа за рубежом*. 1927. № 24. С. 746—748.

¹ Прекрасное изложение взглядов представителей женеваго лингвистической школы дает Alb. Sechehaye в статье *Ecole genevoise de linguistique générale (Indogerman. Forschungen, 1927; вышла и отдельным изданием)*. См. также в *Časopis pro moderní filologii* этого года статью Dr. Truka.

мич. составом H₂O и звуковым комплексом *в-о-д-а* нет никакой внутренней связи, слово есть «этикетка», а не символ. Именно по этой причине никто из говорящих не властен над языковыми знаками, не может, напр., произвольно менять их значение. Значение их покоится на своего рода «общественном договоре», а проще сказать — на их принадлежности к целой знаковой системе.

Здесь вступает в силу новый принцип деления, установленный Ф. де Соссюром: нужно различать *речь* (*langage*), *язык* (*langue*) и *говoreние* (*parole*); — к сожалению, в русском языке нет подходящих терминов. — Для того, чтобы был язык, необходим дар речи, т. е. способность создавать *знаки*. Речь шире языка (звуки, жесты, мимика, сигналы, символы, художеств. средства и т. д. и т. д.). Язык «погружен в речь», это социально-организованная система знаков, использующая некоторые из тех речевых средств, которые предоставляет в наше распоряжение голосовой аппарат. Речь едина, но характер и количество ее средств неограниченны; напротив, звуковых знаков в каждом языке ограниченное количество, но самих языков неопределенно много. Кроме того, внутри, казалось бы, одного и того же языкового коллектива идет постоянный процесс дифференциации, наслаиваются и соседствуют различные планы. Разные социальные слои говорят по-разному, но, с другой стороны, один и тот же индивидуум в различные моменты деятельности переходит на разные речевые «установки»: речь письменная и устная, теоретическая и практическая, торжественная и вульгарная; канцелярская, газетная, митинговая, рекламная, язык молитвы и т. д. Оба сечения, как мы видим, перекрещиваются. И мы можем говорить о едином «языке» данного общества, поскольку, при данной речевой установке, два индивидуума из разных слоев должны выражаться тождественно и поскольку, переходя из одной социальной среды в другую, один и тот же индивидуум чувствует необходимость выражаться по-иному, ибо он вступает каждый раз в иной круг вещей и оценок. — Понятно, что в процессе говорения индивидуум неизбежно отклоняется от языковой «нормы», т. к. язык есть создание *всех* и призван служить *для всех*, а не для индивидуальных переживаний. Поскольку эти отклонения совпадают у разных индивидуумов, постольку, накапливаясь во времени, они смещают и «норму». Язык эволюционирует. Но каждый из нас, нормально, не намечает этих отклонений, и даже самая способность говорения покоится на твердом убеждении в неизменности и общеобязательности языка. Ведь дело в том, что в практической жизни (не в науке!) мы выражаемся приблизительно-

но. Обстановка, мимика, жесты, интонации, весь контекст и т. д. помогают пониманию и выступают как знаковые средства *речи*, восполняющие систему знаков языка.

В то время как Alb. Sechehaye посвятил себя, с одной стороны, общеметодологическим вопросам лингвистики, а с другой стороны — изучению интеллектуально-логического аспекта речи, Шарль Балли занялся рассмотрением аффективной и активной стороны языка. — Назначение речи служить средством общения, но дело идет, конечно, не о теоретических рассуждениях между двумя мыслителями, а о том общении, которое имеет место в живой жизни. Каждый из «собеседников» заинтересован в том, чтобы убедить другого, навязать ему свои чувства и мысли, заразить его своим настроением, подчинить его своей воле и это достигается, конечно, не путем построения цепи силлогизмов... В этой своей функции язык нелогичен, полон синонимов, в нашем говорении мы прибегаем к преувеличениям, искажениям истины, мы пристрастны, субъективны. И язык отражает на своей структуре эту свою функцию служить живой жизни. Но аффективный аспект речи не исчерпывается разрушением интеллектуально-логической структуры языка. Есть ряд «социализированных чувств», способы выражения которых зафиксированы, условны и входят в систему данного языка, напр., выражение социальных отношений, формулы вежливости и т. д. Ш. Балли основал новую лингвистическую дисциплину, названную им *стилистикой*, которая сравнивает интеллектуальные и аффективные элементы в языке и устанавливает, каковы те средства *выразительности*, которыми располагает данный язык в данный момент.

Рассмотрению, главным образом, тех проявлений речи, где язык выступает как выражение чувств и орудие действия, и посвящены различные статьи настоящего сборника. Мы живейшим образом рекомендуем нашим читателям познакомиться с книгой Шарля Балли. Каждый педагог, а не только словесник должен иметь углубленное представление о речи и ее функциях.

IV

ПРИЛОЖЕНИЕ

**МАТЕРИАЛЫ ЗАСЕДАНИЙ
МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ**

**Тезисы доклада С. И. Карцевского
на заседании 7 февраля 1918***

С. И. Карцевский делает краткое сообщение о спряжениях и видах русского глагола, предпосылая своему изложению краткое определение русского глагола, как грамматической категории. Весь доклад представляет из себя резюме некоторых глав работы докладчика, написанной на французском языке и озаглавленной «*Système du verbe russe*».

1) Грамматическая категория глагола и психологическая категория действия не покрывают друг друга: вторая шире, а главное, неопределеннее первой. Русский глагол выражает действие в его отношениях к категориям вида, времени, наклонения, залога, лица, числа и рода. Формацией, наиболее полно отражающей глагол, является Настоящее Время, тогда как Инфинитив отражает его наименее полно, выражая отношение действия только к категориям вида и залога. Между этими двух формаций [sic!] располагаются все другие глагольные образова-

---

* Три страницы без нумерации из архива С. Карцевского (фонд № 16, папка 15) в Институте русского языка РАН. Страницы представляют собой очень старую копию текста, отпечатанного на пишущей машинке. В правом верхнем углу карандашом приписано: «Къ протоколу 106». К этим страницам приложена записка, написанная от руки, автором которой, по всей вероятности, является П. Богатырев:

«В комиссию по истории филологически[х] наук при ОЛЯ АН СССР.

В связи с получением Комиссией научного архива С. И. Карцевского прошу принять и присоединить к прочим материалам сохранившуюся в моем личном архиве часть протокола МДК от 7.И.1918 г. с изложением обсуждения доклада С. И. Карцевского.

Член Комиссии (подпись)

21.1.1958 г.»

Знаком // отмечается конец страницы в оригинале. Орфография подлинника сохраняется.

ния: Прошедшее Время, Причастие, Деепричастие и т. д. Все они тяготеют друг к другу и объединены своей принадлежностью к глаголу, как к категории нашего грамматического мышления.

2) Спряжений в русск[ом] яз[ыке] *пять*, т. е. столько же, сколько типов образования Настоящ[его] Вр[емени]: I -аüt, II -еüt, III -уüt, IV -ат, V -ут. Привлекая в качестве одного из второстепенных критериев Инфинитив, русские глаголы могут быть распределены между следующими пятью классами: I -ать -ают; II -еть -еют; III -овать -уют; IV -ить -ат; -еть -ат (35 глаг[олов]); -ать -ат (25 глаг[олов]) V -нуть -нут (300 глаг[олов] перфективных и 60 имперфектив[ивных]); -ать -ут (100 глаг[олов]); -чь -ут (14 глаг[олов]); -ти -ут (31 глаг[ол]); изолированные глаголы: колоть, тереть, вить, мыть, петь и т. д. до 40. Наконец, Неправильные глаголы: быть, дать, есть. Характер ударения, а также характер фонетических изменений тематической согласной подтверждают правильность вышеизл[оженной] классификации: оба первых класса являются самыми продуктивными, поэтому ударение этих глаголов всегда постоянное, а тематич[еская] согласная не изменяется; пятый класс самый непродуктивный, и в то же время он наиболее подвержен, как фонетическим изменениям, так и большей «неправильности» ударения.

3) Видов в русск[ом] яз[ыке] два: перфективный и имперфективный, соответственно способности русской лингвистической мысли представлять себе действие либо «сведенным к точке во времени», либо «развернутым» во времени. Таким образом каждый глагол *парен*: один из членов пары перфективный, а другой имперфективный. Все глагольные пары сводятся к трем типам:

а) пара семантическая — делать : сделать. Первый глагол нам дан как имперф[ективный], нужно подыскать к нему соответствующий перф[ективный] глагол: наряду с простым «делать» имеется целый ряд префиксальных выделать, переделать, отделать и т. д.; «делать» ассоциируется с тем из них, который меньше всего отличается от него по значению: делать : сделать. Этот тип соответствует операции «сведения к точке». Бывает, что простой глагол не ассоциируется ни с каким префиксальным, тогда его отношение к виду остается неопределенным, напр[имер,] атаковать, ассоциироваться, казнить и т. д.; в разных контекстах глагол ассоциируется по-разному: рвать (цветы) : сорвать; рвать (зубы) : вырвать и т. д.

б) пара грамматическая — выделать : выдывать, соответствует операции «развертывания во времени»; она имеет свой особый грамматический инструмент суффиксацию, особую в каждом спряжении.

в) Пара словарная или лексикологическая — сказать : говорить; каждый из ее членов самостоятелен, и, смотря по тому, требуется ли нам «развернуть» или «свести к точке» действие, в основе пары будет лежать то перфектив[ивный] член, то имперфективный: сказать : говорить или говорить : сказать. Сюда же относятся и такие пары, как шептать : шепнуть : шептать, лишить : лишать : лишить, искать : найти, ловить : поймать и т. д.

В словообразовательном отношении важно отметить две основные тенденции глагола: а) простые глаголы имперфективны, б) перфективные глаголы сложные; обратная формулировка этих тенденций не верна. //

Conjugaisons

I	II	III	IV	V
-aju	-eju	-uju	-y	-y
-aj ^ш	-ej ^ш	-uj ^ш	-иш	-ош
-aj ^т	-ej ^т	-uj ^т	-ит	-от
-aj ^м	-ej ^м	-uj ^м	-им	-ом
-aj ^{те}	-ej ^{те}	-uj ^{те}	-ите	-оте
-aüt	-eüt	-yüt	-ат	-ут

- I ать -ают. . . . . читать -ают.
 II еть -еют. . . . . белеть-белеют.
 III овать-уют (евать-юют) . . . . . рисовать -уют; горевать -юют.
 IV -ить-ат (-ят). . . . . говорить -ят.
 -еть -ат (-ят) . . . . . гореть -ят. 35 глаг[олов]*
 -ать -ат . . . . . кричать -ат. 25 глаг[олов]*
 V -нуть -нут, 200 глаголов перфективных: шепнуть -нут.
 -нуть -нут, 20 глаг[олов] имперф[ективных]: гаснуть -ут.
 -ать -ут, 100 глаг[олов]: рвать -ут.
 -чь -ут, 15 глаг[олов]: печь -кут; беречь -гут.
 -ти -ут, 40 глаг[олов]: нести -ут.

* Прибавлено чернилами.

Изолированные глаголы, около 40: ковать*, тереть, колоть, вить, мыть и т. д.

НЕПРАВ[ильные] ГЛАГОЛЫ: быть, дать, есть.

Виды

- I. Couple sémantique: играть — разыграть, выиграть, проиграть, обыграть, поиграть, заиграть, сыграть.
- II. Couple grammatical: выиграть — выигрывать.
- III. Couple lexicologique: говорить — сказать / сказать — говорить.

Морфология видов

Для образования имперф[ективной] формации**.

Перфективные глаголы

- 1-го спряж[ения] вставляют перед характеристикой «а» неударяемый слог -^Ав- (ыв-), ударение переходит на предшествующий слог: р^Азыграть: разыгрыв^Ать — разыграть: разыгрывать.
- 2-го спряж[ения] после характер[истики] «е» вставляют ударяемый слог -ва-: сагреть: с^Агрывать — согреть: согревать.
- 3-го спряж[ения] как глаголы 1-го спряж[ения]; ударяемая гласная возвышается в «о»: подрисовать: подрисовывать.
- 4-го спряж[ения] частью как глаголы 1-го спряж[ения]: з^Аварить: завар^Авать — заварить: заваривать; частью просто заменяют характеристики 4-го спряж[ения] характеристиками 1-го спряж[ения] (всегда ударяемый): нарубить: нарубить. Некоторые глаголы пользуются обоими способами: приготовить: приготавливать и приготавливать. Ударяемая гласная не возвышается в «о».
- 5-го спряж[ения] польз[уются] разными вышеупом[янутыми] способами, но чаще всего просто пользуются суффиксом 1-го спряж[ения] -ать- ают: перегнать: перегонять, испечь: испекать...

//

* Этот глагол приписан карандашом.

** Это уточнение приписано карандашом.

Имперфект[ивные] дублеты (20 пар)

- I бегать -ают : бежать -гут
ходить -ят : ийти — идут
ездить -дят : ехать -дут
летать -ают : лететь -ят
носить -ят : нести -сут
ползать -ают : ползти -зут
возить -ят : везти -зут
таскать -ают : тащить -ат
гонять -яют : гнать — гонят и т. д.
- II слышать -ат : слушать -ают
видеть — видят : смотреть -ят и т. д.
- a) бегать : сбегать; ходить : сходить; гонять : сгонять и т. д.
- b) бежать : сбежать; лететь : слететь; тащить; согнать и т. д.
- c) сбежать : сбегать; согнать : сгонять; сплыть : сплывать и т. д.

Глаголы 1-ой серии (бегать) сочетаются только с префиксами с- (idée aller et revenir); по- (atténuatif); за- (редко, inchoatif): сбегать, побегать, забегать.

Глаголы 2-ой серии (бежать) в отношении префиксации ничем не отличаются от обыкновенных глаголов.— Отметим только, что преф[икс] по- придает им начальный оттенок: побегать; а преф[икс] за- смысл visiter en passant: забегать: забегать; зайти: заходить.

Основные видовые тенденции

- a) Простые глаголы имперфективны.
- b) Перфективные глаголы сложные.

Глагольное ударение

Ударение инфинитива определяет ударение всей парадигмы. Закон Boyer: Seuls les verbes accentuant la finale de l'infinitif peuvent déplacer l'accent, другими словами, только в глаголах, ударяющих в инфинит[иве]* последний слог, ударение может быть подвижным, в других случаях оно постоянно. Чтобы определить тип ударения, нужно сравнить ударение инфинитива и 3-го л[ица] мн[ожественного] числа, если

* «в инфинит[иве]» прибавлено карандашом.

оно падает на тот же слог, это постоянное ударение, если же нет, то это подвижное уд[арение]. Подвижное ударение бывает двух видов: а) в наст[оящем] вр[емени] уд[арение] переходит на предпосл[едний] слог, но первое лицо и императив сохраняют удар[ение] инфинитива; б) либо 1-ое л[ицо] и императив ударяют, как остальные формы наст[оящего] вр[емени]. Первый вид удар[ения] accent mobile: варить — варят; второй accent d'opposition: рисовать — рисуют.

I-ое и II-ое спряжения: все глаголы постоянного ударения.

III-ье спряжение]: все глаголы с ударением на конечн[ом] слоге типа Accent d'opposition: рисовать.

IV-ое спряжение]: Accent fixe et accent mobile распределяются поровну.

V-ое спряжение]: кроме accent fixe et accent mobile встречается среди односложных глаголов accent désinenciel: пек, пекла, пекло, пекли и т. д.

**Протокол 106-го заседания
в среду 7 февраля 1918 г. в канцелярии Исторического Музея ***

Присутствовали: Д. Н. Ушаков, И. М. Тарабрин, Н. Н. Дурново, М. И. Карнеева, П. Г. Богатырёв, М. Н. Петерсон, И. Г. Голанов, С. И. Карцевский, Н. Н. Соколов, Р. И. Якобсон, П. П. Свешников, А. А. Буслаев, Г. И. Винокур, Ф. Н. Афремов и И. Л. Кан.

Текущие дела:

Избран единогласно в члены Комиссии П. А. Расторгуев.

Доклад Карцевского — «Система русского глагола». Содержание прилагается к протоколу.

В обсуждении доклада принимали участие: Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Р. И. Якобсон, М. Н. Петерсон, Ф. Н. Афремов, Н. Н. Соколов, М. И. Карнеева и А. А. Буслаев.

Д. Н. Ушаков выразил большое удовольствие по поводу очень интересного доклада С. И. Карцевского. Этот — опыт истинно лингвистического изучения морфологии русского яз[ыка], хотя это изучение касается одного только этапа в жизни рус[ского] яз[ыка] и потому является, по выражению Ушакова, статическим, которому он противопоставлял изучение историческое, т. е. изучение взаимной связи различных этапов. Продуктивность исторического изучения находится в прямой зависимости от глубины статического освещения каждой эпохи. В лингвистическом изучении рус[ского] яз[ыка] представлено главным образом историческое изучение. Статическое изучение сделало уже кое-какие успехи в области фонетики (мы уже не изучаем букв). В области морфологии опыт С. И. Карц[евско]го, если не безусловно первый, то один из первых. Подразумеваются некоторые попытки Богородицкого и кое-какие учебники для иностранцев, написанные в последнее время. Здесь, с одной стороны, мы встречаемся с отсутствием традиции и рутины, а с другой — практическое направление их часто вредит этим хорошим сторонам.

* Печатается по рукописи из архива Института русского языка РАН «Материалы Московского лингвистического кружка» (фонд № 20, папка 2, л. 10—11, формат 37 × 22 см).

С. И. Карц[евски]й подчеркивает трудность такого статического изучения, которое предполагает в изучающем знание и истории, чтобы не отклониться в историческое изучение вопроса.

М. Н. Петерсон замечает, что префикс служит не только для внесения в глагол нового реального значения, но и служит для образования видовых оттенков значения, именно, когда сохраняется связь с простым глаголом: без такой пары не может явиться видového значения префикса.// По мнению Петерсона, не следует идти дальше названий видов у Ф. Ф. Фортунатова «неопределённый» и «определённый», т. к. дальше уже начинается область лексического значения приставок.

По мнению Н. Н. Соколова виды определённый и неопределённый фигурируют уже в работах Востокова и Повского в том смысле, какой хочет придать им М. Н. Петерсон.

М. Н. Петерсон. В чем различие у Карцевского с Мазоном (Mazon)?

С. И. Карц[евски]й. Mazon рассматривает морфологию рус. глагола исторически (в его «Morphologie»). А употребление форм он рассматривает отдельно (Emploi). И в этом его главная методологическая ошибка. Затем, многие образования, которые Mazon считает видовыми, по мнению Карц[евско]го не видовые, напр. образ. на -ыва-ть «кратные» (itératif у Mazon).

Н. Н. Соколов выражает удовлетв[орение] по поводу того, что образования на -ыва-ть Карцевский не считает кратными, причем ссылается на немецкую литературу по поводу русских видов (н[а]пр[имер], Verneker, Böhme и др.).

С. И. Карц[евски]й заявляет, что немецкая литература по этому вопросу ему неизвестна, но что в предлагаемых названиях он не видит нужды.

Ф. Н. Афремов замечает, что из пары «кричать — крикнуть» ему представляется более первоначальным «кричать», причем основанием этого для него являются такие образования, как «игрануть» и т. п.

Н. Н. Дурново присоединяется к замечанию Афремова: принимать обратное положение значит сходить со статической точки зрения на историческую.

Р. И. Якобсон приводит в качестве примера современного словопроизводства глагол «спекулировать», который является психологической основой для производства нового видového оттенка в глаголе «спекульнуть».

Суффикс -ир- распространяется и на русские образования: брон-ир-овать.

По мнению Р. И. Якобсона, категория «викжелать — викжелю» — неприемлемо для его личного языкового сознания — указание на нежизненность V-й категории Карц[евско]го.

Р. И. Якобсон устанавливает две отдельные пары в языковом мышлении: читать — читывать и прочитав — прочитывать. Это видно из того, что в литер[атурном] яз[ыке], неохотно пользуемся от глаголов на задненебный такими образованиями как «талкивать», очень обычной формы в роде «проталкивать» и т. п.

Ф. Н. Афремову образования на -ывать, -ивать кажутся возможными не только в прош[едшем] врем[ени]. Возможен видовой оттенок значения и в отглагольных сущ[ествительны]х, н[а]пр[имер], взятие и взимание и др.

С. И. Карц[евски]й. Возможны отдельные случаи на -ываю, -иваю, не составляющие категории. Отглагольные сущ[ествительны]е частью не имеют характер категории, а частью — относятся уже к словарю.

М. Н. Петерсон. С грамматической точки зрения следовало бы говорить о сведенном и развернутом, а не о сводимом к точке и развертываемом.

С. И. Карц[евски]й. Согласен, что здесь приходится несколько выходить за пределы грамматики.//

М. И. Карнеева. Возможно ли исключительно статическое рассмотрение языка какой-либо эпохи? Лично ей оно представляется возможным только по отношению к мертвой эпохе: живой язык не уложить в рамки современности.

С. И. Карц[евски]й стоит за безусловную возможность такого рассмотрения.

Д. Н. Ушаков для большей приемлемости этого положения предлагает разделить все изучение языка какой-либо эпохи на две рубрики: материал, который будет изучаться исключительно в статическом состоянии, и объяснения, в которые могут войти все исторические домыслы или кажущиеся таковыми.

Н. Соколов
С. Карцевский
П. Богатырев

Н. Соколов
С. Карцевский
П. Богатырев

Д. Ушаков
Р. Якобсон
П. Свешников
А. Буслаев
М. Петерсон
Ф. Афремов
В. Городецкий
П. Расторгуев

Д. Ушаков
Р. Якобсон
П. Свешников
А. Буслаев
М. Петерсон
Ф. Афремов
В. Городецкий
П. Расторгуев И. Голанов

Протокол 112-го заседания

17 мая 1918 г. в канцелярии Исторического Музея*

Присутствовали: Д. Н. Ушаков, С. И. Карцевский, М. Н. Петерсон, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, И. Г. Голанов, И. М. Тарабрин, П. А. Рас-торгуев, А. М. Пешковский, Р. И. Якобсон, А. А. Буслаев, Г. И. Винокур, И. Л. Кан, М. И. Карнеева, В. А. Незнамов, М-г Beaulieu и М-г Mazon.

Заседание было посвящено глагольной беседе по поводу доклада С. И. Карцевского в 106 заседании Комиссии (7 февраля 1918 г.).

С. И. Карцевский повторил вкратце главные пункты своего доклада.

Н. Н. Дурново высказывается против смещения в системе Карцевского глагольных форм личных и неличных. Есть существенная разница в синтаксическом употреблении тех и других. Только личному глаголу присущи формы сказуемости. Глагол в тесном смысле нужно выделять как спрягаемые слова, между тем как т[а]к наз[ываемые] глагольные слова не всегда являются глаголами (сидение, горячий, ход, поездка и др[угие]). По Овсяннико-Куликовскому глагол, как часть речи, обнимает глагол в тесном смысле вместе с инфинитивом, а причастие противопоставляется ему, как особая часть речи. И то, и другое неверно.

Далее, Н. Н. Дурново подчёркивает статическую точку зрения на глагол, особенно последовательно проведённую у С. И. Карцевского, в противоположность историческому изучению глагола. Он отмечает, что это встречается очень редко в работах, написанных до сих пор. Так, не особенно последователен в этом отношении А. Лескин в своём взгляде на старослав[янский] яз[ык]. В последнее время обе эти точки зрения строго различены в труде А. А. Шахматова «Очерк русского литературного языка» (литогр[афия] лекции).

Переходя к делению на классы у С. И. Карцевского, Н. Н. Дурново отмечает постоянство исходного пункта у С. И. К[арцевско]го — осно-

ва настоящего времени. Но тогда, по его мнению, следует различать лишь 3 класса. Нетематическое или «неправильное» по Карц[евско]му (термин не подходящий) спряжение устанавливается только по отношению к глаголам: быть, дать, есть. // В тематическом же спряжении различаются 1) глаголы с ударением на основе (= I, II, III кл[ассы] Карц[евско]го), 2) глаголы с ударением на окончании (= V кл[асс] Карц[евско]го) и 3) глаголы обычного 2го спряж[ения] (= 4 кл[асс] Карц[евско]го).

В области видов Н. Н. Дурново подчеркнул трудность определения совершенного (перфективного) и несовершенного (имперфективного) видов. Фортунатов в последней своей работе (Отчёт А[кадемии] Н[аук] по поводу занятий видами и разбора Кн[иги] Agrell'a, 1910) решил заменить эти термины названиями определённый и неопределённый виды. Кроме этих двух основных желательнo также привлечь и ещё пару — кратный и некратный виды, — хотя здесь различия чисто словообразовательные.

М-г Mazon. Деление на классы по Лескину не совсем удачно, но приходится им пользоваться за неимением лучшего. Три первые класса — наиболее живые по Карцевскому — имеют все одинаковые окончания; разница между ними только в суффиксах. Следовательно, их можно соединить в один класс. Что касается неживых образований IV и V классы по Карц[евско]му, то к V кл[ассу] нельзя относить одновременно типы пиш[у] — пиш[е]шь и сос[у] — сос[е]шь. Тип сос[у] — сос[е]шь следует отнести к I кл[ассу]. В результате м-г Mazon'ом предлагается почти такая же схема разделения на 3 класса, как у Н. Н. Дурново, а именно: к 1 классу относятся I—III кл[ассы] Карц[евско]го с глаголами типа пиш[у] — пиш[е]шь, м[о]ю — м[о]ешь, кол[ю] — кол[е]шь и г[ас]ну — г[ас]нешь; к 2 кл[ассу] относится V кл[асс] Карц[евско]го и к 3 кл[ассу] относятся глаголы IV кл[асса] Карц[евско]го с 2 типами ударения.

Н. Н. Дурново замечает, что признак образования наст[оящего] времени с *j* уже не сознаётся сейчас в русских глаголах пиш[у] — пиш[е]шь. Поэтому лучше этот тип относить не сюда.

А. М. Пешковский. При общем определении глагола важно предварительно себе задать вопрос, определяем ли мы глагол, как известный разряд слов, или как известную форму, часть речи, т. е. ищем ли мы классификацию по спряжениям, или по классам. Термин «спряжение» нужно исключить, т[а]к к[а]к всё это классы. В латинском и русском глаголе П[ешковский]й находит одно спряжение, а в греч[еском] — два спряжения в смысле различия личных суффиксов. В делении по клас-

* Печатается по рукописи из архива Института русского языка РАН «Материалы Московского лингвистического кружка» (фонд №20, папка 2, л. 12—13, формат 37×22 см).

сам нужно принимать во внимание, как делает С. И. Карцевский, соотношение инфинитива с наст[оящим] вр[еменем]. Глаголы на **-нуть**, по мнению П[ешковско]го относятся к V кл[ассу] Карцевско]го. Что касается т[а]к наз[ываемой] «лингвистической пыли» Карцевско]го, то, по мнению П[ешковско]го, она должна остаться вне разряда. Удачна такая классификация Карцевско]го с семасиологической стороны. Н[а]пр[имер,] глаголы на **-аю** отличаются от глаголов на **-ею** с значением «делаться, становиться каким-л[ибо]». Деление на «спряжения» не стоит в связи с семасиологией, а деление на классы по необходимости должно считаться с семасиологическими различиями.

Относительно видов Карцевско]го А. М. Пешковский говорит, что должна быть принята во внимание разница глаголов с чередованием и без чередования гласных, н[а]пр[имер,] несущу: ношу. // Кроме того Пешковский считает нужным заметить, что глагола «быть» в совр[еменном] рус[ском] яз[ыке] нет.

С. И. Карцевский, отвечая А. М. Пешковскому, говорит, что несущу — ношу являются т[а]к наз[ываемыми] дублетами, которых он насчитывает в рус[ском] яз[ыке] до 20 пар, в роде: ползти — ползать, слушать — слышать, бегать — бежать и т. д.

Что касается образования видов, то сложение с префиксами играет важную роль в образовании видовых пар, н[а]пр[имер,] сложение с префиксом с глаголам 1 группы придаёт значение движения туда и обратно (сбегать), а глаголам 2 группы — движения вниз.

Р. И. Яковсон поделился своими наблюдениями над неологизмами у писателей в области глагольных образований. Оказывается, большинство их относится к IV кл[ассу] Карцевско]го, особенно часто образуются глаголы со значением пребывания в каком-либо состоянии, а глаголы переходные все сплошь образуются по IV кл[ассу]; по II кл[ассу] образуются глаголы, обозначающие переход в какое-либо состояние (умереть); по I, III и V кл[ассам] неологизмов нет, если не касаться образований с префиксами, да не принимать во внимание образований с суф[фиксом] -ир- III кл[асса] (-ировать).

М. Н. Петерсон, возражая Пешковскому, утверждает, что в рус[ском] яз[ыке] можно признать два спряжения, если выделять для 1го суффикс **-еш**, а для 2го **-иш**.

С. И. Карцевский, дополняя мысль Петерсона, считает нужным прибавить ещё одно спряжение с суф[фиксом] **-ош**. Но если выделять **-аиш**, **-еиш**, **-ош**, **-иш**, то получится больше спряжений. Однако следует строить классификации на соотношении инфинитива с наст[оящим]

вр[еменем]. Поэтому для него неприемлемо соединение в одну группу глаголов читать и мыть. Если и можно согласно с т-г Мазон'ом объединить I, II и III классы, то по суффиксам они всё-таки подразделяются на 3 подгруппы. По мнению Дурново, не существенно для русского самосознания задаваться вопросом о первоначальности и производности какого-либо из парных глаголов (вЫиграть — вЫигрывать). Но Карцевский думает, что это как раз важно именно потому, что это парные образования.

Н. Н. Соколов отмечает также наибольшую продуктивность глаголов IV кл[асса] в детском языке.

Вероятно, имеет значение при классификации подразделение глаголов на мягкие и твёрдые основы в наст[оящем] врем[ени].

М. И. Карнеева отдаёт должное цельности схемы Карцевско]го, обозначающей глагол в его действительной жизни.

С. И. Карцевский находит замечания оппонентов очень ценными, но, к сожалению, не могущими переубедить его.

Д. Н. Ушаков, резюмируя прения по докладу Карцевско]го, говорит, что в конце концов приходится прийти к заключению, что замечания оппонентов не // разрушили схемы Карцевского: слишком много в ней жизненного элемента, что отмечено и самими оппонентами. Многие из их замечаний сами являются непрочными, н[а]пр[имер,] связь с семасиологией, как принцип классификации, или признание за личные суффиксы у разных лиц различных элементов (то **-иш**, **-ош**, то **-аиш**, **-еиш** и др.) и т. д.

Д. Ушаков
И. Голанов
М. Петерсон
Р. Яковсон
А. Буслаев
Юрий Соколов
П. Богатырев

Д. Ушаков
И. Голанов
М. Петерсон
Р. Яковсон
А. Буслаев
Юрий Соколов
П. Богатырев

СПИСОК РАБОТ С. И. КАРЦЕВСКОГО *

І. Книги и статьи

1. Русский язык и революция // Общее дело. Париж, 1921. 8 февраля.
2. Халтура // Последние новости. Париж, 1922. 3 февраля.
3. Язык, война и революция // Современные записки. Париж, 1922. 72 с.
- 3а. То же. 2-е изд., испр. и доп. Берлин, 1923.
4. Classification naturelle des verbes russes [Естественная классификация русских глаголов] // *Slavia*. V. I. T. 2/3. Прага, 1922.
5. Mécanisme des aspects des verbes russes [Функционирование видов русских глаголов] // *Slavia*. V. I. T. 4. Прага, 1923.
6. Новая орфография // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. № 1.
7. Родной язык и школа // Русская школа за рубежом. 1923. № 5—6. С. 112—118.
8. Родной язык в школе первой ступени // Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1924. № 6.
9. Воспоминания детей-беженцев из России / Обработано и составлено С. И. Карцевским // Серия изд. Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Прага, 1924. № 3. 28 с.
10. О формально-грамматическом направлении // Русская школа за рубежом. 1925. № 12.
11. Русский язык. Ч. 1. Грамматика. Прага, 1925. 125 с.
12. Национализм в школе: (Освещение событий 14—18 гг. в школе разных государств) // Русская школа за рубежом. 1923. № 5—6. С. 3—26.
13. Système du verbe russe: Essai de linguistique synchronique [Система русского глагола: Опыт синхронной лингвистики]. Прага, 1927. 167 с.
14. Повторительный курс русского языка. М., 1928. 112 с.
15. Толстой—классический писатель // Русская школа за рубежом. 1928. № 29—30. С. 1—24.
16. Slavistik in der Schweiz [Славистика в Швейцарии] // *Slavische Rundschau*. I. Prag, 1923.
17. Le Problème de la vérité et du mensonge chez Tolstoï [Проблема правды и лжи у Толстого] // *Monde slave*. Paris: Alcan, 1928. 40 p.
18. Du dualisme asymétrique du signe linguistique [Об асимметрической двойственности лингвистического знака] // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. 1929. V. I. P. 88—93.
19. Ответ С. Карцевского на 3-й вопрос, поставленный в рамках II Международного конгресса лингвистов: «Les systèmes phonologiques envisagés en eux-mêmes

* Библиография составлена Р. И. Якобсоном (опубликована в: *Cahiers Ferdinand de Saussure*. V. XIV. Genève, 1956) и дополнена составителем.

et dans leurs rapports avec la structure générale de la langue» [«Фонологические системы сами по себе и в их связи с общей структурой языка»] // Actes du 2e Congrès international des linguistes. Genève 25—29 août 1931. P., 1933. P. 114—116.

20. L'intonation de la phrase [Интонация фразы]: Доклад на II Международном конгрессе лингвистов // Actes du 2e Congrès... P. 166.

21. Sur la phonologie de la phrase [О фонологии фразы] // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1931. V. IV. P. 188—227.

22. De la structure du substantif russe [О структуре русского существительного] // Charisteria Gvilelmo Mathesio quinqvagenario a discipulis. Прага, 1932. С. 65—73.

23. Autour d'un problème de morphologie [По поводу одного вопроса морфологии] // Annales Academiae scientiarum Fennicae. Ser. B. T. XXVII. Хельсинки, 1932. С. 84—91.

24. Sur la nature de l'adverbe [О природе наречия] // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1936. V. VI. P. 107—111.

25. Phrase et proposition [Фраза и предложение] // Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance. P., 1937. P. 58—66.

26. Sur la rationalisation de l'orthographe russe [О рационализации русской орфографии] // Beličev zbornik. Beograd, 1937. P. 31—38.

27. Remarques sur la psychologie des aspects en russe [Заметки о психологии видов в русском языке] // Mélanges Charles Bally. Genève, 1939. P. 231—248.

28. Deux propositions dans une même phrase: Résumé [Два предложения в одной и той же фразе: Резюме] // Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague. 1939—1940. V. VI. P. 6—8.

29. Introduction à l'étude de l'interjection [Введение в изучение междометий] // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. I. Genève, 1941. P. 57—75.

30. Remarques sur la phonologie du russe [Замечания о фонологии русского языка] // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. III. Genève, 1943. P. 7—13.

31. Leçons de russe (textes avec vocabulaire) [Уроки русского языка (тексты и словарь)] // Publications de l'École d'interprètes. Genève, 1947.

32. Notes de morphologie russe [Заметки по русской морфологии] // Publications de l'École d'interprètes. Genève, 1947. 2e éd. revue: 1948.

33. Sur la parataxe et la syntaxe en russe [О паратаксе и синтаксисе русского языка] // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1948. V. VII. P. 33—38.

34. Deux propositions dans une seule phrase [Два предложения в одной фразе] // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. XIV. Genève, 1956. P. 36—52.

35. L'idée du procès dans la langue russe [Идея процесса в русском языке] // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. XIV. Genève, 1956. P. 25—35.

II. Рецензии

1. Р. Яковсон. О чешском стихе // Воля России. II. Прага, 1923.
2. По поводу двух книг (В. Шкловский: Ход коня; Литература и кинематограф) // Воля России. II. Прага, 1923.
3. А. Пешковский. Наш язык. I // Русская школа за рубежом. 1923. № 1.

4. Дормидонтов. Русская грамматика; Синтаксис русского языка // Русская школа за рубежом. 1923. № 2—3.

5. Русский язык в школе // Русская школа за рубежом. 1923. № 5—6.

6. В. Гиппиус. Синтаксис современного русского языка // Русская школа за рубежом. 1923. № 5—6.

7. Гусев и Сидоров. Синтаксис русского языка // Русская школа за рубежом. 1924. № 7.

8. Е. Сван. Элементарно-практическая грамматика русского языка // Русская школа за рубежом. 1924. № 9.

9. Н. Дурново. Грамматический словарь // Русская школа за рубежом. 1924. № 10—11.

10. Рыбникова. Изучение родного языка // Русская школа за рубежом. 1925. № 13—14.

11. Вопросы школьной жизни — Педагогический журнал // Русская школа за рубежом. 1925. № 13—14.

12. А. Пешковский. Сборник статей // Русская школа за рубежом. 1925. № 15—16.

13. Г. Винокур. Культура языка // Русская школа за рубежом. 1927. № 17.

14. М. Петерсон. Русский язык // Русская школа за рубежом. 1926. № 18.

15. А. Пешковский. Наш язык. Ч. I—III // Русская школа за рубежом. 1927. № 24.

16. Ch. Bally. Le langage et la vie // Русская школа за рубежом. 1927. № 24.

17. Еще к вопросу об учебниках А. Пешковского // Родной язык и литература в трудовой школе. М., 1928. № 1.

18. А. Шахматов. Синтаксис русского языка // Slavia. Прага, 1927.

19. А. Baeklund. Die univierbierenden Verkürzungen der heutigen russischen Sprache // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. I. Genève, 1941.

20. А. Mazon. Grammaire de la langue russe // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. III. Genève, 1943.

21. E. Pauliny. Štruktura slovenského slovesa // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. III. Genève, 1943.

III. Рассказы

1. Ямкарка // Сборник товарищества «Знание». Т. XXXI. СПб., 1910. С. 1—61.
2. Колька // Новое слово. СПб., 1911. № 11. С. 24—35. (Рассказ, отмеченный премией на II Всероссийском литературном конкурсе газеты «Биржевые Ведомости»).

IV. Dubia

1. Н. Борнос. Справочник по новому русскому правописанию // Русская школа за рубежом. 1925. № 13—14. С. 172—173. (Подпись: S. K.).
2. Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и нижней русской школы за границей. № 7 // Русская школа за рубежом. 1925. № 13—14. С. 165—166. (Подпись: S. K.).

Сергей Иосифович Карцевский

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Н. Григорян

Оригинал-макет подготовлен А. С. Касьяном

Подписано в печать 20.14.2000. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. изд. л. 27,735. Заказ № 154 Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy b-p, 17, str. 3, k. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

